

РУССКАА
ПОВЕСТЬ
XVII ВЕКА

РУССКАА
ПОВЕСТЬ
XVII ВЕКА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1954**

**РУССКАЯ
ПОВЕСТЬ**

**XVIII
ВЕКА**

Составитель М. О. Скрипиль

Редактор И. П. Еремин

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Буржуазная историко-литературная наука не видела высоких идейно-художественных достоинств повествовательных произведений древней Руси, хотя и в дореволюционное время научная мысль нередко обращалась к изучению древнерусской повести. За время, начиная от Карамзина и Полевого и кончая первыми десятилетиями XX века, было открыто, научно описано и частично опубликовано довольно значительное число древнерусских оригинальных и переводных повестей. Было положено начало к изучению их в работах С. Шевырева, Ф. Буслаева, А. Пыпина Н. Тихонравова, В. Сиповского, В. Истрина и др. Но ученые этого времени сосредоточивали свое внимание главным образом на традиционных элементах повести и на чертах заимствования в ней. В частности, усиленно отмечался ее будто бы клерикальный характер. Правда, некоторые исследователи указывали на черты быта и живой действительности в ней и на ее связи с устным народным творчеством. Но это были только исключения. Своеобразие и самобытность древнерусской повести, ее высокие идейные и художественные достоинства не были раскрыты и не были в должной мере оценены. Таким образом, в дореволюционной науке о древнерусской повести далеко не все одинаковой ценности, и в советском литературоведении с первых лет его развития начинается пересмотр и итогов изучения повести в дореволюционные годы и самих методов этого изучения.

Для советского литературоведения характерно прежде всего резкое изменение самого отношения к жанру повести древней Руси. Теперь ясно осознается его место в литературном процессе русского средневековья, подчеркивается его значение в изучении идейных изменений, развитии стилей и литературного языка древнерусской литературы.

Впервые с особой прямолинейностью новое отношение к жанру переводной и оригинальной повести выразил Н. К. Пиксанов в своей

книге „Старорусская повесть“. В этой книге, характеризуя общее состояние изучения литературы древней Руси к двадцатым годам текущего века, Н. К. Пиксанов бросает следующий упрек литературоведам — специалистам в области древней русской литературы: „Исследователи отдают слишком много труда и внимания произведениям нелитературным и облагают поэтические произведения... В частности, старая повесть, жанр истинно литературный, изучалась гораздо меньше, чем памятники богословские, исторические, юридические, а если изучалась, то чаще всего не так, как бы следовало: все теми же методами, что и Домострой или Максим Грек. Пренебрежение к повестям искажило всю историко-литературную схему, всю конфигурацию истории старой литературы и в последнем счете привело к искаженному пониманию всей старой духовной культуры“.¹

Но для советского литературоведения характерно не только изменение отношения к жанру древнерусской повести и подчеркивание его значения в общем литературном процессе древней Руси. Еще более показательным для советского литературоведения является выдвижение новой проблематики изучения старорусской повести и стремление при этом изучении выдержать целостную и последовательную концепцию ее возникновения и развития, концепцию, опирающуюся на марксистско-ленинскую методологию.

Советские ученые с одинаково пристальным вниманием отнеслись к различным видам древнерусской повести, оригинальной и переводной. Кроме книги Н. К. Пиксанова, определенное значение в развитии науки о старорусской повести сыграли библиография ее, составленная В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, и разделы, посвященные повести в общем курсе истории древнерусской литературы Н. К. Гудзия, который впервые ввел в университетский курс ряд новых древнерусских повестей. В исследованиях ряда ученых (А. С. Орлова, М. Н. Сперанского, В. Ф. Ржиги, В. П. Адриановой-Перетц, А. А. Назаревского, И. П. Еремина, А. Д. Седельникова, Л. Т. Белецкого и др.) были заново пересмотрены наиболее важные вопросы изучения крупнейших переводных и оригинальных повестей. Впервые в монографических исследованиях и специальных статьях рассмотрены отдельные виды повестей: историко-бытовые повести XV—XVII веков, сатирические повести XVII века, сказочно-исторические повести XVII века и проч.

Изучение древнерусской повести находится в настоящее время уже на таком уровне, который позволяет сделать как ее тексты, так и итоги ее изучения достоянием широких кругов советского культурного читателя. Это и является целью книги „Русская повесть XVII века“. В ней даются тексты лучших оригинальных повестей XVII века, литературные переводы тех из них, тексты которых могут оказаться трудными для

---

¹ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. ГИЗ, 1923, стр. 38—39.

понимания, вводные статьи к каждой повести и, по мере необходимости, комментарии (главным образом исторические) к каждой из них. „Повесть о Горе-Злочастии“ и „Повесть о Фроле Скобееве“ печатаются без переводов.

Подготовка текста „Новой повести о преславном Российском царстве“, статья к ней и примечания — Н. И. Тотубалина. Подготовка текстов повестей о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского, об Улянии Осорьбиной, о Марфе и Марии, о начале царствующего града Москвы, о Савве Грудцыне, о Горе-Злочастии, об Отроче монастыре, о купце, статьи к ним и примечания — М. О. Скрипиля; подготовка текста повести об Азовском осадном сидении, статья к ней и примечания — В. В. Митрофановой; подготовка текстов повестей о Ерше Ершовиче, о Шемякинском суде, Калязинской челобитной, о Карпе Сутулове, о Фроле Скобееве, статьи к ним и примечания, а также послесловие И. П. Лапицкого. Переводы повестей Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой.

**РУССКИЕ
ПОВЕСТИ**

XVII

ВЕКА

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

*и великом государстве Московском, и о страдании новаго страсто-
терпца святейшаго кир Ермогена¹ патрiарха всеа Руси, и о посланных
наших, преосвященнаго Филарета² митрополита ростовскаго и боля-
рина князя Василя Голицына³ с товарищи, и о крепком стоянии града
Смоленска⁴, и о новых изменниках и мучителей и гонителей и разори-
телей и губителей веры христiянские Федки Ондронова⁵ с товарищи*

Преименитаго великого государства, матере гра-
довом Росийскаго царства православным хри-
стияном, всяких чинов людем, которые еще душ
своих от бога не отщетили, и от православные
веры не отступили, и верою прелести не по-
следуют и держатся благочестия, и к соперни-
ком своим не прилепилися, и во отпадшую их не уклонилися,
и паки хотят за православную свою веру стояти до крове. Бога
ради, государи, моляще его, всемилостиваго бога, и пречи-
стую его матерь, заступницу нашу и молебницу и помощницу
всему роду нашему християньскому, и великих чудотвор-
цов, иже у нас в Троице преименитых, и всех святых, —
не нерадите о себе! Вооружимся на общих сопостат наших
и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру
и за святыя божия церкви и за свои души и за свое оте-
чество и за достояние, еже нам господь дал, и изберем

славную смерть: аще и будет нам, то и по смерти обрящем царство небесное и вечное, нежели зде безчестное и позорное и горкое житие под руками враг своих.

Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленску, его же стояние к западу, — како в нем наша же братия православныя христиане сидят и великую всякую скорбь и тесноту терпят, и стоят крепче за православную веру и за святыя божия церкви и за свои души и за всех за нас, а общему нашему сопостату и врагу королю не покорятся⁶ и не здадутся. Сами ведаете, с коего времени сидят! И всякое великое утеснение терпят, и ни на которую меру не поползнутся и никакову их вражью прелесть и на обещание не прельстятся, что им обещевает и сам наш сопостат, и вси стоят единомышленно и непреклонно и неподвижно умом и душею на их прелестное ложное обещание, и душъ своих не потопят и во веки ими погибнути не хотят, а хотят славно умерети, нежели безчестно и горко жити. И какво мужество показали и какову славу и похвалу учинили во все наше Росийское государство! да не токмо в нашу во всю пресловущую землю, но и во иншия орды, в Литовскую и Польскую, и во иные многие: чаять, и до Рима, или будет и дале, паки же ту славу и хвалу пустили, яко же и у нас. Да и самого того короля, лютаго врага сопостата нашего, и его способников, таких же безбожников, яко же он, которыя с ним тамо подо оным градом стоят и град тый, аки злыя волки похитити хотят и которые у нас зде в великом нашем граде живут и на сердца наших стоят и, аки лютыя лвы, всегда поглатити нас хотят, еще удивили и ужасали; и сотворитель нас всех еще и до самого их злокозненнаго и злоестественнаго сердца им досадил, понеже у них многих доброхотных их, а наших врагов, перерубили и перегубили и позорныя смерти многим давали, да и ныне божиею помощию всегда их врагов губят и зелне им грубят. Чаем, яко и малым детям, слышавше, дивитися той их граждан храбрости и крепости и великодушию и непреклонному уму. Аще будет их до конца бог тако укрепит, яко же ныне, и учинят таковое свое крепкое стояние и великое скорбное терпение за православную веру

за святых божия церкви и за себя и за всех за нас, и усидят, и тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата, по коих мест сам господь вестъ и неизреченными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государству и избавит нас всех от толиких неудобносимых бед и измет нас из рук тех врагов наших, аки агнецов из уст волчиных, — тогда кто готов будет изрещи ту их доблесть и крепость? Тогда и паки достоин дерзостно рещи, что такоже не в свою едину землю, но и во инья многия орды, до Царя-града и до Рима и до Иерусалима, и к самому востоку же и западу, к северу и югу славе той проити: во оном царстве сам той град спасеся и иных спасе и сопостата и врага короля попра и прогна и все свое великое государство удержа. Аще бы таких крепкостоятельных и поборательных по вере градов в Росийском государстве хотя и немного было, не токмо что все, никако же бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю вход, но отнюд, просто рещи, и повадно.

Подобает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея великия Росия, — вначале от подражателя и сопрестолника святых святейших вселеньских патриарх, от первенца и главы церковных всея Руси, пастыря нашего и учителя и отцем отца и святителя, неложнаго стоятеля и крепкаго побарателя по вере христианстей; потом от благородных и великих самех земледержцов наших и правителей, ныне же, близ рещи, и кривителей, и не о том днешь слово, иже впредь узрите; таже и от всех людей всяких чинов, — под онный град Смоленск к тому сопостату нашему и врагу королю⁷ на добрейшее дело, на мирное совещание и на лутшее уложение: чтобы от того гнилаго и нетвердаго, горкаго и криваго корени и древа и в застени стоящего, — на него же, мною, праведному солнцу мало сияти и совершенней благодати от него бывати, и аще будет по строю своему вмале на него и призирает, но искоренения его ожидает, — токмо за величества рода хотящую нама ветвь от него отвратити, и водою и духом совершенно освятится, и на высоком и преславном месте посадити, иже

всех мест превыше и славнее своим изрядством во всей поднебесней вышняго волением. И рости бо той ветви и цвести во свете благоверия, и своя бы ей горести отбыти и претворитися бы в сладость, и всем людем подовати плод сладок. И злое бы корение и зелие ис того места вон вывести, понеже много того корения злаго и зелия лютаго на том месте вкоренилося, и уже бы тому высокому и преславному месту не колебаться, занеже за некое неисправление пред сотворшим вся месту тому колебаться и живущим на нем смущаться и главами своими глубитися и велицей крови литися. И тое бы посаженую ветвь брещи со всяким опасением единодушно, а не двоедушно. Сиречь: рожденнаго бы от него у него испросити⁸ и к нам с ним прийти и нам бы его по нашему закону аки новородити и от тмы неведения извести и, аки слепу, свет дати, и на великий престол возвести и посадити, и скипетр Росийскаго царства вручити. И ему бы у нас вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничем не разоряти, и своего бы ему злаго прирожения забыти, а нам бы ему такоже неизменно и непоползновенно служити; и тех бы врагов наших и губителей от нас с царствующаго града и изо всея нашея земли вон выслати и выгнати, аки злых и гладных волков, в свою их проклятую землю и веру; и уже бы к тому неповинней крови христианстей не литися и волнению престати, и впредь тихо и безмятежно жити, аще всемилостивый владыко по толико время праведный свой гнев утолит. — Злонравный же злый он сопостат король никакже ничего того не хотя и не мысля в уме своем тако тому быти, якоже нам годе: понеже от давных лет мыслят на наше великое государство все они окаянники и безбожники, иже и преже того были ево же братия в той же их проклятой земле и вере, како бы им великое государство наше похитити и вера христианская искоренити и своя богомерзская учинити; но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостата, врага короля. Но зело зель возрадовася во злокозненном сердцы своем и воскипе всеми уды своими. Яко бы некто не изгубя велико богатство хочет обрести, и велми рад бысть в сердцы своем,

и некоея ради вины еще не до конца его видит в руках своих; тако же и он, окоянный король, — ни ему искони дано от бога, и паки ни его достояние, ни отечество, — а хочет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти и владети, и радуется и кипит злым своим сердцем: чаяти, яко и на месте мало сидит, или такоже мало и спит от великия тоя своя радости; и непокорением и удержанием того крепкаго нашего града еще не до конца все наше Росийское великое государство у себя в руках видит. Или некий же злый и силный безбожник, якоже он, не по своему достоянию и данию ему от сотворителя всех, хочет пояти за ся невесту красну и благородну, богату же и славному и всячески изрядну, паче же и благоверну; и нехотения ради невестня и ея сродников и доброхотов, кроме ея злодеев, не можаше ю вскоре взяти и за ся пояти, дондеже сродников и доброхотов невестних силою и неким ухищрением их победит и под ся покорит, тогда и невесту за ся и со всем ея богатством получит. Тако же и он, окоянный, нехотения ради к нему царствующаго великаго нашего града и онога крепкаго нашего же заступника и поборника, иже он окоянный под ним стоит, и иных и всех градов наших, не хотящих за него, кроме его доброхотов, а наших злодеев, которые от него ныне прелщены, и тленною и мимотекущею и погибающею славою и богатством ослепляны, — о них же нам впреди в мале будет слово, — еще не до конца великое наше государство в руках своих держит. И паки надеяся на то окоянный, что божиим изволением царский корень у нас изведется, — вместо тленнаго и мимотекущаго царство небесное и вечно восприяша, — и земли нашей без них, государей, овдовевши и за великия грехи наша в великия скорби достигши, и горши всего, разделение в ней на ся учинися, и гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християнска рода царя избрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити. И те прежереченныя его доброхоты, а наши злодеи, о именовех же их несть зде слова, растлилися умы своими и восхотеша прелести мира сего работати и в велицей славе быти, и инии

не сыи человецы не по своему достоинству саны честны достигнути, и сего ради от бога отпали и от православныя веры отстали, и к нему, сопостату нашему королю, вседушно пристали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотят ево, злодея нашево, на наше великое государство посадити и ему служити. И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали. Аще бы им мощно, то едином бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили; но всемилостивый владыко еще на нас, грешных, своею милостию призывает, и мысль их и совет разает, и тем крепким нашим градом, иже он, злодей, под ним стоит, его утверждает и к нам итти воспрещает. Аще за великия грехи наша, его же божиим прогневанием, и его, злодея нашего, злым умышлением, которою мерою возмет тот наш крепкостоятельный град, тогда и царствующаго града доидет и всех достигнет и нас себе покорит. И паки те ево доброхоты, а наши злодеи, вси об нем радят и во всем ему добра хотят, и великое Росийское царство до конца хотят ему отдати для своея мимотекущая славы и величества; и того ради он окаянный не хочет так сотворити, яко же нам годе, и уже конечно во уме своем мыслит, что великое наше государство обовладел. А бесовскаго своего воинства всю нашу землю наполнил, и конечно надежен стал быти, и тех посланных наших держит и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит и пленом претит. И пошли от нас со многими людми в велицем числе⁹, а ныне де и в мале дружине остались вящих самых два¹⁰, а то де и все, для великие скорби и тесноты не мога терпети, тому сопостату, врагу королю поклонилися и на ево волю верилися. Того не вем, все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайне искренное к нам, и ныне де жжаты с нами же за веру стояти хотят, — токмо разошлись и разъехались, овии к нам, а овии инуде по своим местом¹¹. И те де наши оставшии сами ваши стоят крепце и непреклонно умом своим, якоже оне граждане, за святую непорочную християнскую веру и за свою правду, на чем был зде с подручником ево з Желтовским¹², с таким же безбожником, яко же он сопостат,

наш совет: положил с нашими земледержьцы, ныне же по своему уму достигли имя, что землесъедцы. Подобаает же им велми дивитися и хвалити их. Что есть того похвалнее и дивнее и безстрастнее: в руках будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят и в очи ему говорят, что отнюд ево воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божиею благодатию.

Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю и великому отцем отцу и святителю, имя же его всем ведомо¹³, — како, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь, посреди нашего великаго государства, и по православной вере побарает, и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает, и стоит един противу всех их. Аки исполин муж безо оружия и безо ополчения воинскаго, токмо учение яко палицу в руку свою держа противу великих агарянских полков¹⁴ и побивая всех, тако же и он, государь, вместо оружия токмо словом божиим всем соперником нашим загражая уста и посрамляя лица и безделны отсылая от себя, и нас всех укрепляет и поучет, чтобь страха их и прещения не бояться, и душами своими от бога не отщегитися, и стояти бы крепце и единомудушно за преданную нам от Христа веру и за свои души, якоже оне граждане во оном граде и послании наши под тем же градом. О, великое божие милосердие еще не до конца прогневаясь на християньский роди! о, чудо и дивство и во-истинну великим слезам достойно, как мати градовом в Росийском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася и предалася и в волю их далася, кроме того нашего великаго крепкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго и твердаго адаманта, и с ним еще многих православных християн, которыя хотят стояти за православную веру и умерети! И оный прежереченный, во-истину великий град по своему действию противу тех же сопостат наших и врагов, паче же рещи, противу самого того лютаго сопостата нашего злаго короля, хотя-

щого погубити святую нашу и непорочную веру, крепко вооружился и укрепился и не покорился и не здался, да и ныне стоит и крепится, близ рещи, что все великое наше Росийское государство держит; и всех тех врагов наших тамошних и здешних и того самого общаго нашего сопостата короля страшит. И аки прехрабрый воин лютаго и свирепаго и неукротимаго жребца, ревущаго на мску, браздами челюсти его удерживает и все тело его к себе обращает и воли ему не подаст, — аще ли подаст, то и сам от него погибнет: занесен будет в неисходный ров и сокрушится, — тако же и оный великий град, по своим делам и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю веры нашея православная, ревущему на великое наше государство и на всех нас, во уме ему запрещает и к нам итти възбраняет. Аще бы не оный град по се время ему претил и держал, без всякаго бы сомнения давно сопостат наш у нас zde был и, аще бы ему бог попустил за великия грехи наша, в конец бы всеми нами обовладел и во всем бы над нами волю свою сотворил; горше бы всего, — святую и непорочную нашу веру тако же в конец искоренил, разве по бозе великий и непоколебимый наш столп удержал бы или нет до конца, — не смею дерзнути рещи.

А ныне его, сопостата нашего злаго короля, той наш град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое зло-нравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит. И посланники наши тако же крепце и вседушно по православней вере побарают, и противу того супостата нашего ни в чем лиц своих не стыдят, и в правде противу его стоят; аще и не во ограде со гражданы сидят и усты своими с ними совету не чинят, и божиим промыслом сердца своими вкупе со гражданы по благочестии горят. А zde у нас прежереченный непоколебимый столп сам крепко и непоколебимо во уме своем стоит, и не стены едины великаго нашего града держит, но и живущих в них всех крепит и учит, и умными их в погибелный ров впасти не велит, и паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает. Сами вси видите: аще бы не он, государь, zde держал, кто бы таков ин встал и противу тех наших врагов и губителей

крепко стал? давно бы страха ради прещения от бога отступили, душами своими пали и прапали. Аще будет, божим волением и поможением и всех нас грехов непомяновением, от дву сих крепких стоятелей и поборателей по вере нашей християньстей все великое наше государство спасется и от тех врагов избавится и отстоится, по коих мест которая добра мера от вас учинится и промысл ваш над теми враги явится, глаголю же, тамо от града, а зде от того крепкаго нашего и непоколебимаго столпа, — никако же такова повесть велия и притча во многих землях утаится, но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мерами оно царство спасется и от врагов своих избавится.

Паки реку: о велико божие милосердие и щедроты на всех нас! тамо град стоит и супостата держит и во уме ему претит, и всем нам по бозе и по православной вере побарати ревность дает, чтобы мы все, видев его крепкое и непреклонное стояние, тако же крепко вооружилися и стали противу сопостат своих; а зде у нас наш крепкий и непоколебимый столп стоит и всех нас крепит и учит, и тому же граду ревновати велит. Приидите, приидите, православнии! приидите, приидите, христоролюбивии! мужайтесь и вооружайтесь и тщитесь на враги своя, како б их победити и царство свободити! не выдайте по бозе спасителей наших и крепкостоятелей: тамо — града и посланных под него, а зде — общаго же нашего пастыря и учителя и отцем отца и святителя!

Скажу вам истинну, а не лжу, что однолично сопостаты наши, которыя у нас ныне с нашими изменники единовѣрники и с новыми богоотступники и кровопролители и разорители веры християнска, с первенцы сатанины, со иудиными предателя христова братиею, с начальники и со иными их подручники и угодники и единомысленники, иже недостойны по своим злым делом прямым своим званием именоватися, — рещи достоин их: душапагубныя волки, — хотят нас конечно погубити и под меч подклонити, и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее, — святую нашу непорочную веру в конец искоренити и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити. Сами видите, что они ныне

над нами чинят: всегда в очех наших всем нам смерть показывают, и поругаются и насилуют нам, и посекают нас и дома наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту, яко волцы зубы своими скрегчют, и грозят нам и претят смертью. Да не токмо нам ругаются и смеются, но самому создателеву образу и рождьшей его, и руками дерзают и в вид существа божия и пречистыя его матере стреляют¹⁵, яко же ныне свидетельствуют злодейственней руце, пригвожденней к стене под образом матери божии и всем им, окаянным, в страх и в трепет. И хотят вси вооружены и изоострелены быти, но сущих злодеев изготавляны: ведят окаяннии, что не в свое достояние пришли и не свою меру хотят достигнути, аще им бог до конца попустит. А ныне послали во все городы, по которым стоят такая же губители и кровопролитители неповинных новоизраилтеских кровей¹⁶, а велели им быти сюда к нам, а наших людей же в воинском чину, которая живут у нас зде, тех всех ссылают долов;¹⁷ а умышляючи то: чтобы их врагов было много, а нас было мало, чтобы нам отнюд противу их стати не мочно, и в конец бы им нами обовладети и себе покорити. На то не смотрите, православнии християне, и не имите тому веры, что они ныне пред вами лицемерство чинят, сами своих людей казнят, — а все нам блазнят: уверяючи и прелщаючи вас тем, тако творят и сказывают, что не отцу быти у нас, но сыну. А и сам тот злодеец наш, сыновень отец, тоже льстит и блазнит, аки сатана, мечты творит, и аки бесов с вестьми присылает, что хочет сына своего нам дати, по здешним его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, по прежде реченных оных изменников всему нашему великому государству, крестопреступников и веры отступников, и умышлению и добрахотению ему, злодею. Видя зде в мире колебание и за веру стояние, для того нам лстят и блазнят, чтобы нас всех тем областити и укротити и великим бы нашим морем не взмутити и им бы самем, врагом, в нем не потонути и главами своими не наложить. А се умышляючи то, докуды с своими способники, с такими же безбожники, соберутся в число много и докуды сам той супостат наш и сущий враг всех нас, коею злою мерою и божиим попуще-

нием и всех нас великим грехом и неисправлением пред ним, господем, возмет тот наш крепкий поборник, сопротивный ему, злодею, град. Тогда, аки змий, возлетит к нам со всем своим бесовским воинством, и которые ныне зде у нас, все на нас востанут, аки змии и скорпии или яко волки лютыя. И обладает нами, и тогда нам будет от них конечная погибель, аще господь бог за великия грехи наша разгневается на нас и конечно захочет нас предати им, аки псом, на снение. Отнюд ничему тому не бывати, православнии, что сыну зде у нас живати; сами видите, что все — блазный оман и прелесть. Или с ним не уверитесь, видев над собою явное умышление? Чаю, яко и малым отрочатем, слышавше, разумети мощно, не токмо сверстным и в разуме совершенным человеком: коли отец лиха хочет сыну? и нам сына дати, а самому, аки злому волку, под городом Смоленском стояти, и тем врагом воля дати землю нашу разоряти и неповинную кров христьянскую разливати, и на достолных безмерныя и неподъятныя кормы имати, и до смерти же мучити, и тамо посланных наших на смерть морити, и у нас зде в великом граде великое утеснение чинити? так ли сыну прочити, что все на конец губити? А он, окаянный, тем делом не токмо сыну прочить, но и сам зде жити не хочет, — токмо бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всеми бы нами обовладели, и нам бы под рукою его быти и его слыти, и ему бы своих подручников, таких же безбожников, в великом государстве нашем посадити и все б сим царство, что еще в живе останется, предати правити и ведати и дани-обраки всякия тяжкия имати и к нему бы ко врагу, аки бесом к сатане жертва, приносить. Сему слову болше верте, христолюбцы, что сыну не бывати.

Преже сих дней было, все вы слышали: самое его отцово злокозненное сердце и тайна вся, некто тое же душепагубныя бесовския сонмицы¹⁸, от нашего христатезоименитаго рода злоначальный губитель божияго жребия, — именем по своему его злому делу не достоин его во имя мысленнаго или святаго назвати, но достоин его нареши: злый человекоядный волк, — тому же нашему великому столпу и отцем отцу и святителю, имя же его всем вам ведомо, тот душепагубный

волк яд свой изbleвал и тайную свою общую яве открыл. И помыслил во злохитром своем уме того непоколебимаго нашего столпа покачати и на свою отпадшую от бога страну кочнуги, аки змий, из своих уст изрек: что он, великий столп и твердый адамант, в их всуеумышленную и человекоубиенную мысль и волю сам бы поколебался, здался в их вражие хотение и всему бы множественному народу безплотным своим в погибелный ров во веки пасти понудил, и всего бы мира спасение злодеицу отцу усты касатися повелел. Великий же и непоколебимый столп, богом крепко водружан, не на песце основан, но на земли сердечней тверде, сам никакоже не поколебался и не покачулся ни мало на их отпадшую от бога страну, и великую полату широтою и долготою и округ, иже об нем стоит и держится, и в ней многочисленнаго народа живуца такоже на зло не поустил, и умных их во веки не пленил, но и паче укрепил. Видев же той прежереченный многодушный губитель и злый разоритель великаго государства крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное християнство, отверзл свои человекоубиенныя уста и начат, аки безумный пес на аер зря, лаяти и нелепыми словами, аки сущий буй камением, на лице святителю метати и великомянитое святительство безчестити и до рождьшия его неискусным и болезненным словом доходити. Он же государь, твердый адамант, никако тому речению внят и того его буетсловия не убоился, ни утравился, наипаче же посмеялся тому его безумному словесному дерзновению, но и зело ему вспретил и велие ему зло провозвестил, из пречестных своих уст ему изрек, мню, яко острым оружием, своим святительским словом тело и злохитрую душу его посекал: да будеши проклят со всем своим соньмом в сем веце и в будущем, но и с тем, его же желаеши и всего мира спасение ему всем усты касатися поуцаеши! — И еще прирек: не токмо нам он годе, но и тако его отрасль, аще не придет в наше хотение. — Он же окаянный стули лице свое, отъиде со всем своим сонмом посрамлен и изумлен, паче же зло възъярен на великаго пастыря и учителя и в правде крепкаго стоятеля, аки змий дыша, или аки лев рыкая. Последи

же окаянный обшедся умом своим, и позна свою вину и виде свою злую совесть и раскаяся в себе о прадерзке словесней, что не у бе ему было время тако говорити и яве и нагло великому господину тайну свою открыти. И побояся множественнаго християньскаго народа: такое слово к ним пронесется, что о недостойном и злом деле и нехотящем ими и паки неправде на того высочайшаго верха и непоколебимаго столпа приходил, и не яко святейшаго, но яко простейшаго в лепоту, яко пес, лаял и бранил. И в том своем слове запрение учинил, яко несть говорил, и аки в темне храмине, в скверном своем теле лукавую свою душу затворил; и потом же злодей еще лицемерство учинил: яко шумен был и без памяти говорил; и у великаго святителя и у незлобиваго учителя прощение испросил. Обаче же, аще и прощение испросил, а еще злаго своего нрава-обычая и впредь умышления на злое дело от себя не отщелит, и ныне дышит и сипит, аки скорпия, и не престая крамолы воздвизает, и всю свою плотную бесовскую сонмицу возмущает, и всяко ему, государю, стужает. И теснят, сами вси видите, и еще конечно мыслят со всеми своими пособники, како бы его, государя, погубити, что без него все свое желание совершити и всех нас, аки змиям, поглотити; яко же и преже рех, что некому иному будет без него им, врагом, возбранити и стати накрепко, яко же он государь.

Великий же он столп и твердый адамант и крепкий воин христов, не имея ни тула¹⁹, ни меча, ни шлема, ни копья, ни воин вооруженных, — понеже ему не дано то, ни повелено от сотворшаго вся того держати, — к тому же ни стен крепко огражденных, и словом Божиим, аки неким изрядным оружием, препоясався, или яко изящными воины ополчився, или некими крепкими стенами оградився: не бойтесь, — рече, — от убивающих тела, души же коснуться не могут. — И молитвенныя своя словеса от желаннаго своего сердца к богу и пречистой его матери, аки благовонный фимиян, всегда возсылая о себе и о всех нас, паче же о святей и непорочней християньстей нашей вере, чтобы православная християньская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла, и слезы от очию своею, аки речныя быстрины,

испущая пред образом господя нашего Иисуса Христа и пред пречистою его материю и великих чюдотворцов, иже в русской земле просиявших, и всех святых, и надеяся теми своими силными слезами и молитвенными словесами, аки острыми стрелами, от себя и от всех нас тех общих наших видимых врагов отгоняти и погубити и все великое государство от них свободити. О, столп крепкий и непоколебимый, о, по бозе и по пречистей его матери крепкая стена и забрала, о, твердый адамант, о, поборник непобедимый, о, непреклонный в вере стоятель, о, во-истинну пастырь неложный! в лепоту реченно бысть к таковым великим и крепкодушным: „пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагает за овца“. Во-истинну, во-истинну пастырь добрый себе, а не наемник: душу свою полагает за овца, иже ему преданы пасти и на выи его возложены все мы, православни христиане, и поминает божественное писание: подобает словес ради божиих и до смерти стояти. Видим же вси, — не даст тому божию слову пасти на землю и всегда близ смерти стоит от тех общих наших врагов и губителей, обаче же на сотворшаго вся и на рождышую его и на великих чюдотворцов, на общих наших заступников и богомолцев, надежу держит; аще ему, государю, случится за слово божие и умрети, — не умрет, но жив будет во веки.

Вестно и дерзостно достоит рещи: аще бы таких великих и крепких и непоколебимых столпов было у нас не мало, никакоже бы в нынешнее злое время от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чюжих и от своих, святая и непорочная вера наша не пала, наипаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без волнения стояло. А ныне един уединен стоит и всех держит и врагом сурово прет, а иному некому пособити ни в слове, ни в деле; кроме бога и пречистыя его матери и великих чюдотворцов, способников себе не имеет никаго же. Которые его были сынове и богомолцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестнаго прелстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагом приклонилися и творят их волю. А сами наши земледержьцы, яко же и прежде рех, — землестъедцы, те и давно от него отстали, и ум свой на последнее безумие

отдали, и к ним же, ко врагом, пристали, и ко иным, к подножию своему припали, и государьское свое приращение пременили в худое рабское служение, и покорилися и поклоняются неведомо кому, — сами ведаете. И смотрят из рук и из скверных уст его,²⁰ что им даст и укажет, яко нищии у богатаго проклятаго, иже впереди и мы вам про проклятое имя его от бога и от человек вмале объявим. Зде же еще впреди поидем. И тако те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же нам всего учинили, что нас всех выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупе и хотят нас всех погубити и веру християньскую искоренити. Аще будет и есть избраннии, сердцем желаннии, по християньстей вере и по всех по нас жалеют и радят, от тех же чинов и боярских родов, но не могут ничево учинити и не смеют стати, что не с кем поборати, и своего величества отбыти, а им, врагом, ничего не сотворити, понеже силно обовладели и многих маловременным богатством и славою прелестили, а иных закармили, и везде свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили. Ина толка у нас ныне по бозе и по пречистей его матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель. Аще которою мерою от тех врагов наших что над ним, государем, учинитца и телесне разрешитца и от света сего прелестнаго в вечныя обители преселится, — конечно и вера наша изгубится настоящих наших губителей, аще ваше противление к ним не явится; аще ли его, государя, от них бог соблюдет, и неврежен поживет, — тогда бога и пречистую его мать и великих наших чудотворцов и всех святых умолит, и себя и нас всех спасет, и веру удержит, и врагов победит молитвою своею.

А вы, православнии, не помогаете ему, государю, ни в чем: говорите усты, а в делах ваших, государь весть, что у вас будет. Паки молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем: не нерадите о себе и о всех нас! мужайтесь и вооружайтесь и совет между собою чините, како бы нам от тех врагов своих избыти! Время, время пришло, во

время дело подвиг показать и на страсть дерзновение учинити, как вас бог наставит и помощь вам поподаст! Прибегнем к богу и пречистой его матери и к великим чудотворцем и ко всем святым, припадем к ним с теплою верою и со умильным сердцем и з горящими слезами: некли нам милость свою подадут. И препояшемся оружием телесным же и духовным, сиречь молитвою и постом и всякими добрыми делы, и станем храборски за православную веру и за все великое государство, за православное християнство, и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго поборателя по вере православной, и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас тако же стоит и сопостата нашего держит. Сами все ведаете, что аще не ныне умрем, всяко умрем; а некли за правду нашу соблюдет ны господь невредимы, и живы будем от них, врагов своих. Аще ли ныне терпим, время длим, — сами от себя за свое нерадение и за недерзновение погибнем. Что стали? что оплошали? чего ожидаете и врагов своих на себя попускаете и злomu корению и зелию даете на землю вкореняться и паки, аки злomu горкому пельню, распложатся? Али того ожидаете, чтобы вам сам великий тот столп святыми своими усты изрек и повелел бы вам на враги дерзнути и кровопролитие воздвигнути? Сами ведаете: ево то есть дело, что тако ему повелевати на кровь дерзнути? Ей, ей, никако же такова от него, государя, поущения не будет, понеже и сам он, государь, велика разума и смысла и мудра ума: мню, — мыслит, чтобы не от него зачалося, а им бы добро сотворилося, ево бы крепким стоянием и молитвою к богу, а вашим бы тщанием и ополчением и дерзновением на враги. То вам не весть ли от него, государя, что, аки пастырь добрый, всех нас опасает от тех душепагубных человекоядных волков и чистыя наша голубицы не даст им, аки змиинными усты, поглотити и погубити, а ожидает с часу на час божия поможения и вашего тщания и дерзновения на них? Аще и без его государева словеснаго повеления и ручнаго писания, по своей правде дерзнете на них, злых, и добро сотворите, и их, врагов, победите, царство от бед свободите и веру удержите, и его, государя святителя великаго, и себя и всех нас от них,

врагов, избавите, — не будет от него на вас клятва и прещение, паче же велие благословение на вас и на чадах ваших в роды и роды, комуждо до живота его.

Сами вси видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным христианом от тех губителей наших и врагов: всегда многим смертное посечение, а иным zelное ранение, а иным грабление, и женам безчестие и насилowanie. И купльствуют не по цене, отнимают силно, и паки не ценою ценят, и серебро платят, но с мечем над главою стоят над всяким православным христианином, куплю деющаго, и смертью претят. Нашъ же брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, бояся смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается. И уже еще нечего им, врагом, замыслити и всех нас, православных христиан, теснити и ругатися над ними и величатися и смеяться, яко же мы сами видим: замыслили и умыслили во всем великом и сильном нашем государстве, в респоту аки в великом и неударжанном мори, которая страна и стена имеет двои врата в ряд по себе, — и одни врата затворити и замки закрепить, а другия буттося отворити, да и те вполы.²¹ И множественнаго христианьскаго народа не теснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними и многими толка так было исходити, понеже божиею было благодатию, безчисленно христианьска народа расплодилось и умножилось; ныне так за грехи всех нас умалилося, высечено и выгнано в плен от тех же врагов и губителей проклятыя их земли и веры; а еще и умалилося, аще и мало зритца, а еще много соберется, — и всегда в тех теснити, нелепо рещи, аки мышей давити, и шуму и вису и крику быти для того усакаго и нужнаго проеждения и прохождения. И им, самем врагом, вооруженным всяким смертным оружием обапол тех утесненных врат пешим и на конех готовым стояти, и противу самех вый наших и сердец то свое оружие в руках своих держати, и всем нам живую и явную смерть казати.

То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание? Ох, ох! увы, увы! горе,

горе! люте, люте! и где идем и камо бежим? Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием? како сами себе презираем и не радим о себе, видя за великия и безчисленныя грехи наша от создателя и зижителя всех конечное на нас смирение, и их, тех врагов чюжих и своих, поущение и всякое от них на себе ругание и смеяние? А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца воздыхаем и зельно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и к богу не прибегаем и его не умоляем, и над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пушаем и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем.

Паки реку: ох, за безчисленныя грехи наша чим нас господь не смиряет, и каких казней не посылает, и кому нами владети не повелевает! Сами видите, кто той есть,²² нееси человек*и не ведомо кто: ни от царских родов, ни от боярских чинов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают, — от смердовских рабов.²³ Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому делу не достоин его во имя Стратилата,²⁴ но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя веры християньския; и по словущему реклу его такоже не достоин его по имени святаго назвати, но по нужнаго прохода людцакаго — Афедронов.²⁵ Таким именитым государством владеет, аки великим морем колеблет: что хошет, то творит, а никто ему не возбранит.

А сами наши земледержьцы и правители, ныне же, — якоже и преже рех, — землесъедцы и кривители, те яко ослепоша или онемотеша, паче же рещи, не смеют ни един тому врагу воспретити и великому государству ни в чем пособити; а инии молчат и не говорят и ни в чем ему не претят, понеже с ним же, со врагом, всех нас погубити хотят. И полцы велицы, всяких чинов люди за тем врагом ходят и милости и указу от него смотрят: не токмо простии и неимянитии люди, но и сами боярския и дворянския дети, и сами дворяне добродородни и изрядни всем, иже иному он, враг

креста Христова и всех православных христиан, и в подножие ног негожь. И еще же враг и лютей злодей наш не в свое достояние вниде, аки Ихнилат,²⁶ в цареву ризницу вьеса казити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи самодержьцы великими князи и цари всеа Русии собрано и положено; он же окаянный, аки вышереченный Ихнилат, во едином часе, или паки не во мнозе времени, все хошет изьести и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хошет пунду до конца оставити, аки пундую и безделную храмину. А уже и оставил, и ныне те великия сокровища, тяжкоценныя камыки и портища и всякия вещи, иже нами неведомы и незнаемы, с своими единомысленники разбивает и вещь к вещи прибирает, к тому же злата и сребра и бисерия велия ковчеги насыпает, и к тому прежереченному сопостату, нашему врагу, королю и похитителю, под оный заступный наш град посылает. А мыслят окаянные то во уме своем: коим божиим промыслом и вашим над ними, над враги, домыслом что добрая нам учинится, и над ними, враги, победа явится, и им, врагом, от нас убежати случится, — и им бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тем бы многочисленным и драгоценным сокровищем к нему примирится, и смертью бы от него не скончатися, что будет божиею милостию не на их хотении зде у нас добро сотворится.

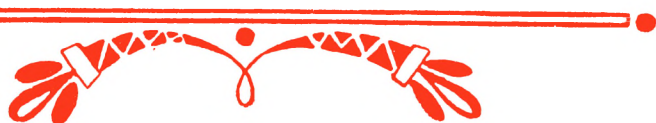
И царство наше от них не отстоится, погибнет, — кто не восплачется, кто не возрыдает, кто не воздохнет? не токмо кто от нашия православныя веры и христианска рода православный христианин, — мню, от иноверных, или от тех же врагов, мало-мало кто мягок и жалостив сердцем, ино и тот аще не заплачет, и он воздохнет и речет: како таквая великая и преславная земля во всех землях стала в разорении, и такое великое царство в запустении, и таквая великая царская ризница в расточении! — И вы, православнии, богом почтеннии, умилитесь душею, содрогните сердцем, зряще на себе такия неудобносимыя беды и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своих и поправление веры нашея православныя, и не давайте сами себя в руки врагом своим! Взяв бога на помощь и пречистую его мать и великих

чюдотворцов и всех святых, дерзайте на врагов своих, некли господь нашъ богъ Иисусъ Христосъ, наказавъ насъ праведнымъ своимъ гневомъ, да и помилуетъ и на нихъ, враговъ, победу дастъ и избавитъ и спасетъ насъ отъ нихъ. А они, злодеи наши и губители, однолично умышляютъ на насъ, якоже и преже рехъ вамъ: хотятъ насъ погубити, а оставшихъ въ свою волю привести.

А сему бы есте писму верили безъ всякого сумнения, язъ вамъ сказываю и пишу...

И кто сие писмо возметъ и прочтетъ, и онъ бы ево не таилъ, давалъ бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православнымъ християномъ, прочитати вкратце, которыя за православную веру умрети хотятъ, что бы имъ было ведомо, а не тайно; — а не темъ, которыя были наша же братия, православныя християне, а ныне всею душею безъ раскаяния отвратилися отъ християнства и во враги намъ претворилися, и съ ними, со враги, соединилися, и вкупе съ ними вооружилися, и хотятъ насъ до конца погубити; темъ бы есте отнюдъ не сказывали и не давали прочитати. Буди же вамъ всемъ доброхотящимъ Росийскому царству милость божия и помощь и пречистыя богородица и великихъ чюдотворцовъ, иже у насъ въ Троице преиманитыхъ, и всехъ святыхъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ ВОЕВОДЫ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО

Отнеле же рече бог: „Да будет свет, небо и земля и солнечное течение и лунное умножение и умаление. И егда быша звезды, восхвалиша мя гласом велием вси ангели мои“ и сотворенна прочая тварь вся и человецы уселишася, изочтоша времена, индикты¹ и по Еврейски и по Гречески и по Латынски; понеже по розводцам разчитают времена и лета по Русскому же языку в лета 7118 преставися благоверный и благородный и благочестивый, прирожденнаго благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Руси Шуйского, — понеже от единого корени владеющаго вселенную Августа кесаря Римского² и от единыя православныя веры христианския начальника, князя Владимира Киевскаго и всеа Русския земли, и от единой отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго разделения ветви государств, — боярин воин и воевода и ближней советник и правитель и прирожению нетих, сииречь племянник князь Михайло Васильевич Шуйской именуемый, понеже от единого великаго князя Александра Ярославича Невскаго, яко же преди рекохом, родишася князь Андрей Владимирский и Суждальский и князь Данило

Московский и прочая братия. И от сего князя Ондreja Александровича князи Суздальские и Шуйские родишася, а от князя Данила Александровича Московские князи и цари родишася. Но о сем умолчим, на предреченныя да поидем о преставлении князя Михаила Васильевича Шуйского.

Егда той воин и воевода, князь Михайло Васильевич Шуйской, послушав царя, и приехал в царствующий град Москву из слободы Александровы, и напрасно грех ради наших и родися боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому сын княжевичь Алексей. И не дошед дву месяца по четьредесять дней рожения бысть князь Михайло крестный кум, кума же княгиня жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского Марья, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников своих и советников мысляше во уме своем злую мысль изменную уловити аки в лесе птицу подобну, аки рысь изжарити, змия лютая злым взором, аки зверь лютый: дияволу потеха бесится, сатане невеста готовится. И как будет после честного стола пир на весело, и диявольским омрачением злодеяница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару до суха, а не ведает, что злое питие лютое смертное. И не в долг час у князя Михаила во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как въсходит в свои хоромы княженские, и усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая и во слезах говорит ему слово жалостно: „Чадо мое сын, князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъехал? Любо тебе богоданный крестный сын принял крещение не в радости? Любо тебе в пиру место было не по отчеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспаться. И сколько я тебе, чадо,

в Олександрову слободу³ приказывала: не ездѣ во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом змииным изменничьим“.

И паде князь Михайло на ложи своем, и нача у него утроба люто терзатися от того пития смертнаго. Он же на ложе в тосках мечущеся и биущеся и стонуше и кричащѣ люте зело, аки зверь под землею, и желая отца духовнаго. Мати же да жена его, княгиня Александра Васильевна, и весь двор его слез и горкаго вопля и кричания исполнися. И доиде в слух сия болезнь его страшная до войска его и подручия, до Немецкова воеводы, до Якова Пунтусова⁴. И многи дохтуры Немецкия со многими лечебными пригодами и неможаше никако болезни тоя возвратити. Из двора дохтуры Немецкия от князя идяху и слезы испущаху, аки о государе своем.

И от того же дни в настатьи всенощных, яко же в житии Великаго Василия, солнце к солнцем зайде по исходе дневных часов месяца апреля в 23 день со дъни великаго воина и страстотерпца Георгия ко дъни воеводы Савы Стратилата,⁵ понеже и сей воин и воевода и стратилат. Но тогда бо по Московскому государству не слышанно бысть настоящия ради нощи. На утрие же, светающуся вторнику и восходящу солнцу, слышано бысть по всему царствующему граду Москве: отшед он сего света, преставися князь Михайло Васильевичь. Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго и множества народа по писанному: „Юноша с девы и старцы со юнотами и матери со младенцы и всяк возраст человекъ со слезами и с великим рыданием“. От войска же его и дружины хоробрыя князя Михайла Васильевича ближние его подручники, воеводы и дворяне и дети боярские и сотники и атаманы прихождаху во двор его и ко одру его припадая со слезами и со многим воплем и стонанием. И жалостно во слезах глаголаше и причитаху: „О господине не токмо, не токмо, но и государь наш, князь Михайло Васильевичь! Отшел еси от сего света, возлюбил еси Небесному Царю воинствовати, а нас еси кому ты оставил? И хто у нас грозно и предивно и хоробро полки урядит? И кому нас приказал

служити и у ково нам жалованья просити и за кем нам радодно и весело на враги ехати ко брани? Не токмо государь наш подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию помыслишь на врагов, на Литовских и Польских людей, и оне и от мысли твоя дале бегут, со страхом емлются. А ныне мы аки скоти безсловеснии, овцы не имуще пастыря крепкаго. У тебя, государя нашего, в полцех войска нашего и без казни страшно и грозно, а радощны и веселы. И как ты государь наш в полцех у нас поедешь, и мы, аки на небесное солнце, назретися не можем“. Но бо все вкратце пишем, а недоумеем убо много и жалостнаго плача и причитания их исписати. Но возвратимся убо ко прежнему. Тако убо ко двору его стекаются и держащей власти и строящей и правящей царския и народная; таже и нищии и убогии и вдовицы и слепии и хромии, всяк со слезами и горким воплем, кричаще и воплюще; таже и богатии велможи.

Таже прииде Немецкий воевода Яков Пунтусов со двенадцатьми своими воеводы и с своими дворяны. Московские же велможи не хотяху ево во двор ко князю пустити, неверствия ради, к мертвому телу. Яков же з грубными словесы во слезах изглагола: „Како мя не пустите не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мне видети? Что ся таково содеяся?“ И пустиша его во двор. Шед Яков, и виде мертвое его тело и восплакася горко и целова его тело; простяся и пошед со двора, плакася горце; и захлебаяся, глаголаше во слезах: „Московский народи! Да уже мне не будет не токмо на Руси вашей, но и в своей Немецкой земли, но и от королевских величеств государя такова мне“.

Таже прииде и сам царь и з братьи своими, таже и патриарх, — тогда держа святительский престол великия Росии Ермоген, — и митрополиты и епископы и архимариты, игумены, и протопопы и весь священный собор и иноческий чин, черноризцы и черноризицы. И не бе места вместитися от народнаго множества. Тогда убо посылают во вся торги Московского государства изыскати колоду дубовую, еже есть гроб, в ню же положат тело его. И, меру взявше, во вся торги ходивше, избравше величайшее всех и никако

возможе вместити телеси его; и тогда пристрогавши в концех колоды тоя, и тако с нужею полагают в колоду тело его, да изнесут тело его ко церкви. И тогда привезоша гроб каменен велик, но ни той довляше вместити тело его, понеже велик бе возрастом телес своих, по Давиду пророку рече: „паче сынов человеческих“. И тако устроивше в древяном гробе, понесше, хотяху положити в Чудов монастырь архистратига Михаила до времени бо и вины ради сичевья, яко да тело его во граде Суздале положено будет и ко гробом прародительским и родительским присовокупят и он предреченный каменный гроб устроят. Но в Суздале граде в то время нестроение велико суще, понеже осилели воры и Литовские люди, паны с войским своим; да егда си отступят, тогда его отвезут в Суздаль град. И слышавше народное множество, что хотят тело его в Чудов монастырь положить, и возопиша всенародное множество, яко единими усты: „Подобает убо таковаго мужа, воина и воеводу и на сопротивныя одолителя, яко да в соборной церкви у архангела Михаила положен будет и гробом причтен царским и великих князей великие ради его храбрости и одоления на враги и понеже он от их же рода и колена, яко же напереди рекохом“.

И тогда царь велегласно к народу рече: „Достойно и праведно сиче сотворити“. И тако на главах понесоша в соборную церковь архангела Михаила, последствующу патриарху и митрополитам и всему священному собору; таже по нем царь и весь царский синглит и всенародное множество предидушей и последствующей поющих надгробное пение священных собор. От народа же кричания и вопля тьяшка гласа поющих надгробное покрываху, и не бе слышати гласа поющих и се бе дивно, яко толику безчислено народу суще, предидуше и последствующи, яко звезд небесных, или, по писанию рещи; яко песок морский, и не бе видети ни единого человека не плачущесе, но велми слезны, кричь и плачь и рыдание велико всякого человека. Богатии и убозии и нищии, хромии и слепии, а безногии ползующе, главами своими о землю бьющесе, плачущесе и жалостно причитаху. И яко же и самому царю и патриарху плачуще

со стенанием и воплем и рыданием горце всему народу, но и аще у ково и каменно сердце, но и той на жалость розлиется, зря своего народа плачущесе.

И тако с великою нуждею утеснения ради несяху тело его во гробе ко церкви; и от народнаго теснения, яко же некогда Алексея человека Божия,⁶ не донесоша и положиша среди церкви у архангела Михаила. И певше надгробное подобное пение, и разыдошася, яко да предиреченный каменный гроб устроят и могилу на вмещение гроба ископают. Но убо маломощнии и нищии, такожде вдовицы и черноризцы день той председаху, плачуще и скорбяще. Давыдовы же псалмы над ним непрестанно глаголаху, пременяся день и ночь.

На утрие же свитающе дни, утреннему славословию кончану, солнцу паки возсиявшу и второму часу наставшу, и паки стекается всенародное множество со всего Московского царства, понеже во вчерашний день не всем в слухи внидоша и не ведомо, где погребен будет. Ныне обое слышат и сего ради безчисленное множество отовсюду стекаются мужие и жены и, по предреченному, старцы со юнотами, нищии, слепии и хромии; иже есть хто неведаше его во плоти, но слышавше его храбрость и на враги одоление, и поне погребанию его сподобятся причетницы быти. И тако торжыща истощишася и купилища быша порозни оставльше, а раби — господей своих службы, и дома порозни быша житей своих: всяк возраст стекается на погребение его. Таже по времени царь и патриарх и прочий синглит и освященный собор во церковь ону собрася, и уставному пению погребению наченшуся и гласу от поющих превозносящуся зелне, понеже в строках роспеваху. От бояр же и от служилых людей, иже с ним в великой оной службе в победе и во одолении бывших, паче же и от всенароднаго множества люди по предреченному, яко звезд небесных или песка морскаго, вдов же, оставльшихся от муж своих и черноризц и нищих и сирот, вопиющих с плачем и кричанием. И не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во иступлении ума суцу, ако и воздуху потупнути и земли стонати и камению колебаться, не токмо церкви стенам, но и граду;

и по пророку рещи, яко взятся покрову храма от гласа вопиющих. И не бе слышати гласа поющих, а ереи все во церкви просвещашеся множеством свещей и мост же церковный наводняшеся пролитием слез от народа.

И не бе изрещи и исписати; по апостолу глаголюще: „на сердце человеку не взыде“, иже народи плачуще и жалостно причитаху. Овии убо столпа его Русские земли глаголаху, инии же тверда и велика града именоваху. Инии же, яко новаго Исуса Наввина нарицаху его, инии же, яко Гедеона и Варака, или Самсона, победителя иноплеменником зваху его, отъехавше в мале и роспространшеся и приехавше во мнозе. Овии же яко Давида, отомстителя врагом, зваху или яко Иуду Маккавейского, в толикое нужное время добре храбровавшего. И, по апостолу рещи, „возмогша от немощи“ и быша крепцы во бранех, обративше же в бегство полки чуждых. Ин же некто, стоя от народа, велегласно вопияху со слезами во храме архангела Михаила: „Взял еси у нас, Господи, такового воеводу князя Михаила Васильевича, но ты ныне сам заступай нас, яко же при Езекеи на Сенахирима, царя Невгицкаго“. А ин же от служащих его глаголя: „Не подобает убо таковому телеси ево в земли разсыпаться: вем бо его телесную чистоту, купно же и духовную“. Да что убо много глаголати: не вместят ушеса жалостнаго причитания плача их. И мнетися, яко сон видети или в недоумение быти, яко же Петру апостолу, егда ангел изведе его ис темницы. Не токмо же Русские земли народом и всему миру плакати, но и иноземцем и Немецким людем и самому Свицкому воеводе Якову Пунтосову плачуще, и к Русскому народу во слезах от жалости глаголет: „Уже де нашего кормилца и вашего доброхота, Руския земли столпа и забрала,⁷ крепкаго воеводы не стало“. Прочии же от народа, — умолчим бо о сем Немецкого воеводы его умилных и жалостных глаголений, — и возопиша Русский народ: „Воистинно бысть тако“. И понеже по Евангелию глаголюще, „не вместити пишемых“ плача их „книг“.

И тако отпевше надгробное пение, и полагают его в предреченной каменной гроб и относят его в соборной церкви в придел за олтарем на южной стороне в церковь Обрете-

ние честные главы Пророка и Крестителя Иоанна. И тамо полагают его „в новоископанном гробе, иже никто же“, по Евангелию „прежде сего положен бысть“, тамо за олтарем придела же Святыя Живоначалныя Троицы, идеже положени быша благочестивыи блаженныи памяти цари и великий князи: царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, во иноцех Иона, и сын его, благодатный, благородный и благочестивый царевич Иван и второй сын его, царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси, в соборной церкви, яко же преди рекохом. Мало же о сем побеседуем от древних повестей, коим приложим. Яко же плакашеса прежде по патриархе Иякове Иосиф и прочая братия его и с ним Египтяне, или, рещи во исходе Израилеве из Египта в пустыни горы Синайския, плакася весь Израиль при Моисеи пророце, или, паки рещи, плакася по Самоиле пророце: весь Израиль великим плачем. Не мал же плачь сотвориша людие по цари Иосее, та же плакася униженный и расточенный Израиль по роде Маккавеи и по братье его. Зде же не меньши того плачь бысть всенародному множеству, Новому Израилю, христианскому народу государства Московского.

А о матери его, княгине Александре Васильевне, что изглаголати, или исписати. Сами весте матерне сетование и рыдание и по своим детем разумеите, как у коей матери и последнее дитя, а не токмо единочадное, смерти предастся, и како убо матерню сердцу по своем детяти. И то, како княгиня Елена и княгиня Александра горько плачюще и кричаще и вопиюще и бьющеса о гробницу белу каменну князя Михаила и жалостно во слезах причитая. Мати же причиташе от жалости: „О чадо мое, милый князь Михайло! Для моих слез на сесь свет из утробы моя родися! И како еси во утробе моей зародися? И како утроба моя тобою не просядеса изляти тебя на землю?“ А жена его причиташе: „Государю мой, князь Михайло Васильевичь! Жена ли тебе не в любви яз грешница? Того ли еси ради смерти предался? И почто ми еси не поведал? И ныне возьми меня под свой каменной гроб, и под гробом смерти предамся! И готова есми за тебя во аде мучитися, нежели мне от тебя на сем свете

живой останися!“ И разумеите их жалостное причитание и плача горького исписати.

Но буди вам известно, яко и сам царь Василей, егда от погребения возвратися, и пришед в полату свою и на злат стол свой царьский ниц пад, и плачяся, захлебаяся горко, смоча слезами стол, слезы на пол с стола каплющи. Матерь же его, княгиню Елену, и жену его, княгиню Александру, ближнии их вернии слуге едва с нужею от гробницы отволочаше в дом свой. Черноризицы же, иноки и вдовицы во слезах же утешаше их: „Да не плачитесь, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна, но богу убо так изволшу, краткой век жити ему; вам бо от многого плача и туги великия во иступлении ума не быти“. И те же княгини, мати его и жена, пришедше же в дом свой и падше на стол свой ниц, плакахуся горце и захлебающе, стонуше и слезами своими стол уливая и слезные быстрины, аки речная струя, на пол с стола пролияшеса и до утра без пищи пребывая, яко же Давид иногда плака по Анафане, сыне Саулове. Но и старицы же, яко галицы, вдовицы же, яко ластовицы, на утрне около церкви оная председаху весь день, яко же и матери со младенцы и мнози боярские жены, овдовевше, своєю печалию стеннаху в место ко оной церкви.

И бе в мире шатание и колебание и смущение много болезни ради смертной, и глаголаху друг ко другу: „Откуда бо нашедшу на такова мужа такое смертное посещение: бысть бо таковый воин и воевода. Аще ли божие попущение, то воля Господня будет. И вси ту в сетовании бяху. Не подобает же сего молчанием покрыти по реченному ангелом к Товиту, „еже дела божия проповедати“ „таити же“ царевы „тайны“.

Сице же zde случися некто житель града, быв прежде в службе царской в писателех Дворцова приказу сказа нам по тонку глаголя: „Прежде“, — рече, — „преставления его княжа“, — о нем же ныне повесть глаголем, — „за 15 день с праздника Воскресения Христова к понедельнику в ночь видех видение. Мняхся, стою на площади государеве межь Пречистою соборною и Архангелом.⁸ И позрех на царские полаты. И се видит ми ся, яко един столп розвалися

и потече из него вода, но велика черна, что смола, или декоть. Таже полстолпа отломився паде и по сем не вдолзе и другая полстолпа сокрушися, и обое ни во что бысть. И падение оно помнихо ми ся страшно. Аз от страха возбнувся от сна и размышляя видение се. И после заутрени таити сна не могах и поведах ту мужу некоторому, стару деньми, яко 90 лет ему сушу от рожения, и у царей в приказех велику ему бывшу и многу в разумех, и для старости оставлься царския службы, но во смирении пребывая, кормяся от своих вотчин. Он же, слышав от меня таковая и размышляя во уме своем, рече ми: „Мнит ми ся, яко некоторому великому мужу от полаты цареви смертное посечение приближается“. И аз сие видение и оного мужа речей размышлях и никому не глаголах до сего, донележе збышася в сие настоящее время“. Прочее же о сем умолчим, да не постигнет нас по Апостолу закоснение, но мало побеседуем о мимошедшем.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛИЯНИИ ОСОРЬИНОЙ

Во дни благоверного царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев,¹ саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дочь Лукина,² от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю к себе в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия [Григорьева жена Лукина], Никифорова дщи Дубенского,³ и воспитающе во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова.⁴ Сия же блаженная Улияния от младых ногтей бога возлюбя и пречистую его матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей ея посмѣхаема. И глаголаху ей: „О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнуряеши, и красоту

девственную погубляеши“. И нуждаху ю рано ясти и пити; она же невдаешся воли их: но все со благодарением принимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада кротка и молчалива, небуява, невеличава, и от смеха и всякия игры отгребашеся. Аще и многожды на игры и на песни пустошные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая, и тем потаити хотя своя добродетели. Точию в прядивном и в пяличном деле прилежание велие имяше, и не угасаше свеча ея вся нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем девитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетелному.

Егда же достиже шестаго на десять лета, вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину,⁵ и венчани быша от сущаго ту попа, Потаяя именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону божию; она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевшю ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смиренном послушанием имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими не преткновенно совершаше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху бога. По вся же вечера довольно богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царьских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астарахани, она же в та времена по вся нощи без сна пребываше, в молбах и в ру-

коделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цену даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи [свекра и свекрови] творяше в нощи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омывая, и кормя, и напаяя. Рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждею, и дело по силе налагаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающаго, ни сапог разрешающаго, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя, и исправляше, и на ся вину возлагаше; и никого не оклеветаше, но всю надежду на бога и на пречистую богородицу возлагаше и великого чудотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь принимаше.

Во едину же ношь, востав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напушаху ей; она же, млада еще и неискусна, тому убоися и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, прешедшие же на ню со оружием, хотяще ю убити, рекуще: „Аще не престанешь от таковаго начинания, абие погубим тя!“ Она же помолися богу и пречистой Богородице, и святому Николе чудотворцу. И явися ей святыи Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: „Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прешения: Христос бо мне повеле тебе соблюдать от бесов и злых человек!“ Она же абие от сна возбнув и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор храмины тоя крепко заперт быаше. Она же оттоле извещение приимши, возрадовася, славя бога, и паче перваго добрых дел прилежаше.

Помале же божию гневу русскую землю постигшу за грехи наши; гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полъденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: „Како ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изобилие, тогда не могах тя к раннему и полуденному ядению принудити;

а ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и полъдненное ядение взимаешь“. Она же, хотя утаитися, отвеща ей: „Егда не родих детей, не хотяше ми ся ясти, и егда начях дети родити, обезсилех, и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множицею хочет ми ся ясти, но страмляюся у тебе просити“. Свекры же, се слышав, рада бысть, и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в нощь; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приемая, сама не ядыше, гладным все раздаше. И егда кто умираше, она же наимаше омывати, и погребалное даяше и на погребение сребреники даяше; а егда в селе их погребяху мертвых кого нибуди, о всяком моляся о отпущении грех.

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом, и оттого мнози в домех запирахуся и язвенных пострелом в дом не пуцаху, и ризам не прикасахуся. Она же отаи свекра и свекрови, язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше, и о исцелении бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, погребати наймая, и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литоргию, и [трапезы] в дому своем [попом], мнихом и нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астарахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши, не точию в ты дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тщашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смыслено и разумно рассуждая, смиряше. Враг же наустил раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на [царской] службе убиша. Она же вмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустить ю в монастырь; и не отпусти, но совещастаня вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлегаше на печи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилалаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света. И потом в церковь вхожаше к заутрени и к литургии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой богоугодно строяше, рабы своя доволно пищею и одеянием удовляше, и дело комуждо по силе задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотне, и мужу ея преставлшуся, она же погребе и честно, и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о душе, как угодити богу, ревнуя прежним святым женам, моляся богу, и постясь, и милостыню безмерну творя, яко многажды не остави у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же приходжаше зима, взимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздая нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше, но в дому моляшеся богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны: „Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лет, и дух святыи на ней почивает“. Поп же в велицем ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят, еже он поведат пред многими, и рече: „Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания“.

И заклея его не поведати никому. Сама же иде в церковь и, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону богородицыну. И оттоле боле подвизася к богу, ходя к церкви.

По вся вечера моляшеся богу во отходной храмине; бе же ту икона богородицына и святого Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами, и явися ей святой Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав, мучаше; святую же благослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: „Аз ти многу спону творих по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приблизитися ради милостыни и смирения, и молитвы“. Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя иисусову молитву. Аще ядыше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвизастася на славословие божие: многажды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше. — Бес же бежа от нея, вопияше: „Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, ниже чюжих кормити“. Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицом пременися. Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом, — и не поведати ничто же. Не помнозе же сказа нам тайно, и заповеда не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные потребности домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растакаше. И продолжися живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во всей русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное жита ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснутися, но елико оставшься скоты, и ризы

и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше, и в нищите обычныя милостыни не остася, и ни единого от просящих не отпусти тща. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну оста- тия в дому ея; и о том не смятеся, но все упование на бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село [нарицаемое Воч- нево] в пределы нижеградския, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хождаше к церкви, но в дому моляшешя; и о том немалу печаль имяше, но поминая святого Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице же ску- дности умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятя голодом. От них же доброразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша; она же со бла- гословением и молитвою отпусти я: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору древя- ную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашешя, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то бо время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: „Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама голодом измирает!“ Они же поведаша им: „Многи села обходимом и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не ядохом, яко сла- док хлеб вдовы сея“. Мнози бо имени ея не ведаху. Соседи же, избилны хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю; и тако же свидетельствующа, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: „Горазди раби ея печь хлебов!“. И не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сла- док. Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, не смутися, ни поропта, и не согреши ни во устах своих и не даст безумия богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разбо- лешя декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день лежа мо- ляшешя; а в нощи, вставая, моляшешя богу, особь стояше, никим подьдержима, глаголаше бо: „И от болнаго бог истя- зует молитвы духовныя“.

Генваря во 2-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастися святых таин. И сед, призва дети и рабы своя и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях. Прирече же и се: „Желанием возжелах ангельскаго образа иноческаго [еще от юности моя, но] не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, богу тако извольшу, слава праведному суду его“. И повеле уготовити кадило, и фимиям вложить и целова вся суцая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своя, последнее слово рече: „Слава богу всех ради, в руце твои, господи, предаю дух мой, аминь“. И предаст душу свою в руце божии, его же [измлада] возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется. И омывше, положьше ю в клетѣ, и в ту ночь видеша свет и свеща горяща и благоухание велие повеваше ис клетки тоя. И вложьше ю во гроб дубовый, везоша в пределы муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112 генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися печи быти. Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию, — бе бо притвор той без моста, — и обретше гроб ея на верху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребяемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыша гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужастн не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша от ужастн, начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром⁶ в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгусте-

вашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужасты не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедра целы суца, главы же ея не видехом, того дея, понеже на коньце гроба бревно пещьное лежаше. От гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же ночь мнози слышаху у церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, и прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящии различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

Беша убо в прежняя времена две девы, сестре суши, дщере некоего мужа благочестива от дворянска рода; имя единой Марфа и имя второй Мария. По времени же возраста ею даны быша на брак благоверным мужем от пресловущих градов, еже есть Рязани и Мурома: Марфа убо мужу некоему от честна рода рязанские земли, именем Иванну, но зело небогату; Мария же мужу от племяни нарочита земли муромския, имянем Логьвину, богатством же приобилующу, аще и незело велика суца рода. О отечествии же имян ею и прослытия роду не поведано ми бысть.

Та же по некоем времени Иванну и Логьвину случися има снитися к сродникам жену своею. Егда же приспе время вечери быти, бысть между има пря о седении места:¹ Иванну убо хотящу первосидения честнаго ради отечествия своего, такожде и Логьвину желающу богатства ради своего. И таковаго ради начинания и гордости своя вина бысть разлучитися има от себе, не помянуша бо реченнаго господем: „Егда зван будеши ким на брак и на вечерю, шед не сяди на преднем месте“ и прочая. И паки: „Иже хотяй в вас болий быти, да будет последний“ и прочая. И апостолу глаголющу: „Иже высоко в человецех, мерзость есть

пред богом“. И за сию убо вину не токмо сии едини различастся друг от друга, но и женама своима между себе до смерти своя изволиша ни писании ссылатися.

По неколицех же летех, яко же последи рекоша, случися божиим судом преставитися Иванну и Логвину во един день и во един час. Женама убо ею, Марфе не сведомо бысть про логвинову смерть, Марии же бо про иваннову смерть. Тогда же убо по лишении мужу своею встужившемся има сестра по сестре. И рече болшая сестра Марфа к себе сице: „Шед, посету аз зятя своего Логвина и поклонюся ему и сестру свою да вижду. И, аще будет зять мой призрит на мое смирение, аз же потщуся в дому его и пребывати. Аще ли презрит, аз же, токмо с сестрою си созревся и прощения получивши, восвоися возвращуся“. Такожде и меньшая сестра Мария рече в себе: „Иду к зятю Иванну. Поклонившася ему, с сестрою ся узрю. И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имени своего удоволю его, и он тако же, яко и муж мой богат и славен будет по своему достоинству“. И тако поидоста сестра к сестре.

И по божию изволению снисдостався на пути близ града Мурома и сташа каяждо себе. Тогда послав меньшая сестра слугу своего известно испытати, кто есть ста ту. „Егда ли будет кая, рече, жена, и мы вкупе снидемся. Аще ли будет мужеск пол, и мы вдале отидем“. И шед слуга ея и вопроси тех: „Кто сим путем грядет?“ И отвещаша ему: „Идет вдова к сестре своей“. И, пришед, слуга возвести сия госпоже своей. И госпожа его рече: „Добре убо нама снитися вкупе!“ И тако сошедшеся и поклоншемася друга ко друзей, в лицех же своих не познастася, яко беша сестре. И восхотевшима вопроситися има между себе о отечествии и сродстве своем. И рече болшая сестра к Марии: „Госпоже моя! Кто ты и откуда еси?“ И отвещавше Мария к сестре своей Марфе: „Аз многогрешная, имя ми есть Мария. Еду к сестре своей Марфе“. Сице же вопроси и Мария Марфы: „А ты, госпоже моя, кто и от куду еси и что ти есть имя?“ И отвещая Марфа к Марии: „Аз же многогрешная Марфа. Еду к сестре своей Марии.“ И тако познастася во отечествии, яко сестре беша, тако же и о смерти мужу своею извести-

стася. Тогда начаша сии между себе лобзанием любезным целоватися, яко же обычай им бе, и плакатися о мужу своею, занеже жиста не в совете между себе, по смерть свою ни съезжахуся, еще же ни писанием не изволиша ссылатися. И елико бо по мужу своею плачущесе, сугубейши сего ради себе за многовременное между себе незрение и безсоветие. И едва мало от плача преставше, порадовашася о бозе и благодариста того, яко не лиши ею спребывания на кончине века ею. И ту представити повелеста себе трапезу и ядше и пиша в славу Божию и веселистася. И по вечери сей успоша на месте том.

И в тонце сне явися има ангел господень, глаголя Марфе и Марии коейждо особь на имя: „Господь посла к тебе злато по вере твоей к нему“. Такжеже и другой: „сребро“. Злато же убо даде Марфе, сребро же Марии. И повеле в злате крест господень устроити, в сребре же ковчег кресту сковати. Вдати же оно повеле има, иже заутра прежде идущим человеком путем сим. Слышаста же сия, аки на яве мнящемяся, взявше и ввивше каяждо злато и сребро в зарукавие си.² И егда же има возбнувшима от сна, исповеда Марфа сестре си Марии виденное, такжеже и Мария Марфе возвести от ангела явлшееся има вкупе одинако. Тогда восхотеста си уверити видение, аще истинна суть, и абие обретосте в зарукавии си Марфа убо злато, Мария же сребро. И возрадовастася о предивном том видении, паче же божиин даровании, и слезы от радости испутивше, богу благодать воздаяху, и печастеся о сем, како бы има повеленное от бога сотворити.

Во утрии же день узревше грядущих мимо путем тем триех мужей во образе инок и возвасте к себе сих и возвестисте им вся о себе бывшая, еже от ангела има во сне видение и како приясте от него во сне злато соделати крест господень, сребро же сотворити кресту ковчег, отдати же сия во устроение человеком, заутра первошествующим путем сим. Слышавше же чаемии иноцы от нею глаголы сия и рекоша к нима: „Не скорбита о сем, мы сего ради дела к ваю приидохом!“ Тогда Марфа и Мария отдасте старцем тем в злате слити крест господень, в сребре же кресту

ковчег устроити. И тако мнимии иноцы, взявше от рук сестру злато и сребро, отидоша от очию их. Сестрома же Марфе и Марии дошедшема града Мурома и ту обитаста в дому си.

Слышавше же ближницы и сродственницы пришествие ею, сошедшеся к нима, начаша о преже бывших има и мужию их и скорбети и сетовати. Еще же и сама плачущемася за безсоветное и несогласное между себе житие, паче же вдовства и сиротства. Та же возвестиста о себе сродником своим, како подвижимася коеждо от себе в путь к сестре си, не согласившимася, ниже сославшимася, и како сретостася на пути, идеже и преславное оно видение ото ангела видеша во сне, дающа има злато — сотворити крест господень, сребро же — устроити ковчег кресту и заутра преждешествующим человеком, еже и отдаша има на пути, и все порядку, еже прежде написася. Слышавше же сия ужики ею, вознегодоваша и реша к нима: „То како сицево сокровище, паче же божие дарование, с небрежением отдаста, а не весте кому!“ Или не чаясте зде обрести златаря, в сем велицем и многонароднем граде, на устроение божия делеси!“ Сице истязующе ею. Онема же отвечавшема к ним: „Иже явивыйся и давай нама злато и сребро им же повеле отдати сотворити дело божие. Мы же и отдахом“.

Бе же тогда собравшеся к нима не едины сродницы ею, но и от нарочитых града, боляр же и дворян. Вопросыша о месте том, идеже явися чудное видение то, и злато и сребро обретеса има, да идут тамо. Та же собравшеся множество людей и совещащесе убо тамо итти.

Поемше же с собою Марфу и Марию и приидоша на место оно. И совет сотвориша твердо: со тщанием и всякою быстрою послати на все страны по путем и малым стезям коегождо господина с чюжим рабом и раба с чюжим господином на взыскание старцов оных: да аще кии от них тех старцов со златом и серебром обрящут, и ничто же скрыто или утаено от сих сотворят. Сице убо им урядившем и уже хотяху вскоре тещи на взыскание инок тех.

И абие узревше нецыи юноши трех инок, несуще крест господень, в злате устроен, и ковчег, в сребре сотворен,

и вложи юношам тем в сердце искони ненавистный сатана восхитити от рук старчих богодарованное сокровище сие, и уже окаянный коснутися хотяху. Старцы же рекоша им: „Человецы, отидите, отнюду же приидосте“. Тогда же в той час узревше со онема сестрама Марфою и Мариєю муромстии градожителие триех старцов, грядущих и несущих крест господень, и возбраниша неистовству отрок оных, сами же устремишася на стретение честнаго креста, несомаго от старцов, да с честью великою примут его.

Мнимии же старцы дошедше к сестрама и рекоша: „Марфо и Мария! Иже убо в видении от ангела данное вама злато и серебро, еже вдасте нам во устроение креста господня и ковчега ему, се по вере ваю, паче же повелением Божиим в том злате сей животворящий крест господень сотворен, в серебре же ковчег кресту соделан. Приместа си на спасение и на благоденствие, миру же всему на исцеление недугом и разрешение страстем и бесом на прогнание“. Та же сродницы тою и вси пришедши с нима на взыскание тех инок вопросиша их: „Где убо, отцы святии, бысте и откуда приидосте семо“. Мнимии же иноцы рекоша: „Во Цареграде быхом“. И паки вопросиша их: „Господие, колико время идосте от царствующаго града, еже есть ис Костянтинополя?“ Сим же рекшим: „Се убо третий час отнеле же изыдохом“. Слышавше же сия, удивившася вси, тогда сущии ту, и начаша молити их, да причастятца брашну от трапезы их. Отвещаша же им непщующии старцы: „Несмы бо ядущии, ниже пьющии, но убо вам благоволи бог в славу свою питатися от сих“. И, се рекше, невидими быша от них. Тогда убо познавше Марфа и Мария с сродники своими и со градоначалники, яко тии, от бога посланнии во образе инок, ангели суть. И воздаша хвалу богу, творящему дивная и преславная чудеса.

По сих же убо восхотевшима сестрама Марфе и Марии совет сотворити и совопроситися со ужиками и с сродники своими о сем, да где убо има, поставить той святой животворящий крест господень молитися: в дому ли си, или где в церькве господне. И бысть има видение от чудотворнаго креста господня во сне, глаголя: „Поставите мя во святи-

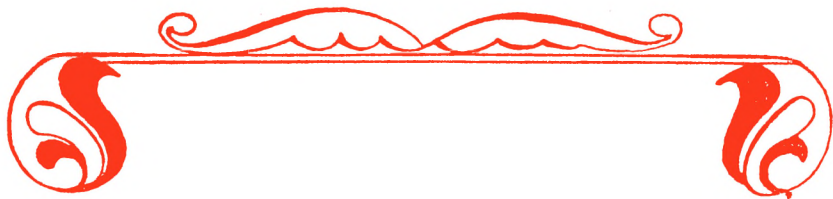
лище божии в церькви архистратига Михаила честнаго его собора на погосте, иже есть в мале отстоящъ от пути места сего, яко с поприще едино“. Марфа же и Мария возрадовастся о видении, яко не презре господь желанія ею. Тогда дошедше со тщанием церькви тоя и поставиша той святой и животворящий крест господень в предиреченней церькви архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных честнаго их собора, иже бе во уезде града Мурома, яко двадесяти и пяти поприщ града не достигши, пребывание имея во Унжеском стану на реке Унже, идеже подает благодатию христовою бесчисленная чюдеса и исцеления приходящим к нему с верою.

По сих же убо оныя благочестивыя две жене, Марфа и Мария, начасте к чудотворному оному целбоносному кресту притичуще. И не сии убо едины, но и всего града Мурома всенародное множество с великою верою прибегая; паче же различными болезнями одержимии прикасахуся, вскоре исцеление приемлюще, благодаряще бога, в домы своя отхождаху.

Проходяще повсуду слава о нем, любит бо таковая сих з дерзостию притичати и скорее крилатых обноситца, еже и до царствующаго града Москвы самодержцем в слухи внидоша. И сердца тех к честному оному кресту верою воспалистася и, з желанием приемлюще сего, целоваху. Сего ради обыкоша и служители тоя церькви даже и доднесь по вся лета приносить того в царствующий град Москву к державным и в благочестии сияющим царем и святителем и всему православному христіанству на освящение душам и на отгнание страстем и на исцеление телем от различных недуг.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ

Лета 7150* октября в 28 день¹ приехали к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу² всеа России к Москве з Дону из Азова³ города донские казаки: атаман казачей Наум Васильев да ясаул Федор Иванов. А с ним казаков 24 человека,⁴ которые сидели в Азове городе от турок в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне роспись. А в росписи их пишет. В прошлом де во 149-м** году июня в 24 день⁵ прислал турецкой Ибрагим⁶ салтан царь под нас, казаков, четырех пашей своих, да дву своих полковников⁷ Капитана да Мустафу, да ближние свое тайные дому, покою своего слугу, да Ибремя скопца⁸ над ними уже пашами смотрети вместо себя, царя, бою их и промыслу, как станут промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними пашами прислал под нас многую свою собранную рать бусурманскую,⁹ совокупя на нас подручных своих двенадцать земель воинских людей подписаной своей рати. По письмам боевого люду двести тысящей, кроме поморских и кафимских и черных мужиков,¹⁰ которые на

---

* В рукописи 7148, исправлено по У.

** В рукописи 147, исправлено по У.

сей стороне моря собраны изо всей орды крымские¹¹ и нагайские¹² на загребение наше,¹³ чтобы нас им живых загрести, засыпати бы нас им горою высокою, как оне загребают люди персидские. А себе бы им и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вечная. Тех собрано людей на нас черных мужиков многие тысячи и не бе числа им и письма. Да к ним же после пришел крымский царь,¹⁴ да брат ево народым Крым Гирей царевич¹⁵ со всею своею ордою крымскою и нагайскою, а с ним крымских и нагайских князей и мурз¹⁶ и татар ведомых, кроме охотников, 40000. Да с ним, царем, пришло горских князей и черкас ис Кабарды¹⁷ 10000. Да с ними ж, пашами, было наемных людей и у них немецких два полковника, а с ними салдат 6000. Да с ними же, пашами, было для промыслов над нами* многие немецкие люди городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государств: из реш елинских и Опаней великия, Венецей великие и Стекольни и французски наршики, которые делать умеют всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненныя. Наряду было с пашами пушок под Азовым великих больших ломовых 129 пушек. Ядра у них были великия в пуд, в полтара и в два пуда. Да мелкова наряду было с ними всех пушек и тюфяков¹⁸ 674 пушки, кроме верховых пушек огненных, тех было верховых 32 пушки. А весь наряд был у них покован на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турскими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары, седмые буданы,¹⁹ осмые башлаки, девятыя арнауты,²⁰ десятыя волохи, первые на десять митьеня,²¹ второе на десять черкасы,²² третьи на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царем по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышленников немец и черных мужиков и охотников, 256 000 человек.²³

А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре года.²⁴ А на пятой год он пашей своих к нам под

---

* В рукописи „ними“, исправлено по тексту рукописи В.

Азов прислал. Июня в 24 день в ранней самой обед пришли к нам паши его и крымской царь и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайские изнасеяны *, где у нас была степь чистая, тут стали у нас одним часом людьми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристания конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступила мест своих, что ** в водополи *. Почали оне турки по полям у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы ²⁵ великие, яко горы страшные забелелися. Почали у них в полках их быть трубли большие в трубы великие игры многие, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того, у них в полках их почала быть стрельба мушкетная ²⁶ и пушечная великая. Как есть стояла над нами страшная гроза небесная ²⁷, будто молние, коль страшно гром живет от владыки с небесе. От стрельбы их той огненной стоял огонь и дым до неба, все наши градские крепости потреслися от стрельбы их огненной и *** солнце померкло во дни том и в кровь претворилось, *** как есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видети. Никак непостижимо уму человеческому в нашем возрасте того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самую оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова города. Их янычарские головы ²⁸ строем их янычарским идут к нам оне под город великими большими полки и купами на шаренки. Многия знамена у них, всех янычен, великие, неизреченные, черные бе знамена. Набаты ²⁹ у них гремят на трубы трубят и в барабаны бьют в великия ж несказанныя. Двенадцать их голов яныческих. И пришли к нам самую близостию, к городу стекшися, оне стали круг города до шемпова в восем рядов от Дону,

* В рукописи „изнасеяны“ — нет, вставлено по тексту У.

** В рукописи „что воды полны“, исправлено по ИЗ.

*** В рукописи читаем: „померкла во дни том светлая в кровь обрательась“, исправлено по тексту Б.

захвата до моря рука за руку. Фитили у них у всех, янычар, кипят у мушкетов их, что свечи горят.³⁰ А у всякого головы в полку янычаней по двенадцати тысящей. И все у них огненно и платья на них на всех головах яныческих златоглавое, на янычанях на всех по збурам их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали³¹ у них у всех долгие турецкие з жаграми.³² А на главах у всех янычаней шишаки³³ яко звезды кажутся. Подобен строй их строю солдацкому.* Да с ними же тут в ряд стали немецких два полковника с салдатами. В полку у них солдат 6000.

Того ж дни на вечер, как пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, перских и еллинских. А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турецкого и от четырех пашей ево и от царя крымского речью гладкою:

„О люди божии царя небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаемы. Яко орли паряши без страха по воздуху летаете, яко львы свирепи, в пустынях водимы, рыкаете, казачество донское и волское, свирепое, соседи наши ближние, непостоянные нравы, лукавые, вы пустынножителем лукавые убийцы, разбойницы непощадные, несытые ваши очи, неполное ваше чрево, николи неполнится. Кому** приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турецкого. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорусские. Где вы тепере можете утечи от руки*** ево? Прогневали вы Мурат салтанову величества, царя турецкого; убили вы у него слугу ево верного посла турецкого Фому Кутузина,³⁴ а**** с ним побили вы всех армен и гречен, а послан он к государю вашему.**** Да вы ж взяли у него любимую ево цареву вотчину, славной и красной Азов город. Напали вы на него, аки волцы глад-

---

* В рукописи фраза разорвана предыдущей.

** В рукописи „коли“, исправлено по У.

*** Исправлено, в рукописи „реки“.

**** Исправлено по тексту Б, в рукописи это место испорчено и поставлено ниже.

ные. Не пощадили вы в нем никакова мужеска * возраста, ни стара ни мала жива и детей побили всех до единова. И положили вы тем на себя лютое имя звериное. Разделили ** государя царя турскаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и тем Азовым городом. А та у него орда крымская оборона ево на все стороны. Вторая, разлучили вы ево с карабельным пристанищем. Затворили вы им, Азовым городом, все море синее: не дали проходу по морю ни кораблям и катаргам ни в которое царство, поморские города. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в нем своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азов город в ночь сию, не мешкая. Что есть у вас в нем вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вон с собою в городки свои³⁵ казачьи без страха к своим товарищам. А на отходе ничем не тронем вас. А естли толко вы из Азова города в ноц сию не выйдете, не можете уж завтра у нас живы быти. И кто вас может, злодеи убицы, укрыть или заступить от руки ево такие*** силные и от великих таких страшных и непобедимых сил его, царя восточного турского? Кто постоит ему, несть никово равна или ему подобна величеством и силами на свете. Единому лише повинен он богу небесному. Един он лиш верен страж гроба божия.³⁶ По воле ж божией избра ево бог единого на свете ото всех царей. Промышляйте в ноц сию животом своим.

Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою, своею он волею великой государь восточной турской царь не убийца николи вашему брату вору, казаку-разбойнику. Ему то царю честь достойная, что победит где царя великого, равного своей чести, а ваша ему недорога кровь разбойничья. А естли уже пересидите в Азове городе ноц сию через цареву такую милостивую речь и заповеть, прием завтра град Азов и вас в нем, воров разбойников, яко птицу в руже свои. Отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные.

---

* В рукописи: „мужичка возрастание на ни стара“, исправлено по У.

** В рукописи: „Наделити“, исправлено по У.

*** В рукописи „токмо“, исправлено по Б.

Хотя бы вас, воров, в нем сидело 40000, ино силы под вас прислано с пашами болши 300 000. Волосов ваших столько нет на главах ваших, сколко силы турския под Азовом городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своима силу ево великую неизреченную, как оне покрыли всю степь великую. Не могут, чаю, с высоты города очи ваши видеть другога краю сил наших одних письмянных. Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю. И то вам, вором, даем* ведать, что от царства вашего силнаго московскаго никакой от человек к вам не будет русской помощи и выручки.³⁷ На што вы надежны воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылают. А если толко вы служить похочете, казачество свирепое, государю царю волному рать салтанову величеству, только принесите ему царю винные свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную. Отпустит вам государь наш турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие азовское. Пожалует наш государь турецкой царь вас, казаков, честию великою. Обогаит вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вам, казакам, он государь во Цареграде у себя покой великий. Во веки положит на вас, на всех казаков, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам, казаком, в государеве ево Цареграде будут кланятся. Станет то ваша казачья слава вечная во все краи от востока и до запада. Станут вас называть во веки все орды бусурманские и енычены и персидские светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людьми малыми с семью тысящи страшных таких непобедимых сил царя турецкого 300 000 письменных. Дождалися их вы к себе полкы под город. Каков пред вами, казаками, славен и силен и многолюден и богат шах, персицкой царь. Владеет он всею великою Персидою и богатою Индеею. Имеет у себя рати многия яко наш государь турецкой царь. И тот шах персидской царь впрям

---

* В рукописи: „да есть“, исправлено по Б.

не стоит николи на поле противу сильного царя турского. И не сидят люди ево персидские противу нас, турок, многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бесстрашие“. Ответ наш казачей из Азова города толмачем и голове яныческому:

„Видим всех вас и до тех мест про вас ведаем же, силы и пахи царя турского все знаемы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. Где полно ваш Ибрагим турской царь ум свой девал? Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших четырех пашей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своя турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямь и ведаем, что есть столько силы ево под нами с триста тысящ люду боевого, кроме мужика черново. Да на нас же нанял он, ваш турецкой царь, ис четырех немецких рек салдат шесть тысяч да многих мудрых подкопщиков, а дал им за то казну свою великую. И то вам *, турком, самим ведомо, што с нас по се поры ништо наших зипунов³⁸ даром не имывал. Хотя он нас, турецкой царь, и взятъем возьмет в Азове городе такими своими великими турецкими силами, людьми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым городством и разумом, не большая то честь будет царя турского имени, что возмет нас казаков в Азове городе, не изведет он тем казачья прозвища, не запустит Дон головами нашими. На взыскание наше молоцты з Дону все будут. Пашам вашим от них за море итти. Естли толко нас избавит бог от руки ево сильные такие, отсидимся толко от вас в осаде в Азове городе, великих таких сил его, от трехсот тысящей, людьми своими такими малыми, всево нас казаков во Азове сидит отборных оружных 7590, соромота ему будет царю вашему вечная от ево братии и от всех царей. Назвал он сам себя, будто он выше земных царей, а мы люде божии, надежа у нас вся на бога и на мать божию богородицу и на их

---

* В рукописи — „нам“; исправлено по тексту Б.

угодников и на свою братию товарищей, которые у нас по Дону в городках живут. А холопы мы природные государя царя христианского царства московского. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царем турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе казачество волное укупаем смерть в живота места.* Где бывают рати многие, тут положится от нас, крестьян, ваши трупы бусурманские многие.** Мы люди не шаха персидского, их то вы что жонок засыпаете в городах их горами высокими. Хотя нас, казаков, сидит сем тысящей пят сот девяносто человек, а за помощью божиею не боимся великих ваших царя турского трех сот тысящей и немецких промыслов. Гордому ему бусурману, царю турецкому, и пашам вашим бог противитца за ево такие слова высокие. Равен он, собака смрадная, ваш турецкой царь, богу небесному пишется. Не положил он, бусурман поганой и скаредной, бога себе помощника. Обнадежился он на свое великое тленное богатство. Вознес сотона, отец ево, гордостью до неба, а пустит ево за то бог с высоты в бездну вовеки. От нашей ему казачьей руки малыя соромота ему будет вечная, царю. Где ево рати великия топеря в полях у нас ревут и славятца, завтра тут лягут люди ево от нас под градом у трупы многия. Покажет нас бог за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко львов яростных. Давно у нас в полях наших летаючи, а вас ожидаючи, хлекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону, у нас всегда брешут лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупу бусурманского. Накормили вы их головами вашими, как у турецкого Азов взяли, а топере им опять хочется плоти вашей, накормим уж их вами досыти. Азов мы взяли у нево царя турецкого, не татыным веть промыслом, впрямь взатьем городством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от нас сидять. А сели мы в нем людьми малыми ж, разделясь нароком надвое, для опыту ж посмотрим турецких сил ваших и умов и промыслов. А все то мы при-

---

* „где бывают рати ваши великие тружатся от трупы многия ведомы“ — исправлено по тексту Б.

меняем к Ерусалиму и Царюграду, лучится нам тако
взять у вас Царьград.³⁹ То царство было христианское.
Да вы ж нас, бусурманы, пужаете, что с Руси не будет к нам
запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государства
московского про нас то писано. И мы про то сами ж и без
вас, собак, ведаем, какие мы в государстве московском на
Руси люди дорогие и к чему мы там надобны. Черед мы
свой с вами ведаем. Государство великое и пространное
Московское многолюдное, сияет оно посреди всех государств
и орд бусурманских и елнических и персидских, яко
солнце. Не почитают нас там на Руси и за пса смердяшаго.
Отбегохом мы ис того государства московского из работы
вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых.
Да зде вселилися в пустыни непроходные. Живем, взирая на
бога. Кому там потужить об нас, ради там все концу нашему.
А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи. Кормит
нас, молотцов, небесный царь на поле своею милостию
зверьми дикими да морскую рыбою. Питаемся, ако птицы
небесные: ни сеем, ни орем, ни збираем в житницы. Так
питаемся подле моря Синяго. А серебро и золото за морем
у вас емлем. А жены себе красные любые, выбираючи, от
вас же водим. А се мы у вас взяли Азов город своею
казачьею волею, а не государским повелением, для зипунов
своих казачьих да для лютых пых ваших. За то на нас госу-
дарь наш, холопей своих далних, добре кручиноват. Боимся
от него, государя царя, за то казни к себе смертныя за
взятье азовское. И государь наш, великой, пресветлой и пра-
ведной царь, великий князь Михаило Феодорович всеа Русии
самодержец многих государств и орд государь и облада-
тель. Много у него, государя царя, на великом холопстве
таких бусурманских царей служат ему, государю царю, как
ваш Ибрагим, турской царь. Полно он, государь наш великой
пресветлой царь, чинит по преданию святых отцов, не желает
разлития крове вашаея бусурманския. Полно государь и
богат от бога ж данными своими и царскими оброками и без
вашего смрадного бусурманского и собачья богатства.
А если на то было такое ево государское повеление, восхо-
тел бы толко он, великой государь, кровей ваших бусурман-

ских разлития и городам вашим бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисправление, хотя бы он, государь наш, на вас на всех бусурманов велел быть войною своею Украиною, которая сидит у него, государя, от поля от орды ногайские,⁴⁰ иноб и тут собралось людей ево государевых русских с одной ево Украины болши легеона тысящ. Да такие ево государевы люди русские украинцы, что они подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотят поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держит их и не повелит им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевым повелением держат их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турской, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицом царевым поставили, незащило бы ево, царя турского, от руки ево государевой и от ево десницы высокия и море бы Синее, не удержало людей ево государевых. Было бы за ним, государем, одним летом Ерусалим и Царьгород попрежнем, а в городех бы турецких во всех ваших не устоял и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турского, чтоб нам служить ему, царю турскому. А сулите нам от него честь великую и богатство многое. И мы люди божи, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению христиана православные, как можем служить царю неверному, оставя пресветлой свет здешной и будущей: во тму итти не хочетца. Будет мы ему, царю турскому, в слуги толко надобны и мы, отсидевся и одны от вас и от сил ваших, побываем у него, царя, за морем под ево Царем градом, посмотрим ево, царя, и град, строение кровей своих, там с ним, царем турским, переговорим речь великую, лишь бы ему наша казачья речь полюбилась. Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми. А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Как претки ваши, бусурманы, учинили над Царем градом — взяли ево взатьем; убили в нем государя царя храброго Костянтина благоверного;⁴¹ побили христиан в нем многие тысящи, тмы; обагрили кровию нашею христианскою все пороги церковные,

до конца искоренили вы веру христианскую, — так бы нам над вами учинить нынече с обрасца вашего. Взять бы его, Царьград, взятъем из рук ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турецкого, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы так ваша кровь бусурманская нечистая, тогда б то у нас с вами мир был в том месте. А топере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо ведаем. А что вы от нас слышите, то скажите речь нашу пашам своим. Нельзя нам мирится или верится бусурману с христианином. Какое преобращение христианин побожится душою христианскою да на той он правде век стоит, а ваш брат, бусурман, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская, и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату собаке верити. Ради мы вас завтра подчивать, чем у нас молотцов в Азове бог послал. Поезжайте от нас к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ездите. Оманывать вам нас, ино даром лише дни терять. А кто к нам от вас * с такою речью глупою опять впредь будет, тому у нас под стеною убиту быть. Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турецкого к нам присланы.

Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людьми немногими. А вы ево у нас из казачьих рук доступаете уже головами турецкими, многими своими тысеци. Кому то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовым турецких голов своих многие тысеци, а не видать ево вам из рук наших казачьих и до веку. Нешто ево, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии самодержец да вас им, собак, пожалует попржнему, то уж ваш будет, на то ево воля государева“.

Как от Азова города голова и толмачи приехали в силы свои турецкия к пашам своим и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них быть в грамады их великия и набаты многия. Враны и звери почали играть добре жалостно. А все разбирались

---

* В рукописи: „вам от нас“, исправлено по тексту Б.

оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Как на дворе в часу уже дни, почали выступать из станов своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры, как есть по полю цветы многия. От труб великих и набатов их пошел неизреченной звук. Дивен и страшен приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришел строй их весь пехотной яныческой сто пятьдесят тысяч. Потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко. Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли наш Азов город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многие по лестницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрельба из города осадного: до тех мест молчали им. Во огни уже и в дыму не мог у нас видети друг друга. На обе стороны лише огонь да гром от стрельбы стоял, огонь да дым топился до небеси. Как то есть стояла страшная гроза небесная, коли бывает с небеси, гром страшный с молнием. Которые у нас подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от мужества их не устояли неизреченных сил, все обвалились: не удержала от силы их земля.⁴² На тех то пропастях побито турецкия силы от нас многие тысячи. Приведен у нас был весь наряд на то место подкопное и набит был он у нас весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турков шесть голов одних яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами с шестью тысящи. В тот же день, вышед, мы вынесли большое знамя на выласке царя турскаго,⁴³ с коим паши ево перво приступали к нам турецкие тот первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от нас под городом, кроме шти голов их яныческих и дву полковников, одних янычаней дватцать полтрети тусящи, кроме раненых.

На другой день в зорю светлую опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп, которой у нас побит под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую

яныческую голову по золотому червонному, а за полковников, голов давали по сту талеров. И войском за то не постояли им, не взяли у них за битые головы серебра и золота: „Не продаем мы никогда труп мертвого, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова города, собакам, игрушка первая, лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от нас будет, иным нам вас нечем подчинять, дело у нас осадное“. В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой труп до самой до ночи; выкопали ему, трупу своему, глубокой ров от города три версты и засыпали его тут горою высокою и поставили над ним многие признаки бусурманские и подписали на них языки разными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от нас, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам, и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будет, попрося у бога милости и у пречистые богородицы помощи и у Предтечина образа и призывая на помощь чудотворцы московские и учиня меж себя мы надгробное последнее прощение друг з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною семью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трех сот тысящ. „Господь, сотворитель, небесной царь, не выдай нечестивым создания рук своих: видим от их сил пред лицом смерть свою лютую. Хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и безсилie, что нас в пустынях покинули все христианы православные, боялися их лица страшнаго и виликия их силы турецкия. А мы бедныя не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия, за твоею божиею помощью за веру христианскую помираючи, бьемся противу больших людей трех сот тысящ и за церкви божие, за все государство московское и за имя царское“. Положа на себя все образы смертныя, выходили

к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышел к ним: „С нами бог, разумеите языцы и неверные и покоритесь, яко с нами бог!“ Услышали неверные изо уст наших то слово, что с нами бог, не стоял впрям ни один против лица нашего, побежали все от горы своей высокоя. Побили мы их в тот час множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходе на том бою у той горы шестнадцать знамен одних яныческих да дватцать восем бочек пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побил ою многия тысящи и к нам их янычана тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятьсот человек. Да уж мудрость земная их с тех мест миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово, в длину ее повели лучных* стрельбища в три, а в вышину многим выше Азова города, а широта ей, как бросить нанее дважды каменем. На той то уже горе оне поставили весь наряд свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысяч, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ночь беспрестанно. От пушек их странно гром стал, огонь и дым топилс от них до неба. Шестнатцать дней и шеснатцать ночей не премолк наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрельбы их пушечной все наши азовские крепости распалися⁴⁴. Стены и башни все и церковь Предтечева и палаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд наш пушечный переломали все. Одна лиш у нас во всем Азове городе церковь Николина в полы осталась, потому и осталася, што она стояла внизу добре к морю под гору. А мы от них сидели по ямам.⁴⁵ Всем выгянут нам из ям не дали. И мы в те поры зделали себе покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворов своих под них повели 28 подкопов, под их таборы. И теми мы подкопами учинили себе помощь, избаву великую. Выходили ношною порою на их пехоты янычана, и побили мы множество. Теми

---

* В рукописи: „лишних“, исправлено по тексту В.

своими выласками ношными на их пехоту турецкую положили мы на них великой страх, урон большой учинили мы в людех их. И после того паши турецкия, глядя на наши те подкопны, мудрые осадные промыслы, повели уже к нам на противу из своево табору сем подкопов из своих. И хотели оне к нам теми подкопами прити в ямы наши, да нас подавят своими людьми великими. И мы милостию божиею устерегли все те подкопы их, порохом всех их взорвало и их же мы в них подвалили многие тысячи. И с тех то мест подкопная их мудрость вся миновалась, постыли уж им те подкопные промыслы. А было всех от турок приступов к нам под город Азов 24 подкопа всеми людьми. Кроме большова приступа первого, такова жестоко и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тот приступ. Почали к нам уж оне метать в ямы наши ядра огненные чиненные и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуще приступов тесноты великие. Побивали многих нас и опаливали. А после тех ядр уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне нас осиливать и достигать прямым боем своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всяк день людей своих, янычаны; по десяти тысящей приступает к нам целой день до нощи; и нощ придет, на перемену им придет другая десять тысяч; и те уж к нам приступают нощ всю до свету: ни часу единого не дадут покою нам. А оне бьются с переменою день и нощ, чтобы тою истомою осилеть нас. И от таковы их к себе зла и ухищренного промыслу, от бессония и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд и от духу смраднаго труплова отяхчели, а мы все изнемогли болезнями лютыми осадными. А все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнуть нам не дадут. В те поры отчаяли уже мы весь живот свой и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человек, толко себе и чая помощи от вышняго бога. Прибежим бедные, к своему лиш помощнику к Предтечеву образу. Пред ним, светом, расплачемся слезами горькими: „Государь — свет, помощник наш, Предтеча Иван, по твоему

светову явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей.⁴⁶ Твой светов и Николин дом очистили и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рук. Бес пения у нас по се поры перед вашими образы не бывало, а мы вас, светов, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские. На вас мы, светов, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарищев. А топере от турок видим впрям смерть свою. Поморили нас безсонием, дни и нощи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели, уж от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрельбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом, язык уж наш во устах наших не воротитца на бусурман закрычать — таково наше безсиле, не можем в руках своих никакова оружия держать. Почитаем мы уж себя замертво и той мертвой труп з два часа уже не будет в осаде сиденья нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж нам на святой Руси. А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворная, и за веру христианскую, и за имя царское и за все царство московское“. Почали прощатися:

„Прости нас, холопей своих грешных, государь наш православной царь Михайло Феодорович всеа Руси. Вели наши помянуть души грешныя. Простите, государи, вы патриархи вселенские, простите, государи, все митрополиты и архиепископы и епископы и простите, все архимандриты и иегумены, простите, государи, все протопопы и священницы и дьяконы. Простите, государи, все христиане православные, и поминайте души наши грешные с родителями. Непозорны ничем государству московскому! Мысля мы, бедная, умом своим, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая“. Подняв на руки иконы чудотворныя, Предтечеву и Николину, да пошли с ними против бусурман на выласку. И милостию явною побили мы их на выласке, вдруг вышед, шесть тысящей. И видя то люди турецкия, што стоит над нами милость божия, што ничем

осилеть недоумеют нас, с тех то мест не почали уж присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ран и от истомы их отдохнули в те поры. После того бою, три дни оне погоде, опять их толмачи почали к нам кричать, чтобы им говорити с нами. У нас с ними уж речи не было, потому и язык наш от истомы нашей во устах наших не воротится. И оне к нам на стрелах почали ярлыки метать.⁴⁷ А в них оне пишут к нам, просят у нас пустова места азовского, а дают за него нам выкуп на десятого молотца по триста тарелей сребра чистаго да по двести тарелей золота красного. „А в том вам паши наши и полковники сердитуют душею турецкою, веть што ныне на отходе ничем не тронем вас, подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарищем, а нам лише отдайте пустое место азовское“. А мы к ним напротиву пишем: „Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у нас в Азове и на Дону своего много. То нам, молотцам, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себе знати и ведать паметно на веки веков во все край бусурманские, штобы вам было казать, пришед от нас, за морем царю своему турецкому глупому, каково приступать к казаку рускому. А сколько вы у нас в Азове городе розбили кирпичу и камни, столько уж взяли мы у вас турецких голов ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складе Азов город лучше прежева. Протечет наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем города в головах ваших. Нашол ваш турецкий царь себе позор и укоризну до веку. Станем с нево имать по всякой год уж шестеро“. После того уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам, сметилися в своих силах, што их под Азовом побито многие тысячи. А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и светлолепну на воздухе стояще посреди града Азова, ини мужа древна, власата, в светлых ризах взираючи на полки

бусурманские. Ино та нас мати божия богородица не предала в руке бусурманския и на них нам помощь явно дающе, вслух нам многим глаголюще умильным гласом:

„Мужайтеся, казаки, а не ужасайтесь! Сей бо град Азов от беззаконных агарян зло их обруган и суровством их, нечестивых, престол Предтечин и Николин осквернен. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучительство христианское учиниша, разлучиша мужей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и от матерей. И от многого того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенц безгрешных и уста моя не могут изрещи, на их обругание смотря. И услыша бог моления их и плач, виде создание рук своих, православных христиан, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение: предал вам град сей и их в руке ваши. Не рекут нечестивыи: „где есть бог ваш христианский“? А вы братие не пецытеся, отжените весь страх от себя, не пояст вас никакой бусурманской меч. Положите упование на бога, примите венец нетленной от Христа, а души ваши примет бог, имате царствовати со Христом во веки“. Атаманы многие ж видели от образа Ивана Предтечи течаху от очей ево слезы многие по вся приступы. А первой день, приступное во время, видех ломпаду полну слез от ево образа. А на выласках от нас из города все видеша бусурманы, турки, крымцы и нагаи, мужа храбра и млада в одеже, с одним мечем голым на бою ходяще, множество бусурман побиваше. А наши не видели, лишю мы противу убитому знаем, што дело божие, а не рук наших. Пластаны люди турецкие, а сечены наполю: послана на них победа с небеси. И оне о том нас, бусурманы, многажды спрашивали, хто от нас выходит из града на бой с мечем, и мы им сказываем: „То выходят воеводы наши“.

А всего нашего сиденья в Азове от турок в осаде было июня з 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году.⁴⁸ И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 ноци. А сентября в 26 день в ноци от Азова города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету,

возмятсь окаянные и вострепетась, побежали, ничем нами гонимы. С вечным позором пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы⁴⁹ все. И мы, как слышали отход их с табаров, — ходило нас казаков в те поры на таборы их тысяча человек. А взяли мы у них в таборех в тое пору языков, турок и татар живых, четыреста человек, а больных и раненых застали мы з две тысящи.

И нам тея языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, от чево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами. „В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства московского. И стала она против самого табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы всех узнали их. Тою нощию страшные воеводы азовские ратно и во одежде ли выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруях наших надвое. От тово то страшново видения [бег пашей турецких и царя крымского с табаров“. А нам, казакам, в ту же ношь к вечеру во виде] * всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древны, на одном одежда иерейская, а на другом власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорят нам: „Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор и пришла на них победа Христа, сына божия, с небес от силы божия“. Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовом городом. Письмяново люду побито однех у них мурз и татар, янычен их, девяносто шесть тысящ, кроме мужика черного и охотника тех янычан. А нас всех казаков в осаде село в Азове толко 7367-м человек. А которые остались мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея,

---

* В рукописи пропуск. Добавлено по тексту В.

в Азове сидечи, за имя божие за и веру христианскую. А то-пере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси просим милости, сидельцы азовские и которые по Дону и в городках своих живут, холопей своих [чтобы пожаловал] и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину, Азов город, для светого Предтечина и Николина образов, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою Украину, не будет войны от татар и во веки ⁵⁰, как сядут в Азове городе.

А мы, холопи ево, которые остались у осаду азовския сил, все уже мы старцы увечные: с промыслу и бою уж не будет нас. А се обещание всех нас предтечева образа в монастыре ево постричися, принять образ мнишеский. За него, государя, станем бога молить до веку и за ево государское благородие. Ево то государскою обороною оборонил нас бог, верою, от таких турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь нас, холопей своих дальних, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова города, заплакав, нам ево покинути. Подимем мы, грешные, икону Предтечеву да и пойдем с ним, светом, где нам он велит. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будет игуменом, а ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предтечева образа, помрем все тут до единова. Будет во веки славна лавра Предтечева.

И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зеляя, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылке турецкого Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодорович, пожаловал турецкого Ибрагима салтана царя, велел донским атаманам и казакам Азов град покинуть. ⁵¹

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ ЦАРСТВУЮЩЕГО ГРАДА МОСКВЫ

Лето 6889-го октября в 29 день во Володимере граде по державе князя Владимира державствовал князь Андрей Александрович Невский, а во граде Суздале державствовал князь Данил Александрович Невский.

Почему было государству Московскому царству быти и кто то знает, что Москве государством слыти?

„Были на сем месте по Москве реке села красныя, хорошия, боярина Кучка Стефана Ивановича. И были у Кучки два сына красны зело; не бысть таких красных юношей во всей Российской земли. И сведа про них князь Данил Суздальский и проси у Кучки боярина князь Данил сынов его к себе во двор с великимь прением. И глагола ему: „аще не дашь мне сынов своих во двор мой, и аз на тя прииду с воинством и тебя велю мечю предати, а села твоя красныя огню предам“. И боярин Кучко Стефан Иванович, убоясь страха князя Данила Александровича, и отдаде сынов своих обоих князю Данилу Суздальскому. И те два брата князю Данилу полюбилися, и нача их князь Данил любить и жаловати, единого пожаловал в стольники, а другаго пожаловал

в чашники. Теже два брата полюбилися князя Данила жене его княгине Улите Юрьевне, и уязви ю враг на тех юнош блудною страстию, возлюби бо красоту лица их, и дияволим разжением смесися с ними любезно. И умыслиша они со княгинею, какобы им предати князя Данила смерти. И начаша звати князя Данила в поле, еже обычай бывает ездить утешения ради, смотреть зверска лова зайцев. И бысть ему на поле и егда въехавшу в дебри, и нача они Кучковичи предавати его злой смерти. И князь Данил ускочив от них на коне своем в чашшу лесу, часты бо леса. И бежа от них подле Оки реки, оставя коня своего. Они же злии убийцы, аки волцы люти напрасно хотя восхитити его. И сами быша ужаснии, много же искавше его и не обретоша, но токмо нашедше коня его.

Князь же добежав с нуждею до перевозу, и не имея что дати перевозчику, токмо бе у него на руке перстень злат; и тот перстень обещается дати за перевоз. Перовощик же глаголаше к ему: „Лихо де вы люди обманчивы, как де вас перевезешь реку, и вы де, не дав перевозу, так и уходите“. А узнал его перовощик, что он князь Данил Александрович.

Он же обещался, что дасть тот перстен золотой за перевоз, аще перевезет его Оку реку. Перовощик, приехав близь к берегу от другия страны Оки реки, и быв против князя и протяже весло к князю и рече: „Подай мне перстень на весло, перевозного наперед, и аз тя перевезу Оку реку“. Князь же Данило мнев его правдив человеком, и мя не солжет ему, и положи ему на весло преж перевозу перстень свой златой. Перовощик же то взяв на весле от князя перстень к себе и отторжеся от берега в перевоз не за Оку реку и не перевезе его.

Князь же Данил побеже подле Оки реки, бояся за собою гонивших людей его. И преиде день той к вечеру темных осенних ношей. И не имея где прикрытися: пусто бе место в дебри, и по прилучаю найде в той дебри струбец мал стоит, под ним же прежде погребен бысть ту некоторый мертвы человек. Князь же влезе в струбец тот, закрывся в нем, забыв страх мертваго. И почи ту ночь темную осеннюю до утрия.

Сынове же болярина Кучки Стефана быша в сетовании и в великой печали, что упустиша князя Данила жива от рук своих, ранена. И придоша в раскаяние и реша друг ко друга: „Лутче бы нам не мыслити и не творити над князем такового дела смертнаго, понеже утече от нас князь Данил ранен во град Владимир к брату своему князю Андрею Александровичь. И приидеть к нам зло князь Андрей с воинством, и будет нам от них принять злая смерть казнь, различная и лютая; а княгине Улите бысть от него повешеной на вратах и зле разстреляне; или в земли до плечи живой быть закопаной, что мы напрасно умыслили зло на князя неправедно“.

И злая княгиня Улита, наполни ю диявол в сердце злыя мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки лютую змию ядовитую, распали бо ю сатана на возжеление блудныя тоя похоти, возлюбив бо окаянная малодобрых наложников Кучковых детей и любовников своих; и поведати им вся тайны мужа своего по ряду, глагола: „Есть де у мужа моего пес выжлец. И как де он князь Данил ездит против врагов своих на грозныя побоища, на татар, или на крымских людей, приказывает мне, поедя на брань: „егда я от татар или от крымских людей убит буду, или иным каким случаем приидет мне смерть безвестная, или на бою в трупиях человеческих сыскати и познати меня не мочно, или в полон буду взят жив от татар или от крымских людей, и которым путем, в которую землю сведут мя, и ты пошли на взыскание по мне дворян своих с тем псом и вели им пустити того тай перед собою проста, и самем ехати за ним, и где буду жив сверен, и тотъ пес тою дорогою дойдет до меня, или на поле буду мерьтв безвестно, или на бою убит, и во многом трупием человеческом, и образ мой от кровавых ран переменится, или не познают меня, а той пес взыщет меня неложно, и мертвому мне учнетъ радоватися и тело мое начнет лизати радостно“.

И на утрия та окаянная княгиня Улита, того тай дав тем своим любовником и твердо им приказывает, где вы его с сим псом ни обрящете, и там его скоро смерти и предайте без милости. Они же зли убийцы злаго ума тоя злоядницы княгини Улиты наполнившеся, взявше вскоре того пса,

приехавше на место, где князя Даниила ранили, и от того места пустиша наперед себя того пса. Той же пес беже пред ними. Они же за ним скоро ехавше, и бежал той пес по берегу Оки реки скоро и набежал он струп, где ухоронился князь Даниил, увидев князя Даниила и нача опашию своею махати, радуяся ему. Те же искали его убийцы, увидевше то пса радуящися и хвостом машуща, скоро скочивше, скрывают покров струпа того и обретоша тут князя Даниила Александровича, и скоро князю смерть лютую, мечи и копии прободоша ребра его и ссекоша главу ему и паки в том же струбец покрыша тело его.

Сей благоверный князь Даниил бысть четвертый новый мученик, прият мученическую смерть от прелюбодеев жены своея. В первии мученицы Борис и Глеб убиены быша от брата своего окоянного Святополка рекомаго Поганополка. Кучковыи же дети приехавше во град Суздаль, привезоша ризу кровавую великаго князя Даниила Александровича и отдаше ю княгини Улите, жене его князя Даниила, и живяху с нею те убойцы в том же беззаконии любодейном по прежнему.

Не скоро же убо доходит вестъ во Владимир град ко князю Андрею Александровичю, что сотворися таковое убийство над братом его князем Даниилом Александровичем. Сыну же его Иоанну Даниловичю, внуку Александрову, оставшемуся младу сущу токмо пяти лет и трех месяцев от рождения его, храняще его и соблюдяше верный раб отца его Давыд Трядемив.

По смерти же Даниилове пришедшу уже два месяца и сжалися тот верный слуга Давыд о князеве сыне Иоанне Даниловиче и взяв его отай нощию и паде на коня и гнав с ним скоро ко граду Владимиру, ко князю Андрею Александровичю, к стрюю его. И сказав все слуга его тот Давыд по ряду, что сотворилося во граде Суздале над великим князем Даниилом злое таковое убийство над братом его князем Даниилом.

Князь же Андрей сжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимирович по братии своей Борисе и Глебе, на окоянного злаго убийцу Святополка рекомаго Поганополка.

И собрав войска себе Ярослав новгородцов, и бога себе в помощь призвав ратию отмстити кровь праведных братьей своих Бориса и Глеба, победи окаянного Святополка. Также и сей новый Ярослав, великий князь Андрей Александрович прослезился горце по брате своем князе Даниле Суздальском и воздесь руце свои на небо и рече со слезами: „Господи владыко и творче всех, создателю наш, отмсти кровь праведных Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка, тако господи и владыко отмсти кровь сию неповинную брата моего князя Даниила на злых сих блудников и наложников тоя блудницы несытых плотцких блудных скверных похотей, бесовских угодных дел связанных сатанина закона. Святополк бо окаянный братоубийство сотвори, очи его злы прельстишася несытии сребра и злата имения многого, власти и царства сего света на един час насладитися, а небесного царствия во веки отпаде и во дне адове во веки мучение воспринять. Тако же и сия скверная несытая блудница княгиня Улита блуднаго сквернения похоти несытствовала. На един час насладися скверный и не токмо небесного царствия лишися, но и сего света власти и злато и сребро и ризи драгие и многоценныя отринув и возлюби скверность злую похоть блудную и готовися диявола невеста быти“.

И собрав князь Андрей во граде Владимире своего войска пять тысяч и поиде ко граду Суздалю и слышаху во граде Суздале Кучка боярина Стефана дети его, что идет на них из Владимира града князь Андрей Александрович с воинством своим на отмщение неповинные крови великого князя Даниила Александровича брата своего, и прият тех убийц страх и ужас, что напрасно пролили кровь неповинную, убили господина своего князя Даниила. И не возмогоша стояти оне против князя Андрея ратоватися, и побежаша ко отцу своему боярину Кучку Стефану. Князь Андрей с воинством своим пришел в Суздаль град. Граждане же суздальцы князю Андрею не воспротивяста ни в чем ему, и покоришася и глаголюща ему государю: „Князь Андрей Александрович! Мы тем убийцам не советницы были на смерть брата твоего, а нашего государя великого князя Даниила Александровича, и не приложихомся совету их, но мы вемы, яко же на его

злую тою смерть ему умыслила с любовники своими Кучковичи, и мы тебе, государь, будем собствовать на тех злых изменников на отмщение великаго государя князя Даниила.

Князь же Андрей повеле княгиню Улиту взять и умучити розными муками и лютыми и предаша злой смерти, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудное дело сотворила, а не устрашилася бога и создателя всех, вельможей и великих людей и не устрамилася, а добрых жен укору и посмеху не постыдилась, мужа своего великаго князя Даниила злой смерти предала и сама окаянная княгиня тую же лютую смерть прияла.

И собрашася суздальскаго воинства граждане в помощь к великому князю Андрею числом 3000, и поиде князь Андрей со всем своим войском на боярина Кучку Стефана и на убийц. И не было у Кучки Стефана боярина круг красных его сел ограды каменная, ни острога деревянаго, и не возможе Кучко боярин против князя Андрея боем битися. И вскоре князь Андрей всею своею силою емлет приступом села и слободы красныя, и самого Кучку боярина Стефана и съ его детьми в полон взял, и повеле их князь Андрей оковати в железа крепкими, и потом повеле его боярина Стефана казнити, а сынов его лютыми муками умучити разными. И тут Кучко боярин и з детьми своими злейшую кончину восприяша.

В лето 6890 месяца марта в 17 день князь же Андрей Александрович отмсти кровь неповинную брата своего великаго князя Даниила Александровича Суздальскаго, победи Кучка боярина Стефана и злых убийц, детей его Стефановых, умучил розным муками и все имение их, злато и серебро и богатство разграбив, отослал к себе, а сел и слобод красных не велел разорить. И о том воздал хвалу Христу богу и Богородицы и всем святым, что дал бог помощь победити и отмстити кровь брата своего Кучка боярина и детей его убийцы и блудников и препочи тут. И на утрии востав и посмотрев по тем красным селам и слободам, и вложи ему бог в сердце, князю Андрею, и те красныя села и слободы ему князю Андрею вельми полюбилися, рассмотрев и помышляше во уме своем, како бы ему бог подал помощь еще

в том месте граду быти. И воздохнув из глубины сердца своего, воздев руце на небо моляшеся богу со слезами и рече: „Боже Вседержитель, творче всем и создателю! Прослави, господи, место сие и подаждь помощь, исполни хотение желания моего, еже устроить град на сем месте и возградити святыя церкви“. И оттоле князь Андрей сяде в тех красных селах и слободах жительствовати, а во граде Суздале и в Владимире посадил державствовать сына своего Георгия Андреевича, а племянника своего, Иоанна Даниловича, братня сына, к себе взял и воспитал его до возраста его в добром наказании.

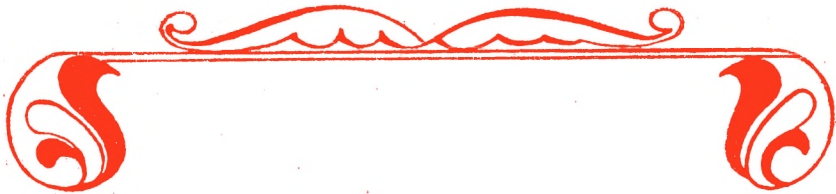
Той же благоверный князь Андрей Александрович воздвиге церковь пречистыя Богородицы честнаго и славного ея Благовещения невелику сушу древяну и бога на помощь себе призывал и пречистую его Богоматерь владычицу Богородицу. Таже повеле и град основати около тех красных сел по Москве реке, с ним же пособствовавшие суздальцы и володимерцы и ростовцы и окрестныя веси. И тако соверши град божию помощю и Богородицы и всех святых устроиша все градное дело в лето 6891-го июля в 7 день. И оттоле нача именоватися новосозданный град Москва.

Поживе же той благоверный князь Андрей во граде Москве и устрои в нем многия церкви и преставися в лето 6892-го, во граде Москве державствовать благословил племянника своего Иоанна Даниловича. Сыну же его Андрееву Георгию, наричему Юрию Андреевичу, суздальскому и владимирскому, преставльшемуся прежде смерти отца своего Андрея Александровича Московского едином летом, но токмо остана у него Георгия наследник по нем, сын его Димитрий Георгиевич, еще бо малу сушу ему, яко 4 лет и дву месяцев. Той же князь Иоанн Данилович доиде полного возраста своего и дарова ему бог добр разум и премудрость, и бысть благодарствен и верен и благочестив и нищелюбив, аки златы сосуд наполнен добраго и чистаго бисера. И взял к себе Димитрия Юрьевича суздальского и владимирского, сродича своего и воспита его в добром наказании, а град Суздаль и Владимир под сию же область московскую державствовать прием.

В та же времена при сем владыце верном и благочестивом князе Иоанне Даниловиче Московском в лето 813-го марта в 22 день прииде из Киева града к Москве по божию благоволению преосвященный Петр митрополит, и благослови князя и нарече его великим князем Московским и всея Росии и пророчествова Петр митрополит о сем граде Москве сице: „Яко по божию благоволению будет град сей царствующим, велми распространится, и устроится в нем дом всемогущия и живоначальныя святыя Троицы и пречистыя его матере пресвятыя Богородицы, и церквей божиих буде множество, и монастырей святых безчисленно многое множество, и наречется сей град второй Иерусалим, и многим державством обладатель, не токмо всею Росиею, но и всеми странами прославится, восточною и южною и северною, и пообладает многими ордами до теплого моря и от студеного окяна, и вознесется рука высока богом дарованная отныне и до скончания миру“. Князь же великий Иоанн Данилович даде Петру митрополиту пасти церковь божию, престол господя бога и спаса нашего Иисуса Христа, дом всемогущия и живоначальныя святыя Троицы и пречистыя его Богоматере, и поставляется митрополитом московским и всея Росии.

И прославиша вси жители господя бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистую его богоматерь владычицу богородицу и всех святых, и воздаша хвалу богу в Троицы славимому, сотворше молебное пение, и оттоле назвася и прославися имя твое отца и сына и святого духа, ныне и во вся веци. Аминь.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ ¹

Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый бог являет человеколюбие свое над народом христианским. Хошу убо вам, братие, поведати повесть сию предивную, страха и ужаса исполнену и неизреченнаго удивления достойну, како человеколюбивый бог долготерпелив, ожидая обращения нашего, и неизреченными своими судьбами приводит ко спасению.

Бысть убо во дни наша в лето 7114, егда за умножение грехов наших попусти бог на Московское государство богомерскаго отступника и еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престол Российскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Российскому государству умножися злочестивая литва и многия пакости и разорения народом российским на Москве и по градом творяху. И от того литовского разорения многия дома своя оставляху и из града во град бегаху.

В то же время во граде Велицем Устюге ² бысть некто житель града того именем Фома прозванием же нарицаемый Грудцын Усов, их же род и доднесь во граде том влечется. Той убо Фома Грудцын, видя в России великое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивых ляхов и, не восхоте

жити, оставляет великий град Устюг и дом свой и пресе-
ляется з женою своею в понизовой царственный град Казань,
зане не бысть в понизовых градах злочестивыя литвы. И жи-
вяше той Фома с женою своею во граде Казани даже до
лет благочестиваго и великаго государя царя и великаго
князя Михаила Феодоровича всея России самодержца.

Имея же у себе той купец едиnorodнаго сына своего
именем Савву двоенадесятолетна возрастом. Обычай же
имеяше той Фома куплю десяти, отъезжая вниз Волгою рекою
овогда к Соли Камской, овогда во град Астрахань, а иногда
за Хвалынское море в Шахову область отъезжая, куплю
творяше.³ Тому же и сына своего Савву поучаше и неле-
пно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти
его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на
куплю в Шахову область и обычные струги с товары к пла-
ванию устроиша. Тако ж и сыну своему, устроив суды со
обычными товары, к Соли Камской повелевает плыти и тамо
купеческому делу со всяким опасением прилежати повеле-
ваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему,
пути касается. Малые же дни помедлив, и сын его Савва
на устроенных судах по повелению отца своего к Соли
Камской плавание творити начинает.

Достигшу же ему Усолскаго града Орла, абие пристае
ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочитаго
человека в гостиннице обитати пристал. Гостинник же той
и жена его, помня любовь и милость отца его, немалое при-
лежание и всякое благодеяние творяху ему и, яко о сыне
своем, всякое попечение имеяше о нем. Он же пребысть
в гостиннице оной немалое время.

В том же граде Орле некто бысть мещанин града того
именем и прослытием Бажен Второй, уже престаревся в ле-
тах и знаем бяше во многих градах благодравнаго ради
жития его, понеже и богат бе зело и по премногу знаем
и дружен бе саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведав же Ба-
жен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде
их обретается, и помыслил в себе, яко „отец его со мною
многую любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех сына

его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя.“

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем идуща и, призвав его, начат глаголати: „Друже мой Савво, или не веси, яко отец твой со мною многую любовь и дружбу имать? Ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приемлю тя.“ Савва же, слышав таковые от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от таковаго славнаго мужа прият хошет быти, и ниско поклонение творит пред ним. И немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше у него во всяком благоденствии, радуясь.

Той же Бажен Второй стар сый, и имея у себя жену, третиим браком новоприведенну, девою пояту сущу. Ненавидя же добра роду человеку супостат диавол, виде мужа того добродетельное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словеса к падению блудному. Весть бо женское естество уловляти умы молодых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же реци от зависти диаволи, запят бысть, падеся в сеть любодеяния с женою оною и ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребывая с нею. И ниже бо воскресения день, ниже праздники помяше, но забывши страх божий и час смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяюшесе. И в таком ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа бога нашего Иисуса Христа. В навечерии же праздника онаго Бажен Второй поим с собою юношу онаго Савву и поидоша до святаы церкви к вечернему пению, и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кийждо на ложи своем, благодаряща бога. Внегда же он боголюбивый муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и, возбуди его,

понуждаше к скверному смещению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха божия уязвлен бысть, убоясь суда божия, помышляше в себе: „како в таковой господственный праздник таковое скаредное дело сотворити имам.“ И сия помыслив, начат с клятвою отрицаться от нея, глаголя, яко „не хочу всеконечно погубити душу мою и в таковой превеликий праздник осквернити тело мое.“ Она же, ненасытно распаляема похотию блуда, неослабно нудяше его, ово ласканием, ово же и прещением неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея. И много труждашеся, увещея его, но никак не возможе приклонити его к воли своей, божественная бо некая сила помогаше ему. Видев же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго и воли своей, абие zelною яростию на юношу распалися и, яко лютая змия восстенав, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными зелии ополити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замысли, сия и сотвори.

Внегда же начаша клепати ко утреннему пению, боголюбивый же оный муж Бажен Второй, скоро возстав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву и поидоша на славословие божие ко утренни. И отслушавше со вниманием и страхом божиим и приидоша в дом свой. Егда же приспе время божественней литургии, поидоша паки с радостью до святаы церкви на славословие божие. Проклятая же оная жена тщательно устроиша на юношу волшебное зелие и, яки змия, хотяше яд свой изbleвати на него. По отпущении же божественных литургии Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяше итти в дом свой. Воевода же града того пригласи онаго мужа Бажена Второго да обедает с ним, вопросы же и о юноши оном: „чей есть сын и откуда?“ Он же поведа ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын есть. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знаяше отца его. Они же бывше в дому воеводском и, по обычаю общия трапезы причастишася, с радостью возвратишася в дом свой.

И пришед в дом, Бажен Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем, чести ради господствен-

наго онаго праздника: ничто же бо сведый лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вино, абие наливает чашу и подносит мужу своему. Он же испив, благодаря бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелия и подносит юноше оному Савве. Он же, ни мало помывши, ниже убояся лукавства жены оная, чаяше яко никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оное зелие. И се начат яко некий огонь горети в сердце его. Он же помышляше, глагола в себе, яко „много различных питей в дому отца моего, и никогда же таковаго пития не пивал, яко же ныне.“ Егда же испив пития онаго, начат сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало приветство являше к нему. Он же, сокрушаяся, тужаше по ней сердцем. Она же начат мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелеваше изгнати его из дому своего. Богобоязливый же оный муж, аще и жалея в сердце своем по юноши, обаче уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноше изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же с великою жалостию и тугою сердца отходит от дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его, каковыя ради вины изыде из дому Баженова. Он же, сказуя, яко „сам не восхоте жити у него, зане гладно ми бысть.“

Сердцем же скорбя и неутешно тужаше по жене оной. И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, и недоумевающа, что убо ему бысть.

Бысть же во граде том некий волхв, чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключится. Он же узнавая, кому жити или умерети. Гостинник же той и жена его, благоразумни суще, не мало попечение о юноше имеяху, и призва тайно волхва онаго, хотяще уведати от него какова скорбь приключится юноше оному. Волхв же, егда пришед

и посмотрев в волшебныя своя книги, сказа им истинну, яко „никоторыя скорби юноша не имать, в себе, токмо тужит по жене Бажена Второго, яко в блудное смешение падеся с нею, ныне же отстужен бысть от нея и, по ней тужа, сокрушается.“ Гостинник же и жена его, таковая слышавше от волхва, не яша веры ему, зане Бажен муж благочестив бяше и бояся бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некоею великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю и никого же пред собою или за собою видяше и ничто же ино помышляше, токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя. И, помыслив таковую мысль злую во уме своем, глаголя: „И егда бы кто от человек или сам диавол соотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне с женою оною, аз бы послужил диаволу. И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, и идяше един по полю и, мало пошед, слышит за собою глас, зовущ его на имя. Он же, обращя, зрит за собою юношу, борзо текуща, в нарочитом одеянии, помавающе рукою ему, пождати себе повелеваше. Он же, стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Пришед к Савве юноша той, паче же рещи супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия; пришедшу же ему к Савве и по обычаю поклонишася между собою. Рече же пришедый отрок к Савве, глаголя: „Брате Савво, что убо яко чуждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя, да како бы пришел еси ко мне и родственную любовь имел со мною. Аз бо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных Усовых из града Казани, а о мне аще хочеши уведати, и аз того же рода от града Великаго Устюга, zde давно обитаю ради конския покупки. И убо по плотскому рождению братия мы с тобою, а ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене, аз бо вспоможение во всем рад чинити тебе.“ Савва же, слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи от беса, таковыя глаголы, велми возрадовался, яко в таковой далной незнаемой стране сродника

себе обрете, и любезно целовастася и поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Рече же бес к Савве: „Брате Савво! Какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?“ Он же, всяко лукавнуя, сказываше ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же ослабився рече ему: „Что убо скрываеши от мене? аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей?“ Савва же рече: „Аще убо ведаеши истинную скорбь, юже имам в себе, то пойму веру тебе, яко можеша помощи ми“. Бес же рече ему: „Ты убо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Второго, зане отлучен еси от любви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по прежнему в любви ея.“ Савва же рече: „Аз убо, елико имам zde товаров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе, токмо сотвори по прежнему любовь имети с женою оною.“ Бес же ту рассмеявся, рече ему: „Что убо искушаеши мя? Аз бо вем, яко отец твой много богатства имать; ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатеет отца твоего. И что ми будет в товарах твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое.“ Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко „богатство отца моего цело будет; аз же дам ему писание, что ми велит написати.“ А неведый в какову пагубу хошет впасти, еще же и писати совершенно ниже слагати что умея. Оле, безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестью женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноше словеса сия, он же с радостью обещаеся дати ему писание. Мнимый же брат, паче же рещи бес, вскоре изъем из опчага чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва, еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказываше ему, то же и писаше, не слагая, и таковым писанием отречеся Христа истиннаго бога и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: „Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой.“ Бес же возсмеяся,

рече ему: „Аз убо особаго дому не имею, но где прилучится, тамо и ночую. Аще ли хочещи видетися со мною часто, то ищи мя всегда на конной площади. Аз убо, яко же рех ти, zde живу ради конских покупок. Но аз и сам не обленюся посещати тя. Ныне же иди к лавке Бажена Втораго, вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити.“

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно течаше к лавке Бажена Втораго. Егда же Бажен видев Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: „Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе, и почто изшел еси из дому моего? Протчее убо, молю тя, прииди обитати в дому моем, аз убо за любовь отца твоего, яко присному своему сыну рад бых тебе всеусредно. Савва же, егда услышав от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Втораго. И, егда пришед юноша, жена его видев и диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою и ниже праздников, ниже воскресения день помняще, ни страха божия имеюще, понеже ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда, аки свиния, валяясь.

По мнозем же времени, абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери саввиной, яко сын ея живет неисправно и непорядочно, и, елико было с ним отеческих товаров, все изнурил в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слыша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани в дом отца своего. Егда же прииде к нему писание, он же прочтет, посмеявся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третье писание, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же ни мало внят матерню молению и клятве, но ни во что же вменяше, токмо в страсти блуда упражняшася.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града,

глаголет бес к Савве: „Брате Савво, веси ли кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братом себе, аз убо всесовершенно улюбих тя в братство себе. Но аще хочещи уведати о мне, аз убо сын царев. Поидем протчее и да покажу ти славу и богатство отца моего.“ И, сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздоле град велми славен — стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: „Сей есть град творение отца моего! Но идем убо и поклонимся купно отцу моему; а еже дал ми еси писание, ныне возьму его, сам вручи отцу моему и великою честью почтен будещи от него.“ И, сия изглаголав, бес отдает Савве богоотметное оное писание. Оле безумие отрока! ведый бо яко некое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским. Аще бы тогда вообразил на себе образ честнаго креста, вся бы сия мечты диавольския яко сень погибли!

Егда же поидоша оба к привиденному оному граду и, приближившимся им ко вратам града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы златыми украшены, поклоняющесе, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бесу, такожде и Савве поклоняющесе. Вшедшим же им во двор царев, паки сретают их инии юноши, ризами блистающесе, паче первых, такожде поклоняющесе им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их, друг друга честью и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: „Брате Савво, пожди мя зде мало. Аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будещи пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое“. И сия рек, поиде во внутренния полаты, оставль Савву единого; и помедлив тамо мало, приходит к Савве и, поем, вводит его пред лице князя тмы.

Той же, седя на престоле висоце, камением драгим и златом преукрашенном; сам же той славою великою и одеянием блистаяся. Окрест же престола его зрит Савва множе-

ство юношей крылатых стоящих; лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царя онного, пад на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь, глаголя: „Откуда пришел еси семо, и что есть дело твое?“ Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко „приидох, великий царю, послужити тебе.“ Древний же змий сатана прием писание и, прочет его, обзревся к темнообразным своим воином рече: „Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне, или ни.“ И призвав сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: „Иди протчее и обедуй с братом своим.“ И тако оба поклонишася царю и изыдоша в переднюю полату и начаша обедати, и неизреченныя благовонныя яди приношаху им, такожде и питие, яко дивитися Савве, и глагола, яко „никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушах или пития испих.“

По ядении же поемлет бес Савву и поидоша с двора царева, и изшедшим же им из града, вопрошает Савва брата своего беса, глаголя: „Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его много юношей крылатых стоящих?“ Бес же, улыбаяся, рече ему: „Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи, персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе: аз бо да буду тебе меньший брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне; аз же всякаго добродейства рад чинити тебе.“ Савва же во всем обещаая послушен быти ему; и, тако уверившись, приидоша паки во град Орел, и оставль бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде во град Казань из Персиды со многими прибытками отец саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, и вопрошает ея о сыне своем: жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко „от многих слышу о нем: по отшествии твоём в Персиду отъиде он к Соли Камской и оттуду во град Орел, тамо и до ныне живет житие неудобное: все богатство наше, яко же глаголют, изнурил в пьянстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом

наш; он же ни единыя отповеди подаде мне, но и доныне тамо пребывает; жив ли или нет, о сем не вем.“ Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своя, зело смутися умом; и скоро сед, написав епистолию к Савве со многим молением, дабы безо всякаго замедления оттуду ехал во град Казань: „да вижу, рече, чадо, красоту лица твоего, понеже давно не видах тя.“ Савва же таковое писание приим и прочет, и ни во что же вменив, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражняся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто же успевае писание его, абие повелевает готовити подобные струги с товаром и пути касается к Соли Камской: „Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом свой“.

Бес же егда уведав, яко отец саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: „Брате Савво, доколе zde во едином малом граде жити будем? Но идем убо во иные грады и погуляем и паки семо возвратимся.“ Савва же ни мало отречеся, но глагола ему: „Добре, брате, глаголеши, идем; но пожди мало: аз убо возму от богатства моего неколико пенязей на путь“. Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: „Или не видел еси славы отца моего и не веси ли, яко везде села его есть. Да идеже приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно.“ И тако поидоша от града Орла, никим же ведомы, ниже той сам Бажен Вторый, ни жена его уведавше о отшествии саввином.

Бес же и Савва об едину ноц от Соли Камской объявшася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузмодемьянском, ⁴ разстояние имеюще от Соли Камской более двутысящ поприщ. И глаголет бес Савве: „Аще кто тя знаемый узрит zde и вопросит, откуда пришел еси, ты же глаголи: „От Соли Камской в третью неделю приидохом до zde.“ Савва же, елико заповеда ему бес, тако и сказываше.

И пребывше же в Кузмодемьянском неколико дней, и абие бес паки поемлет Савву и об едину ноц из Кузмодемьянска приидоша на реку Оку, в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же им по торгу,

узрев Савва некоего престарела нища мужа стояща, рубищами гнусными одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плача его. И пришед ко старцу и рече: „Кая ти, отче, печаль есть, яко тако неутешно плачеш?“ Нищий же он святыи старец глаголет ему: „Плачу, чадо, о погибели души твоя: не веси бо, яко погубил еси душу твою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чадо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, но диавол ходяи с тобою и доводит тя до пропасти адския.“ Егда же изрече старец ко юноши глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи на беса. Он же издалеча стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же, вскоре оставль святаго онаго старца, прииде паки к бесу. Диавол же велми начат поносити его и глаголати: „Чесо ради с таковым злым душегубцем сообщился еси? Не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многих погубляет. На тебе же видит одеяние нарочито и, глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити тя и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставляю тя единаго, то вскоре погибнешь без мене.“ И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколико время.

Фома же Грудцын Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Все бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а идеже внезапно скрыся, никто же весть. Овии глаголаху, яко „убояся пришествия твоего, зане zde изнурил все богатство твое, и сего ради скрыся“. Паче же всех Бажен Второй и жена его дивящися, глаголаху, яко „об ноць спаше с нами, заутра же пошед некуды; мы же ожидахом его обедати, он же от того часа никакo где явился во граде нашем; а идеже скрыся, ни аз, ни жена моя о сем не ведомы“. Фома же многими слезами обливаясь, живя, ожидая сына своего, и, не мало пождав тщею надеждою, возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяще о лишении

единороднаго сына своего. И в таком сетовании Фома Грудцын, поживе неколико время, ко Господу отъиде; жена же его оставшиися вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск,⁵ и по его царскому указу по всей России набираху новобранных тамошних солдат.⁶ Во град же Шую ради салдацкаго набору прислан с Москвы столник Тимофей Воронцов⁷ и новобранных солдат по вся дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бес, приходяще, смотряху учения их. Рече же бес к Савве: „Брате Савво! хочещи ли послужити царю, да напишемся и мы в солдаты?“ Савва же рече: „Добре, брате, глаголещи; послужим убо“. И тако написавшеся в солдаты и наченши купно ходити на учения. Бес же в воинском учении такову премудрость Савве дарова, яко и старых воинов и начальников во учении превосходит. Сам же бес яко бе слугою Савве, хождаше за ним и оружие его носаше.

Егда же из Шуи новобранных солдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику; той же полковник, егда прииде видети новобранных солдат на учении, и абие видит юношу млада суща, во учении же воинском зело благочинно и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начальников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его и, призвав его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, велми возлюбил Савву и назвав его сыном себе, даде же ему с главы своя шляпу с драгоценным камением устроену сущу. И вручает ему три роты новобранных солдат, да вместо его устроит и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: „Брате Савво! Егда ти недостаток будет денег, чим ратных людей жаловать, повеждь ми, аз ти принесу, елико потребно будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишине и покое пребываху; в прот-

чих же ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глаза и наготы, непожалованны, помираху; у Саввы же во всякой тишине и благоустроении солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случаю явственню учинися о нем и самому царю. В то же время на Москве не малу область имея шурин царев, боярин Семен Лукъянович Стрешнев.⁸ Уведав про онаго Савву, повелевает его привести пред себя.

И, егда же прииде, рече ему: „Хощеши ли, юноше, да прииму тя в дом мой и чести немалыя сподоблю тя“. Он же поклонися и рече ему: „Есть бо, господине мой, брат у мене: вопрошу его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти“. Боярин же ни мало возбранив ему о сем и отпустив его, да спросит брата своего. Савва же пришед, поведает сие мнимому брату своему бесу. Бес же с яростию рече ему: „Почто убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси. Ни убо, не буди тако; но да послужим царю. Егда убо царь увестъ верную службу твою, тогда и чином возвышен будеши от него“. По повелению же цареву вси новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку. Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе в Зимине приказе⁹ в дому стрелецкаго сотника именем Якова Шилова.¹⁰ Сотник же той и жена его, благочестиви и благодравни суще, видяще саввино остроумие, зело почитаху его.

Полки же на Москве во всякой готовности к шествию бяху. Во един же от дний прииде бес к Савве и рече ему: „Брате Савво! Поидем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранные сосуды устроят“. И об едину ночь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем три дни и три ноши и никим же видимы. Они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляют и на приступных местах всякия гранаты поставляют. В четвертый же день бес объяви себя и Савву в Смоленску поляком. Поляки же, егда узревше их, велми возмятошася и начаша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва

скоро избегше из града и прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода. Они же преидоша реку оную, яко по суху. Поляки же много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголающе, яко „бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем“. Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше у того же сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва с братом своим в полках поидоша; надо всеми же полками тогда боярин бысть Федор Иванович Шеин. На пути же бес рече к Савве: „Брате Савво! егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе; ты же не убойся ничего, изыди противу его, аз убо ведаю, и глаголю ти, яко ты порaziши его. На другой же день паки от поляков выедет другой исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того порaziши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же ничего не бойся и противу того изыди и того порaziши. Но и сам уязвлен будеши от него, аз же язву твою вскоре уврачую“. И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобном месте.

По глаголу же бесовскому выслан бысть из града некий воин страшен зело, на коне езда и искаше из московских полков противника себе, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себя в полках, глаголя: „Аще бы мне был воинский добрый конь и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царскаго“. Друзи же его, слышавше сия, скоро возвестиша боярину о нем. Боярин же повеле Савву привести пред себя и повеле ему коня доброго дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имать юноша от такового страшнаго исполина.

Савва же, по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и абие поразив его вскоре и приводит его с конем в полки московские, и от всех похваляем бе Савва. Бес же езда по нем, служа ему и оружие его нося за ним. Во второй же день паки из Смоленска выезжает славный некий

воин, ища из войска московскаго противника себе. И паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. И вси удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневался на Савву, но скриваше злобу в сердца своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аще и убоясь ехати противу таковаго страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. И абие поляк той яростно напустив на Савву и уязви его копием в левое стегно. Савва же исправися, нападает на поляка онаго и убивает его и с конем в таборы своя привлече и не мал зазор смолянном наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начаша из града вылоски выходити и, войско с войском сошедшеся, свальным боем битися. А идеже Савва с братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе; безчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могый скрыти тайнаго гнева в сердце своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: „Повеждь ми, юноше, какова еси рода и чий еси сын?“ Он же поведа ему, яко из Казани Фомы Грудцына Усова сын.

Боярин же начат всякими нелепыми словесы поносити его и глаголя: „Кая ти нужда в таковой смертный случай призва? Аз убо знаю отца и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут; ты же от какова гонения или скудости, оставя родителей своих, семо пришел еси. Обаче глаголю ти: ни мало zde медли, но иди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родители своими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко zde имаши пребывати, то без всякаго милосердия zde имаши погибнути; главу бо твою вскоре повелю отъяти от тебе“. Сия же боярин к юноши изрече и яростен отъиде от него. Юноша же со мною печалию отходит от шатра.

Отшедшим же им, рече бес к Савве: „Что убо тако печалуешися о сем? Аще негодна служба наша явися zde, то идем протчее паки к Москве и тамо да пребываем“.

И тако вскоре отыдоша от Смоленска к Москве и при-
сташа обитати в доме того сотника Иакова Шилова. Бес же
днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него
во своя адская жилища, идеже искони обычай окаянным
пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболевся Савва,
и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти.
Жена же сотника онаго, благоразумна суци и боящися
бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи, и
глаголаше ему многожды, дабы повелел призвати иерея и
исповедати грехи своя и причаститися святых тайн. „Да
некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапну без покая-
ния умрет“. Савва же о сем отрицаяся, яко „аще и тяжко
болею, но несть сия болезнь моя к смерти“. И день от дне
болезнь его тяжчае баше. Жена же оная неотступно приту-
жаше Савву, да покается убо. „Оттого, рече, не имаши умрети“.

И едва принужден бо Савва боголюбивою оною женою,
повелевает призвати к себе иерея. Жена же оная вскоре
посылает ко храму святого Николая, нарицаемаго в Грачах,
и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало
замедлив, притече к болящему; бе бо иерей той леты совер-
шен сый, муж искусен и богобоязлив зело. Пришед же
к болящему, начат молитвы покаянныя глаголати, яко же
бе обычно.

Егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же
начат болнаго исповедывати, и се внезапу зрит болный
во храм той вшедшу толпу велию бесов. Мнимый же его
брат, паче же рещи бес, прииде с ними же, уже не в чело-
веческом образе, но в существенном своем зверовидном.
И, став создаи бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся
и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оное писа-
ние, еже даде ему Савва у Соли Камския. И глаголя бес
к болящему: „Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие?
не ты ли писал еси? Или мниши, яко покаянием сим избу-
деши от нас? Ни, убо; не мни того; аз убо всею силою
моею подвигнуся на тя!“ Сия же и иная многая неподобная
бесом глаголющим. Болный же зря очевидно их, и ово
ужасаяся, ово же надеяся на силу Божию и до конца все

подробну исповеда иерею оному. Иерей же, аще и муж свят бе, обаче убоися страха онаго, зане людей никого же во храме, кроме болнаго, виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с великою нуждою исповеда болнаго и отъиде в дом своѣ, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начат немилостивно мучити его, ово о стену бия, ово о по-мост с одра его пометая, ово же храплением и пеною да-вляше и всякими различными томленми мучаше его. Бого-любивый же той муж, вышеименованный сотник, с благо-нравною женою своею видяше на юноши таковое от диавола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюще и стенаху сердца своими по юноше, но никако же помощи ему могуще дати. Бес же день от дне на бол-наго люте нападая, мучаше его, и всем предстоящим ту от мучения его не мал ужас творяше.

Господин же дому того, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и ведый, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своя, и помышляше с женою своею како бы возвестити о сем царю: бе же и сродница некая у них в доме царstem. И, сия помысливши, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробну известит ей, и дабы немед-ленно о сем возвестила цареви: да не како, рече, юноша оный в таком злом случае умрет, а они истязани будут от царя за неизвещение.

Жена же его, ни мало помедлив, скоро тече к сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Срод-ница же оная, слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноше, паче же скорбяще по сродницех своих, да не како и вправду от таковаго случая беду прии-мут. И, ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до палат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе чаше внушается и самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает нань, глаголя предстоящим пред ним сигкли-том, да егда бывает повседневное изменение караулов, повелевает послати в дом сотника онаго, иде же болный

той юноша лежит, по два караулщика. „Да надзирают, рече, опасно юношу онаго, да не како, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огонь или в воду ввержется“. Сам же он, благочестивый царь, посылаше к болящему повседневною пищу, и елико здрав болный той явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу. Болный же не мало время в таком бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в первый день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заслав мало и во сне, яко бы на яве, начат глаголати, изливая слезы из омженных очей своих, сице рече: „О, всемилостивая госпоже царице богородице, помилуй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но исполню, елико обещахся ти!“ Домашнии же и снабдевающи его воины, таковыя от болнаго глаголы слышавше и удивившася, глаголюще, яко „некое видение видит!“

Егда же болный от сна возбнув, приступив к нему сотник и рече: „Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне и к кому рекл еси?“ Он же паки начат омывати лице свое слезами, глаголя: „Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну зело и неизреченною светлостью сияющую, носящу ризу багряну; с нею же и два мужа некая, сединами украшенны; един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское нося одеяние. И не мню иных быти, токмо помышляю жену пресвятую богородицу, мужей же: единого наперстника господня апостола Ионна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы, преславнаго во иерарсех архиерея божия Петра митрополита, их же подобия образ добре знаю. И рече ми светолепная оная жена: „Что ти есть, Савво, и что тако скорбиши?“ Аз же рех ей: „Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за сие люте мучит мя бес!“ Она же, ослабився, рече ми: „Что убо ныне мыслиши, како ти избыти от скорби сея; и како ти выручити рукописание свое из ада?“ Аз же рех ей: „Не могу, владычице, аще не помощию сына твоего и твоею всесилою милостию!“ Она же рече ми: „Аз убо умолю о тебе сына своего

и бога, токмо един глагол мой исполни. Аще избавлю тя от беды сея, хочещи ли инок быти?“ Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: „Слыши, Савво, егда убо приспеет праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, иже на площади у Ветошнаго ряду; и аз пред всем народом чюдо явлю на тебе“. И сия рече ми, невидима бысть“.

Сия же слышав сотник и приставленные воины от Саввы изглаголанная видения, велми почудишася.

Сотник же и жена его начаша помышляти, да како бы о сем видении возвестити цареви, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила цареви полаты сигклитом, и дабы внушено было о сем царю. Егда же прииде в дом сотника онаго помянутая сродница их, они же поведаша ей видение юноши онаго Саввы. Она же уразумев и немедленно отходит до цареви полаты, абие возвещает о сем ближним сигклитом цареви полаты и немедленно внушают царю о видении саввином. Царь же, егда услышав о сем, велми почудися.

Егда же бысть праздник Казанския Богородицы июля осмага дня, тогда бо бысть крестное хождение до церкви тоя Казанския Богородицы со святыми иконами и честными кресты, из соборныя и апостольския церкви честнаго Успения пресвятыя Богородицы. В том же крестном хождении бысть великий Государь царь и великий князь Михаил Феодорович, и святейший патриарх со всем освященным собором и множество велмож. И абие повелевает царь принести болящаго Савву до церкви тоя. Тогда же, по повелению цареви, принесоша болящаго онаго до церкви казанския Богородицы, скоро на ковре, и положиша его вне церкви в преддверии.

И егда же начаша литоргисати, тогда нападе на болнаго Савву дух нечистый, и нача зле мучити его диавол. Он же велиим гласом вопия: „Помози ми, госпоже дево, помози ми, всецарице Богородице!“ И егда же начаша херувимскую песнь воспевати, тогда возгреме яко гром и бысть глас глаголющ: „Савво, востани и гряди семо во храм мой!“

Он же воспрянув с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбел, и скоро притече во храм той, паде ниц пред образом пресвятыя Богородицы Казанския, моляся со слезами. Тогда же низпаде от верху округа церковнаго богоотменное оное писание, яже даде Савва у Соли Камския диаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторяя глас бысть: „Савво, се твое рукописание, яже ты писал еси, и исполни заповеди моя и к тому не согрешай!“ Он же воспрянув и прием хартию оную и начат велегласно глаголати со слезами пред образом: „О преблагословенная мати господня, заступнице рода христианскаго и молебница к сыну своему и богу нашему! Прости ми содеянная, и избави мя от адския пропасти; аз бо исполню обещанное мною!“ Тогда же слышав царь и патриарх и вси предстоящии велможи, и видевше таковое преславно чюдо, благодариша бога и пречистую его мать, и велми подивишася таковому божию милосердию, яко избави его от адския пропасти. По совершении же божественныя литургии, начаша хвалу господеву воздавати и молебствовати всем освященным собором о явшемся чудеси пред всеми.

Потом, проводиша святыя иконы и честные кресты до соборныя церкви, поиде царь во своя царския полаты, радуясь о неизреченном чудеси и благодаряще бога. Такожде и той Савва поиде в дом свой помянутаго сотника Иакова Шилова здрав, яко же бы никогда скорбел. И се видев сотник и жена его, велми подивишася и благодариша бога за таковое его милосердие над родом христианским.

Савва же мало пожив ту у сотника онаго, и елико имея сокровища, вся раздаде по церквам и нищим, абие отходит в монастырь чюда Архистратига Михаила, яже зовется Чюдов монастырь, близ соборныя и апостольския церкви честнаго и славна Успения пресвятыя Богородицы. И пострижеся тамо во иноческий чин, и нача жити в том монастыре, в трудех пребывая, в посте и молитвах неусыпных, угождая господеву; и тако поживе лета доволна, ко господу отъиде с миром; и погребен бысть в том монастыре.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

*Повесть о горе и злочастии, как горе-злочастие довело
молотца во иноческий чин*

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческого.
А в начале века сего тленного
сотворил небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,¹
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода виноградного
от едемского древа великаго.²
Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусил плод виноградного
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою
из святаго раю, из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,

благословил их расти, плодиться
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добр(у) убожливи,
а на безумие обратилися
и учили жить в суете и в (не) правде,
в ечерине великое,³
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался, —
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое,⁴ сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
„Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы,⁵
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,⁶
не садися ты на место большее,

не пей, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,⁷
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!⁸
не ходи, чадо, х костарем⁹ и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбिति,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух лжесвидетелству,¹⁰
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и (с) разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили“.

Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят другов.¹¹
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибивалися,
(в) род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —

назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел его в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
„Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, —
я сяду стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,¹²
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!“
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, —
не хотелось ему друга послушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чиры и чулочки — все поснимано:¹³
рубашка и портки — все слуплено,

и вся собина у его ограблена,¹⁴
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинута гункою кабацкою,¹⁵
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжаться:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
„Житие мне бог дал великое, —
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу-денги, —
так не стало ни друга не полдруга:
род и племя отчитаются,¹⁶
все друзи прочь отпираются“.

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен;
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению, —
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,

не в большее место, не в меньшее, —
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиние.

Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца —
и нечем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
„Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел сидишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.

Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоеи? ¹⁷

или малые дети тебя изобидили?

или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?

или дети наши к тебе неласковы?“

Говорит им, седя, доброй молодец:

„Государя вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.

Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалось,
господь бог на меня разгневался.

И на мою бедность — великия
многия скорби неисцелныя

и печали неутешныя,

скудость, и недостатки, и нищета последняя.

Укротила скудость мой речистой язык,

изъсушила печаль мое лице и белое тело, —
ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясные очи замутились, —
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.

Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чужей стороне, в чюжих людех
и как залести мне милых друзей?«

Говорят молотцу люди добрыя:

„Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чужей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья,¹⁸
не вейся змиєю лукавою,
смирение ко всем имей!

И ты с кротостию держися истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хвала великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други,
названья братья надежныя!«

И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи:

от великаго разума наживал он живота

болшы старова;¹⁹

присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелось молотцу жениться:
средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,

любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
а по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други,
и названными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвалное:
похвала живет человеку пагуба!
„Наживал-де я, молодец, живота болши старова!“
Подслушало Горе-Злочастье хвастанье

молодецкое —

само говорит таково слово:
„Не хвались ты, молодец, своим счастьем,
Не хвастай своим богатством, —
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае, — ²⁰
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастье великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися —
не могли у меня, Горя, уехати —
и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землю накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастье на их в могиле осталось.
Еще възгряло я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и злочастию, не впусете же жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит(ь),
а гнездо мое и вотчина во бражниках!“
Говорит серо Горе горинское:
„Как бы мне молотцу появиться?“
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
„Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удувлену,

из золота и серебра бысть убитому!
Ты пойдя, молодец, на царев кабака,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую, —
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить розбой!“
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось —
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалось:
„Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, безпроторица великая?“²¹
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,²²
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить розбой!“

Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом —
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевозчики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево:
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера

миновался день до вечера ни дообеднем,²³
не едал молодец ни полу куска хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
„Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, —
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куска хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, —
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?“
И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликано:
„Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды;
не мечаяся в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть!
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаряться!“
Говорит Злочастие таково слово:
„Покорися, мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,

а нет меня, Горя, мудряя на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя“.
А что видит молодец (беду) неминучую,
покорился Горю нечистому —
поклонился Горю до сыры земли.

Пошел, поскачил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочнику;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
„Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!“
Да еще молодец не кручиноват —
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
„Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
„хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!“
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера, ²⁴
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей, ²⁵
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!“ ²⁶
Услышали перевозчики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.

Говорят молотцу люди добрыя:
„А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любымым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
протися ты с своими родители,
отцем и матерю,
возми от них благословение родительское!“

И оттуда пошел молодец на свою сторону.

Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем грядати,
что злая ворона над соколом.

Говорить Горе таково слово:

„Ты стой, не ушел, доброй молодец,
не на час я к тебе, Горе злостное, привязался!
хощь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе — еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!

А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!“

Полетел молодец ясным соколом, —
а Горе за ним белым кречатом;
молodeц полетел сизым голубем, —
а Горе за ним серым ястребом;
молodeц пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы; ²⁷
молodeц стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою острою;
да еще Злостие над молотцем насмисялося:

„Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой

и буйны ветры быть тебе развеяной!“
Пошел молодец в море рыбую,
а Горе за ним с щастыми неводами —
еще Горе злостное насмеялся:
„Быти тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!“
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить —
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с каменем в воду посадили.

Спамятует молодец спасенный путь —
и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ¹

В лета великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго бысть у сего великаго князя отрок, именем Григорий, иже пред ним всегда предстояше и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная.

Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Единово, и ту обита у церковнаго пономаря, именем Афанасия, и узре у него дочь его девицу, именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И бояся князя своего да не когда примет от него великий гнев и велми печален бысть о сем; возлюби бо ю зело и не поведати мысли своя никому от друзей своих, но в себе размышляше, да како бы ему улучити желаемое. И случися же наедине с отцем ея Афанасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дочь свою, и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем „да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем“, и не ведяше, что ему отвещати противу словес его. Шед убо Афанасий, вопроси о сем жены своя и дщери, сказа им подробно. Дочь же его, исполненна духа святаго, возглагола отцу своему сице: „Отче мой! сотвори ему вся

сия. Елико он тебе обещася, положи на волю его, богу бо тако изволившу и сие да будет“.

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех господних, и почиташе родители своя зело, и повинуюся им во всем, от младых нохтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо святое писание от отца своего и внимаше прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отца ея, да не устрашается: „Аз бо ти во всем имаюся и князя умолю во всем, ты же не бойся“. И тако совещастася во всем и быти в том селе браку и венчатися в церкви святого великомученика Димитрия, и жити ту, даже великий князь повелит. И тако повеленная великаго князя исполни вся, яже ему повелена быша, и возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеся в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы и не поведа сего никому.

Отроковица же после сего рече отцу своему и матери: „Господие мои! не дивитесь о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако совещаша, но бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же бог мне подаст“. Родители же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предреченный же отрок той, усмотря время благополучное и припаде к ногам великаго князя и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и возраст и разум девицы оныя изъявляет. Князь же великий сия от него слышав, рече ему: „Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей и небогатых и худейших и безъотечественных, да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от боляр и друзей и от всех ненавидим и от мене удален стыда ради моего“. Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещавает и вопрошает о всем подробну, чего ради тако восхоте? Он же все исповеда великому князю и обещание свое, яко же тамо обещася.

Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть, яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему готовы тамо быть имеют, елико годно будет на послужение отроку. Когда приспеет время обручению и венчанию его и отпускает его в насаде по Волге реке; бе бо то село близ Волги стояй, а кони ему обещавает прислати за ним вскоре по берегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

На утрии же великий князь повеле готовити себе коня и всему своему сигклиту, яко же угодно великому князю, соколы и псы, да едучи ловы деет. В ту бо ночь великий князь сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнал, поймал голубицу красотою зело сияющу, паче злата, и принесе ему в недра. И возбнув князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет и не поведат сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти. И тако великий князь поиде в ту же страну, идеже отрок, ловы деюще тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко двадесяти лет еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке и приста у берега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным. Девица же присланным рече: „Возвестите отроку, даже помедлеет тамо, дондеже сама весть пришло к нему, како вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было“. Вестницы же его пришедша поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. Провиде она великого князя к себе приход и рече родителем своим, яко „уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его некоторое время, даже приедет к нам“, а о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше; сродницы же ея велми о сем дивляхуся, а того жениха ея не ведаху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти на утрие или на другой день и да видит своего отрока оженившася. И тако обночева на лове, бяше бо село то от града Тфери чetyредесять попрещ. В нощи же той виде сон прежний и наипаче размышляше в себе, что будет сие видение. На утрие же по обычаю своему ловы деяше.

Отрок же той не дождався вести, ни коней, помысли в себе, яко: „аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспять, аз же своего желаннаго не получил“. И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше поскорю вся строити и дары разносити.

Девица же рече отроку: „Не вели спешить ни чем, да еще у меня будет гость незваной, алучше всех и званых гостей“.

Великий же князь в то время близ бе села того. И увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго и поймаше много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же седе на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повеле своим вопросити про село, чие есть? Селяне же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, а церковь святаго Димитрия Селунскаго. В то же время множество народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят итти. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити; сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крылома своима поправлявся и чистяшеся. Сам же великий князь поиде на двор, идеже бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но богу тако изволившу. Людие же, видевше князя, не знаяше его; мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его.

Девица же рече всем ту сидящим: „Возстаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха“ — они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в храмину, идеже бяху отрок и девица седяще. Всем же воставшим и поклоншимся великому князю, им же не введущим пришествия его, и прощения просящим. Князь же повеле им сести да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: „Изыди от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой“.

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию: „Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту, идеже хочещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе“, — возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Дмитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день. И тако бысть велия радость у великаго князя той день до вечера. Бяше бо летом, и селян повеле покоити день и ночь.

Идущую же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися яко бы веселяся и взирая на князя. Князь же вопроши своих сокольников: „Слетел ли к вам сокол или нет?“ Они же поведаша ему: „Не летит с церкви“. Князь же воззрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на десней его руке, и позирая на обоих, на князя и на княгиню. Великий же князь отдаде его сокольнику.

Отрок же той великою кручиною одержим бысть, ни яде и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше держатися тоя кручины, и сказа ему сны своя, яко же видех во сне, тако и збысться божиим изволением.

Отрок же той в нощи положил мысль свою на бога и на пречистую богоматерь, да яко же восхотят к которому пути, тако и наставят. И снем с себе княжее платье и порты

и купи себе иное платье крестьянское и одеяся в него и утаися от всех своих, изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом незнаемо куды.

На утрие же великий князь того отрока воспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему. Они же поискавше его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша. И великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем велми печален бысть и повеле искати его сюду и сюду, по реке и в кладезях, бояся того, чтобы сам себя не предал губительной и безвременной смерти. И нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведа, что де „купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати и поиде в пустыню“.

Великий же князь повеле его искати по лесом и по дебрям и по пустыням, да где его обряшут и приведут его; и многие леса, и дебри и пустыни обыдоша и нигде его не обретоша. Бог бо его храняше. И пребысть ту князь даже до трех дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себе и о отроке, яже наперед писана бысть.

Великий же князь велми бысть печален об отроке своем, глаголаше, яко „аз повинен есмь смерти его“. Княгиня же его печалитися ему всячески не велит и глаголет великому князю: „Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нынешней нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся“. Великий же князь велми печален бысть, вздохнув, прослезися и воспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию. „Тое на мне сбысться, а его уже отныне не увижу“. И возложи свою печаль на бога и на пречистую его богоматерь.

И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим, да берегут великую княгиню его и покланяются ей и слушають во всем. Сам же великий

князь по прежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь прежде княгини своя. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынями и своим дворовым и всему граду, да выдут на стретение великия княгини, и з женами своими. Все же, слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша весь град, мужи и жены, и младенцы от мала даже и до велика с дароношением, и сретоша ея на брезе у церкви Архангела Михаила. Егда же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всех бояр с коретами, и тако с великою честью сретоша ю и поклонишася ей. И вси зряще красоту ея вельми чудишася, яко „нигде же видехом очима нашими или слышахом слухом нашим такую жену благообразну и светящуюся, аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющую во многих женах сего града паче луны и звезд многих“. И провождаше ю во град Тферь с честью великою и з дары многими на двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие велие; и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Преждереченнаго же отрока не бе слухом слышати ни где на много время. Божиим промыслом той отрок прииде на реку зовомую Тферцу, от града Тфери пятнадцать поприщ, на место боровое и ту вселися на лесу² и хижу себе постави, и часовню на том месте; и назнаменова, где быти церкви во имя пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея рожества. И ту пребысть некоторое время, и найдоша его ту близ живущие людие, хождаху бо по лесу потребы ради своя; и вопрошаху его, глаголюще: „Откуда ты сюду пришел, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселитися в нашем месте?“ Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланяшася, и тако от него отъидоша во свояси.

Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отитти от града подальше, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близь есть град. Божиим же изволением прииде близь града Твери по той же реке Тверце на устье и, вышед на реку Волгу, позна, яко град Тверь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той и избра себе место

немного вдале от Волги на Тверце, и начат молиться пресвятей Богородице, да явит ему про место сие. В нощи же той възляже опочинути и в сон тонок введен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу божественную сияшу. И воспрянув от сна и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся Спасу и пресвятей владычице Богородице, да явит ему вещь сию. В ту же ношь паки явися ему пресвятая Богородица и повелевает ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея успения и указа ему место и рече: „Хочет бо бог прославити сие место и распространити его и будет обитель велия; ты же иди с миром во град ко князю своему и той помощник тебе будет во всем и прошение твое исполнит. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, не многое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к богу“. И тако воспрянув от сна своего, и велми ужасеся о видении том, и размышляше в себе, яко „аще отъиду от сего места, боюся явления сего и показания месту. Яко господеви годно, тако и будет“. И помысли в себе глаголя: „Аще ли же поиду к великому князю и увещати меня станет, однако не хочу в доме его быти“.

Сие же ему мыслищу, абие придоша в той час в оный лес некия ради потребы мужие княжи изделий ради. Отрок же позна их и прикрыся от них; они же видевшe крест и хижу и удивишася зело и глаголяху друг ко другу, яко „есть человек тут живяй“. И тако начаша искати и обретоша его и познаша, яко „той есть отрок князя нашего“. И пришедше к нему, и поклонишася ему, и возрадовашася о нем радостию великою. Той бо отрок по пустыни хождаше три лета и вящше, и не виде его никто же, и бе питаем богом. И тако взявше его с собою и ведоша ко князю и сказаша ему вся, яко „великий князь печален бысть зело о тебе и до ныне; аще же увидит тя жива и здрава, возрадуется о тебе радостию великою“. Он же сия слыша от них, с веселием идяше с ними.

Егда же прииде во двор великаго князя, и вси, узревши его, возрадовашася велми о нем и прославиша бога и возвестиша о нем великому князю. Князь же повеле ввести его

в верхние полаты и виде отрока своего, и возрадовася велми и похвали бога. Он же поклонися великому князю и рече: „Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою, опечалих бо тя зело“. И рече к нему великий князь: „како ты господь бог хранит до сего дне и времени?“ И облобызав его. Он же поклонися до земли и рече: „Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою“; и исповеда вся о себе по ряду, како изыде от него, и како бог приведе до сего места. Князь же о сем велми удивися и прослави бога и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: „Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободишимя и прошения моего да не презриши: молю тя и прошу, да повелиши то место разчистити“ — и вся поведа великому князю, како ту прииде и како явилася ему пресвятая Богородица со святителем Петром митрополитом московским и место показа, идеже быти церкви во имя пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успения; и вся ему сказа о себе по ряду. Князь же, воздохнув велми и прослезися, и отрока похвали, яко такового страшного видения сподобися; и обещася во всем помогати месту тому до совершения и беседова с ним многое время и повеле ему пред собою поставити трапезу, да вкусить брашна; он же вкуси малую часть хлеба и воды; а иной же пици отнюдь не прикоснуса. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, идеже он восхошет.

Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему моляшеся богу и пресвятей Богородице и на помощь ея призывает о создании обителя тоя, и тако молитвами пресвятыя Богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да розчистят место то, идеже оный отрок покажет, и посла их ко отроку. Слышавше же то граждане и сами мнози идяху по помощь месту тому. И тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче

иных мест. Отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати деревянную и монастырь взградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людям тут работати и мастеров добрых собрати к церконому строению. И тако божиею помощю и великаго князя повелением вскоре дело совершается и освящение церкви сотвориша.

Бысть же ту на освящении церкви успения пресвятыя Богородицы сам великий князь Ярослав Ярославичь и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжим сиклитом, и всем трапезу устроил. И по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия и братию собра, и колокола устрои. И назвася место то от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь; и вси прославиша бога и пречистую его Богомать. На другой день по освящении церкви тѣя, той отрок Григорий пострижеся во иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок, по пострижении своем, немногое время поживе и преставися ко господу, и погребен бысть в своем монастыре.

По преставлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославичь и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успения, с приделом Петра митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому монастырю и место то насели, идеже бе отрок прежде пришедый.

Монастырь же той стоит и до ныне божиею благодатию и молитвами пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра митрополита московскаго и всея Руссии чудотворца.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ

В некоторой стране живяше купец славный и богобоязлив и нищелюбив. Имя у себя жену велми благообразну и благонравну. Имяше же у себя единого сына первенца в малех летех, которого велми любляше и бога о нем моляше. По некотором времени сын их хождаше по торгу и прменяся к товаром, которой товар и по какой цене купитца и почему надлежит ево продать. И прииде ко отцу своему и рече ему: „Отче, аз ныне бых на торжище и прменился к товаром и такой товар давал по такой цене, а надлежит ево продать по такой же цене.“ Отец ево слыша от него такой разум и прииде к жене своей и рече жене: „Госпожа моя! Сей сын наш хочет быть в торгу смыслом лутче меня и хочет жити славнее и богатее“. Мати же его о том велми радовашеся о разуме сына своего.

По некоторых днех сташа збиратися родственники того купца за моря торговать. Сын же купцев услыша то и прииде ко отцу своему и рече: „Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, сотворите надо мною свое отеческое милосердие! Ныне збираютца дядья за моря торговать. Дайте мне триста рублей и отпустите с ними“. Отец же его даде триста рублей и отпусти и наказа родствен-

ником своим, дабы его ни в чем ни покинули. Он же поклонился им и поехала в корабле.

По наказанию же сына своего вручи родственником своим, даде ему триста рублей и отпустиша с великою печалию. Сын же купцев взем у отца и матери деньги, и благословение получил, паде поклонися им и сяде на корабль и ехаша три года и три месяца по морю и приехала в царство некоего града и престаша у берегу. Они же взяша дары и поидоша к царю. Потом ста торговати и тако ж и товаров закупати. Купецкий же сын ходя за ними, применяяся к товаром и ничего не купит.

Потом же выде на плошеть и видеху: по торжищу некий человек немилостивно мертвое тело влачаше. Он же не смея к нему приступити и вопросити, чесо ради волочит. Потом же виде во второй и в третий сего человека, паки то тело влачаше.

Он же приступи к нему и вопроси его: „Чесо ради сие ты мертвое тело волочишь?“ Человек же той отвеща ему: „За то сие мертвое тело влачу: сей человек бысть христианин и взяша у меня в животе своем взаем денег триста рублей. Я же у него просяше, он же мне не отдаде, в том и умре. После умертвия его приходяше к сродником его и просяше. Они же мне не отдаша и я вынул его из могилы и таскаю по торжищу им в поругание и в посмеяние, дабы они мертвое тело скупили.“ Купецкий же сын рече: „Человече немилостивый, отдаж ми сие тело мертвое, а у меня возми за него триста рублей.“ Заимодавец же рад о том бысть и взя у него деньги, а тело мертвое отдаде ему.

Потом же тот купецкий сын взяша тело и не ведает куды схоронити и не смеет итти к дядем своим на корабль. И размышляше в себе: „Како я приду и что себе сотворю! Сродники мои меня спрашают, что за товар купил, и станут мне смеятца, тако ж скажут отцу моему, а мне от того будет великой срам, а родителем моим велия печаль. Не поиду ныне к ним и не скажу и поиду на другую страну пристанища морскаго и найду карабелщиков иных, авос либо поверят и свезут ко отцу моему!“ Тело же спрята во удобное место, а сам поидоша искати корабля.

И придоша на пристанища морское и видеша корабль. Он же им пад поклонися. Они же вопросиша его, что за человек и с которого града и чесо ради семо пришел еси. Он же им поведаша всю правду: „Аз, господие, такого града и такого отца сын“. Они же реша ему: „Мы знаем добре отца твоего. Токмо чесо ради семо пришел?“ Он же отвеща им: „Аз егда поехал от отца своего с сродниками своими в сие царство с товаром, и на море корабль наш разбиша, а мы вси оскудеша и ныне не имеем, что дати у наем доехати до отца моего.“ Они же реша ему: „Мы отца твоего знаем. Садися в корабль без наему, мы доведем тя до отца твоего.“ Он же паки пад поклонися им: „Господия мои милостивыя! Аз zde бых з дядею своим. Он же, дядя мой, с такой печали, что корабль разбися, умре, а похоронить в сем царстве не где, понеже не крещенные живут.“ Они же реша ему: „За хлеб, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять“. Он же велми о том возрадовался и принесе мертвое тело и положиша в корабль и поплы по морю.

Сродники же ево хватишася и ста по граду искати и не обретоша нигде. И поехала до царства своего. И как приехала ко отцу ево, отец же ево и мати вопросиша о сыне своем. Они же поведаша: „Не вемы, где остал.“ Они же, отец его и мати, горко о том плакаше о разлуки сына своего.

Сын же купцев съеха со оными купцами и приеха ко острову, на нем же монастырь чудотворца Николая. А как купцы всташа с корабля и поидоша молебное пение воздавать, он же сниде с корабля и пад им поклонися: „Господия мои милостивыя, аще вы отца моего знаете, то сотворите такую любовь, дайте мне сто рублей, а когда ко отцу моему приедем, со вторицею имам вам заплатить.“ Они же даша ему. Он же наня ерыжных и отнесе мертвое тело в монастырь и погребе его чесно и разда по нем сорокоусты. Сам же размышляше: „Что я сие сотворил, четыреста рублей истратил, а что купил, не вем? И то отцу моему донесетца, великую скорбь восприму, а мне великую срамоту доспеет. Поиду и куплю лошет и поеду от них прочь сухим путем и приеду ко отцу моему, выпрошу на выкупку товаров

еще сто рублей и поеду куды очи несут, чтоб родителем моим не было печали“. И купи лошет и поехал сухим путем. Они же поехаша восвояси.

Он же приехаша ко отцу своему и пад поклонился ему. Отец же велми милостивно его прият и возрадовался и во слезах едва слова изрекли: „О, чадо наш дрожайши, откуда еси семо пришел и како, чадо наше, и где такое многое время пребых?“. Он же им отвеша: „Аз же приехав, отче, с сродниками своими в то царство, о котором они тебе возвещали и, умедлих на час, купив товару на четыреста рублей, которой стоит десяти тысяч. У дядев своих стал денег просить, они же мне не даша, зна де, что товар дешев купил. И оставиша меня в том царстве, а сами уехаша. Я же, отче, пришед на другую страну к пристанищу московскому к другим корабельщикам и пад поклонися им. Они ж меня вопрошаша, которого царства и какова чину. Я же им, отце, поведал и о царстве и о роде. Они же сказаша, что „мы родителя твоего знаем и хлеб-соль с ним водим“. Я же у них попросиша сто рублей на оной товар. Они же мне даша и я с ними, отче, приехал, еже видиши мя“. Отец же его вопроси: „Да где тот тавар, которой ты купил?“ Он же отвеша: „Я, отче, оставих у них, а послали меня к тебе, дабы сто рублей дал, а товар взял.“ Отец же его даде ему сто рублей, чая, что вправду товар принесет.

Он же взяв сто рублей и поехав от отца, куды очи несут. И ехаша многа дней и много ночей и плакаше горко и рыдая о разлучении родителей своих, такожде и от наследства.

И приеха к великому непроходимому лесу, чрез которой лежат две дороги: одна через лес, а другая кругом лесу. Он же размышляя, како ему ехать и которою дорогою и в которое царство. И плакашеся горко и размышляя себе: „Аще бо кто мне ныне послужил, то бы я дорогою ценою порядил“. Внезапу виде в лесу на дороге стоит человек велми велик, в руках держит клещи железныя. Он же велми ужасеся, чая, что стоит разбойник, не смея к нему ехать и размышляя: „Летуче мне zde одному умрети, нежели родителем моим велию скорбь привести“.

И поехал к нему прямо и приеха к нему. Предстоящий же вопроси его: „Что за человек и которого града?“ Он же сказа ему все порядку: „А ежжу я по разным государствам для торговых извычаев других государств“. Купец же вопроси предстощего: „А ты что за человек?“. Он же ему поведает: „Аз есмь ищу господина, у кого бы нанятца служити“. Купец же о сем велми возрадовался и рече: „Человече, поиди ко мне во служение. Аз имам дати великую плату“. Он же отвещает: „Готов тебе служити, токмо сотворим мы с тобою обет, чтоб тебе меня во всем слушатца. А ежели слушатца не будешь, то не иду к тебе во служение“. Купец обещаая ему тако сотворити.

И чрез тот лес лежаще две дороги: одна же через лес, а другая кругом лесу. Он же вопроси его: „Сия дороги в которое царство лежат, в разныя царства или в одно царство?“. Он же сказа ему, что сие две дороги лежат ко одному царству. Купец же рече ему: „Для чего две дороги и которая ближе?“. Человек же рече ему: „Кругом лесу 1000 верст, а чрез лес 500 верст“. Купецки(й) же сын вопроси: „Для чего ко одному царству лежат, а не равны?“. Слуга же поведает ему: „Кругом лесу ехать, ничего не бойся. А чрез лес хотя и ближе, то уже та дорога залегла тому 30 лет, ибо на той дороге великой разбой и никому проезду нет“. Купец же не хотя ехать тою дорогою. Слуга же рече: „Да ты мене слушатца хотел! Поедем оною дорогою“. Он же не преступи слова своего.

Поехали через лес. И как будут среди лесу на поле и стоит двор превеликой, на котором разбойники живут. Разбойники же видево, что стоялцы едут и вси вышли ис хором и спряташася во един анбар, хотя их сонных погубити. Слуга же все то видя, а господин его ничего не виде, токмо вопроси его о дворе: „А сей двор чей?“. Слуга же отвещает: „Сей двор постоялой, тут нам начевать“. И стало на дворе смеркатца, слуга рече: „Господине, начуй zde, а я пойду на двор к лошаде спать“. Он же велми о том печален бысть и не хотяше остатися во храмине и хотяще итти с ним на двор спать, с слугою. Слуга же рече: „Да ты хотел, господине мой, во всем меня слушетца, а ныне ты меня преслу-

шаеш!“ Он же с великою печалию и со страхом остася начевать во храмине. Слуга же поиде и лег спать в телеге.

И едва приде полночь, разбойницы же совещаша во онбаре промеж собою и хотяше их погубити. Слуга же слыша тот их совет, воста и взя клещи и стал у притолоки дверей. Разбойники же един по единому стали из онбаря выходить. Он же их клещами хваташе по единому за голову и примаше их за шею и дави их в руду. Разбойники же видеша, что их един человек подавляше, уже и не смеяша из анбаря вон выходить. Слуга же купцев вниде в онбар и передавиша всех до смерти и покладе всех в онбаре и запре их. И как свету светающу поиде во храмину к господину своему. Господин же его не спит от страха, яко един начеваше, а того не ведаше, что слуга их, разбойников, подави. И запрягши лошедь и поехали до царства.

И приехаша во царство и ста на постоялом дворе. Егда же сташа, купец же по обычею поиде по царству и применяя ко всяким товаром. И егда будет среди торжища, встрете его того царства сенатор, которой ближе при царе, и удивляяся на красоту его. Сам же поиде за ним во след, куды он поидет и коего царства. Купец же приде на постоянной двор, а сенатор смотрел и поехал до царя.

Во утрии же день приехаша в то царства из иные земли гости корябленики и придоша к царю з дарами. Царь же дары у них принял и унел их у себя обедать. Сенатор же вошед к царю и рече: „Пресветлейший царю! Есть в нашем царстве иностранной купец, которой велми прекрасен, а на обеде zde его нет, не вижу. Царь же рече: „Да где тот купец стоит?“ Он же сказа: „Аз, царю, видех его, где он стоит.“ Царь же посла по него. Сенатор же приде к купцу и просиша его, дабы к царю шел на обед. Купец же обещася и купи дары царю. Слуга же купцев рече: „Господине! Ты идешь к царю на обед, возми и меня с собою.“ Купец же отвеща ему: „Како я могу тебя взяти с собою? И я буду со царем на обеде!“ Слуга же рече: „Да ты хотел меня во всем слушатца!“ Купец же взя его с собою. А слуга же рече: „Когда ты, господине, придеш к царю в полаты, и царь увидит тебя, и восстанет с своево места, и возмет тебя за

руку, и посадит подле себя и станет потчивать лутче всех, аз же, господине, стану у дверей и царь взглянет на меня и спросит тебя, что за человек, и ты скажи, что слуга. И он велит меня выслать вон. И ты ему поведай: „Царю, сей слуга лутче мне отца родного!“ И он велит мне сесть тут же, посадит за столом.“

И пришел купец к царю, и увиде его царь и ста с своего места, и взя его за руку, и посади подле себя и стал его потчивать лутче всех. Слуга же купцев стоя у дверей. Царь же увиде его и вопросы о сем, что за человек. Купец же рече: „Раб мне“. Царь же рече: „Аще ли раб, послы же ево в другую полату, где люди сидят.“ Купец же отвеща к царю: „Сей мне слуга лутче отца родного!“ Царь же повеле и слуге сести за стол и посадил через человека от купца.

По окончанию же обеда царь взял купца за руку и веде его во особливую полату и ста ему глаголати: „Аз тебе, купче, глаголю, не почитаю тебя за купца, почитаю тебя за сына и за зятя. Есть у меня единая дщерь, даю тебе в жену и будеши царству моему здержатель, понеже не имел по обычаю себе зятя выбрать никого, и ныне един ты мне угоден“. И выведе дщерь свою и показа ему. Купец же пад поклонися ему. Царь же обеща за нею приданные дати треть царства. И заповеда ему, дабы сие никому не поведал: „Аще ли поведаеши, то злою смертию умреши. А токмо будем ведать ты да я да невеста твоя, поп да друшка“. И удариша по рукам и отпустиша его, а сам наказа: „Жди дня уреченаго, когда аз пришло к тебе оного ж сенатора.“ Купец же поклонися и поиде до квартиры своя.

И како идоша дорогою, слуга же купцев поздравляше ему: „Здравствуй, господине, на царской дщере зговорившися и треть царства взявши!“ Купец же удивися сему, како он про сие сведа, никто не был в полате, кроме царя и невесты, а он про сие сведа. И приидоша до квартиры своей.

Уреченный же день приде. В полунощи прислал царь к нему того сенатора, дабы ехал к венчанию. Купец же сорежаетца для сочетования законного брака. Слуга же рече: „Господине, возми меня с собою!“ Он же сказа ему: „Да како могу тебя взяти с собою? Царь не велел никому о сем

поведати. А тебя взять, он меня злою смертию казнит!“ Слуга же рече: „Да ты хотел меня слушатца!“ Купец же чрез великую мочь взял ево с собою и поехалша до царя к венчанию.

И как приехала на царской двор, царь же повеле их вести в церковь и обвенчать свещенику. По венчанию же их посади за стол, потом повеле их вести на ложу спать. Слуга же купцев кликнуша его к себе: „Господине, поиди ко мне до слова!“ Царь же то услыша и рече: „Како еси смел сотворити сие, слуге поведати? Ведаешь, что смертию да умрешь!“ Он же рече: „Царю, но не могу сего сотворити, что его ослушатися, понеже под великою клятвою“. И выде к слуге своему. Он же рече: „Господине, аще поидешь спать на ложу с царевною, возми меня с собою!“ Он же ему сказа: „Да како могу тебя взять с собою!“ Слуга же рече: „Да ты меня слушатца хотел!“ Купец же рече: „Да како могу тебя пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же ей, девичье дело, како ей раздетца при тебе!“ Слуга же отвеща: „Ты сего не моги! Токмо повели, хотя и двоих запрут, а я уже тамо буду. А коли она станет стыдиться, и ты ей скажи: „Чего тебе стыдиться, сей слуга всегда при нас будет“. И станет она с тобою играть и захочет спать, ты же не спи и сматри на лице ея. Аще же она здрогнет, ты еще смотри. Ежели же в другой раз вздрогнет, то ты соиди с постели и стань на мое место, а я возлягу на одре с нею“.

Потом взяша друшка, купца и царевну и поведоша в особливую полату припочинуть. И запре токмо двоих. Царевна же по обычаю раздевшись и сташа в одной сорочке и огленухся ко дверем и видит человека стояща. Она же вопроси его: „Господине, аки что за человек стоит, понеже дело мое девичье! Какое он сего зашел?“ Купец же рече: „Чесо тебе, душа моя, ево стыдиться, понеже сей раб всегда при нас будет служить!“ Она же сташа с ним играть. По игранию же восхоте спати и рече: „Господине, не мешай, аз хощу спати!“ Он же повеле ей спати, а сам ста на нее глядети. И как засне, вздрогнула необычно, он же прилежно ста смотрети на нее. Потом во второй такожде

вздроснула так сильно, что от постели в высоту на аршин поднелася и удари о постель. Купец же велми ужасеся и сниде с постели долой и ста на месте слуги своего. Слуга же взя клещи и возляже на постеле. Потом изо уст ея бысть пламе огненное и искры по всей полате. Купец же, сия видя, велми ужасеся и паде на землю и бысть аки мертв, упоая, что слуга его уже умертве. Слуга же вста с постели и, взя клещи, ста у кровати. И, виде изходяща изо уст ея змия велика, взя клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкия части, спрята. И подня господина своего едва жива и рече: „Возляжи на одре с женою своею!“ Он же не хотяше возлещи с нею, но с нуждею ево привлек и по обычею сотвори по закону брака.

Потом утру же светающе, царь же послаше друшку: „Поиди выкини кости, чаю, давно уже змий заел.“ Друшка же приде и отпер двери и ста отваряти, двери изнутри заперты. Друшка же удивися сему. Слуга же купцев вопроси: „Ты кто еси?“ Он же отвеща: „А ты кто еси и како взошел сюда?“ Слуга же отвеща: „Аз купцев слуга.“ Друшка же рече: „Да кто тебя пустил?“ Слуга же рече: „Господин мне повелел, не вас бо слушаю!“ Друшка же рече: „В добром ли здравии молодья?“ Слуга же отвеща: „В добром здравии и лиходея нашего змия ухости!“ Друшка же воззопиша великим гласом, к царю: „Поиди скоро! Злодей наш змий ухожден, а молодые в добром здравии!“ Царь же велми возрадовася и поиде с царицею и велможами. И виде молодых в добром здравии, а змия убита, возрадовашеся радостию велиею зело, а слугу почти и одали дарами честно. И живяше тут в царстве много лет.

Потом восхоте ехати ко отцу своему и просиша у царя. Царь же отпусти их и даша ему треть царства своего. Слуга же не велел ему силы брать, а велел взять триста подвод без людей. Купец же рече: „Да кто может их гнать?“ Он же ему сказа: „Ты о сем не тужи, я уже управлюся с ними, возми подводы!“ Царь же даде ему и отпусти их с честью.

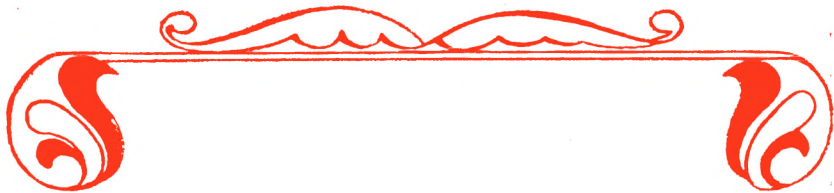
Потом ехаша они дорогою, купец же с царвеною, а слуга подводы гонит. И приехаша на тот разбойнической

двор, где он давил разбойников, и въехала ста начевати. И проводиша их в хоромы, а сам лег на дворе. Он же в хранине спаша с царвною своею, а слуга насыпал все подводы злата и сребра и камня драгоценава. Поутру же вышедша из хранины и видеша возы насыпана златом и серебром и удивишася сему и поехала в путь свой.

Потом приехала х тому месту, где у него нанелся, слуга же стал говорить: „Господине, аз теперя от тебя иду, даси мне ряжено“. Купец же даде ему и разделиша возы пополам. Слуга же рече: „Да не обидно ли мне будет? Ты владеешь царвною, а мне что!“ Он же вопроши его: „Да како нам ея делити? Возми ты все триста подвод, а ея не замай у меня!“ Он же ему отвеща: „Тебе обидно будет. Ты ея разруби пополам!“ Купец же заплака: „Возми ея один к себе живу!“ Слуга же не послушав его, вынеша меч и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочиша из нея изо уст змеиное гнездо, в нем же змеенков семьдесят, аки черви колышуца. Слуга же подняв ее и перекрести и даде ему живу: „И поди ты живи с нею без опасения, а то бы она тебя съела от сих змиев. И возми все подводы себе и мое наемное“. И рече: „Знаешь ли ты меня?“ Купец же рече: „Воистину не знаю“. Он же ему поведал: „Аз есмь ангел божий. Послал меня господь бог к тебе за добродетель твою царство даровати, что ты у заимодавца мертвое тело скупил и похоронил, и за то тебе царство и богатство.“ И пусти их, а сам невидим бысть.

Купец же взял подводы и приехала ко отцу своему с великою славою и честию. Отец и мати его вельми о том возрадовашеся. Потом поживе малое время у отца своего и взял его со всем домом своим и поехала к царю тестю своему. По преставлению царя сяде на царство и правяше царство свое добрѣ и благополучно. Конец.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В море перед большими рыбами сказание о ерше и о ершеве сыне, о щетине, о ябеднике, о воре, о разбойнике, о лихом человеке, как с ним те- гались рыбы лещ да головель.

Быст в некотором граде Ростовского уезда суд судил боярин осетр, да вое|во|да сом Хвалынского моря,¹ да тут же в суде сидели судные мужики,² судак да щука-трепетуха.

Били челом на него ерша, в котором челобитье написано: „Бьют челом и плачутся божи сироты, а ваши крестьяня растовского уезду рабии лещ да головль. Жалоба вам, господам, на Ерша и на Ершева сына, на щетину ябедника, на лихую образину, на раковые глаза, на острые щетины, на безделника, ненадобного человека. [Изстари], господа, нам вазачелось Ростовское озеро и дано было вами в вотчину,³ да и нам, сиротам вашим, после отцов наших в век прочно. А тот ерш-ябедник, безделник, обмершик, абворшик, лихой человек, постылая сабака, острия щетины пришел из Волги реки, а из Ветлуска поместья,⁴ ис Козмодемьянского уезду, Вырскою рекою⁵ к нам в Ростовское озеро. Приволокъся зимнею, не в погожею пору, захурился и заморозился, аки рак, и нозри заморался. А кормился,

идучи по болотом, и пришед к Ростовскому озеру, и вопро-
сился к нам начевать на одну ночь, а назывался неизвестным
крестьянином. Потом переночевав упросил себе пожить
на время обогретца и покормитца з женишкаю и з де-
тишки своими. А жить было ему итить назат жировать
в Кудме реки.⁶ И тот ершишка-воришка в нашем Ростов-
ском озере подле нас пожил и детишек распладил, дочь
свою выдал за вандышина⁷ — расплевина сына, и стокався
с племенем своим, скопом и заговором, нас крестьян пере-
бил и переграбил и с щетином своим вострым изувечил, из
вотчины вон выбил и озером завладел напрасно, надеясь
на свое насилство вострое щетинье, а нас с женщицами и
детишками хочет поморить голодною смертию. Смилуйтесь,
государи бояря судьи, дайте праведной суд“.

И по вопросу ерш в ответ пошел. А в ответе сказал:
„В сем деле отвечать буду, а на них буду искать бесчестия
своего болшого. Назвали они меня безделным человеком.
А яз их отнют не бивал и [ни граблывал], не знаю, не ве-
даю, а озеро Ростовское мое и тоже дедовское, дано в век
прочно старому ершу, деду моему. А родом истари мы де-
тишки боярские мелких бояр, по прозвищу вандушевы
переславцы. А тот лещ да головль бывали у отца моего
в холопех,⁸ и я не похотел греха по батюшкиной души,
отпустил их на волю, да велел им жить за сабою, поить и
кормить нас сабою, а иных их племя есть и ныне у меня
во дворе в холопех. А как озеро посохло в ведряное лета,
и стало скудость велик голод, и тот лещ до го|ло|вль сами
сволоклись на Волгу реку и по затоком разселились, на мою
голову с челобитьем воскошались, отчего мне жития не
стало, похотя меня всего испродать напрасно. А от меня,
от крестьянства, что ани сами воровством своим в Ростов-
ском озере на свету не бывали, а я отцовских моих вотчин
и ныне живу. А не тать и не разбойник, доброй человек, живу
я своею силкою, кормлюсь вотчинкою, да меня ж знают бол-
шие князи, бояре, дияки и гостинные сотни во многих горо-
дех, и кушают меня чесно, с похмелья животы оправливают“.

И судьи исцом стали говорить: „Чем вы ерша ули-
чаете?“ И они ерша почели уличать и говорить: „Господа

наши судьи, уличим мы его всею правдою, шлемся из виноватых на свидетелей. Есть у нас добрые люди и свидетели в Новгородской области в Ладужском озере, а заут рыба белуга, да в Неве реке доброй же рыбы селява,⁹ да в Переславском озере рыба селть залеская,¹⁰ что поистине то Ростовское озеро наше“.

И ерш в ответе сказал: „Господа судьи, на рыбу белугу и силяву, селть не шлюсь для того, что они им в племени и пьют, ядят вместе, и по мне затем не скажут. И людии онии прожиточные, а я человек небогатой, а езды платить мне нечим, а путь дальней“.

И судьи послали мимо исцов и ответчиков рыбу окуня, а езд возметца на виноватом. А взяли в понятия¹¹ с сабою мя рыбу.¹² И мень сказал судьям, что в понятих нелзя быть, брюхо велико, глаза малы, губы толсты, говорить не умею, и память худа. И затем ево для хворостию отпустили и взяли в понятия рыбу язя, да са блюда пригоршни мелкой рыбы. И свидетели и по сыску¹³ скозали: „Лещ да головль добрые людии, божие крестьяне, кормятца своею силкою вотчинкою, а тот ерш — ябедник, лихой человек, крестьянин, а живет по рекам и по озерам на дне, а на свету мало бывает, да что змей ис куста кусает с щетином своим. И тот ерш выходя на устья да обмановает болшую рыбу в невод, а сам вывернитца. Где он вор вопроситца ночевать, и он хочет и вотченника своего посести, да многим людем свое ябедничество испродал. И ково де попустил, а иных поморил голодную смертью. От роду у него в детех боярских не бывало истари“. — „Да он же де ерш сказывал, бутто ево знают в Москве и кушают князья бояря, и правду ли объявляет“? И исцы скозали, что знают ерша бражники и кобацкие голыши и всякие нужные людии, которым не на что добрые рыбы купить. И купят ершей на пол деньги, половину их розмечут, а другую расплюют, а достол выльют под ноги и даесть сабаком.

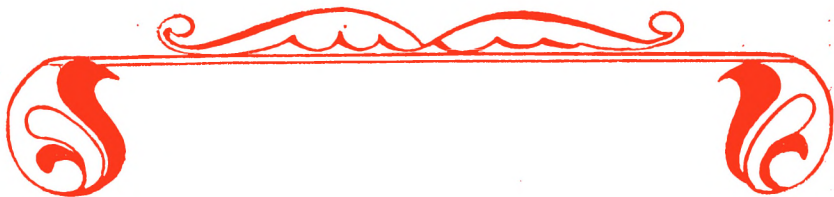
[И осетр сказал: „Господа, аз вам не правда, ни послух, и скажу вам правду божию, а свою беду. Коли я шел к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот ерш встретился со мною на усье Ростовскаго озера и на-

звал меня братом. А я лукавства ево не ведал, а спросать было неково про него, лихова человека, и он меня спрашал: куды де ты идеш, братец осетр? И я ему сказал: иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать. И он мне сказал: „Не ходи ты, братец осетър, к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать, стоил де я тебя, братец, поболе, и пошире твоих бока мои терлися о которость реки, з береги на берег, а очи мои были как полная чяши, а хвост мои был, как большова судна парус, сорок саженой. А ныне ты, братец, видиш и сам, иду ис того Ростовска озера“. И я ево послушал, на ево лесныя слова пался и воротился, жену и дети з голоду поморил, сам от него, ерша, в конец загип. Да тои же ерш, господа, обманул меня, что просътова мужика, привел меня к неводу: братец де осетр, поидем в невод, там рыбы наедимся. И я его послушал, на ево лесныя словеса пался, по нем пошел в невод, воротился да и увяз. А тот ерш выскочил заднею клещею, и сам мне насмеялся: ужели ты, братец осетр, рыбы наелся? И как меня поволокъли из воды на берег, и он почял со мною прощатца: прости де, братец осетр, не поминай лихом“.

И суди приговорили: леща оправдали, а ерша обвинили и выдали исцу, лещу, ерша головою и велели ево казнить торговою казнию, против солнца повесить в жаркия дни за ево воровство и за ябедничество.

А у суднаго дела сидели все добрыя люди: дьяк был сом з большим усом, суднои список писал вьюн, а доброн человек был карась, а печятал рак-глазун левою клещею, и у печяти сидел вьюн переславскои да сиг ростовскои, а справил стер[ля]дь своим долгим носом. Судному делу конец].

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

В неких местех живяше два брата земледелца:¹ один богат, други убог; богаты же, ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его.

По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошади, на чем ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошади глагола ему: „Много ти, брате, ссужал а наполнити не мог“. И егда даде ему лошад, он же, возьмь, нача у него хомута просити, и оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: „И того у тебя нет, что своего хомута“, и не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привязав за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему, и забы выставить подворотню и ударив лошад кнутом; лошад же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторви у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошад без хвоста, и виде брат его, что у лошади ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошад у него отпрося испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.²

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из

города посылка, а не итти, ино будет езда³ приставом⁴ платит.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города; богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаемь; убогии же прииде к тому ж попу и, пришед, ляже у него на полати. И богатыи нача погибель сказыват свое лошаде, чего ради в город идеть; и потом нача поп з богатым ужинати, убогова ж не позовут к себе ясти. Убогии же нача с полатей смотрети, что поп з братомь его есть и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп так же поеде з братомь в город бити челомь на убогова о смерти сына своего; и приидоша ко граду, иде же живяше судия, убогии же за ним же иде.

Поидоша через мост в город; града ж того некто жител везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же, веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтис до смерти; бросясь, упаде на старого, удави отца у сына до смерти, его же поимаше, приведоша пред судию.

Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии чтоб дати, и ничего у себе не обрете, измысли: взя камень и завертев в плат и положи в шапку, ста перед судиею.

Принес же брат его челобитную на него искovou⁵ в лошади и нача на него бити челомь судии Шемяке. Выслушав же Шемяка челобитную, глагола убогому: „Отвещай!“⁶ Убогии же, не веды что глаголати, вынял из шапки тот заверчен камень, показа судии и поклонися. Судия ж начаялся, что ему от дела убоги посулил, глагола брату ево: „Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест у лошади выростеть хвост, а как выростет хвост в то время у него и лошади свою возми.

И потом нача други суд⁷ быти: поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави; он же так же вынял из шапки той же заверчен плат и показа судие. Судия ж виде и помысли, что от другога суда други узел сулит злата, глагола попу судия: „Коли де у тебя ушипь сына, и ты де отдай ему свою жену попадию до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе, в то время возми у него попадью и с ребенком.

И потом нача трети суд быти, что бросясь с мосту, ушибь у сына отца. Убогии же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия ж, начаявся яко от третьяго суда трети ему узол сулит, глаголя ему, у кого убит отец: „Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станет под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убии его, яко же он отца твоего.

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу.⁸ Нача богаты у убогова просити свое лошади, он же ему глагола: „По судейскому указу как де у ней хвост вырастет, в ту же тебе пору и лошад твою отдам“. Брат же богаты даде ему за свою лошад пять рублевь, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублевь и лошад его отдал.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыти и, добыв, попадью назад отдал ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попади не взял; он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: „По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня також бросися, якож и аз на отца твоего. Он же размышляя себе: броситися мне и ево де не ушибить, а себя разшибити. Нача и той с ним миритися: даде ему мзду, что броситися на себя не велел. И со всех троих себе взя.

Судия жь высла человека⁹ к ответчику и веле у него показанные три узлы взять; человек судиин нача у него показанныя три узла просить: „Даде то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взять“. Он же, выняв из шапки завязаны камень, и показа, и человек ему нача говорит: „Что же ты кажешь камен?“ Ответчик же рече: [„То судии; я де того ради, как бы он не по мне стал судить, и я бы ево убил тем камнем“.

И пришед человек и сказа суде. Судья же, слышав человека своего, и рече: „Благодарю и хвалю Бога моего, что по нем судил, а как бы я не по нем судил, и он бы меня ушип“.

Потом убоги отъиде в дом свой; радуясь и хваля Бога].

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Великому господину преосвещеннейшему архиепископу Симону Тверьскому и Кашенскому.¹
Бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря² крылашана, диакон Дамаск да чернец Боголеп с товарищи.

Жалоба государь нам того ж Колязина монастыря на архимандрита Гаврила.³ Живет он не горазно добро, забыв страх божии и монашеское обещание. Досаждает нам, богомольцам твоим, научает он архимандрит плутов пономареи в колокола не во время звонить, в доски колотить. И оне, плуты пономари, ис колоколов меди много извонили, железный языки исприломали, три доски исколотили, шесть колотовок избили; днем и ночью звонят и нам богомольцам твоим покою нет.

Да он же, архимандрит, приказал старцу Иору в полночь з дубиною подле келеи ходить, в двери сенные колотить, нашу братью будить, и велит скоро в церковь ходить. А мы, богомольцы твои, вокруг ведра без порток в одних свитках в кельях сидим. Не поспеть нам ночью в девять часов келеинова правила исправить, вполизвары с пивом ведра испорожнить, чтоб сверху до дна допить, все покидемь, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимандрит, казны не бережет, ладану да свечь много прижек, а монастырския слуги тешат ево обычаи: сожгли на уголе с рожью четыре овина.

А он, архимандрит, в уголья ладан насыпал, и попам и дяконам чинить тож повелевал. И по церкви ходит да святя иконы кадит, и тем иконы запылит, кадиллом закоптит, а церковь задымил; а нам, богомольцам твоим, очи выело, горло завалило.

Да по ево ж, архимандричью, велению поставьлен в воротах ш шелепом старец кривои Фалелеи, не пустил нас, богомольцов, за ворота в слободу сходить, чтоб скотья двора присмотреть, телят бы в стадо застать, курят бы в подполья покласть, коровницам благословления подать.

Да он же, архимандрит, приехал в Калязин монастырь и почал монастырскои чин раззорять, старых пьяных всех разгонял. И дошло до тово, чуть и монастырь не запустел, некому было и впредь заводу заводить, чтобы пива наварить да медом бы подсядить, а на достальные денги вина прикупить, помянуть умерших старых пьяных. И прото роззоренье вестимо учинилось на Моськве, по всем монастырям и по кружалам осмотр учинили, и после смотру остатку лутчих хороших бражников сыскали — подячева Лукьяна, пьянова Сулима, да с Покровки безграмотнова попа Колотилу — для обрасца в Калязин прислали, чтобы делом не плошили, кафтаны бы лутчия свои с плечь сложили, монастырскова бы чину не растеряли, а своево бы ремесла не скрывали, а инных бы пить научали.

И наша братья в Калязине, крылоския люди, с любовию их принимали, мастеров, старых питухов, и за едино бы учинить смышляли, как бы в государевои казне прибыль учинить, а себе в мошни денег не копить.

А есть ли нам, богомольцам твоим, власти не мешали, мы бы ничего не жалели и колокола бы отвезали да в Кашыане бы на вино променяли.

Да он же, архимандрит, проторно живет, в празники и в будни на нашу братью накладывает на шеи большия цепи, да об нас многия батоги изломал, шелепы прирвал и то в казне немалои убыток учинил, а себе мало добытка получил.

В прошлом, государь, году весна была красна, пенка росла толста, а мы, богомольцы твои, меж себя совет учинили, чтоб ис тое пенки веревки свивать, долги да толсты, чем бы ис погребя бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, чем бы у сенеи было двери иззавалить, и будильщика бы в келью не пустить, что не мешал бы нам пива испить, и во всю ночь забавяся без штанов просидеть.

А он, архимандрит, догадался, а от нас крилоських людей челобитья убоялся, приказал тое пенку веревки свивать, да вчетверо згибать, да на короткия палки навязывать, и здумал шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцов твоих, на спину тяжело опущать. А нас, стоя, он, архимандрит, учил часто конорхать, а нам, богомольцам, лежа пропевать не поспеть, почему что за плечми тела нужно, а под шелепами лежать душно. А мы, богомольцы твои, от ево, архимандритовой, налоги поневоли в церковь идем, и по книгам чтем и поем, и зо то нам есть долго не дает, а заутрени и обедни все, государь, не етчи поем.

Да он же, архимандрит, новои чин завел: в великой пост земныя поклоны класть повелел. А в нашем, крылоском, уставе не написано тово, а повелено: утре рано до свету стать за три часа, да в чесноковники звонить, а на блюде над старыми остатки часы говорить, а блаженная в ведрах над вчерашним пивом на шесть ковшей, а слава и ныне до свету на печь спать поспеть.

Да он же, архимандрит, нам, богомольцам твоим, и всем лутчим людем, бражникам и пьяницам, славьным людем, изгону чинит, а когда есть прикажет, то поставляют репу пареную да ретку вялую, кисель з братом, щи мартовския, посконная каша на вязовой лошке, а в братыне квас налевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не слатка, ретка да хрен, да чашник Ефрем. А, по нашему бы разуму, луче бы для постных днеи: вязига да икра, да белая рыбица, телное, да две тешки паровыя, семга да ладуга, да десеть стерлядок, трои пироги, двои бы блины пшеничные, молосная каша, а кисель бы с патокою, а въ братыне бы подденное пиво, мартовское, да приварной мед с патокою.

А у нево, архимандрита, на то и разуму не стало, один живет да хлеб сухой жует, мет перекис, а он воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся: мышцы з хлеба опухли, а мы з голоду мрем.

И мы ево, архимандрита, добра доводили, и ему говорили: ешь ли, архимандрит, хочешь с нами в Калязине по доле пожить, а себе большую честь получить, и ты бы почаще пиво варил, да нашу бы братью поил, пореже бы в церковь ходил, а нас, богомольцов, не томил.

И он, архимандрит, родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, а на хлеб — на соль каргополец, нас, богомольцов твоих, ни в чем не слушает, мало пьет да больно бьет, а с похмелья нас оправливает метельными комлями ремьными плетями, честь нам у нево добра во всю спину равна, и кожа с плеч вся сползла. А когда мы, богомольцы твои, у правила в вечеру утрудимся до полуночи, у пивнова ведра засидимся, и тогда утре рано вскоре стать не сможем, и клубук с мантиею где лежит не спомним, да и тогда немного замедлим, и десятой песни поспеем, а инные к началу расходному. И он, архимандрит, манашескому житию и чину не навычен и, зато нас не смысля, крепько смиряет.

А в Калязине обитель немалая, казна великая, после мору старых лет [запасов] по подлавечью, стулья в хлебне, да цепи в мукосеике, шелепы, да плети, да ситы [. . . .], а в караулне снопы бадогов, в кузницах по грядкам кандалы да замки, а у нас, богомольцов твоих, смотря на то, от згляду очи мутятца, а у малодушьных за плечьми кожа вертитца и ночью не спитца.

И мы, богомольцы твои, тому весма дивимся, потому что он, архимандрит, по се время в Калязине живет, а по-нашему пить не навькнет, а нас бьет гораздно.

И не лутче ли ему от нас, ис Калязина, вон по Волге плыть, а буде ему лень из монастыря до берегу дотти, то бы мы ево под руки довели или на носилках снесли. А у нас на ево место охочих много будет, в онбарех простору прибудет, рожь да ечмень в солот обростим, да овсяной брашки поставим, а из солоду пива наварим, а на денги вина прикупим и учнем крестьян нарежать, и прикажем крестьянам

колокола отвезать, да в Кашин провожать да на вино про-
менять, и так оне нам много зла учинили, и у всех у нас
уши оглушили и нищими нас всех во веки снаредили. А как
мы архимандрита лихова избудем, а другаго добраго нажи-
вем, которои бы гаразд леже пить пиво да вино, а в церковь
бы пореже ходил, и нас бы, богомольцов твоих, вином да
пивом почаще поил, а цепямн, плетями и шелепами не томил.

И мы, богомольцы твои, монастырю станем прибыль
чинить, в чарки вина налевать, а старое пиво допивать,
а молодое затирать, а инное на дрожжи налевать. А в цер-
ковь тогда поидем, когда вино да пиво допьем, в колокола
не станем звонить, а на погребы станем и без звуку ходить,
ладану да свеч не станем жечь, пиво да вино и с лучиною
пьем, уголья и стери не будет. Ризницы да церковь запрем,
а печать в лупки загнем, а крестьян в слободы вышлем и
велим им ходить з году на год на велик день.

Прикажи, государь великий, господин преосвещеннейши,
архиепископ Симеон Тверский и Кашинский, ево, архиман-
дрита, счесть колокола и цепи весом, уголья мерою, доски
и колотовки числом, а в казне бы отчет дал.

Смилуися государь, чтобы наши виноватые не были, для
того что понеже за ево, архимандрита, нам в казну платить
нечем, для того что мы, крилаские люди, живем небогато,
только живот у нас — лошка да плошка. А есть ли ему,
архимандриту перемены не будет, и мы, богомольцы твои,
ударим ево архимандрита обухами, и поидем во иной мана-
стырь, где пиво да вино найдем, тут и жити начнем, а буди
тамо не закурдаем и не замедлим, богомольцы твои, то мы
и паки в Калязине побываем.

Великий господин преосвещеннейши Симеон архиепископ
Тверский и Кашинский, смилуися, пожалуи.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

Бе некто гость¹ велми богат и славен зело, именован Карп Сутулов, имеяй жену у себя именован Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именован Афанаси[й] Бердов. Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: „Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, буду тебе бити челом и платитися“. Друг же ево Афанасий Бердов глаголя ему: „Друже Карпе мой! аз рад снабдевати жену твою“. Карп же шед к жене своей и сказа ей: „Аз был у друга своего Афанасия и би челом ему о тебе: аще какая без меня тебе будет нужда в денгах, да снабдит тебя во всем друг мой Афанасий; рекох мне он: „Аз рад снабдевати без тебя жену твою“.

Карп же наказа и жене своей Татиане тако: „Госпоже

моя, Татиана, буди Бог между нами. Егда начнешь творити без меня частые пиры на добрых жен, на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублей, и ты, чай, тем до меня и проживешь. А моего совету блюда, без меня не отдавай и ложа моего не скверни“.

И сия рек, отъиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно, и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многие добрые жены частые пиры и веселяся с ними велми, воспоминаая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому три года, как поезде муж ее, она же шед ко другу мужа своего ко Афанасию Бердову и рече ему: „Господине, друже мужа моего! даждь ми сто рублей денег до мужа, а муж мой Карп, когда поехал на куплю свою, и наказал: „Егда до меня не станет денег на потребу на что купити, и ты поиди моим словом ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себе (на) брашна денег сто рублей“. И ты же ныне пожалуй мне на потребу на брашна денег сто рублей до мужа моего: егда муж мой приедет от купли своей, и тогда все тебе отдаст“. Он же на ню зря очима своима и на красоту лица ее велми прилежно, и разжигая (ся?) к ней плотию своею и глаголаша к ней: „Аз дам тебе на брашна денег сто рублей, толко ляг со мною на ночь“. Она же о том словеси велми за(с)умневашася и не ведает, что отвецати, и рече ему: „Аз не могу того сотворити без повеления отца своего духовного; иду и вопрошу отца своего духовнаго: что ми повелит, то и сотворю с тобою“.

И шед вскоре и призвав к себе отца своего духовнаго и рече ему: „Отче мой духовный, что повелиши о сем сотворити, понеже муж мой отъиде на куплю свою и наказав мне: „Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денег, чем до меня (жити), и ты ж иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он тебе, по моему совету, даст тебе денег

сто рублев“. Ныне же мне у меня не доставшу сребра на брашна, и аз идох ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову; по совету мужа своего. Он же рече ми: „Аз ти дам сто рублев, толко буди со мною на ночь спать“. И аз не вем, что сотворити, не смею (без) тебе, отца своего духовного, того с ним сотворити без повеления твоего: и ты ми (что) сотворити повелиши?“ И рече ей отец духовный: „Аз тебе дам и двести рублев, но пребуди со мною на ночь“. Она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: „Дай ми, отче, сроку на малую годину“.

И шед от него на архиепископов двор тайно и возвести архиепископу: „О, велики[й] святы[й], что ми повелеваеши о сем сотворити: понеже муж мой, купец славен зело Карп Сутулов, отъиде на куплю свою в Литовскую землю, се уж ему третие лето, и после себя оставил мне на потребу денег; отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него, и как муж мой поехал на куплю свою и наказал мне: „Аще ли не достанет тебе денег, чем до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст тебе на потребу на брашна денег сто рублев“. И аз шед ныне ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себе денег до мужа своего сто рублев. Он же рече ми: „Аз дам ти и сто рублев, толко ляг со мною на ночь“. И аз не смела того сотворити без повеления (отца) своего духовнаго и шед ко отцу своему духовному и вопроси о сем отца своего духовнаго, что ми повелит, он же рече ми: „Аще ты со мною сотворишь; аз дам ти и двести рублев“. И аз с ним не смела того сотворить“. Архиепископ же рече: „Остави обоих их, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и аз дам тебе и триста рублев“. Она же не ведает, что ему отвещати, и не хотяше таковых слов преслушати, и рече ему: „О, велики[й] святы[й], како я могу убежати от огня будущего?“ Он же рече ей: „Аз тя во всем разрешу“.

Она же повелевает ему быти в третьем часу дни.

И тако шед ко отцу своему духовному и рече ему: „Отче, будь ко мне в 6 часу дни“.

Потом же иде к другу своего мужа ко Афанасию Бердову (и рече): „Друже мужа моего, приди ко мне в 10-м часу дни“.

Прииде же ныне архиепископ. Она же встретила его с великою честью. Он же велми разжигая плоть свою на нее и принесе ей денег триста рублей, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: „Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; (не добро) пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветушем народе и Бога славиши, в том же и самому паки к Богу быти“. Он же рече: „Не виде никто мя и в этом платье, что мне и оно облещи, но некоему нас с тобою видети“. Она же рече ему: „Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но Он вся весть, обличени[я] не требует. И сам то Господь не придет с палицею на тя и на вся злотворящая, такового человека зла пошлет на тя, и тот тя имать бити и бесчестовати и предати на обличение протчим злотворящим“. И сия глаголаше ко архиепископу. Он же рече ей: „Тол(ко), госпоже моя, не имею никакой иныя одежды, какие в мире носят, разве аз (от) тебе требую какую ни есть одежду“. Она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле, а тот сан сняше с него и вложиша к себе в сундук, и рече ему: „Аз кроме сея одежды не имею в дому своем, понеже отдала портомоице, что носяше муж мой“. Архиепископ же с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху: „На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую (пребыти) с тобою“. Она же отвещаше к сему: „Се аз сотворю, но еще прежде покладимся со мною“.

И в то же время прииде ко вратом поп, отец ее духовны[й], по приказу ее, и принесе ей с собой денег двести рублей и начал толкаться во врата, она же скоро возре в окошко и всплеска рукама своима, а сама рече: „Благ Господь, понеже подает ми безмерную и превеликую радость“. Архиепископ же рече: „Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?“ Она ж рече ему: „Се муж мой от купли приехал, аз же в сим времени ожидала его“. Архиепископ же рече ей: „Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?“ Она ж рече ему: „И ты, господин мой, иди

в сундук и сиди (там), и аз во время спущу тя“. Он же скоро шед в сундук, она же замкнула его в сундуке. Поп же идя на крылцо. Она же встретила его. Он же даде ей двести рублей и нача с нею глаголати о прелюбезных словесах. Она же рече: „Отче мой духовный, как еси ты прелестился на мя? Единого часа (ради) обоим с тобой во веки мучитися“. Поп же рече к ней: „Чадо мое духовное, аще ли в коем греси Бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чем хочещи Бога умолити и милостива сотворити?“ Она же рече ему: „Да ты ли, отче, праведны[й] судия? имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?“.

И глаголющим им много, ажно ко вратам гость богат, друга мужа ее, Афанасий Бердов. И нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окошку и погляде за оконце, узре гостя богатого, друга мужа своего, Афанасия Бердова, всплеска руками своима и поиде по горнице. Поп же рече к ней: „Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехал и что ты радостна одержима бысть?“ Она же рече ему: „Видиши ли, отче, радость мою: се же муж мой от купли приехал ко мне и свет очию моею“. Поп же рече к ней: „О беда моя! Где мне, госпоже моя, укрытися срама ради?“ Она же рече ему: „Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою (смертию) умрети, а грех сотворяй, мучитися имаши во веки“. И во оной храмине указа ему сундук. Он же в одной срачице и без пояса стояше. Она же рече ему: „Иди, отче, во иной сундук, аз во время испущу тя з двора своего“. Он же скоро шед в сундук. Она же замкнула его в сундуке, и шед скоро, пусти к себе гостя. Гость же пришед к ней в горницу и даде ей сто рублей денег. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ее велми прилежно. Она же рече ему: „Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? а не ли же некоему человеку мнози люди похвалиша жену, она же зело злобаше (чит.: зла бяше), он же целомудренны тогда похвалу“. Он же рече ей: „Госпожа моя, егда аз насыщуся и наслаждуся твоя красота, тогда прочь отъиду в дом свой“. Она же не ведаше, чим гостя отвести и повеле рабе вытти и стучатися.

Рабыня же по повелению госпожи своя шед вон и начаша у врат толкаться велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: „О, всевидимая радость от совершенные моя любви, о свете очию моею и вожделение души моя (и) радость!“ Гость же рече к ней: „Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошком?“ Она же рече к нему: „Се муж приехал от купли своя“. Гость же слышав от нее таковыя глаголы и нача по горнице бегати и рече к ней: „Госпоже моя, скажи мне, где от срамоты сея укрытися?“ Она же указа ему 3 сундук и рече ему: „Вниде семо да по времени спушу тя“. Он же скоро кинулся в сундук. Она же замкнула его в сундуке том.

И на утре шед во град на воевоцки[й] двор и повелеша доложити воеводе,² чтоб вышел к ней. И рече к ней: „Откуда еси, жена, пришла и почто ми велела вытти к себе?“ Она же рече к нему: „Се аз, государь, града сего гостиная жена: знаеши ли ты, государь, мужа моего, богатого купца, именем Сутулов?“ Он же рече к ней: „Добре знаю аз мужа твоего, понеже муж твой купец славен“. Она же рече к нему: „Се уже третие лето, как муж мой отъиде на куплю свою и наказал мне взяти у купца же града сего, у Афанасия, именем Бердов, сто рублев денег — мужу моему друг есть, — егда не достанет. Аз же делаше после мужа своего многие пиры на добрых жен и ныне мне недоставши сребра. Аз же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца оного дома не получила, у которого велел мне муж мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублев, аз тебе дам три сундука в заклат з драгими ризами и многоценными“. И воевода рече ей: „Аз слышу, яко доброго мужа есть ты жена и богатого: аз ти дам и без закладу сто рублев, а как Бог принесет от купли мужа твоего, аз и возму у него“. Тогда она же рече ему: „Возми, Бога ради, понеже ризы многие и драги велми в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего быть в наказании и в те пору станет ми говорить: „Ты бы де положила на соблюдение человеку доброму до меня“. Воевода же, слышав, велел привезти вся три сундука, чаяше истинно драгие ризы. Она же, шед от воеводы, взяша вое-

воцких людей пять человек, с коими и приехала к себе в дом и поставиша, приехала опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки[й] двор и повеле она воеводе ризы досмотрити. Воевода же повеле ей сундуки отпирати все 3, и видяше во едином сундуке гостя, сидяща во единой срацице, а в другом сундуке попа во единой же срацице и без пояса, а в третьем сундуке самого архиепископа в женской срацице и без пояса. Воевода же, видя их таковых безчинных во единых срацицах сидяща в сундуках, и посмеялася и рече к ним: „Кто вас посади тут в одних срацицах?“ И повелеша им вытти из сундуков, и быша о(т) срамоты яко мертвы, посрамлени от мудры(я) жены. И падше они воеводе на нозе и плакася велми о своем согрешени. Воевода же рече им: „Чесо ради плачетесь и кланяетесь мне? Кланяйтесь жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии“. Воевода же рече пред ними и жене той: „Жено, скажи, како их в сундуках запирала?“

Она же рече к воеводе, как поехал муж ее на куплю свою и приказал ей у гостя того просить денег сто рублей, и как (к) Афанасию ходила просити денег сто рублей, и како гость той хотя с нею пребыти; тако ж поведи (про) попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часех приходити, и како их обманывала и в сундуках запирала.

Воевода же, сие слышав, подивися разуму ее, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: „Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег!“ И взя воевода з гостя пятьсот рублей, с попа тысящу рублей, со архиепископа тысящу пятьсот рублей и повелеша воевода их отпустить, а денги с тою женою и поделиша пополам. И похвали ее целомудренны[й] разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла, и ложа своего не осквернила.

Не по мнозем времени приехал муж ее от купли своей. Она же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовался о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми муж ее о том возрадовался.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

В Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника¹ Нардина Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведал Фрол Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой. И (не) видит ее, однако ж умыслил спознаться той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме. И в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: „Господин Скобеев, не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что мои услуги к вам никакой не находится“. И Фрол Скобеев отдал оные денги и сказал: „То мне сие ни во что“, — и пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того

прикащика и поехал в дом свои. И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости де и (в чести . . .), называемыя по их девичеству званию Святки. И та столника Нардина Нащокину дочь Аннушка приказала мамке своеи, чтоб она ехала ко всем дворянам, которые во близости той вотчины столника Нардина Нащокина имеют жителство и, у которых, дворян, имеютца дочери девицы, чтоб тех дочереи просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочереи к госпоже своеи Аннушке, и по тому ее прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке: „Пообожди малое время, я схожу к братцу своему; ежели прикажит мне ехать, то и вам с тем и объявим“. И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина Нащокина Аннушки и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним. И Фрол Скобеев сказал сестре своеи: „Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочсрю, девицею. И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однакож не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сеи вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своеи Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своеи: „Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости“. И сестра ево как стала убираться в девичей убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своеи: „Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери“. И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что ежели признает ево, то конечно быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин Нащокин весма великой милости при царе находится; однакож не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрался в девичей убор и поехал

с сестрой своей в дом столника Нардина Нащокина к дочери ево Аннушки. Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселиться разными играми, и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: „Как, мамушка, много наших сестер дворянских дочерей, а твои к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою“, И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев вынес денег пять рублей, подарил тое мамку. С великим принуждением и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однакожь помяну(в) ево к себе два многия подарки: „Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твои“. И пришла в покои, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: „Полноте, девицы, веселитесь! я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были“. И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: „Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры“. И объявила им та мамка игру: „Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою“, — а на Фрола Скобеева показала, — „сия девица будет женихом“. И повели их в особливу светлицу для почиву,² как водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весьма в печали великой пребывала, сожелея брата своего и надеется, что,

конечно, будет причина.³ А Фрол Скобеев, лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не смотря ни на какой себе страх и ростлил ее девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес ее другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно:⁴ „Что ты надо мною сделала! Эта не девица со мною была; он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев! И та мамка на то ей объявила: „Истинно, госпожа моя, что не могла признать его, думала, что она такая же девица как и протчии, а когда он такую безделицу учинил, ведаеш, что у нас люди довольно можем его скрыть в смертное место. И та Аннушка, сожалея того Фрола Скобеева: „Ну, мамушка, уже быть так, того мне не возвратить!“ И пошли все девицы в пировой покой и Аннушка с ними же. И Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой. Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И на утри встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, також и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали его служители дому того, и веселилис все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свои и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублей. И Фрол Скобеев приехал в дом свои, весьма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворян(ами).

И пишет из Москвы отец ее столник Нардин Нашокин в-вотчину к дочери своеи Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре, и поехала в Москву. Потом проведаль Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом

сумнени, не ведает, что делать, для того он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправляться в Москву, а сестра ево весма о том соболезнует, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своеи: „Ну, сестрица, не тужи ни о чем, хотя живот свои утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник; ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастье, то поминаи брата своего. Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близ двора столника Нардина Нашекина. И на другои день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшестви литурги вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И как вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взяла б с собою денег 200 ру (блев) и отдала Фролу Скобееву, то учинила по воли ея. И у того столника Нардина Нашекина имелас сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столник приехал к сестре своеи в монастыре. И сестра ево стретила по чести брата своего. И столник Нардин Нашекин у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столник Нардин Нашекин обещал к ней отпустить. И просила ево, когда и в небытность твою дома пришлю я по ея карету и возников,⁵ чтоб ты приказал еи ехать ко мне и бес себя.

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину Нашекину ехать в гости з женою своею, и приказывает дочери своеи, ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней.

А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил карету и с возниками, и приехал сам к ней, и сказался будто от сестры столника Нардина Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персены знали, что он Скобеев дворянин небогатой, толко великой ябида, ходатаиствует за приказными делами.

И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел к тому столнику Ловчикову. И тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками. И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру, и того кучера поил весма пьяна. А сам, убрався в лакеиское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину Нащокину, по Аннушку. И усмотрела та (. . . мамка), что приехал Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, яко бы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралас и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сильном пьянстве, и, напоя ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету. А сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возников и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возники, а кучер лежит в корете жесто(ко) пьян.

Пошли и объявили Ловчикову, что лежит кучер пьян в корете, а кто их на двор привел не знаем. И Ловчиков корету и возников велел убрать, и сказал: „То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево“. И на утре стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым. И кучер сказал ему толко: „Помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю“. И столник Нардин Нащокин

приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки. Та мамка сказала, что по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возников. И столник Нардин Нащокин сказал: „Изрядно!“

И столник Нардин Нащокин долгое время не бывал у сестры своей и надеется, что дочь его в монастыре у сестры его. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин Нащокин поехал в монастырь к сестре своей. Долгое время не видит дочери своей и спросил сестры своей: „Сестрица, что я не вижу Аннушки?“ И сестра ему ответствовала: „Полно, братец, издивается! что мне делать, когда я несчастна моим прошением, к себе, просила ее прислать ко мне; знатно,⁶ что ты мне не изволишь верить, а мне время таково, нет чтоб послать по нея“. И столник Нардин Нащокин сказал сестре своей: „Как, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу рассудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе“. И сестра ему сказала: „Никак, я, братец, возников и кореты не посылала никогда, Аннушка у меня не бывала“. И столник Нардин Нащокин весьма сожелел о дочери своей, горко плакал, что безвестно пропала дочь его. И приехал в дом, сказал жене своей, что Аннушка прапала, и сказал, что у сестры в монастыре нет. И стал мамку спрашивать: кто приезжал, и куда она поехала. И мамка сказала: „Приезжал с возниками и с коретою кучер, и сказал, что из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему, и поехала Аннушка“. И о том столник и з женою весьма соболезновали и плакали горко. И на утре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государь велел учинить публику столничей дочери: ежели ее кто содержит тайно, чтоб объявили, ежели кто не объявит, а после обыщется, то смертию казнен будет. И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делать.

И умыслил Фрол Скобеев, чтоб иттить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков

весма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров. И столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева: „Что, господин Скобеев, женился ль?“ И Скобеев сказал: „женился, государь“. „Богату ли взял?“ И Скобеев сказал: „Ныне еще богатства не вижу, что вдаль время окажет“. И Ловчиков говорит Скобееву: „Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно: ⁷ отстань за ябидою ходить, живи вотчине своей, лутче здравую!“

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчика(ова), чтоб он был предстателем ⁸ ево беде. И Ловчиков ему объявил: „Скажи, что ежели сносно — буду предстателствовать, а ежели что несносно — не гневаися“. И Фрол Скобеев ему объявил, что „столника Нардина Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней“. И столник Ловчиков сказал: „Как ты зделал, так сам и ответствуи“. И Фрол Скобеев сказал: „Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево; мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал, ежели б ты не давал, и мне б того не учинить.“ И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: „Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал? Добро, как могу буду предстателствовать“. И сказал ему, чтоб завтрашней день пришел в Успенской собор и столник Нардин Нащокин будет у обедни, и я с ним буду, будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади. И в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери, а я уже как могу о том буду предстателствовать“.

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни. И столник Нардин Нащокин, и Ловчиков, и другия столники, все были. И по отшестви литурги в то время в собрани на Ивановской площади, против Ивана Великого ⁹ и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин Нащокин, болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столник Ловчиков, разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на тех их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам как по обычаю поклон. И все столники Фрола Скобеева знают, и кроме всех столников пал пред ногами Скобеев

столнику Нардину Нащокину и просит прощения: „Милостивой государь, столник первы, отпусти виновнаго яко раба, которой возымел пред вами дерзновение!“ И столник летами древен, однакож еще усмотреть мог, натуральною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает ево: „Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?“ И Фрол Скобеев толко говорит: „Отпусти!“ И столник Ловчиков подошел к Нардину Нащокину и сказал ему: „Лежит пред вами и просит отпущения вины своеи дворенин Фрол Скобеев!“ И столник Нардин Нащокин закричал: „Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану старатся о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань, скажи, что твоя вина?“ И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своеи, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить. „Что ты, плут, зделал? Ведаешь ты о себе. Кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоеи! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоеи плутской ко мне обиде!“ И вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разговаривать, чтоб он вскоре не возымел доклада к государю: „Изволиш съездить домой и объявить о сем сожителнице своеи, и посоветуи обще, как к лутшему уже быть, так того времени не возвратить, а он Скобеев от гневу вашего никуды не может скрытца“. И столник Нардин Нащокин (послушал) совету столника Ловчикова, и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свои. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: „Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!“

И столник Нардин Нащокин приехал в дом свои и пошел в покой, жесто(ко) плачит и кричит. „Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!“ И жена ево спрашивает: „Где она, батюшка?“ И Нащокин сказал жене своеи: „Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на неи!“ Жена ево

услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своеи. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою, и проклинают, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память и, сожелея дочери своеи, и стали разсуждать з женою: „Надобно послать человека, и сказать, где он, плут, живет, и проведал о дочери своеи: жива ли она“. И призвали человека своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своеи лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покои и отдал как по обычаю поклон. И Скобеев спросил: „Что за человек и каку нужду имееш ко мне?“ И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина Нащокина, проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: „Видишь ты, мой друг, какое здравье! Таков ти родителскои гнев: видишь, они заочно бранят и кленут, и от того она при смерти лежит. Донеси их милости, хотя б они заочно бранят, благословение еи дали.“ И человек тот отдал им поклон и пошел от них и пришел к господину своему столнику Нащокину. И спросил ево: „Что нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?“ И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива, и требует от вас хотя словесно заочно благословение. И столник и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: „Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Бог судил. Надобно, друг мои послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умиловитца к ним, то можем и сами видится“. Сняли стены образ, которои обложен был златом и драгим камением, как прикладу всего на 500 ру[блей], и послали с тем человеком. И приказали сказать, чтоб она сему образу молилас, а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не проматал.

И человек, приняв образ, и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришед тот же человек, сказал жене своей: „Встань, Аннушка!“ И она встала, и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил где надлежит и сказал тому человеку: „Таково-то родительское благословение! И заочно намерены благословить, и Бог дал Аннушке лехче. Слава Богу, здрава!“ И сказал Фрол Скобеев: „Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость“. И человек пришел к господину своему и объявил об отдани образа, и о здрави Аннушки, и о благодарении их, и пошел в показанное свое место.

И столник Нардин Нащокин стал разсуждать и сожелеть о дочери, и говорил жене своей: „Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ее кормить, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запасу на 6 лошедах“. И послали запас и притом запасе реэстр. И Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место. И приказал тем людям за их родительския милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскошно и ездит везде по знатым персонам. И весма Скобееву удивлялис, что он зделал такую притчину так смело.

И уже чрез долгое время обратилис сердцем и соболезовали о дочери своей, також и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним, и просил их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а сь их дочерью, приехал к столнику Нардину Нащокину кушать.

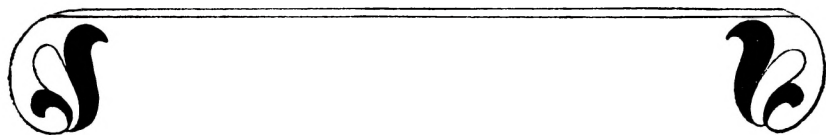
И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сеи день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказал человеку: „Донеси батюшку: готов быть сеи день к их милости!“

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего столника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему; и пала пред ногами родителей своих. И усмотрил Нащокин дочь свою и з женою своею, и стали ее бранить, наказывать гневом своим родительским: и, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Одна-

кож, оставя весь свои гнев родительской, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Скобееву сказал: „А ты, плут, что стоишь? Садись тут же! тебе ли, плуту владеть моею дочерью!“ И Фрол Скобеев сказал: „Ну, государь батюшка, уже тому так Бог судил!“ И сели все вместе кушать. И столник Нардин Нащокин приказал людем своим, чтоб никого в дом посторонних не пушали. Ежели кто придет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видеть столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает. И по окончани стола столник Нардин Нащокин спрашивал: „Ну, плут, чем станешь жить?“ — „Изволишь ты ведать обо мне, — более нечим, что ходить за приказным делам“. — „Перестань плут ходить за ябедою! Именья имеется, вотчина моя в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х дворех. Справь плут за собою и живи постоянно“. И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкой и, пренося пред ним благодарение: „Ну, плут, не кланеися; поди сам справляи за себя!“ И, сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столник Нардин Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: „Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?“ — „Известен государь, батюшка, какия у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!“ „Ну, плут, не продаваи! Возми денег — я дам“. И приказал дать 300 ру[блев]. И Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру. И со временем справил тое вотчину за себя и, пожив столник Нардин Нащокин немного время, и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имени. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин Нащокин умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего, сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

РУССКИЕ

ПОВЕСТИ

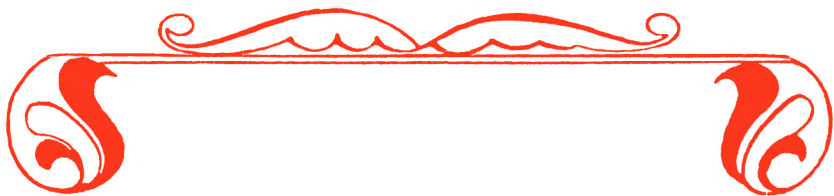
17

Б Е К А

переводы

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страстотерпца святейшего кира Гермогена,¹ патриарха всея Руси, о послах наших преосвященном Филарете,² митрополите Ростовском, и боярине князе Василии Голицыне³ с товарищами, о крепкой обороне города Смоленска⁴ и о новых изменниках и мучителях, гонителях и разорителях, губителях веры христианской — Федьке Андронове⁵ с товарищами

Преименитого великого государства, матери родов Российского царства православным христианам, всякого звания людям, которые еще души свои от бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и ложною верою не прельстились, держатся благочестия, не примкнули к противникам своим, не уклонились в их веру отпадшую, а еще хотят за православную веру стоять, не щадя крови.

Бога ради, государи мои, не будьте к себе нерадивы, моля всемилостивого бога и пречистую его мать, заступницу нашу и молитвенницу, помощницу всего рода нашего христианского, моля великих чудотворцев, кои у нас знамениты в Троицком монастыре, и всех святых! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и постоим сообща и стойко за православную веру, за святые божии церкви,

за свои души, за отечество свое и за достояние, что господь нам дал. Изберем славную смерть: если и случится нам умереть, то лучше по смерти обрести царство небесное и вечное, нежели здесь бесчестную, позорную и горькую жизнь под рукою врагов своих.

Последуем и подивимся великому нашему городу Смоленску, что противостоит Западу. Как в нем наши же братья православные христиане обороняются, терпят всякие великие невзгоды и лишения, но крепко стоят за православную веру, за святые божии церкви, за свои души и за всех нас, и общему нашему врагу и супостату королю не покорятся⁶ они и не сдадутся! Сами знаете ведь, с какого времени осаждены они! Терпят они всяческие великие лишения, но не поступятся и малым, не прельстятся никакими вражескими обещаниями и соблазнами, тем, что обещает им сам король, наш супостат! И все противостоят единодушно, непреклонно и стойко умом и душою своею ложным и обманчивым обещаниям врагов. Душ своих они не погубят, не хотят погибнуть навеки, а готовы лучше славно умереть, нежели жить в горе и бесчестии. И какое же мужество они показали, какую славу и похвалу снискали себе во всем нашем Российском государстве! Да и не только по всей нашей преславной земле, но и в иных государствах — в Литовском, Польском и во многих других. Чаем, что и до самого Рима, а может быть, и далее распространилась о них слава и хвала, как и у нас. Да и самого короля, лютого врага, супостата нашего, удивили подвиги их и в ужас повергли, и всех пособников его, таких же, как он, безбожников: и тех, которые с ним там, под городом, стоят и хотят тот город, словно злые волки, похитить, и тех, которые у нас здесь, в великом нашем городе, живут, гнетут наши сердца и, подобно лютым львам, всякий день хотят поглотить нас. Творец наш теми подвигами врагам нашим еще более досадил до глубины их злокозненного и злокачественного сердца! Ведь они многих доброжелателей короля, а наших врагов, уже перерубили и перегубили, многих позорной смерти предали, да и ныне с божией помощью всякий день их, врагов наших, губят и весьма дерзко им отвечают. Чаем,

что и малые дети, услышав о том, подивятся той их, граждан смоленских, храбрости, крепости, величию духовному и непреклонной воле. Если бог до конца так укреплять будет их, как и ныне, и выдержат они свою столь крепкую оборону и великое тяжкое терпение свое за православную веру, за святые божии церкви, за себя и за всех нас и отсидаются там и этим своим сопротивлением все царство наше сохраняют в борьбе с лютым нашим супостатом, до тех пор пока сам господь неизреченным своим провидением невидимо не подаст великую милость свою всему нашему великому государству, пока не избавит он всех нас от столь непереносимых несчастий, не изымет нас из-под рук наших врагов, словно агнцев из уст волчьих, — тогда кто сможет выразить словами их доблесть и стойкость? Тогда еще смелее можно будет сказать, что не только по одной нашей земле, но и в иные государства: до Царьграда, Рима и Иерусалима, до крайнего востока и запада, на север и на юг, распространится о них такая слава: „В том царстве и сам тот город спасся и других спас, а короля, врага и супостата, победил и прогнал и тем все свое великое государство сохранил“. Если бы таких городов, стойко сопротивляющихся и за веру стоящих, в Российском государстве хотя и немного было, а не то, чтобы все, — и то никогда не было бы тем врагам нашим и злым волкам не только входа на нашу землю, но и никогда, сказать попросту, не было бы им то повадно.

Но подобает нам подражать и удивляться так же и посланцам ото всей нашей великой России — вначале посланцам от соревнователя и сопрестольника их святейшеств вселенских патриархов, от первенца и главы церковного всея Руси, пастыря нашего и учителя, отцов духовных отца и святителя, истинного защитника и твердого поборника веры христианской; а затем — посланным от самих благородных и великих земли нашей начальников и правителей, ныне же, можно сказать, и воли ее искажителей (но не о том теперь слово наше, что впредь увидите); так же и посланным от всех людей всякого чина под тот город Смоленск к королю,⁷ нашему врагу и супостату, ради добрейшего дела, для

мирного совещания и заключения лучшего договора. Посланы они были для того, чтобы от гнилого, нетвердого, горького и кривого корня и дерева, в тени растущего (ему же, полагаю, праведное солнце мало сияет, и совершенной благодати от него не бывать; если же по уставу своему то солнце на него изредка и взирает, то все же ожидает оно его искоренения), — от того дерева, ради одного величия рода его, хотели мы одну ветвь отделить и, освятив ее тщательно и водою и духом, посадить на высоком и славнейшем месте, которое по воле вышнего превышает всех прочих мест и славится своими достоинствами по всей поднебесной. И хотели так, чтобы росла та ветвь и цвела в свете благоверия, и чтоб от своей горечи она избавилась, и претворилась бы горечь та в сладость, чтобы людям давала она плод сладкий. Хотели, чтобы злые корни и зелье там перевелись, — много ведь злых корней и зелья лютого там скопилось. Хотели, чтобы не колебалось впредь то высокое и преславное место, поскольку ради некоей вины перед творцом всевышним место это колебалось, а живущие на нем в смуте находились, много голов пало, и много крови пролилось. И думали мы ту посаженную ветвь беречь со всякою осторожностью единодушно, а не двоедушно. Иначе сказать: посланы были послы, чтобы у короля сына, рожденного им, испросить⁸ и возвратиться с ним к нам, дабы мы ему по нашему закону дали как бы второе рождение, вывели бы из тьмы неверия и, словно слепцу, свет дали бы, дабы возвести и посадить его на великий престол и вручить скипетр Российского царства. Чтобы он у нас затем всяческие добрые дела совершал, а веры нашей и уставов ни в чем не нарушал; чтобы он свое злое сродство забыл, а мы бы ему также верно и неизменно служили. Чтобы можно было выслать из царствующего града нашего и из всей нашей земли вон врагов наших и губителей, выгнать их, словно волков злых и голодных, в проклятую их иноверческую землю; и чтобы затем не лилась уже неповинная кровь христианская и волнение бы окончилось; чтобы впредь жить нам тихо и безмятежно, если всемилостивый владыка утолит праведный свой гнев к тому времени. Злой же супостат король

в злонравии своем ничего того не хотел и в уме своем не помышлял о том, чтобы было так, как нам годилось. С давних ведь лет замышляют против нашего великого государства все те окаянные безбожники, что были и прежде того из его же братии, в той же проклятой земле и той же веры. Все они о том думали, как бы им великое государство наше похитить, веру христианскую искоренить и свои богомерзкие дела совершить. Но не пришло на то им время, пока не дошло дело до нынешнего короля, нашего врага и супостата. Он же свыше всяких мер возрадовался злокозненным сердцем своим и напрягся всем телом своим. Подобно тому, кто хочет приобрести большое богатство, ничего не упустив из него, и весьма сердцем своим радуется тому, хотя еще по неким обстоятельствам и не имеет его целиком в руках своих, — подобно тому и он, окаянный король, — хотя и не дано то ему искони от бога, не его то достояние, не его отечество, — хочет великим государством нашим овладеть, а в нем бесчисленные богатства захватить. И радуется и кипит злым своим сердцем. Полагать можно, что и на месте он мало сидит и мало спит от такой большой своей радости, но из-за непокорности и стойкости крепкого нашего города еще не видит полностью в руках у себя все наше великое Российское государство. Или уподобим его некоему злему и сильному безбожнику, который, как и король, хочет взять за себя, не по состоянию своему и вопреки воле творца нашего, невесту прекрасную и благородную, богатую, известную и во всем совершенную, особливо же — девицу благой веры. Но из-за нежелания невесты и всех ее родственников и доброжелателей, за исключением злодеев ее, не может ее взять и мужем ей стать до тех пор, пока родственников и доброжелателей невесты силою и разными ухищрениями не победит и себе не покорит. Лишь тогда невесту получит себе со всем ее богатством. Так и он, окаянный, еще не полностью великое наше государство в руках своих держит, благодаря царствующему великому нашему граду, а также и тому городу, крепкому защитнику нашему и поборнику, под которым он, окаянный, ныне стоит, и благодаря всем другим городам нашим, не

желающим стать за него, — кроме тех его доброхотов, а наших злодеев, которые им ныне прельщены и тленною, мимолетною и гибнущею славой и богатством ослеплены (о них впереди еще будет слово наше). И опять же надеялся на то окаянный, что по божьему изволению царский корень у нас перевелся, восприяв вместо тленного и мимолетного царства — небесное и вечное, что земля наша без них, государей, овдовела и за великие прегрешения наши в великую скорбь повергнута, а горше всего, что разделилась она, и многие, из-за гордости своей и ненависти, не захотели из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожников царя сыскать и тому служить. И вот упомянутые выше его доброхоты, а наши злодеи, о именах коих еще нет здесь речи, растлились умами своими и пожелали обманам мира сего рабствовать, и в великой славе быть, и сана почетного достигнуть не по своему достоинству. И ради того от бога они отпали, и от православной веры отстали, и к нему, супостату нашему королю, всей душой пристали, и потому окаянные души их пали и пропали. Хотят они его, злодея, в нашем великом государстве посадить и ему служить. И почти полностью они уже Российское царство ему, врагу, предали. Ежели б могли, то в одночасье привлекли бы его, врага, сюда. И во всем бы с ним свершили свою волю над нами. Но всемилостивый владыка еще милостью своею нас, грешных, осеняет, умысел их и заговор разбивает и тем крепким нашим городом, под которым он, злодей, стоит, пути ему закрывает и к нам итти воспрещает. Если же за великие грехи наши, по причине гнева божия и по его, злодея нашего, злему умыслению, с помощью каких-либо мер возьмет он тот наш город, крепко стоящий, тогда дойдет он и до царствующего града, и до всех других мест достигнет, и нас себе покорит. И вновь те его доброхоты, а наши злодеи, всё на пользу ему чинят, и во всем ему добра хотят, и великое Российское царство хотят отдать ему целиком, ради своей мимолетной славы и величия. Потому-то он, окаянный, и не хочет так сделать, как нам угодно, и, уж конечно, мечтает в уме своем, что овладел нашим великим

государством. Бесовским своим воинством наполнил он всю нашу землю и, наконец, стал уверен в победе. И наших посланцев тех он держит, всяческими лишениями, голодом и жаждою морит и пленом томит. Пошли они от нас со многими людьми в большом числе,⁹ а ныне будто бы с малой лишь дружиной остались двое самых знатных из них.¹⁰ А то говорят, будто и все они великих мучений и стеснений не могли стерпеть, и тому супостату, врагу королю, поклонились, и на его волю положились. Того не знаем, все ли от желанного сердца пред ним склонились или, быть может, втайне нам сочувствуют и ныне, может, хотят стоять за веру, хотя и принуждены то скрывать, — только разошлись они и разъехались, одни к нам, а другие — кто куда по своим местам.¹¹ А те наши, что остались, самые знатные из послов, будто бы непреклонны волей своей и стоят твердо, как и граждане смоленские, за святую непорочную христианскую веру и за свою правду, на том, о чем ранее согласились здесь с подручным короля Желтовским, таким же, как и сам тот супостат, безбожником.¹² Принято то решение было нашими землеправителями, а ныне, по своему уму, добились они того, что назовут их земли губителями!

Подобает же всяческая слава и похвала тем стойким посланцам! Что может быть похвальнее, удивительнее и бесстрашнее? Будучи в руках у своего злого врага и супостата, стоя перед смертью и терпя нужду всякую, глаз своих перед ним, супостатом, не опускают и в лицо ему прямо отвечают, что отнюдь его воли не бывать и самому ему у нас не живать, да и не только ему самому, но и рожденному им, ежели тот не будет освящен, как и мы, божией благодатью!

Еще более подивимся на пастыря нашего и учителя, великого святителя и отцов духовных отца, имя коего ведомо всем,¹³ — что стоит непоколебимо, как столп, посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства. Он православную веру защищает и всех тех волков, явившихся на пагубу душ наших, увещевает и стоит один против их всех. Подобно мужу-исполину, что без оружия

и воинского ополчения, только священное писание, как па-лицу, держа в своих руках, выходит против огромных ага-рянских полчищ¹⁴ и побивает всех, так и он, государь, вместо оружия только словом Божиим всем нашим сопер-никам заграждает уста и посрамляет их, отсылая от себя ни с чем. И нас всех укрепляет он и учит страха и угроз их не бояться, от бога душами своими не отступаться, а стоять крепко и единодушно за данную нам от Христа веру и за свои души, как стоят те граждане в осажденном городе и посланцы наши под тем же городом.

О, не до конца еще великий милосердный бог прогне-вался на христианский род! О, чудо удивительное и во-истину великих слез достойное, как мать городов в Россий-ском государстве всеми стенами своими, многими головами и душами покорилась и предалась врагам и губителям, отдалась на их волю, кроме того нашего великого, крепкого и непоколебимого столпа, разумного и твердого алмаза! А с ним и еще многие православные христиане, которые хотят стоять и умереть за православную веру!

И воистину великий город, о котором прежде у нас шла речь, — в своем противодействии супостатам нашим и врагам, и прежде всего самому лютому нашему супостату, злему королю, пожелавшему погубить нашу святую и не-порочную веру, — крепко вооружился и укрепился, не по-корился и не сдался, но и поныне стоит и укрепляется. Можно сказать, что все наше великое Российское государ-ство он укрепляет, а всех наших врагов, и там и здесь находящихся, и самого короля, общего нашего супостата, устрашает. Особливо великий по делам своим, подобен город тот прехраброму воину, когда тот уздою сжимает челюсти лютого, свирепого и неукротимого жеребца, реву-щего на самку мула, и поворачивает всем телом его назад, и воли ему не дает, — если же даст ему он волю, тогда и сам от него погибнет: занесет конь его в неисходный ров и разобьет его там. Так и тот великий город супостату нашему и похитителю веры нашей православной, что с ревом наступает на великое наше государство и на всех нас, даже и помышлять о том запрещает, к нам итти возбраняет. Если бы

этот город по сие время не сопротивлялся и не держал короля, то, безо всякого сомнения, уже давно был бы супостат наш у нас здесь и, если б бог попустил быть тому за великие прегрешения наши, уже всеми нами завладел бы супостат вконец и во всем бы над нами свою волю показал, и — что горше всего — святую и непорочную нашу веру так же вконец бы искоренил. Удержал ли бы тогда или нет до конца нас великий и непоколебимый наш столп? — Не смею того отважиться произнести.

А ныне его, нашего супостата, злого короля, тот наш город не за голову, не за руки, не за ноги, но за самое злонравное и жестокое сердце его ухватил и к нам ити воспретил. И посланники наши так же крепко и всей душою защищают православную веру, и перед супостатом нашим ничем себя не устыдят, и на правде своей против него стоят, и хотя в крепости с гражданами они не сидят и с ними совета не чинят, но, по божию промыслу, сердца их, вместе с теми гражданами, благочестием горят. А у нас здесь выше названный непоколебимый столп сам крепко и непоколебимо волею своею стоит и тем не только стены города нашего хранит, но и живущих за ними бодрит и умным словом своим в погибельный ров им пасть не велит, и вновь великое это безводное море своими речами он утишает и укрощает. Сами вы все видите: если б не он, государь, все здесь держал, то кто бы другой восстал и против наших врагов и губителей крепко стал? Давно бы под страхом угроз отступили от бога, душами бы своими пали и пропали. Ежели случится, что, божиим изволением и вспоможением и грехов наших прощением, спасется все великое наше государство силою двух этих крепких защитников и поборников веры нашей христианской и от врагов избавится оно и защитится, если какое-либо доброе дело устроится и умысел ваш над врагами свершится, — объявляю вам, что там всему причиною город Смоленск, а здесь — крепкий и непоколебимый наш столп! И во многих землях дивная повесть эта и притча не утаится, но повсюду пронесется и объявится, что царство наше такими путями спаслось и от врагов своих избавилось.

И опять скажу: о, велико божие милосердие и щедроты его ко всем нам! Там — город стоит, супостата держит и воле его препятствует, а всем нам бороться за бога и православную веру силы дает, чтобы мы все, видя его крепкую и непреклонную оборону, так же крепко вооружились и стали против супостатов своих. А здесь, у нас, наш крепкий и непоколебимый столп стоит и всех нас укрепляет и учит и примеру того города последовать нам велит! Придите, придите же, православные! Придите, придите же, христоролюбивые! Мужайтесь, вооружайтесь и стремитесь врагов своих победить и царство освободить! Не выдавайте спасителей наших, по милости бога, и крепких защитников: там — города и отправившихся под него послов наших, а здесь — общего нашего пастыря и учителя, духовных отцов отца и святителя!

Скажу вам истину, а не ложь: супостаты, которые у нас ныне, вместе с нашими единоверцами-изменниками, с новыми богоотступниками и кровопропитателями, разорителями веры христианской, вместе с первенцами сатаны, с братьями предателя Христа Иуды, все — и начальники их и подручные, их пособники и единомышленники, — недостойны по своим злым делам именоваться прямым своим именем; надлежит волками душегубными назвать их. Хотят нас вконец погубить, под меч свой склонить, а наших жен и детей в рабов и холопов обратить; хотят имущество наше разграбить и, что тяжелее всего и печальнее, хотят святую непорочную нашу веру искоренить, а свою, отпадшую от православия, насадить; хотят они сами жить в нашем достоянии. Сами видите, что они над нами ныне чинят. Всегда на глазах наших всем нам несут они смерть, надругаются над нами и творят насилие, посекают нас мечами своими, и дома наши у нас отнимают, и поносят нас. Скрежешут, как волки, зубами своими, угрожая нам смертью. И не только над нами творят поругание и смеются, но и над самым образом создателя и богородицы. И руками касаются их, и стреляют в изображение бога и пречистой его матери,¹⁵ как о том ныне свидетельствуют злодейские руки, пригвожденные к стене под образом божией матери, всем им, окаянным, в устрашение

и трепет. И хотят они все вооружиться, оснастить себя, как сущие злодеи. Знают, окаянные, что не свое достояние получили и не свое место хотят занять, если только бог их до того допустит. Ныне же послали во все города, по которым стоят такие же губители, проливающие неповинную кровь Нового Израиля,¹⁶ и велят им прибыть сюда к нам; а наших людей воинского чина, которые живут у нас здесь, всех высылают прочь.¹⁷ Замышляют они сделать так, чтобы их, врагов, было много, а нас — мало; чтоб не могли мы противостоять им; чтобы вконец овладеть нами и покорить себе. Так не смотрите же на то, православные христиане, и не давайте веры тому, что они ныне пред вами творят лицемерно, когда сами своих людей наказывают. Обманывают нас, уверяя и прельщая нас тем, что не отцу быть у нас, а сыну. И сам тот злодей, отец сына, тоже вводит нас в обман и прельщает, подобно сатане, когда, словно бесов, присылает своих послов с известием, будто хочет нам дать своего сына, согласно умыслу приверженных к нему изменников нашего великого государства и отступников от нашей веры. Видя здесь волнение в мире и готовность за веру стоять, прельщают нас и вводят в обман, чтобы овладеть нами и укротить, чтоб не поднять бурю на нашем море и не потонуть в нем самим, не наполнить его головами своими. И замышляют действовать обманом до тех пор, пока со своими пособниками, такими же, как и они, безбожниками, не соберутся здесь в большом числе, пока сам тот супостат и подлинный всех нас враг не возьмет Божиим попусшением и злобными своими мерами противящийся ему город, что является ныне нашим крепким поборником. Тогда, словно змей, прилетит к нам со всем своим бесовским воинством; и тогда те, что у нас ныне находятся здесь, все восстанут на нас, словно змеи и скорпионы или словно волки лютые. И завладеют нами. И будет нам тогда от них конечная погибель, если только господь бог за великие наши грехи на нас разгневается и вконец захочет нас предать им, словно псам, на съедение. Но не бывать тому, православные, чтобы сын его жил здесь у нас. Сами видите, что все то пустой обман и обольщение. Или не поверите тому, видя явный

над собою злостный умысел? Полагаю, что и малым детям, не только взрослым и разумным людям, можно это понять. Когда отец хочет зла сыну? И зачем он, желая отдать нам сына, сам, словно злой волк, стоит под городом Смоленском? Зачем ему давать волю врагам нашу землю разорять, и неповинную христианскую кровь проливать, и без всякой меры непосильные поборы для корма его войскам на нас налагать? Зачем тогда на смерть мучить нас? Зачем послов наших там морить, а здесь, в великом городе, всякие притеснения чинить? Это ли забота о сыне, чтобы все вконец погубить? Но он, окаянный, не только не прочит царство для сына, но и сам жить здесь не хочет. Только бы исполнить ему свою волю и добиться той великой славы, что нами он овладел! Только бы быть нам под его властью, слыть бы его людьми! Чтобы мог он подручных своих, таких же безбожников, в великом государстве нашем посадить! Чтобы мог он всех, кто в живых здесь останется, им в управление отдать; чтобы они нами управляли, дани и оброки тяжкие с нас собирали и к нему, врагу, словно бесы сатане, жертвы те доставляли! Верьте же больше всего, христороубцы, моему слову, что сыну не бывать у нас.

Все вы слышали о том, что случилось прежде сего и что раскрыло нам злокозненное сердце отца-короля и все его тайны. Некто явился из того же губящего души бесовского сонмища,¹⁸ отпавший от нашего христианского рода и нарушивший божий жребий. Именем святым и известным недостойно называть его по злым делам его, но надлежит наименовать его: злой человекоядный волк. И вот душегубный волк этот на нашего великого столпа, духовных отцов отца и святителя, имя коего всем вам ведомо, изрыгнул свой яд и тайные мысли свои перед ним открыл. Помыслил он своим злонамеренным умом покачнуть непоколебимый столп и привлечь его на свою сторону, к отпадению от бога. Словно змей, призывал он, чтобы великий столп и твердый алмаз тщетно задуманный и человекоубийственный умысел их принял, поддался бы на их вражеские желания, чтобы понудил он весь многочисленный народ наш впасть на веки веков в ров погибели и повелел бы всем нам

отцу-злодею присягнуть. Но великий и непоколебимый столп водружен богом прочно, не на песке поставлен, но на твердой почве сердец наших. Ни сам он нисколько не поколебался в сторону отпадших от бога и не допустил поддаться злу и великую палату, что вокруг него построена и им держится, а также и многочисленный народ, в ней живущий. И не только умы не совратил, но сильнее укрепил. А тот упомянутый выше многих душ губитель и злой разоритель великого государства, видя крепкое и непреклонное столпа за святую и непорочную веру и за все православное христианство стояние, раскрыл уста человекоубийцы и начал, словно безумный пес, на небо смотря лаять и скверными словами, словно сущий разбойник камнями, в лицо святителю метать и его святительское имя бесчестить. Своим грубым и обидным словом коснулся даже и матери его. А он, государь, твердый алмаз, словам его не внял вовсе и не испугался его грубостей, но лишь посмеялся над его безумной, дерзкой речью и воспретил ему говорить. И великое несчастье предрек ему своими устами пречестными. Как острым оружием, рассек он святительским своим словом тело и злонравную душу его: „Да будешь ты проклят со всем сонмищем своим в сей век и в будущий; будь проклят и тот, кого ты желаешь и кому призываешь всех присягнуть“. И еще сказал: „Не только он нам не угоден, но и отпрыск его, ежели не поступит по нашей воле“. А тот, окаянный, опустил лицо свое и отошел со всем своим сонмищем, посрамленный и изумленный, более же всего разъяренный на великого пастыря и учителя, правды надежного носителя; ушел, словно змей шипя или подобно льву рыкая. После же окаянный, подумав, познал свою вину и, видя злую совесть свою, раскаялся про себя в дерзости своей, что до времени столь явно и нагло раскрыл тайну свою великому господину. И убоился он многочисленного народа христианского, что донесется до него то его слово, что узнают они, с каким недостойным и злым делом, с какой неправдою приходил к тому высочайшему и непоколебимому столпу и, как пес, лаял и бранил его, словно был то не святитель, а самый простой человек. И стал тогда

запираться он в том, что говорил те свои слова. И, словно в темном углу, затворил лукавую свою душу в скверном теле своем. А потом злодей еще показал лицемерие: стал утверждать, будто в неистовстве тогда был и говорил, себя не помня. И испросил у великого святителя и незлобивого учителя прощение. Однако, хотя и прощение испросил, но от злого своего нрава и намерения не отступил и ныне шипит, как скорпион, и не перестает воздвигать крамолу и возмущать все бесовское сонмище, досаждая всячески ему, государю. И притесняют его, как сами все видите, и замышляют со всеми своими пособниками, как бы его, государя, вконец погубить, чтобы без него свершить все, как хотят, и всех нас затем, как змеи, проглотить. Как и сказал я ранее: некому будет без него врагам препятствовать и противостоять столь же твердо, как он.

Он же, великий столп, твердый алмаз и крепкий воин Христов, не имеет ни тула, ни меча,¹⁹ ни шлема, ни копья, ни воинов вооруженных, ибо не дано ему и не положено от творца все то держать при себе; нет вокруг него и крепко огражденных стен. Но словом божием опоясался он, словно надежным оружием, словно умелыми воинами окружил себя, словно крепкими стенами оградил себя. „Не бойтесь, — сказал, — поражающих тело, ибо души не могут коснуться они“. И воссылает он слова молитв своих от полного сердца своего к богу и пречистой его матери, как благовонный фимиам, молясь о себе и о всех нас, более же всего о святой и непорочной нашей вере, чтобы наша вера христианская от врагов и губителей наших не погибла. Изливает он из очей своих, словно токи речные, слезы перед образом господя нашего Иисуса Христа, пречистой его матери, великих чудотворцев, прославленных в русской земле, и всех святых. Надеется он теми обильными слезами своими и словами молитвы отогнать от себя и от всех нас и поразить, словно острыми стрелами, всех наших врагов и все великое государство от них освободить. О столп крепкий и непоколебимый, крепкая стена и забрало у бога и пречистой его матери! О твердый алмаз, поборник непобедимый! О непреклонный защитник веры! Воистину ты пастырь неложный!

В похвалу сказано таким великим и стойким душою: „Пастырь добрый; пастырь добрый душу свою за овец полагает“. Воистину, воистину пастырь добрый он, а не наемник! Душу свою за овец полагает, что отданы ему в паству. На него возложены все мы, православные христиане, и поминает он божественное писание: „Подобает за слово божие на смерть стоять“. И видим все: не даст он пасть слову божию. Всегда смерть грозит ему от общих наших врагов и губителей, однако же возлагает он надежду на творца нашего, и на богоматерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели и случится ему, государю, за слово божие умереть, — не умрет, но жив будет вовеки.

Смело и во всеуслышание должно сказать: если бы таких великих, прочных и непоколебимых столпов было немало у нас, никогда б в нынешнее безвремение от волков душегубных, от врагов своих и чужих святая и непорочная вера наша не упала, но лишь более бы процветала, и великое бы наше море, не колеблясь и не волнуясь, стояло. А ныне один-единственный он стоит, всех поддерживая и врагам сурово грозя, и некому поддержать его ни словом, ни делом. Кроме бога, пречистой его матери и великих чудотворцев не имеет никого себе пособников. И те, кто были сынами его и богомольцами, тот же сан носящие, славой обманчивой мира сего прельстились, а сказать попросту — подавились, на сторону врагов склонились и творят их волю. А сами наши землеправители, как уж прежде я сказал, земли губители, те и подавно от него отстали, ум свой крайнему безумию во власть дали, к врагам тем пристали, к ногам их низко припали и свое господское рождение променяли на низкое рабское услужение, покорились и поклоняются неведомо кому, как известно вам. Смотрят в руки ему,²⁰ что им даст, и в уста ему, что им укажет, словно нищие перед богачом проклятым. (Вскоре и мы вам объявим его проклятое богом и людьми имя; теперь же далее поведем нашу речь.) Так-то наши благородные умом оплошали, душами своими пали и пропали навеки, ежели не обратятся вновь от зла и худа на добро. Горше же всего

они то совершили, что всех нас выдали. И не только выдали, но вместе с ними, нашими врагами, вооружились на нас и хотят всех погубить, веру же христианскую искоренить. Ежели и есть из чиновных и из боярских родов избранные, готовые сердцем радеть за веру христианскую и за всех нас, то не могут они ничего сделать и не смеют стать против врагов, ибо крепко враги овладели ими: многих кратковременным богатством и славою прельстили, а иных закармлили, везде доносителей и доброжелателей своих поставили и понасажали. Только у нас теперь и есть богу и пречистой его матери стена и щит, что он, государь, великий святитель и стойкий заступник. Ежели случится ему что-нибудь от врагов наших, ежели разлучат душу его с телом и переселится он из обманчивого света сего в вечные обители, то и вера наша вконец падет от наших губителей, если не явится ваше сопротивление им. Если же его, государя, бог от них сохранит, и невредим останется, тогда умолит он бога и пречистую мать его, великих наших чудотворцев и всех святых, и спасет и себя и всех нас, и веру поддержит, и молитвою своею победит врагов.

А вы, православные, не помогаете ему, государю, ни в чем! Одно говорите устами своими, а на деле бог весть чего еще ждать от вас. Опять прошу вас со слезами и сокрушенным сердцем: не оставьте забот о себе и обо всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь! Держите между собою совет, как бы от врагов своих избавиться! Время, время пришло! Время в деле показать подвиг и на страдание итти смело! Бог наставит вас и подаст вам помощь! Прибегнем же к богу, пречистой его матери, к великим чудотворцам и всем святым, припадем к ним с теплою верою, с умильным сердцем, с горячими слезами: да подадут нам милость свою! Опяшемся оружием телесным и духовным, то есть молитвою, постом и всякими добрыми делами! Станем храбро за православную веру, за все великое государство и за православных христиан и не предадим пастыря нашего и учителя, крепкого поборника веры православной и преславного нашего города, что за всех нас храбро стоит и супостата удерживает. Сами знаете, что если не теперь, то все равно умрем. А за правду

нашу, может, и сохранит нас господь невредимыми и живы будем от врагов своих! Если же ныне терпим и медлим, сами от себя за свое нерадение и прѣмедление погибнем. Что стали? Что оплошали? Чего ожидаете и врагов на себя напускаете? Зачем даете зловредному корню в земле укрепиться и, подобно ядовитой горькой полыни, вновь расплодиться? Или того ждете, чтобы вам сам великий тот столп святыми устами своими изрек и повелел бы дерзать на врагов и кровь пролить? Сами знаете: его ли то дело, чтобы приказывать дерзать на кровопролитие? Ей-ей, не будет никогда от него, государя, такого наставления. Ибо сам он, государь, желает, своим великим разумом и мудрым умом, полагаю я, чтобы не от него пошло то доброе дело, но через него произошло, благодаря его стойкости и молитве пред богом, а вашей готовности, силе воинской и дерзновению на врагов.

Не известно ли вам о нем, государе, что, как пастырь добрый, всех нас он охраняет от душегубных человекоядных волков? И не даст чистую голубицу нашу поглотить им в змеиной пасти их и погубить ее. И ожидает он с часу на час божьего вспоможения, вашего старания и дерзновения на врагов! И когда вы, без его, государева, словесного приказания и рукописания, по правде своей дерзнете на злодеев и добро сотворите, когда врагов победите, царство от бед освободите и веру охраните, а его, государя святителя великого, и самих себя, и всех нас от врагов избавите, — то не будет от него вам заклѣтия и запрещения, но одно лишь полное благословение вам и чадам вашим, в роды и роды их, каждому до конца жизни его.

Сами вы видите, какое гонение на православную веру и какие притеснения всем православным христианам от наших врагов и губителей! Многим смерть и погибель, иным — раны жестокие, иных ограбление, бесчестие жен и насилдование. И товары у нас покупают они не по цене, но отнимают насильно или не настоящую цену дают: если и платят серебро, то с мечом стоят над головою всякого православного христианина, что торговлей занимается, и смертью ему угрожают. Наш же брат, православный христианин, видя

сиротство свое и беззащитность, а их, врагов, великую силу, не смеет иногда и рта раскрыть из боязни смерти — даром от имущества своего отступается и только слезами обливается. И уж больше нечего им, врагам, замыслить, чтобы всех нас, православных христиан, теснить и ругаться над нами, показывать над нами высокомерие свое и издеваться! Как видим мы сами: задумали и придумали они во всем великом и сильном нашем государстве, которое поистине великому и неудержимому морю подобно, на той стороне и в той стене, которая имеет двое ворот рядом, одни ворота затворить и замки на них наложить, а другие приоткрыть, да и то вполонину.²¹ А множеству христианского народа, что по божией благодати бесчисленно расплодился и умножился, не только в одни узкие и тесные ворота, но и во многие-то широкие не легко выходить. Ныне же, хотя за грехи нас много убыло, посечено или в плен выведено теми же врагами и губителями в проклятую землю их, хотя и убыло и мало на виду нас, однако еще много соберется. И всегда в тех одних воротах будут они теснить нас, нехорошо сказать — будто мышей давить, и шума, и визга, и крика много будет из-за узкого и трудного проезда и прохода. А они, враги, вооруженные всяким смертоносным оружием, будут стоять, пешие и конные, изготовясь, по обе стороны тех полуоткрытых ворот, и близ шеи и сердец наших то свое оружие держать, и всех нас устрашать явной смертью. Это ли вам не свидетельство? Это ли не повеление? То ли не указание для вас? Не подтверждение письменное? Ох и увы! Горе, горе лютое! Куда пойдем, куда побегим? Как не заплакать, как не зарыдать? Как не вздохнуть из глубины сердца? Как не бить себя в грудь? Как только сами себя не презираем и не пренебрегаем собою, видя за великие и бесчисленные грехи наши от создателя всех и творца крайнее умаление нас, а им, врагам чужим и своим, поущение и всяческое от них нам надругательство и мучительство? Хотя и плачем и рыдаем, хотя и бьем себя в грудь и из глубины сердца вздыхаем и сильно досаждаем ему, а подвига не совершаем, заботы о себе не имеем, к богу не прибегаем и не умоляем его. И ничего мы над врагами

не измышляем, а все пускаем на произвол и сами в своей земле и вере укореняем злое семя!

Опять скажу: увы! За бесчисленные наши грехи как только не смиряет нас господь, и каких наказаний не посылает, и кому только нами владеть не повелевает? Сами видите, кто тот человек?²² Не человек он, а неведомо кто: ни из царского рода, ни боярского чина, ни из иных избранных ратных людей. Сказывают: из смердов он.²³ Его, окаянного и треклятого, по делам злым его не достойно называть именем Стратилата, но именем Пилата следует назвать.²⁴ Не именем преподобного, но именем неподобного. Не именем страстотерпца, но именем землеедца. Не именем свяителя, но именем мучителя и гонителя, разорителя и губителя веры христианской. И прозвище его известное не следует также по имени святого давать, но по названию нужного отверстия — Афедроновым²⁵ именовать его. И вот он-то столь славным государством владеет, словно великое море колеблет: что хочет, то и творит, и никто ему того не возбранит. А сами наши землевластители и правители, ныне же, как уж сказал я, — земли губители и воли ее искажители, те словно ослепли и онемели, прямо сказать — не смеет ни один врагу тому ничего воспретить и великому государству ни в чем пособить. Иные из них молчат, ничего не говорят и во всем его волю творят, ибо вместе с ним, врагом, всех нас погубить хотят. И полки большие, всяких чинов люди за тем врагом вослед идут и милостей и приказов от него ждут. Не только простые, неименитые люди, но и дети боярские и дворянские и сами благородные и достойные дворяне, так что иному он, враг креста Христова и всех православных христиан, и в подметки не годится.

А еще этот враг и лютый злодей и не своим достоянием завладел. Подобно Ихнилату,²⁶ пробрался он в царскую ризницу, чтобы сократить и погубить великие царские сокровища, все, что за многие годы многими государями самодержцами, князьями и царями всея Руси собрано в ней и положено. Он же, окаянный, как вышеназванный Ихнилат, в один час или за время недолгое все хочет поглотить, расточить и погубить и оставить ту царскую ризницу

вконец опустошенной, словно пустую и ненужную кладовую. Да уже и оставил! И ныне великие эти сокровища, каменья и одежды драгоценные, всякие вещи, что нам неведомы, с своими единомышленниками разбирает, вещь к вещи прибирает, золота, серебра и бисера большие сундуки насыпает и все к тому же супостату и врагу нашему, королю и похитителю, под город, нас защищающий, посылает. А мыслят при том в уме своем окаянные так. Ежели, по божьему некоему промыслу и по нашему над ними, врагами, домыслу, нам добро приключится, победа наша над врагами учинится и от нас убежать им случится, то не пришлось бы им помощи сатаны лишиться; тогда сокровищем тем, обильным и драгоценным, можно будет им с сатаной примириться, чтобы смертью он не наказал их, когда по божией милости здесь у нас не по их хотению доброе дело свершится. А если царство наше не выстоит перед ними, погибнет, — кто тогда не всплachtetся, кто не зарыдает, кто не вздохнет? Не только люди нашей православной веры, из рода христианского, но, полагаю, и из иноверцев, да и из тех же врагов всякий, кто хоть немного мягок и жалостлив сердцем, и тот если не заплачет, то вздохнет и скажет: как же столь великая и преславная земля оказалась в разорении, такое великое царство в запустении, а столь богатая царская ризница в разграблении!

А вы, православные, богом почтенные, умилитесь душою, содрогнитесь сердцем, видя над собою столь непереносимые бедствия и несчастья, видя смерть свою всегда перед глазами своими и поругание веры нашей православной! Не отдавайте сами себя в руки врагам своим. Призван в помощь себе бога, пречистую его мать, великих чудотворцев и всех святых, дерзайте на врагов своих. Быть может, господь наш Иисус Христос, наказав нас праведным своим гневом, и помилует теперь, даст нам победу над врагами, избавит и спасет нас от них. Они же, злодеи наши и губители, одно против нас умышляют, как уже и сказал вам: хотят нас погубить, а оставшихся своей воле подчинить. А письму этому и всему, что пишу вам и сказываю в нем, верьте без всякого сомнения. . .

Кто же письмо это возьмет и прочтет, пусть его не таит, а передаст, прочитавши и уразумеет, братьям своим, православным христианам, для сведения. Пусть не будет скрыто оно от тех, кто за православную веру умереть хочет. Тем же, кто был ранее нашими же братьями, православными христианами, а ныне в душе своей от христианства отворотился и во врагов наших обратился, с врагами соединился и против нас с ними вместе вооружился, желая нас вконец погубить, — тем о письме ничего не говорите и читать его не давайте. Будь же на вас, доброжелателей Российского царства, милость и помощь божия, а также и от пречистой богородицы, от великих чудотворцев, что в Троице у нас славятся, и от всех святых. Аминь.

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ ВОЕВОДЫ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО

С того времени, как произнес бог: „Да будет свет, небо и земля, и солнца ход и луны наращение и умаление; и когда явились звезды, восхвалили меня громко все ангелы мои“, — с того времени всякая тварь и люди расселились, рассчитали время, индикты¹ и по-еврейски, и по-гречески, и по-латински; по расчету же времени и лет на русском языке — в 7118 году* скончался благоверный, и благородный, и благочестивый муж из рода благочестивого государя царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича Шуйского (последний же происходил из единого корня, разделившегося на отдельные ветви государственных родов, от обладателя вселенной Августа, кесаря Римского,² и от основоположника единой православной веры христианской, князя Киевского и всей русской земли Владимира, и от единой отрасли великого князя Александра Ярославича Невского), скончался боярин, воин и воевода, ближайший советник царя и управитель, по родству же ему нетий, то есть племянник, князь Михайло Васильевич, Шуйским именуемый. От вели-

---

* То есть в 1610 г. по нашему летосчислению. — *Переводчик.*

кого князя Александра Ярославича Невского, как уже ранее сказали мы, родились князь Андрей Владимирский и Суздальский, и князь Даниил Московский, и прочие братья, и от этого князя Андрея Александровича произошли князья Суздальские и Шуйские, а от князя Даниила Александровича Московские князья и цари пошли. Но о том умолчим; и обратимся к вышесказанному о кончине князя Михаила Васильевича Шуйского.

Тогда именно, как тот воин и воевода, князь Михайло Васильевич Шуйский, по приказу царя, приехал из Александровской слободы в царствующий град Москву, родился нежданно, за грехи наши, у боярина князя Ивана Михайловича Воротынского сын — княжич Алексей. И не исполнилось ему еще двух месяцев, через сорок дней по рождении, приглашен был князь Михайло стать крестным отцом, а кумой — княгиня Марья, жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников и советников замышляла она в уме своем злую мысль изменную — поймать князя, как птицу в лесу, и изжарить. Змея она лютая, со злым взглядом, словно рысь, зверь лютый. Дьяволу то потеха учиняется, сатане невеста готовится. И как был после честного стола веселый пир, та злодейка — кума крестная, княгиня Марья, по дьявольскому наваждению, подносила чару питья куму крестному и била челом, поздравляла его с крестником Алексеем Ивановичем. А было в той чаре приготовлено питье лютное, питье смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха, а не ведает он, что то злое питье, лютное, смертное. И не в долгий час у князя Михаила в утробе возмутилось все, и не допировал он пиру почестного и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как вошел он в свои хоромы княженецкие, увидела мать его, посмотрела ему в очи ясные; а очи у него сильно помутились, лицо у него страшно кровью налилось, волосы на голове встали, колеблются. И заплакала тут горько мать его родимая и в слезах говорит ему слово жалостное: „Чадо мое, сын, князь Михайло Васильевич, зачем ты рано и скоро с честного пира отъехал? Или богоданный тебе крестный сын принял крещение не

в радости? Иль тебе в пиру место было не по рождению? Иль тебе кум и кума подарки дарили не почетные? И кто тебя на пиру честно напоил честным питьем? И с того питья во-век будет не проспаться тебе. И сколько я тебе, чадо, как был ты в Александровой слободе,³ наказывала: не ездь ты, сын, в Москву; ведь лихи в Москве звери лютые, пышут они ядом змеиным, изменническим“.

И упал князь Михайло на ложе свое, и начала утроба его люто терзаться от того питья смертного. На ложе в тоске он мечется, и бьется, стонет, криком страшным кричит, словно зверь под землей, и велит позвать отца духовного. А мать и жена его, княгиня Александра Васильевна, и все в доме его в слезах пребывали и испускали горестный вопль и крики. И весть о той болезни его страшной дошла до войска его и до помощника его, иноземного воеводы, Якова Пунтусова.⁴ И многие доктора иноземные с многими лекарствами пригодными не могли никак болезнь ту вылечить. Со двора доктора иноземные от князя выходили и слезы горько лили, как о государе своем.

И тот же день, в час всенощной службы, как в житии Василия Великого, „солнце зашло к солнцам“ по окончании дневных часов в 23-й день апреля месяца в ночь со дня воина и страстотерпца Георгия на день воеводы Саввы Стратилата,⁵ ибо и этот воином был, воеводой и стратилатом. Но в тот час не слышно еще о том было по Московскому государству, по причине наступившей ночи. Наутро же, во вторник на рассвете, по восходе солнца, слышно было по всему царствующему граду Москве: „Покинул он этот свет, скончался князь Михайло Васильевич“. И вот стекается тогда ко двору его множество войска, помощников из храброй дружины его, и множество народа, согласно с некогда писанным: „Юноши с девами и старцы с юношами и матери с младенцами и всякого возраста люди со слезами и с великим рыданием“. Из войска же его, из храброй дружины князя Михайла Васильевича, приходили на двор его ближние помощники, воеводы, дворяне и дети боярские, сотники и атаманы и припадали к одру его со слезами, с воплями громкими и стенанием. И горько говорили в слезах, с при-

читаниями: „О, не только господин, но и государь наш, князь Михайло Васильевич! Отошел ты от этого света, пожелал ты небесному царю воином стать! А нас на кого ты оставил? И кто у нас грозно, и совершенно, и храбро полки устроит? И у кого ты наказал нам служить, у кого жалование просить? И за кем нам радостно и весело ехать с врагами на бой? Ты, государь наш, не только подвигом своим врагов устрашал, но едва и мыслью помыслишь ты о врагах своих, литовских и польских, как они уж от одной мысли твоей прочь бегут, страхом охвачены. А ныне мы, как скоты бессловесные, словно овцы без пастыря крепкого. У тебя, государя нашего, в полках войска нашего и без наказаний страшно и грозно было, а мы были и радостны и веселы. И как ты, государь наш, бывало, поедешь у нас в полках, мы, словно на солнце в небе, наглядеться не можем на тебя“. Но мы всё вкратце здесь описываем, ибо не можем изложить пространно жалостный плач и причитания их. Возвратимся же к сказанному.

Так ко двору его стекаются и власти предержавшие, устраивающие царство и правящие народом; также и нищие, и убогие, и вдовы, и слепые, и хромые, всяк со слезами и горькими воплями, крича и причитая; явились также и богатые вельможи.

Пришел сюда и иноземный воевода Яков Пунтусов с двенадцатью своими воеводами и со своими дворянами. А московские вельможи не хотели его на княжеский двор к мертвому телу допустить по причине его иноверия. Яков же с грубыми словами тогда произнес, плача: „Как же вы меня не допускаете своими очами взглянуть на моего не только господина, но и государя, кормильца моего? Что же это такое делается?“ И пустили его во двор. И Яков, войдя, увидел мертвое его тело, и заплакал горько, и целовал его тело; а простившись, пошел со двора, плача горько. И говорил он, захлебываясь слезами: „Московский народ! Уже не будет у меня не только на Руси вашей, но и в моей немецкой земле, во владениях королевских величеств, такого государя!“

Также явился сюда и сам царь с братьями своими, и патриарх Гермоген, державший тогда святительский престол

великой России, и митрополиты, и епископы, архимандриты, игумены, и протопопы, и все духовенство, и все иночество, монахи и монахини. И нехватило места вместить все множество народа. Тогда послали по всем торговым местам Московского государства изыскать колоду дубовую, что послужила бы гробом, куда положат тело его. И, сняв мерку с него, ходили по всем торговым местам, выбрали самый большой гроб; но и в него не могли поместить тело его. Тогда пристрогали колоду ту по концам, и так лишь с трудом смогли положить в колоду тело его, чтобы вынести его в церковь. Тогда же привезли каменный гроб большой, но и в него невозможно было поместить тело его, поскольку был он росту высочайшего, как говорится у пророка Давида — „более всех сынов человеческих“. И так устроив его в деревянном гробе, понесли, намереваясь положить его по такой причине на время в Чудовом монастыре архистратига Михаила, до тех пор, пока приготовят надлежащий каменный гроб, дабы затем положить тело его в городе Суздале, среди других гробниц родителей и прародителей его. А в Суздаль-городе было в то время великое дел расстройство, ибо осилили там воры и литовцы, паны с войском своим. Решено было, как только отступят они, отвезти тело его в Суздаль-город. И толпа народная, услышав, что хотят положить тело его в Чудовом монастыре, возопила всенародно в один голос: „Подобает такого мужа, воина и воеводу, супротивников победителя, положить в соборной церкви архангела Михаила и приобщить его гроб, ради великой храбрости и побед его над врагами, к гробницам царским и великих князей, поскольку и он из их же рода и колена“, — как ранее и сказали мы.

И тогда царь громогласно сказал народу: „Достойно и правильно так совершить“. И понесли гроб его на плечах в соборную церковь архангела Михаила в сопровождении патриарха, митрополитов и всего духовенства; и царь также следовал за ним и весь царский синклит; и множество народа предшествовало и следовало за гробом и все духовенство, певшее надгробные песнопения. Народные же крики и вопли громкие покрывали надгробное пение, и не слышно было голосов певчих.

Удивительно было смотреть на столь бесчисленное собрание народа, предшествующего гробу и за ним следующего, словно множество звезд небесных, или, согласно писанию, как песок морской. И не было видно ни одного человека, который не плакал бы; но все проливали слезы, и каждый предавался великому плачу и рыданию — и богатые, и убогие, и нищие, хромые и слепые, а безногие, ползая, головами своими бились о землю, плача и жалобно причитая. Да и сам царь и патриарх со стенанием, воплями и рыданием плакали горько пред всем народом. Если бы у кого и каменное сердце было, и тот проникнулся бы жалостью, смотря на плачущий народ свой.

И так с великим трудом из-за скопления народа несли тело его в гробу к церкви. И в таком многолюдстве и тесноте донесли в гробу тело его, как некогда Алексея, божия человека,⁶ и поставили посреди церкви архангела Михаила. Окончив же подобающее над гробом пение, разошлись до тех пор, как устроят упомянутый выше каменный гроб и могилу для помещения гроба выкопают. Но люди простые и нищие, как и вдовицы и черноризцы, весь тот день провели над гробом в плаче и скорби. И непрестанно читали над ним Давидовы псалмы, сменяясь днем и ночью.

Наутро же, с рассветом, по окончании утренней молитвы, когда вновь засияло солнце и наступил второй час, опять стекаются всенародные толпы со всего Московского царства, поскольку во вчерашний день не дошло еще до слуха всех и не всем известно было, где он погребен будет. Ныне же вдвое больше народа о том услышало, и потому бесчисленное множество собралось отовсюду мужей и жен, и, как уже сказано ранее, старцев с юношами; нищие, слепые и хромые. Кто не знал его при жизни, и те, наслышанные о храбрости его и победах его над врагами, стремились участниками стать погребения. Тогда опустели торжища и лавки были пустыми оставлены, рабы бросили службу господам своим, а жители дома свои, и всякого возраста люди сошлись на погребение его. Некоторое же время спустя опять собрались в церкви царь, и патриарх, и царские советники, и все духовенство, и началось уставное пение погребальное. И

голоса поющих подымались мощно, ибо пели два хора попеременно. Бояр же и служилых людей, бывших с ним на великой службе, свидетелей его побед и воинских успехов, а особливо простых людей было множество, как уже выше сказано, — словно звезды небесные или песок морской; множество было вдов, оставшихся без мужей своих, монахинь, нищих и сирот, вопивших, кричавших и плакавших. И не слышно было хора певчих, словно были все тут в исступлении; казалось, будто и воздух гудит, и земля стонет, и камни колеблются не только у церковных стен, но и у городских; казалось, по словам пророка, будто поднимется кровля храма от криков и воплей. Не слышно было поющего хора, а иереи в церкви осветились множеством свечей, помост же церковный наводнился слезами, народом источаемыми.

И нельзя рассказать и описать (по слову апостола: „сердце человека не вместит“), сколь жалостно плакал народ, причитая.

Одни о нем как о столпе русской земли говорили, другие же твердою и великой крепостью называли. А еще другие называли его новым Иисусом Навином, иные же Гедеоном, Вараком или Самсоном, победителем иноплеменников, что выехал с малой силою, но распространил свою власть и вернулся во множестве. Были и такие, что уподобляли его Давиду, мстителю на врагов, или Иуде Маккавейскому, в столь тяжкое время славную храбрость показавшему. И, словами апостола говоря, „преодолели они немощь свою“ и были крепкими в битвах, обратив в бегство полки чужеземцев. Некто же из стоящей здесь народной толпы восклицал во всеуслышание со слезами: „Взял ты у нас, господи, такого-то воеводу князя Михаила Васильевича! Ныне же сам заступайся за нас, подобно тому, как при Езекии против Сенахерима, царя Невгитского“. А некто из служивших ему произнес: „Не подобает телу его в земле рассыпаться: известна мне чистота его и телесная и духовная“. Да что много говорить о том: слух не вместит жалостного плача и причитания! И мнится, словно сон все то было или подобно смятению апостола Петра, когда ангел вывел его из темницы. И не только народ русской земли всем миром плакал тогда,

но и иноземцы, немецкие люди; и сам шведский воевода Яков Пунтусов к русскому народу в слезах и в печали так обращается: „Уже, — говорит, — нашего кормильца и вашего доброхота, русской земли столпа и забрала,⁷ стойкого воеводы не стало!“ И весь прочий народ (умолчим мы здесь о других умильных и жалостных иноземного воеводы речах), — весь русский народ воскликнул в ответ: „Воистину было так“. И, как в евангелии сказано, „не вместить письменам“ их плача.

И, окончив так надгробное пение, кладут тело его в упомянутый ранее каменный гроб и относят его в соборную церковь обретения честной главы пророка Иоанна Крестителя в придел за алтарем на южной стороне. И положили его „в свежее выкопанной могиле, где никто“, по евангелию; „прежде того не был положен“, там, в соборной церкви, как выше сказано, за алтарем придела в честь святой Живоначальной Троицы, где были погребены блаженной памяти благочестивые цари и великие князья: царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, Иона в иночестве, сын его благодатный, благородный и благочестивый царевич Иван и второй сын, царь и великий князь всея Руси Феодор Иванович. Вспомним же и еще некоторые из древних повествований, коим уподобим эти события. Так оплакивал прежде патриарха Иакова Иосиф с другими своими братьями, а вместе с ним и египтяне. Или, скажем, при исходе Израиля из Египта в пустыню у горы Синая плакал так весь Израиль при пророке Моисее; или, сказать более, оплакивал столь же горестно весь Израиль пророка Самуила. Немало оплакивали люди и царя Иосея; или так же скорбел уничиженный и рассеянный Израиль по роду Маккавея и братьев его. И здесь не меньший плач был во всенародном собрании, в Новом Израиле, среди христианского народа государства Московского.

А о матери его и о княгине Александре Васильевне что же сказать или написать? Сами вы знаете и поймете, что значит материнское сетование и рыдания о своих детях. Каково материнскому сердцу, если смерть настигнет даже не самое любимое дитя, не то что единственное! Как же

княгиня Елена и княгиня Александра горько плакали, кричали, вопили и бились о гробницу князя Михаила из камня белого, в слезах жалостно причитая! Так причитала мать в печали своей: „О чадо мое милое, князь Михайло! Для моих слез ты на свет родился из утробы моей! И как же ты в утробе моей родился? Как не разверзлась утроба моя от тебя, чтобы выбросить тебя на землю?“ А жена его причитала: „Государь ты мой князь Михайло Васильевич! Жена ли я, грешница, тебе не любимая? Не за то ли ты смерти предал себя? И зачем ничего не поведал мне? Ныне возьми ты меня под свою гробницу каменную, и предам я смерти себя под гробницею! Я готова за тебя в аду мучиться, чем живой на свете без тебя мне остаться здесь!“ Сумейте же описать их жалобное причитание и плач горький!

Но да будет вам известно, что и сам царь Василий, когда возвратился с погребения и вошел в свою палату, упал на свой царский золотой престол и плакал горько, захлебывался, омочив слезами престол, так что капали слезы на пол с престола. А мать покойного, княгиню Елену, и жену его, княгиню Александру, ближние их слуги верные с трудом от гробницы оттащили к дому их. Монахини же, иноки и вдовицы в слезах утешали их: „Да не плачьте вы, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна! Ведь богу так угодно было, чтоб короткий век прожить ему. Как бы вам от многих слез и печали большой в исступление ума не прийти!“ А княгини те, мать и жена его, придя в дом свой, пали ниц на скамью, плакали горько, захлебывались, со стенаниями поливали скамью слезами своими. И, словно речные струи, потоки слез текли со скамьи на пол. И не принимали они пищи до утра. Так некогда Давид оплакивал Анафана, сына Саула. Старицы же, словно галки, а вдовицы, словно ласточки, и на другой день сидели около церкви той. Также и матери с младенцами и многие боярские жены овдовевшие собирались вместе у церкви и горько рыдали.

И была в народе смута, толки и сомнения великие по причине смертельной болезни его. И говорили друг другу: „Откуда нашла на такого доблестного мужа смертельная напасть? На такого воина и воеводу! Если случилась она

божиим попущением, то да будет воля господня!“ И все при том сетовали. Нельзя умолчать об этом, по слову ангела к Товиту, что „о делах божиих надлежит извещать, тайны же царские — хранить“.

Тогда же явился некто среди жителей города, бывший прежде на службе царской живописцем Дворцового приказа. И рассказал он нам, говоря подробно:

„До княжеской еще, — сказал он, — кончины“ (о коей мы ныне повествуем), — „на пятнадцатый день от праздника Воскресения Христова, в ночь на понедельник видел я видение. Чудилось мне, что стою на площади государевой меж Пречистой соборной церковью и Архангелом.⁸ Посмотрел я на царские палаты. И вот почудилось мне, будто один из столбов у них развалился и потекла из него вода, но совсем черная, что смола или деготь. И упала, отломившись, половина столба, а вскоре за тем и другая половина его рухнула, и обе рассыпались в прах. И падение то показалось мне страшным. Я со страха тотчас проснулся и стал размышлять о видении. И после заутрени, не в силах утаивать сон, признался о том некоему мужу, преклонному старцу, лет девяноста от роду. Служил тот старец некогда в царских приказах в больших чинах, был силен разумом, но по старости оставил царскую службу и жил смиренно, кормясь от своих вотчин. Он, услышав рассказ мой и размышляя о нем в уме своем, сказал мне: „Думается мне, что приближается к некоему великому мужу из царских палат смертельная напасть“. Я же о видении и речах того человека все размышлял, но никому не говорил до сих пор, пока ныне не сбылись его слова“. О прочем же, относящемся сюда, умолчим, дабы не постигла нас, по Апостолу, закоснелость. Достаточно и немного побеседовать о случившемся.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛИЯНИИ ОСОРЬИНОЙ

В о дни благоверного царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича был при его царском дворе муж благоверный и нищелюбивый по имени Иустин, по прозвищу Недюрев,¹ в сане ключника. Жена у него была столь же боголюбивая и нищелюбивая, по имени Стефанида, дочь Григория Лукина² из города Мурома. И жили они во всяческом благоверии и чистоте, и были у них сыновья и дочери, и много богатства было, и слуг множество. От них и родилась блаженная Улияния.

Было ей шесть лет, когда умерла мать ее, и взяла ее к себе в землю Муромскую бабка ее, мать ее матери, жена Григория Лукина, вдова Анастасия, дочь Никифора Дубенского,³ и воспитывала она Улиянию во всяческом благоверии и чистоте также шесть лет. Когда же умерла бабка, по завещанию ее взяла Улиянию к себе тетка ее Наталия, жена Путилы Арапова.⁴ Блаженная же Улияния, с младых ногтей возлюбив бога и пречистую его мать, весьма почитала тетку свою и ее дочерей, во всем оказывала послушание и смирение и молитве и посту прилежала. И за то тетка часто бранила ее, а дочери насмеялись над нею. И говорили ей: „О безумная! Зачем в столь ранней молодости изнуряешь ты

плоть свою и губишь красоту девичью?“ И понуждали ее пить и есть с утра; но она не поддавалась воле их, только принимала все с благодарностью и в молчании уходила от них, проявляя ко всем людям послушание. И была она смолоду кротка и молчалива, не строптива, не тщеславна и от смеха и всяких игр отстранялась. Хотя и понуждали ее сверстницы много раз к играм и песням мирским, но она не присоединялась к обществу их и притворялась не понимающею, желая тем утаить свою добродетель. Только к прядению и к труду за пальцами прилежание большое имела она, и не угасала свеча ее все ночи. И всех сирот и вдов немощных, что были в том селении, обшивала она, всякую помощь нуждающимся и больным оказывала, так что дивились все разуму ее и благодарили. И вселился в нее страх божий. Не было в том селении церкви ближе, чем за два поприща,⁵ и не случалось ей в девичестве ни в церковь ходить, ни слышать чтения слова божьего, ни учителя у нее не было никогда, кто поучал бы во спасение, но благим разумением научалась она нраву добродетельному.

Когда же достигла она шестнадцати лет, была выдана замуж за человека добродетельного и богатого, по имени Георгий, по прозвищу Осорьин.⁶ А венчал их в селении мужа ее, в церкви праведного Лазаря, бывший здесь поп по имени Потапий. Он поучал их по правилам святых отцов закону божию; она же слушала поучения и наставления внимательно и на деле исполняла их. Свекор и свекровь ее, видя разум и доброту ее всяческие, еще при жизни своей поручили ей ведать все домашнее устройство. А она со смирением подчинялась им, ни в чем не ослушалась, ничего вопреки им не говорила, почитая их и безотказно все приказания их исполняя, так что дивились все, глядя на нее. И многие обращались к ней с вопросами, а она на всякий вопрос пристойный и разумный ответ давала, и дивились все ее разуму, прославляя бога. По вечерам же она много молилась богу, отдавая по сту поклонов и более, а вставая рано утром, совершала то же вместе с мужем своим.

Когда же мужу ее случалось бывать на царской службе в Астрахани год или два, а иной раз и три, в те времена

она все ночи без сна проводила в молитвах и занимаясь рукоделием за прялкой и пяльцами. И, продавая свое рукоделие, отдавала вырученное нищим и на церковное строение. И подавала многую милостыню она тайно от свекра и свекрови в ночи, днем же домашним хозяйством управляла. О вдовах и сиротах заботилась она, словно мать их собственная, своими руками и умывала их, и кормила, и поила. А слуг и служанок наделяла достаточно пищею и одеждою, требуя дела от них по силе их, и уничижительным именем никого из них не называла. Не требовала она от слуг ни воды для умывания рук, ни развязывать ей сапоги, но все сама делала. А неразумных слуг и служанок наказывала смирением и кротостью, исправляла их, принимая вину на себя. Никого не оклеветала она. И возлагала всю надежду на бога и на пречистую богородицу, призывала на помощь великого чудотворца Николу и получала от него помощь.

И вот однажды ночью встала она, в отсутствие мужа, по обыкновению на молитву. Бесы же напустили на нее страх и ужас великий; и она, молодая и неискушенная еще, испугалась того, легла в постель и уснула крепко. И увидела многих бесов, идущих на нее с оружием в намерении ее убить, со словами: „Если не отстанешь ты от такого занятия, тотчас погубим тебя!“ Она же помолилась богу, пречистой богородице и святому Николе чудотворцу. И явился ей святой Никола, держа книгу большую, и разогнал бесов; они же, словно дым, исчезли. И, воздев правую руку свою, благословил он ее, говоря: „Мужайся, дочь моя, и крепись и не бойся бесовского запрещения, ибо Христос повелел мне хранить тебя от бесов и злых людей!“ Она же, тотчас пробудившись от сна, увидела въяве святого мужа, выходящего из дверей покоя стремительно, подобно молнии. И, быстро поднявшись, пошла она вослед ему, но он тотчас стал невидим, а двери покоя оказались крепко запертыми. И она, уверившись таким образом в чуде, возрадовалась, славя бога, и более прежнего прилежала добрым делам.

Малое же время спустя наказание постигло русскую землю за грехи наши. Случился голод великий, и многие от того голода помирали. Она же подавала тайно многую милостыню.

Брала у свекрови пищу — и завтрак и полдник — и все отдавала голодным нищим. А свекровь говорила ей: „Как переменялся твой нрав! Когда хлеб в изобилии был, тогда не могла я принудить тебя к еде ни утром, ни в полдник. А теперь, когда пища оскудела, ты берешь и утреннюю еду и полдневную“. Она же, таясь, отвечала свекрови: „Пока не родились дети, не хотелось мне есть, а теперь, после рождения детей, обессилела я и не могу насытиться. Не только днем, но и ночью постоянно хочется мне есть, но стесняюсь просить у тебя“. И свекровь, услышавши то, обрадовалась и стала посылать ей пищу обильную не только днем, но и ночью. А было у них в дому всего в изобилии, и хлеба и всяких припасов. Она же, принимая от свекрови пищу, сама не ела, но раздавала все голодным. И когда кто умирал, нанимала она омыывать и выдавала деньги и все необходимое для погребения. А когда в селении их погребали кого-нибудь из умерших, за каждого молилась она об отпущении грехов.

Вскоре нашел мор сильный на людей, и многие умирали от чумы; оттого многие заперлись в своих домах, зараженных чумою в дом не пускали и к одежде их не прикасались. Она же, тайно от свекра и свекрови, многих зараженных омывала в бане своими руками, лечила и молила бога об исцелении их. А если умирал кто, она многих сирот умывала своими руками и давала все для погребения, нанимала людей погребать умерших и сорокоуст заказывала.

Когда же свекор и свекровь ее умерли иноками в глубокой старости, погребла она их с почестями: раздала по ним большую милостыню, и сорокоусты заказала, и повелела служить по ним литургию, и столы для монахов и нищих поставила в доме своем на все сорок дней, и в темницу посылала милостыню. Муж ее был в то время на службе в Астрахани с лишним три года, а она после смерти их много имущества извела на милостыню, не только в те дни, но и во все прочие годы творя память по умершим.

И так, прожив с мужем многие годы во всяческой добродетели и чистоте по закону божию, родила сыновей и дочерей. Ненавидящий же добро враг тщился вред причинить

ей, возбуждая меж детьми и слугами частые раздоры. Но она, разумно и со смыслом все разбирая, примиряла их. И подстрекнул враг одного из слуг, и убил тот сына их старшего. Потом убили на царской службе и другого их сына. Но она хотя скорбела немало, но о душах их, а не о смерти; и почтила их память пением, молитвою и милостынею.

Потом просила она мужа отпустить ее в монастырь, и не отпустил он. Однако же договорились они жить вместе, но не иметь общения плотского. И обычно, устроив ему постель, сама она после долгих молитв вечером ложилась на печи без постели, лишь дрова подкладывала к телу острыми углами да ключи железные под ребра свои, и, на такой-то постели немного поспав, пока засыпали ее слуги, вставала затем на молитву на всю ночь до света. А потом отправлялась в церковь к заутрене и к литургии, после же занималась рукоделием и домом управляла, как богу угодно; довольствуя вполне слуг своих пищею и одеждою и дело поручая по силе каждому из них, заботясь о вдовах и сиротах и бедным во всем помогая.

И прожила она с мужем после плотского разлучения десять лет. И скончался муж ее, она же похоронила его с честью и почтила пением и молитвами, сорокоустами и милостынею. И еще более отвергла она все мирское, заботилась о душе и думала о том, как угодить богу, соревнуя прежде бывшим святым женам, молясь богу и постясь. И милостыню давала нищим бесчисленную, так что часто не оставалось у нее ни одного сребреника; тогда, занимая, продолжала подавать нищим милостыню и ходила в церковь всякий день к пению. Когда ж наступала зима, то занимала у детей своих сребреники, якобы для приготовления себе теплой одежды, но и эти деньги раздавала нищим, а сама ходила зимою без теплой одежды и сапоги обувала на босые ноги, только подкладывала вместо стелек под ноги себе ореховую скорлупу и черепки острые и терзала тело.

Одна же зима была столь студеная, что земля расседалась от мороза. И не ходила она некоторое время в церковь, но молилась богу дома. И вот однажды пришел по той церкви рано утром один в церковь, и был-голос ему от

иконы богородицы: „Пойди и скажи милостивой Улиянии: что в церковь не ходит на молитву? Хотя и домашняя молитва ее богу приятна, но все не так, как церковная. Вы же почитайте ее, ибо ей уже не менее шестидесяти лет, и дух святой на ней почиет“. Поп, в сильном страхе, тотчас пришел к ней, упал к ногам ее, прося прощения, и рассказал о видении. Но она приняла сурово все то, что поведал он перед многими, и сказала: „Видно, соблазнился ты, когда так говоришь о себе. Кто я, грешная, чтобы быть достойной такого обращения?“ И взяла клятву с него никому о том не сказывать. А сама пошла в церковь и, с теплыми слезами совершив молитву, целовала икону богородицы. И с тех пор еще более подвизалась, ходила в церковь.

Всякий вечер молилась она богу в уединенной часовне, где была икона богородицы и святого Николы. В один же из вечеров вошла она по обыкновению туда на молитву, и внезапно наполнили часовню ту бесы со всяким оружием, желая убить ее. Тогда помолилась она со слезами богу, и явился ей святой Никола с палицею и прогнал бесов от нее; они же, словно дым, исчезли. А одного из бесов, поймав, начал он мучить; святую же благословил крестом и во мгновение стал невидим. Бес же, плача, вопил: „Я тебе многий вред причинял всякий день: возбуждал раздоры среди детей и слуг, но к тебе самой не смел приблизиться из-за милостины, смирения и молитвы твоей“. (Ибо она непрестанно, имея четки в руках, произносила молитвы Иисусу. И когда ела и пила или делала что, непрестанно молитву произносила. Ведь когда почивала, и тогда уста ее двигались и грудь ее вздымалась для славословия богу. Много раз видели мы ее спящую, а рука ее четки передвигала). И бес бежал от нее с воплем: „Большую беду принял я ныне из-за тебя; но причину тебе вред под старость: будешь сама от голода умирать, не то чтобы чужих кормить“. Она же осенила себя крестом, и исчез от нее бес. И она пришла к нам, крайне испуганная, переменявшись в лице. Мы же, видя ее в смущении, спрашивали ее, и не сказала нам ничего. Но вскоре поведала нам тайну и запретила нам говорить о том кому-нибудь.

И, прожив во вдовстве девять лет, много доброго сделала всем, много имущества раздала в милостыню, только на необходимые потребности домашние оставляла и пищу рассчитывала строго по времени, весь же избыток раздавала нуждающимся. И продолжалось житие ее до царя Бориса. В то время случился голод жестокий по всей русской земле, когда многие от нужды поедали скверных животных и человеческое мясо и бесчисленное множество людей вымерло от голода. И в ее дому был крайний недостаток в пище и всяких припасах, ибо не проросли из земли посеянные хлеба; и лошади и другой скот погибли. А она умоляла детей и слуг своих отнюдь не посягать ни на что чужое и не предаться воровству. Оставшуюся же скотину, и одежду, и посуду всю продала за хлеб и тем кормила челядь и милостыню достаточную подавала. Даже и в нищете не оставила она обычной милостыни, не отпуская напрасно ни одного из просящих. Когда же дошла она до крайней нищеты, так что ни зерна не осталось в доме ее, и тогда не смутилась она, но возложила все упование на бога.

В тот год переселилась она в другое село, по названию Вочнево, в землю Нижегородскую. И не было там церкви ближе, чем за два поприща. Она же, немощная от старости и нищеты, не ходила в церковь, но дома молилась. И немало о том печалилась. Но вспоминала святого Корнилия и иных святых, коим не повредила и домашняя молитва. И еще больший недостаток явился в доме ее. Тогда отпустила она слуг на волю, чтобы не изнурились они от голода. Разумные же из них обещались терпеть с нею вместе, а другие ушли; и она с благословением и молитвою их отпустила, не имея гнева на них нисколько. И приказала оставшимся слугам собирать лебеду и кору древесную и готовить из них хлеб; им питалась и сама она с детьми и слуги. И от молитвы был хлеб ее сладок. Давала его и нищим она, никого из них не отпуская напрасно. А в то время нищих без числа было. И говорили соседи ее нищим: „Чего ради в Улиянин дом ходите? Она и сама с голоду умирает“. А нищие отвечали им: „Многие села мы обошли и чистый хлеб получали, а так всласть не ели, потому сладок хлеб

у вдовы этой“. Многие ведь и имени не знали ее. Соседи же, богатые хлебом, посылали к ней в дом просить хлеба, испытывая его. И они также свидетельствовали, что весьма хлеб ее сладок. И, удивляясь, говорили между собою: „Горазды слуги ее хлебы печь“. А не разумели, что молитвою хлеб ее сладок. Терпела же она в такой нищете два года, ни разу не опечалась, не смутясь и не возроптав, и не согрешили уста ее в безумии на бога. И не изнемогла от нищеты, но более прежнего была весела.

Когда же приблизилась честная ее кончина, разболелась декабря в двадцать шестой день, и лежала шесть дней. Днем лежа молилась, а ночью вставала молиться богу; одна стояла, никем не поддерживаема, повторяя: „И от больного бог требует молитвы духовной“.

Января во второй день, на рассвете, призвала она отца духовного и причастилась святых таин; затем села и призвала детей и слуг своих, поучая их любви, молитве, милостыне и прочим добродетелям. И окончила так: „Сильно желала я принять ангельский образ иноческий, но не сподобилась из-за грехов моих и нищеты; ибо недостойна была — грешница и убогая. Бог так изволил, слава праведному суду его“. И велела приготовить кадило и вложить в него фимиам. И, поцеловав всех бывших тут, дав всем мир и прощение, легла. Тогда, перекрестившись трижды и обвив четки вокруг руки своей, последнее слово сказала: „Слава богу за всех; в руки твои, господи, предаю дух мой. Аминь“. И предала душу свою в руки божии; его же с младенчества возлюбила. И все видели тогда вокруг головы ее круг золотой, как на иконах вокруг головы святых пишется. И, омыв, положили ее в клетки. И в ту ночь видели свет в клетки и свечу горящую; и благоухание сильное повевало из клетки той. Затем, положив ее в гроб дубовый, отвезли в землю Муромскую и погребли в селе Лазареве за четыре версты от города у церкви праведного Лазаря подле мужа ее, в 7112 году* января в десятый день.

Потом над нею поставили церковь теплую во имя архистратига Михаила. Случилось, что над могилою ее была по-

---

* То есть в 1604 году по нашему летосчислению. — *Переводчик.*

ставлена печь. Земля же нарастала над могилою год от году. И вот в 7123 году* августа в восьмой день скончался сын ее Георгий. И начали в церкви копать ему могилу в притворе между церковью и печью, — был притвор тот без настила, — и нашли гроб ее наверху земли цел и не поврежден. И недоумевали, чей он, ибо многие годы не погребали тут никого. А в десятый день того же месяца погребли сына ее Георгия подле гроба ее и пошли в дом его, чтобы угостить погребавших. Женщины же, бывшие на погребении, открыли гроб ее и увидели, что полон он мира благовонного. В тот час от ужаса не могли они ничего рассказать. Но по отбытии гостей рассказали о виденном. Мы же, услышав о том, изумились и, открыв гроб, увидели все так, как и женщины говорили в ужасе. Наполнили малый сосуд мы тем миром и отвезли в город Муром⁷ в соборную церковь. И если смотреть миром днем, то словно квас свекольный, а к ночи сгущается, как масло багряновидное. Тела же ее от ужаса не смели мы всего осмотреть, только видели ноги ее и бедра — невредимые, а головы ее не видели, ибо на краю гроба лежало печное бревно. А от гроба под печь проходила скважина. И по ней гроб тот из-под печи пошел на восток, пока, пройдя сажень, не остановился он у стены церковной. В ту ночь многие слышали в церкви звон. И, думая, что пожар, прибежав, ничего не увидели, только благоухание вокруг исходило. И многие о том слышали, приходили и мазали себя миром и облегчение от разных болезней получали. Когда ж было роздано миро, начала выходить около гроба пыль, подобная песку. И до сего дня приходят сюда больные недугами разными и натираются этим песком и облегчение находят. Мы же не осмелились бы о том написать, когда бы не было доказательства.

---

* То есть 1613 году. — *Переводчик.*

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

или в прежние времена две сестры-девицы, дочери некоего благочестивого мужа из дворянского рода: одной было имя Марфа, а другой — Мария. По достижении совершеннолетия отданы были они замуж за людей благонравных из городов известных, каковы есть Рязань и Муром. Марфа за человека хорошего рода из Рязанской земли, но очень небогатого, по имени Иван; а Мария за человека по имени Логвин из видного в Муромской земле семейства, обладавшего большим богатством, хотя и не очень знатного по происхождению. О их же родовом имени и прозвище мне не было сказано.

И вот, по прошествии некоторого времени, случилось Ивану и Логвину вместе явиться к родичам жен своих. И когда наступило время ужина, произошел между ними спор о месте:¹ кому из них сидеть выше. Ивану хотелось занять первое место ради своего происхождения, того же и Логвин желал ради богатства своего. По причине этого спора и гордыни своей разошлись они друг с другом; не вспомнили они тогда сказанного богом: „Когда будешь зван кем-нибудь на свадьбу или на ужин, придя, не садись на первое место“, и прочее. И еще: „Кто хочет из вас первым

быть, да будет последний“, и прочее. И апостол говорит: „Высокомерие в людях мерзость есть перед богом“. И по этой причине не только сами они разлучились, но и женам своим приказали до смерти своей не сноситься письменно друг с другом.

По прошествии же нескольких лет, как после рассказывали, случилось по божией воле скончаться Ивану и Логвину в один день и в один час. А женам их не было известно: Марфе про смерть Логвина, а Марии про смерть Ивана. И в то время, когда лишились они мужей своих, стали тужить сестра по сестре. И подумала про себя старшая сестра Марфа так: „Пойду посету я зятя своего Логвина, поклонюсь ему и увижу сестру свою. Если зять мой примет мое смирение, то останусь жить в доме его. А если не примет, то я, повидавшись с сестрою и попрощавшись, возвращусь к себе“. Также и младшая сестра подумала про себя: „Пойду к зятю Ивану. Поклонившись ему, с сестрою увижусь. Если зять мой с приязнью примет меня, я из имущества своего уделю ему, и будет он, как и муж мой, богат и славен по своему положению“. И так направились сестра к сестре.

По божьему изволению встретились они на пути вблизи города Мурома и остановились недалеко друг от друга. Меньшая сестра послала слугу своего узнать точно, кто остановился поблизости. „Если, — говорит, — это женщина, то мы вместе устроимся. А если лицо мужского пола, то мы отойдем подальше от него“. И пошел слуга ее и спросил у тех: „Кто это путешествует?“ Отвечали ему: „Направляется вдова к сестре своей“. И, возвратившись, слуга известил об этом свою госпожу. Сказала его госпожа: „Хорошо будет сойтись нам вместе!“ И, таким образом сойдясь, поклонились они одна другой, но не узнали друг друга и не догадались, что были сестры. Захотелось тогда узнать им друг от друга о своем происхождении и родных. И сказала старшая сестра Марии: „Госпожа моя! Кто ты и откуда?“ Отвечала Мария сестре своей Марфе: „Имя мне, многогрешной, Мария. Еду к сестре своей Марфе“. Также и Мария спросила Марфу: „А ты, госпожа моя, кто и откуда, и как имя твое?“ И отвечала Марфа Марии: „А я многогрешная Марфа. Еду к сестре

своей Марии“. Тогда узнали они, что были родные сестры, и рассказали о смерти мужей своих. Начали они целовать друг друга по-родственному, как по обычаю положено, и оплакивать мужей своих, что жили между собою не в мире, до смерти своей не виделись и даже не писали друг к другу. И, оплакивая мужей своих, еще более скорбели они о том, что и сами они много лет не виделись друг с другом и не советовались. И едва немного успокоились они, выразили радость свою и благодарность богу, что не лишил он их совместного пребывания в конце жизни их. И, приказав поставить себе угощение, ели и пили во славу Божию и веселились. А после трапезы уснули в том месте.

И в тонком сне явился им ангел господень и сказал, обращаясь особо к Марфе и Марии: „Господь послал тебе золото ради веры твоей в него“. Так же и другой: „серебро“. А золото отдал он Марфе, серебро же Марии. И приказал из золота сделать крест господень, а из серебра выковать ковчег для креста. Отдать же все это повелел им тем людям, кои наутро первыми встретятся на их пути. Они же слушали все это, и показалось им, как бы наяву, что ангел взял и вложил каждой золото и серебро в зарукавники. Проснувшись, Марфа тотчас поведала сестре своей Марии о виденном. Также и Мария рассказала Марфе о явившемся им одновременно от ангела. Тогда захотели они увериться в истинности видения и тотчас нашли в своих зарукавниках — Марфа золото, а Мария серебро. Возрадовались они этому удивительному видению, особливо же божественному дару, и, пролив от радости слезы, благодарили бога, думая лишь о том, как им исполнить божие приказание.

А на другой день, увидев идущих мимо по той же дороге трех мужей в монашеской одежде, подозвали их к себе и возвестили обо всем случившемся: и то, что во сне явился им ангел, и как получили они от него во сне золото — сделать крест господень, а серебро — соорудить ковчег для креста, отдать же все то в распоряжение людей, коих увидят первыми проходящими по этому пути. Неизвестные же иноки, услышав от них эти слова, сказали: „Не печальтесь о том, ибо мы ради сего и пришли к вам“. Тогда Марфа

и Мария отдали старцам золото — отлить крест господень, а серебро — устроить ковчег для креста. И мнимые иноки, взяв из рук сестер золото и серебро, удалились, скрывшись из глаз. Сестры же Марфа и Мария дошли до города Мурома и стали жить тут в доме своем.

Близкие и родственники, услышав о их прибытии, сошлись к ним и стали скорбеть и сетовать о всем, что было с ними и с мужьями их. И они сами вновь стали проливать слезы о своей прежней несогласной и раздельной жизни, более же всего о своем вдовстве и сиротстве. И рассказали всё о себе родственникам своим — как собрались они, каждая по собственному почину, в путь друг к другу, предварительно не уговариваясь и не списываясь, и как встретились на пути, где увидели и преславное то видение, ангела, явившегося им во сне и давшего им золото — сделать крест господень, а серебро — устроить ковчег для креста, и о людях, первыми встретившихся им на пути, которым отдали они дар, и все по порядку, как уже было ранее описано здесь. А родные, услышав это, вознегодовали и сказали им: „Как же вы такое сокровище, особливо же дар божий, легкомысленно отдали неизвестно кому! Неужели не надеялись найти здесь, в большом и многолюдном городе, золотых дел мастера для устройства божьего дела!“ Так порицали их. А сестры отвечали: „Явившийся нам во сне и давший нам золото и серебро повелел отдать и сотворить дело божие. Мы и отдали“.

Собрались же к ним тогда не только родственники их, но и многие из городской знати, из бояр и дворян. Они узнали от сестер о том месте, где явилось им чудесное видение и где было дано им золото и серебро, дабы туда направиться. И собралось много людей и условились идти туда.

Взяв с собою Марфу и Марию, пришли они на то место. И твердо вознамерились: быстро и приняв все предосторожности, послать во все стороны, по всем дорогам и тропам, каждого господина с чужим рабом и раба с чужим господином для отыскания старцев тех: дабы, если который из них отыщет тех старцев с золотом и серебром, не мог бы

ничего скрыть или утаить от других. И вот они об этом условились и уже хотели отправиться в путь.

Вдруг некие юноши встретили трех иноков, несущих крест господень, вылитый из золота, и ковчег, выкованный из серебра. И внушил этим юношам искони ненавистный сатана мысль похитить из рук старцев сокровище, дарованное чудесным образом. И уже хотели окаянные коснуться сокровища. Но старцы сказали им: „Люди, идите, откуда пришли“. И тогда же увидели жители города Мурома вместе с Марфой и Марией трех шествующих старцев, несущих крест господень, воспрепятствовали неистовству юношей, а сами устремились на встречу честного креста, который несли старцы, дабы с честью принять его.

Мнимые же старцы подошли к сестрам и сказали: „Марфа и Мария! Вы дарованное в видении ангелом золото и серебро отдали нам для сооружения креста господня и ковчега, и вот ныне, по вере вашей, а особливо повелением Божиим из золота сего животворящий крест господень сотворен, а из серебра ковчег для креста изготовлен. Примите их себе на спасение и благоденствие, а всему миру на исцеление недугов, умиротворение страстей и на изгнание бесов“. Тогда сродники их и все пришедшие с ними для разыскания иноков приступили к ним с вопросами: „Где были вы, отцы святые, и откуда пришли сюда?“ И отвечали мнимые иноки: „В Царьграде были“. И еще спросили их: „Сколь долго шли вы, старцы, из царствующего града, то есть из Константинополя?“ И ответили те: „Вот уж третий час пошел, как мы начали путь“. Услышав то, изумились все бывшие здесь и стали просить старцев разделить их трапезу. Но отвечали им старцы: „Не нужны нам яства и пития, а вам да поможет бог напитать себя во здравие“. И, сказав это, стали невидимыми они для бывших тут. Тогда поняли Марфа и Мария, также родственники их и начальники града, что ангелы то, посланные богом в образе иноков. И воздали они хвалу богу, творящему дивные и преславные чудеса.

После всего происшедшего возымели желание Марфа и Мария посоветоваться с родичами своими о том, где им

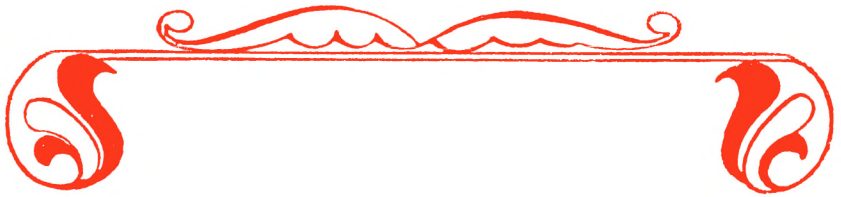

поставить тот святой животворящий крест господень, дабы молиться ему: в дому ли своем или в какой-либо церкви господней. И было им видение. Явился им во сне чудотворный крест господень и сказал: „Поставьте меня в святом месте, в соборной церкви честного архистратига Михаила на погосте, что неподалеку стоит от сих мест, на расстоянии одного поприща“. И обрадовались сестры видению, ибо не презрел господь желания их. Тогда отправились они в путь с усердием и поставили тот святой и животворящий крест господень в предуказанной им соборной честной церкви архистратига Михаила и прочих бесплотных небесных сил, что стоит в уезде Муромском, в Унженском стане на реке Унже, в двадцати пяти поприщах пути от города Мурома. И подает тот крест Христовой благодатью всем приходящим к нему с верою исцеление, творя бесчисленные чудеса.

И после того стали благочестивые сестры Марфа и Мария приходить к чудотворному, дающему исцеление, кресту. И не они только, но и многое множество жителей города Мурома обращалось к нему за помощью с великою верою; особливо же страждущие различными болезнями, прикоснувшись к кресту, получали исцеление и, возблагодарив бога, возвращались в дом свой.

Прошла повсюду слава о кресте, ибо скорее птиц крылатых она проносится и смело доходит до всех. Прошел о том слух и в царствующем граде Москве, достигнув самодержцев. И возгорелись верою в тот честной крест сердца их, и целовали они его, с радостью у себя принимая. Ради сего и вошло в обыкновение, что причт церковный с того дня и поныне каждый год приносит крест в царствующий град Москву к державным и сияющим в благочестии царям и патриархам и ко всему православному христианству, дабы очистить душу их, отогнать страсти и подать исцеление телу от многих болезней.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ

В 7150 году октября в двадцать восьмой день¹ приехали к государю царю и великому князю всея Руси Михаилу Феодоровичу² на Москву с Дона из Азова-города³ донские казаки: атаман казачий Наум Васильев да есаул Федор Иванов. А с ними казаков двадцать четыре человека,⁴ которые сидели в Азове-городе от турок в осаде. И сидению своему осадному привезли они описание. А в том описании пишется: в прошлом, пишут, 7149 году июня в двадцать четвертый день⁵ прислал султан Ибрагим,⁶ турецкий царь, против нас, казаков, четырех пашей своих с двумя полковниками,⁷ Капитоном да Мустафой, да из ближайших советников своих при дворе слугу своего, Ибрагима-евнуха,⁸ над теми пашами вместо него, царя, надсматривать за делами их и действиями, как они, паши его и полковники, станут действовать под Азовом-городом. А с теми пашами прислал он против нас обильную рать басурманскую,⁹ им собранную, совокупив против нас из подданных своих от двенадцати земель воинских людей, из своих постоянных войск. По переписи боевых людей — двести тысяч, кроме поморян и кафинцев, черных мужиков,¹⁰ которые по сю сторону моря собраны

повсюду из Крымской¹¹ и Ногайской¹² орды, на наше погребение.¹³ Чтобы им живыми нас погresti, чтоб засыпать им нас горою высокою, как погребают они людей персидских. И чтобы всем им через ту погибель нашу получить славу вечную, и нам от того была бы укоризна вечная. А тех черных мужиков собраны против нас многие тысячи, и нет им ни числа, ни счета. Да к ним же после пришел крымский царь,¹⁴ да брат его народым царевич Крым-Гирей¹⁵ со всею своею ордою крымскою и ногайскою. Крымских и ногайских князей, и мурз,¹⁶ и татар по переписи, кроме охочих людей, было 40 000. Да еще с тем царем пришло горских князей и черкесов из Кабарды¹⁷ 10 000. Да были еще у тех пашей наемные люди, два немецких полковника, а с ними солдат 6000. И еще были с теми же пашами для всяческого против нас измышления многие немецкие люди, ведающие взятие городов и всякие воинские хитрости по подкопам и приступам и снаряжение ядер, огнем начинаемых, — из многих государств: из греческих земель, из Венеции великой, шведские и французские петардчики. Тяжелых орудий было с пашами под Азовом 129 пушек. Ядра были у них великие — в пуд, и в полтора, и в два пуда. Да из малых орудий было у них всего 674 пушки и тюфяка,¹⁸ кроме пушек огнеметных, а этих было 32. А все орудия были у них цепями прикованы, из страха, как бы мы, вылазку совершив, их не взяли. И были с пашами турецкими против нас люди из разных земель, что под властью его, султана: во-первых, турки; во-вторых, крымцы; в-третьих, греки; в-четвертых, сербы; в-пятых, арапы; в-шестых, мадьяры; в-седьмых, буданы;¹⁹ в-восьмых, босняки; в-девятых, арнауты;²⁰ в-десятых, волохи; в-одиннадцатых — молдаване;²¹ в-двенадцатых, черкесы;²² в-тринадцатых, немцы. А всего с пашами и с крымским царем было по спискам их набранных ратных людей, кроме выдумщиков-немцев, черных мужиков и охочих людей — 256 000 человек.²³ И собирался на нас и думал за морем турецкий царь ровно четыре года.²⁴ А на пятый год он пашей своих к нам под Азов прислал.

Июня в двадцать четвертый день еще до полудня пришли к нам паши его и крымский царь, и обступили нас

турецкие силы великие. Наши чистые поля ордою ногайскою все усеяны. Где была у нас прежде степь чистая, там в одночасье стали перед нами их люди многие, что непроходимые великие леса темные. От той силы турецкой и от скакания конского земля у нас под Азовом погнулась и из Дона-реки вода на берег волны выплеснула, оставила берега свои, как в половодье. Начали турки по полям у нас ставить шатры свои турецкие, и палатки многие, и наметы²⁵ высокие, словно горы страшные забелелись вокруг. Началась тогда у них в полках игра долгая в трубы многие, великие, поднялся вопль великий, диковинный, звуки страшные, басурманские. После того началась в полках их стрельба из мушкетов²⁶ и пушек великая. Как есть страшная гроза небесная²⁷ — и молнии и гром страшный, будто с небес от господ! От стрельбы той их огненной до небес поднялся огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось. Как есть наступила тьма крошечная! Страшно, страшно нам стало от них в ту пору; с трепетом, с удивлением несказанным смотрели мы на тот их стройный подступ басурманский. Непостижимо было уму человеческому в нашем возрасте и слышать о столь великом и страшном собранном войске, а не то чтобы видеть своими глазами! Совсем близко стали они от нас, меньше чем за полверсты от Азова-города. Их янычарские начальники²⁸ ведут их строй под город к нам большими полками и отрядами по шеренгам. Множество знамен у них, янычар, больших, черных, диковинных. Набаты²⁹ у них гремят, и трубы трубят, и в барабаны бьют несказанно великие. Двенадцать у тех янычар полковников. И подошли они совсем близко к городу. И, сойдясь, стали они кругом города по восемь рядов от Дона до самого моря, взявшись за руки. Фитили при мушкетах у всех янычар блестят, что свечи горят.³⁰ А у каждого полковника в полку янычар по двенадцать тысяч. И все у них огненное, платье у полковников янычарских шито золотом, и сбруя у всех у них одинаково красная, словно заря занимается. Пищали³¹ у них у всех длинные турецкие, с пальниками.³² А на головах янычарских

шишаки,³³ словно звезды, светятся. Подобен строй их строю солдатскому. А в рядах с ними стоят и два немецкие полковника с солдатами — в каждом полку по 6000 солдат.

В тот же день, как пришли турки к нам под город, к вечеру прислали к нам турецкие паши переводчиков своих басурманских, персидских и греческих. А с толмачами прислали с нами разговаривать старшего из янычарских пехотных полковников. Обратился к нам их полковник янычарский со словом от царя своего турецкого, от четырех пашей его и от царя крымского, стал говорить речью гладкою:

„О люди божи, слуги царя небесного, никем по пустыням не руководимые, никем не посланные! Как орлы парящие, без страха вы по воздуху летаете; как львы свирепые, по пустыням блуждая, рыкаете! Казачество донское и волжское свирепое! Соседи наши ближние! Нравом непостоянные, лукавые! Вы пустынножителей лукавые убийцы, разбойники беспощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево — и никогда не наполнится! Кому вы наносите обиды великие, страшные грубости? Наступили вы на десницу высокую царя турецкого! Не впрямь же вы еще на Руси богатыри святорусские? Куда сможете теперь бежать от руки его? Прогневали вы его величество султана Мурата, царя турецкого, убили вы у него слугу его верного, посла турецкого Фому Кантукузина,³⁴ перебили вы всех армян и греков, что были с ним. А он послан был к государю вашему. Да вы же взяли у него, султана, любимую его царскую вотчину, славный и красный Азов-город. Напали вы на него, подобно как волки голодные. Не пощадили в нем из пола мужеского ни старого, ни малого и детей убили всех до единого. И тем снискали вы себе имя зверей лютых. Через тот разбой свой отделили вы государя царя турецкого от всей его орды крымской Азовом-городом. А та крымская орда — оборона его на все стороны. Второе: отняли вы у него пристань корабельную. Затворили вы тем Азовом-городом все море синее, не дали проходу по морю судам и кораблям ни в какое царство, в поморские города. Чего ж вы, совершив такую дерзость лютую, своего конца здесь дожидаетесь? Очистите нашу вотчину Азов-город за ночь, не мешкая!

Что есть у вас там вашего серебра и золота, то без страха понесите из Азова-города вон с собою в городки свои³⁵ казачьи к своим товарищам. И при отходе вашем никак не тронем вас. Если же только вы из Азова-города в эту ночь не выйдете, то не сможете остаться у нас назавтра живыми. Кто вас, злодеи и убийцы, сможет укрыть или заслонить от руки столь сильной царя восточного, турецкого, и от столь великих, страшных и непобедимых сил его? Кто устоит пред ним? Нет никого на свете равного ему или подобного величием и силами! Одному повинуется он лишь богу небесному. Лишь он один — верный страж гроба божия!³⁶ По воле своей избрал бог его единого среди всех царей на свете. Так спасайте же ночью жизнь свою! Не умрете тогда от руки его, царя турецкого, смертью лютою. По своей воле он, великий государь восточный, турецкий царь, никогда не был убийцею для вашего брата, вора, казака-разбойника. Лишь тогда ему, царю, честь достойная, как победит какого царя великого, равного ему честью, — а ваша не дорога ему кровь разбойничья. А если уж пересидите эту ночь в Азове-городе, вопреки словам царевым, столь милостивым, вопреки его увещанию, возьмем завтра город Азов и вас в нем захватим, воров и разбойников, как птиц в руки свои. Отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные. Раздробим тела ваши на крошки мелкие. Хотя бы сидело вас, воров, там и 40 000, — ведь с нами, пашами, прислано силы больше 300 000! Столько и волос нет на головах ваших, сколько силы турецкой под Азовом-городом. Вы и сами, вору глупые, своими глазами видите силы его великие, неисчислимые, как покрыли они всю степь великую! Не могут, верно, с городских высот глаза ваши видеть из конца в конец даже и наши силы главные. Не перелетит через силу нашу турецкую никакая птица парящая: все от страху, смотря на людей наших, на сил наших множество, валятся с высоты на землю! И о том даем вам, вору, знать, что не будет вам от Московского сильного царства вашего людьми никакой ни помощи, ни выручки.³⁷ На что же вы, вору глупые, надеетесь, коли и хлебных припасов с Руси никогда вам не присылают? А если б только захо-

тели вы, казачество свирепое, служить войском государю царю вольному, его султанскому величеству, принесите вы ему, царю, свои головы разбойничьи повинные, поклянитесь ему службою вечною. Отпустит вам государь наш турецкий царь и паши его все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие азовское. Пожалует наш государь турецкий царь вас, казаков, честью великою. Обогадит вас, казаков, он, государь, многим несчетным богатством. Устроит вам, казакам, он, государь, у себя в Царьграде жизнь почетную. Навечно пожалует вам, всем казакам, платье с золотым шитьем, знаки богатырские из золота с царским клеймом своим. Все люди будут вам, казакам, в его государевом Царьграде кланяться. Пройдет тогда ваша слава казацкая вечная по всем странам, с востока и до запада. Станут вас называть вовеки все орды басурманские, и янычары, и персидский народ святорусскими богатырями за то; что не утрашили вы, казаки, с вашими силами малыми, всего с семью тысячами, столь непобедимых сил царя турецкого, трехсот тысяч ратников. Дождались вы, пока подступили те полки к самому городу. Насколько славнее и сильнее перед вами, казаками, насколько богаче и многолюднее шах — персидский царь! Владеет он всею великою Персидою и богатою Индией; имеет у себя он войска многие, как и наш государь, турецкий царь. Но и тот шах персидский никогда не встанет на поле против сильного царя турецкого. И никогда не обороняются его люди персидские в городах своих многими тысячами от нас, турок: знают нашу свирепость они и бесстрашие“.

*Ответ наш казачий из Азова-города толмачам
и полковнику янычарскому*

„Видим всех вас и до сей поры всё ведаем о вас, все силы, все угрозы царя турецкого известны нам. Переведаваемся мы с вами, турками, часто на море и за морем, на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. И куда ваш Ибрагим, турецкий царь, весь свой ум девал? Иль не стало

у него, царя, за морем серебра и золота, что прислал он к нам, казакам, ради кровавых казачьих зипунов наших четырех пашей своих, а с ними, сказывают, прислал еще на нас рать свою турецкую — 300 000. А то мы и сами точно видим и знаем, что силы его здесь стоит триста тысяч боевых людей, кроме черных мужиков. Да против нас же нанял он, ваш турецкий царь, из четырех чужих земель шесть тысяч солдат да многих ученых подкопщиков и дал им за то деньги многие. И то вам, туркам, самим ведомо, что у нас по сию пору никто наших зипунов³⁸ даром не захватывал. Пусть он, турецкий царь, нас возьмет теперь в Азове-городе приступом; возьмет не своим царским величием и разумом, а теми великими турецкими силами да хитростями наемных людей немецких. Небольшая честь в том будет для имени царя турецкого, что возьмет нас, казаков, в Азове-городе. Не изведет он тем казачьего прозвища, не запустеет Дон головами нашими. На отмщение наше будут все с Дона молодцы. Пашам вашим от них за море бежать! А если избавит нас бог от его сильной руки, если отсидимся от вашей осады в Азове-городе, от великих его сил, от трехсоттысячных, со своими силами малыми (всего нас, отборных казаков, в Азове с оружием сидит 7590), — посрамление будет ему, царю вашему, вечное и от его братии и от всех царей. Сказал он сам про себя, будто он выше земных царей. А мы — люди божии, вся надежда у нас на бога, и на мать Божию богородицу, и на святых угодников, да на свою братию — товарищей, которые у нас по Дону в городках живут. А мы холопы природные государя царя христианского, царства Московского. Прозвание наше вечное — великое казачество донское бесстрашное. Станем с ним, царем турецким, биться, что с худым свинопасом! Мы, казачество вольное, покупаем смерть вместо живота. Где стоят сейчас силы многие, там полягут от нас, христиан, трупы ваши басурманские многие! Мы не то что люди шаха персидского. Их-то вы, что женок, засыпаете в городах их горами высокими. Хотя нас, казаков, и сидит лишь 7590 человек, а с помощью божией не боимся мы великих тех царя турецкого сил трехсоттысячных и немецких хитростей. Ему, басурману гордому, царю турецкому,

и пашам вашим бог противится за речи их высокомерные. Равным он, собака смрадная, ваш турецкий царь, почитает себя богу небесному. Не призвал он, басурман поганый и мерзостный, бога себе в помощники. Понадеялся он на свое богатство великое, но тленное. Вознес его сатана, отец его, гордостью до небес. Зато сбросит бог его в бездну навеки нашими слабыми руками казачьими. Посрамление ему, царю, будет вечное. Где теперь его рати великие в полях у нас ревут и похваляются, завтра тут полягут от нас под городом трупы людей его во множестве. Явит нас бог за наше смирение христианское львами яростными перед вами, собаками. Давно у нас, в полях наших летаючи, вас поджидаючи, клекчут орлы сизые, каркают вороны черные, лают у нас подле Дона лисицы рыжие, ждут все они трупов ваших басурманских. Накормили вы их головами вашими, как брали мы Азов, а теперь опять им хочется плоти вашей; накормим вами их уж досыта. Ведь мы взяли Азов у него, царя турецкого, не воровскою хитростью, — взяли его приступом, храбростью своей и разумом, чтобы посмотреть, что за люди его турецкие в крепостях от нас обороняются. Укрепились мы в нем силой малою, нарочно разделив силы надвое, испытываем теперь силы вашей турецкой, ума вашего и хитростей. Мы ведь все примериваемся к Иерусалиму и к Царьграду. Удастся взять нам у вас и Царьград.³⁹ Ведь было там прежде царство христианское. Да еще вы, басурманы, нас пугаете, что не будет нам из Руси ни припасов, ни помощи, будто к вам, басурманам, из государства Московского про нас о том писано. А мы про то и сами без вас, собак, ведаем: какие мы на Руси, в государстве Московском, люди дорогие и к чему мы там надобны! Знаем мы государство Московское, великое, пространное и многолюдное. Сияет оно среди всех государств и орд — и басурманских, и еллинских, и персидских — подобно солнцу. Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящего. Бежали мы из того государства Московского, от рабства вечного, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да и поселились здесь в пустынях необъятных. Живем, взирая на бога. Кому там о нас тужить, рады там все концу нашему! А запасов хлебных к нам из

Руси никогда не бывало. Кормит нас, молодец, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не собираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас находим. А жен себе красных, любых выбираючи, от вас же уводим.

А мы у вас взяли Азов-город по своей казачьей воле, а не по государеву повелению, ради казачьих зипунов своих и за ваши высокомерные лютые помыслы. За то на нас, холопов своих дальних, государь крепко обижен. Боимся от него, государя царя, за то взятие азовское себе наказания смертного. А государь наш — великий, пресветлый и праведный царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, многих государств и орд государь и обладатель. Много ему, государю царю, в великом холопстве служит таких басурманских царей, как ваш Ибрагим, турецкий царь. Довольно он, государь наш великий и пресветлый царь, свершает по преданию святых отцов, не желая пролития крови вашей басурманской. Довольно наш государь богат от бога подданными и царскими себе данями и без вашего смрадного басурманского собачьего богатства. А если бы на то было его государево повеление, если б пожелал он только, великий государь, крови вашей басурманской пролития и городам вашим басурманским разорения за ваше басурманское к нему, государю, непослушание, если б только велел он, государь, итти войною на вас всех, басурманов, своей Украине, что сидит у него, государя, в степях от орды ногайской, ⁴⁰ то собралось бы тут его государевых людей русских с одной лишь Украины многое множество! И таковы его государевы люди с русской Украины, что, подобно львам яростным, алчут и хотят отведать вашей плоти басурманской. Только не повелевает им того его десница царская, и в городах во всех под страхом смерти сдерживают их по цареву повелению воеводы государевы. А то бы не укрылся ваш Ибрагим, царь турецкий, от его руки государевой, от жестокосердия людей его государевых и в утробе матери своей, — и оттуда бы, распоров, его, собаку, вынули да перед лицом царевым поставили. Не защитило бы его,

царя турецкого, от руки той государевой, от десницы высокой его и море Синее. Не удержало бы оно людей государевых! Были бы в один год попржнему за ним, нашим государем, и Иерусалим и Царьград. А во всех крепостях ваших турецких не устоял бы камень на камне от нашего приступа русского. Вы же нас призываете речью царя турецкого служить ему, царю турецкому, и сулите нам от него честь великую и богатство многое. А мы, люди божии, холопы государя царя Московского, именуемся по крещению христианами православными. Как же можем служить царю неверному! Покинув пресветлый здешний свет и будущий, в адскую тьму итти нам не хочется! Ежели мы ему, царю турецкому, как слуги надобны, то мы, отсидевшись своею силою от вашего войска, побываем и у него, царя, за морем, под его Царьградом, посмотрим там и на него, царя, и на город тот, нам природный; с ним, царем турецким, поведем мы там речь великую, лишь бы речь ему наша казачья полюбилась! Станем служить ему пищалями казачьими да своими саблями острыми! А теперь нам здесь говорить не с кем, кроме пашей ваших. Предки ваши басурманы, что с Царьградом устроили — захватили его у нас! Убили в нем государя царя храброго, Константина благоверного.⁴¹ Побили христиан в нем тысячи, многое множество. Обагрили кровью нашею христианскою все пороги церковные, до конца искоренили вы там веру христианскую! Так бы и нам с вами поступить нынче по примеру вашему! Взять бы тот Царьград приступом из рук ваших. Убить бы в нем так же вашего Ибрагима, царя турецкого, и всех вас, басурман. Пролить бы так же вашу кровь басурманскую нечистую. В то время б и мир у нас с вами был. А теперь нам и говорить больше с вами нечего. Все хорошо известно нам.

А обо всем, что от нас вы слышите, передайте пашам своим. Нельзя мириться нам, не будет одной веры христиан с басурманином. Какое тут обращение! Христианин побожится в душе своей, да на той правде он и век стоит. А ваш брат басурман божится по вере басурманской. И житье ваше татарское — все равно что у бешеной собаки. Так что уж вашему брату, собаке, верить! Рады мы вас завтра

в Азове попотчевать чем нам, молодцам, бог послал! Поезжайте ж к своим глупым пашам не мешкая. А опять к нам с такую глупой речью не ездите. Обманывать вам нас — только даром дни терять! А кто к нам от вас с такую речью глупую опять будет, тому у нас под стеною убитым быть! Делайте уж вы то, для чего от царя турецкого к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, силой немногую. А вы уж из наших казачьих рук добывайте его головами турецкими, многими тысячами. Кому-то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовом своих турецких голов многие тысячи, а не взять вам его из рук наших казачьих до веку! Разве уж, отняв его у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, вас, собак, им пожалует. Тогда уж попрежнему ваш будет. На то его воля государева!“

Как от Азова-города полковники и толмачи вернулись к силам своим турецким, к пашам своим, начали в войсках у них трубить в трубы многие великие. После той игры трубной стали в барабаны бить. Стали вороны и звери кричать жалостно.

Строили полки свои всю ночь они до свету. А как был на дворе уже первый час дня, начали выступать из станов своих силы турецкие. Знамена и хоругви их зацвели по полю, словно цветы различные. От труб больших и барабанов их поднялись звуки неизъяснимые, страшные.

Подступ их к нашему городу

Пошли на приступ немецкие два полковника с солдатами. За ними пошла строевая пехота янычарская, сто пятьдесят тысяч. Потом пошла на приступ к городу и вся прочая орда их пешая. Крикнули клич они смело и яростно.

Первый их приступ. Наклонили они все знамена свои к городу, в нашу сторону. Закрыли весь Азов-город наш знаменами. Стали башни и стены топорами рубить. Многие на стены в ту пору влезли по лестницам. И тогда началась у нас стрельба из осажденной крепости, а до тех пор

молчали мы. От огня и дыма уж не видно стало нам друг друга. В обе стороны от стрельбы лишь огонь да гром стоял, поднимался огонь и дым до небес. Как будто началась гроза страшная, как бывает с небес гром страшный и молнии. Подкопы тайные, что у нас отведены были за город в ожидании их приступа, все не сдержали силы их невиданной, обрушились, не сдержала земля силы их.⁴² В тех провалах побито у нас было турок многие тысячи. Приготовлено было у нас все по тем подкопам, набиты были они дробью и осколками. И было убито при том приступе в первый день под стеною города одних полковников янычарских шесть да два немецких полковника со всеми шестью тысячами солдат их. В тот же день, сделавши вылазку, захватили мы большое знамя царя турецкого,⁴³ с коим в первый раз шли они на приступ. Наступали на нас паши турецкие с большими силами в тот первый день до самой ночи, даже и на вечерней заре. Убито нами было у них в первый тот день, кроме шести полковников янычарских и двух немецких полковников, одних янычар 23 тысячи, помимо раненых.

На другой день на светлой заре опять прислали турки к нам своих толмачей — просить, чтобы дали мы им убрать от города тела убитых, что полегли у Азова под стеною города. А давали нам за каждую павшую голову янычарскую по золотому червонцу, а за голову полковников по сто талеров. И наше войско не пошло на то, не взяли у них за головы павшие серебра и золота. „Не продаем мы никогда трупов вражеских, но дорога нам слава вечная. Это вам от нас из Азова-города игрушка первая. Пока мы, молодцы, ружья свои только прочистили. Всем так вам, басурманам, от нас будет! Иным вас нечем нам потчевать. Дело наше осадное!“

В этот день боя у нас с ними не было. Собирали они трупы убитых своих до самой до ночи. Выкопали для тех трупов глубокий ров, в трех верстах от города, засыпали их тут горою высокою, поставили над холмом многие знаки басурманские и надписи там на различных языках сделали. После того на третий день опять пришли турки к нам под

город со всеми своими силами, только стали уже поодаль от нас и приступа не делали. И начали их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной огромный вал, многим выше Азова-города. Той горою высокую хотели нас накрыть в Азове-городе великие силы турецкие. Подвели ее к нам за три дня, и мы, видя ту гору высокую, увéдали горе свое вечное, что будет от нее наша смерть. Испрося у бога милости и помощи от пречистой богородицы и от образа Ивана Предтечи, призывая на помощь чудотворцев московских и совершив предсмертное прощание друг с другом и со всеми христианами православными, пошли мы из города малою нашей дружиною, в семь тысяч всего, на прямой бой с их тремястами тысячами. „Господь наш, творец, небесный царь, не выдай нечестивым создания рук своих! Видим перед лицом своим от них смерть себе лютую! Хотят нас живых покрыть горою высокую, видя наше бессилие и то, что мало нас, что в пустыне нас покинули все христиане православные, убоившись вида страшного и великой силы их турецкой. А мы, бедные, не отчаялись еще в твоей, владыки, милости, ведая твои щедроты великие! С твоею божией помощью, за веру христианскую здесь погибая, бьемся против их больших сил, в триста тысяч, за церкви божи, за все государство Московское и за имя царское!“ Исполнив все обряды предсмертные, выходили к ним на бой, и единодушно все мы крикнули, выйдя к ним: „С нами бог! Разумейте, иноплеменники и неверные, и покоритесь, ибо с нами бог!“ Услышали неверные из наших уст те слова, что с нами бог, и ни один не мог прямо стать пред лицом нашим, побежали все прочь с высокой горы своей. Побили мы их в тот час множество, многие тысячи. Взяли мы тогда в бою, на вылазке у той горы шестнадцать знамен одних янычарских да двадцать восемь бочек пороху. И тем-то порохом, подкопавшись под гору их высокую, разбросали мы всю ее. И побило при том многие их тысячи, и к нам из того подкопа живых янычар забросило тысячу пятьсот человек! И с тех пор миновалась земляная хитрость их. Повели они за первой горой другую гору, еще больше того. В длину насыпали ее на три лучных выстрела, а в высоту многим

выше Азова-города, шириной она была — едва до половины камнем докинуться! На той горе поставили они уже все свои орудия, и пехоту всю привели свою турецкую, сто пятьдесят тысяч, и орду ногайскую с коней всю спешили. И зачали с той горы из орудий бить они по Азову-городу день и ночь беспрестанно. От пушек их страшный гром стоял, огонь и дым курился от них до неба. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей не смолкали их орудия ни на единый час. В те дни и ночи от стрельбы их пушечной распались все наши азовские укрепления,⁴⁴ — и стены, и башни все, и церковь Предтеченская, и дома все разбили у нас до самого основания.

И орудия наши разбили все. Одна лишь у нас во всем Азове-городе церковь осталась наполовину — Николина. Потому и осталась, что стояла укрыто внизу, к морю под гору. А мы от них сидели по ямам.⁴⁵ Нам и выглянуть они из ям не давали. И мы в ту пору сделали себе покои просторные в земле под ними, под самым их валом, двory потайные просторные. И из тех потайных дворов своих повели 28 подкопов под их таборы. И теми подкопами устроили мы себе помощь, облегченье великое. Выходили ночью порой на их пехоту янычарскую, и побили мы их множество. Теми своими ночными вылазками на их пехоту турецкую навели мы на них великий страх и урон большой причинили мы в людях им. И после того паши турецкие, глядя на те наши умелые подкопные в осаде действия, повели навстречу нам из своего табора семь своих подкопов. И хотели они теми подкопами попасть в наши ямы, дабы задавить нас своим множеством. А мы милостью божией устерегли все подкопы их, и разорвало тут их всех порохом, погребли мы тут их многие тысячи. И с той поры их подкопная мудрость миновалась вся. Постыли им уж те хитрости подкопные. А всего было от турок к нам под город Азов 24 подкопа и приступа всею их силою. Но после первого большого приступа таких жестоких и смелых больше уж не было. На ножах мы с ними резались в тот приступ. Зачали они метать в ямы наши ядра огненные и всякие немецкие осадные хитрости. И тем, пуще приступов, причинили они нам великое утеснение. Убивали они многих

у нас тогда и опаливали. А после тех ядер огненных, что против нас они измыслили, оставив все свои хитрости, стали они нас одолевать и подступать к нам прямым боем со своей силою. Зачали они к нам на приступ посылать своих янычар во всякий день. По десяти тысяч наступают на нас целый день до ночи, а в ночь идут на смену им другие десять тысяч. И те наступают на нас всю ночь до свету. Ни одного часа не дадут покоя нам. А бьются они посменно день и ночь, чтобы истомою совсем осилить нас. И от тех их ухищрений и злоумышления, от своих тяжких ран и от бессонницы, от лютой нужды всяческой и от смрадного запаха трупного стало нам невмочь, все изнемогали мы лютыми болезнями осадными. А дружины нашей совсем мало осталось; переменяться нам не с кем, ни одного часа отдохнуть нам не дадут. В ту пору уж совсем мы в жизни своей и в Азове-городе отчаялись, потеряли надежду на выручку от людей, только и ждали себе помощи от всевышнего бога. Прибегнули, бедные, лишь к своему помощнику — Ивана Предтечи образу. Пред ним, светом нашим, заливаемся слезами горькими:

„Государь ты, свет, помощник наш, Иван Предтеча, по твоему, света нашего, явлению разорили мы гнездо змеиное, взяли Азов-город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей.⁴⁶ Твой, света нашего, и Николин дом очистили и украсили вашими образами чудотворными, всё своими руками грешными, недостойными. Без пения до сей поры перед образами вашими у нас и дня не проходило. Чем же мы вас, светы вы наши, прогневали, что опять идете в руки басурманские? На вас, светы вы наши, мы надеялись, сидя в осаде, оставив всех своих товарищей. А теперь от рук турецких видим впрямь смерть свою. Уморили они нас бессонницей; дни и ночи беспрестанно с ними мучимся. Уж ноги наши под нами подгибаются, руки наши от обороны затекли, уж не служат нам. Уж глаза наши не глядят от усталости, уж от беспрестанной стрельбы мы очи выжгли порохом, все в них стреляючи. Язык уже наш во рту не ворочается на басурман закричать. Таково наше бессилие: не можем в руках своих никакого оружия держать!

Почитаем мы уже теперь себя за трупы мертвые. Два часа в осаде нам уже не высидеть! Теперь мы, бедные, расстаемся с вашими иконами чудотворными, с христианами со всеми православными: не бывать уж нам на святой Руси! Смерть пришла в пустыне нам, грешникам, за ваши иконы чудотворные, за веру христианскую и за имя царское, за все царство Московское!“

Начали прощаться:

„Прости нас, холопов своих грешных, государь наш православный, царь всея Руси Михайло Феодорович! Помянуть вели наши души грешные! Простите вы, государи патриархи вселенские! Простите, все государи митрополиты, архиепископы и епископы! Простите и вы, все архимандриты и игумены! Простите, все государи протопопы, и священники, и дьяконы! Простите, государи наши, все христиане православные! Поминайте и наши души грешные в день родительский! Нет ни в чем от нас позора государству Московскому. Помышляем мы, бедные, в уме своем, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти себе добыть славу добрую“.

Подняли мы на руки иконы чудотворные — Ивана Предтечи да Николину — и пошли с ними против басурман на вылазку. И по милости явной божией побили мы их в той внезапной вылазке шесть тысяч. И увидели люди турецкие, что хранит нас милость божия, что ничем осилить не умеют нас. С тех-то пор не стали уж посылать к нам на приступ людей своих. И тогда отдохнули мы от истомы, от смертных ран.

После того бою прошло три дня: опять стали нам кричать их толмачи, вызывать нас на разговор. А мы уж и речь не могли держать к ним, потому как язык наш от истомы нашей во рту не ворочался! И начали они на стрелах к нам ярлыки метать.⁴⁷ А в них они пишут, просят у нас пустое место азовское. А дают нам за него выкупа на каждого десятого молодца по триста талеров серебра чистого да по двести талеров золота червонного. „А в том присягают вам паши и полковники душою царя турецкого, что ныне при отходе вашем ничем не тронем вас. Подите с серебром и

с золотом в городки к своим товарищам, а нам лишь отдайте пустое место азовское“.

А мы к ним обратно пишем: „Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, в Азове и на Дону у нас и своего много. То нам, молодцам, нужно и дорого, чтоб была о нас слава вечная по всему свету. Не страшны нам ваши паши и силы турецкие! Сразу говорили мы вам, что дадим вам знать о себе, будет вам о нас памятно на веки вечные. Возвратясь за море, в края басурманские, будет что сказать вам своему царю турецкому глупому, каково приступить к казаку русскому. Сколько вы у нас разбили кирпича и камня в Азове-городе, столько уже взяли мы у вас голов ваших за разрушение азовское. На головах да на костях ваших сложим город Азов лучше прежнего! И пройдет наша слава молодецкая по всему свету до века, как сложим города на ваших головах. Нашел здесь ваш турецкий царь себе позор и укоризну вечные. Станем брать с него дань во всякий год в шесть раз больше“. После того уж стало нам легче от них, приступов больше уже не было. Сочли они, что под Азовом побиты были у них многие тысячи.

А во время своего сидения осадного держали мы, грешные, пост. Совершали молитвы многие, соблюдали чистоту телесную и духовную. В осаде многие из нас люди искусные видели во сне — одни жену прекрасную и светозарную, на воздухе стоящую посреди града Азова, иные же — мужа древнего, с власами длинными, в светлых ризах, взирающего на полки басурманские. И не предала нас богородица в руки басурманские, подавала нам против них помощь явную, возглашая умиленно: „Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь. Град сей Азов от беззаконных агарян, их нечестием, злобою и жестокостью поруган, престолы в церквах Предтечи и Николиной осквернены. И не только осквернили они землю в Азове и престолы, но и воздух над ним омрачили, торжище здесь и мучительство христианам учинили, разлучили мужей от законных жен, сынов и дочерей разлучили от отцов и матерей. От многого плача того и рыдания вся земля христианская восстонала. А о чистых девах, о вдовах непорочных и о сущих во младенчестве уста мои и изречь не в силах, глядя на

поругания им. И услышал бог молитвы и плач их. Видя создание рук своих, православных христиан, зло погибающих, дал вам против басурман отмщение, предал вам град сей и их самих в руки ваши. Да не скажут нечестивые: „Где бог ваш христианский?“ И вы, братья, не печальтесь, отгоните всякий страх от себя, не тронет вас никакой басурман мечом своим. Положите упование на бога, примите венец от Христа нетленный. А души ваши примет бог, имеете царствовать с Христом вовеки“. И многие атаманы видели, что текли у образа Ивана Предтечи из очей его слезы обильные в день каждого приступа. А в первый день, во время приступа, видели лампаду у его образа, слез полную. А при вылазках наших из города все видели басурманы — и турки, и крымцы, и ногайцы — мужа храброго и юного, в одежде ратной, ходившего среди боя с мечом обнаженным и множество басурман поражавшего. А мы того не видели. Лишь утром по убитым узнали мы, что то дело божие, а не наших рук: люди турецкие надвое рассечены! Послана с неба была над ними победа! И они, басурманы, о том нас много раз спрашивали, кто от нас из города выходит на бой с мечом. И мы говорили им: „То выходят воеводы наши“.

А всего сидели мы в Азове в осаде от турок с 24 июня 7149 года до 26 сентября 7150 года,⁴⁸ 93 дня и 93 ночи. А в ночь на двадцать шестой день сентября турецкие паши со всеми турками и крымский царь со всеми своими силами за четыре часа до свету побежали, окаянные, в смятении и трепете, от Азова-города, ничем от нас не гонимы. С вечным позором ушли паши турецкие к себе за море, а крымский царь пошел в орду к себе, черкесы же в Кабарду свою, ногайцы пошли в улусы⁴⁹ свои. И мы, казаки, как услышали об их отступлении, напали на их таборы тысячею человек. И взяли мы у них в таборах тогда языков, турок и татар, живыми четыреста человек, а больных и раненых застали мы с две тысячи.

И нам те языки на допросах и пытках все говорили единодушно, отчего среди ночи побежали от города паши и крымский царь со всеми своими силами. „В ночь ту с вечера

было нам страшное видение. На небесах над нашими полками басурманскими шла с Руси от вашего царства Московского туча великая и страшная. И стала она против самого табора нашего. А перед тою тучею идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные и грозятся на наши полки басурманские. В ту пору мы их всех узнали. И в ту же ночь страшные воеводы азовские в ратной одежде выходили на бой приступом на нас из Азова-города. Пластали нас надвое, вместе с конями. От того-то страшного видения и побежали из таборов турецкие паши и крымский царь“.

А нам, казакам, в ту ночь с вечера также было видение: по валу басурманскому, где стояли их орудия, ходили два мужа, летами древние. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница мохнатая. Указывают они на полки басурманские и говорят нам: „Побежали, казаки, от вас паши турецкие и крымский царь из таборов. Пришла победа над ними от Христа, сына божия, с небес, силою божией“.

А еще сказывали нам те языки про урон в людях своих, сколько побито их от рук наших под Азовом-городом. Из главных сил их побито у них одних мурз и татар и янычар девяносто шесть тысяч, кроме тех черных мужиков и охочих людей. А нас всего, казаков, в осаде сидело в Азове только 7367 человек. А те, кто уцелел из нас, холопов государевых, после осады, все изранены. Нет ни одного у нас человека целого; ни одного, кто бы не пролил крови своей, в Азове сидя во имя божие, за веру христианскую. А теперь мы всем войском идем у государя царя и великого князя всея Руси Михаила Феодоровича просить милости. Просим мы, холопы его, сидевшие в Азове, и те, кто по Дону живет в городках своих, чтоб велел он принять из рук наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, ради светлых образов Предтечи и Николина, ради всего, что им, светам нашим, угодно тут. Тем Азовом-городом защитит он, государь, от войны всю свою Украину, не будет войны от татар до веку,⁵⁰ как сядут наши в Азове-городе.

А мы, холопы его, что остались после осады азовской, все мы уже старцы увечные, сил нет уже у нас на боевые

промыслы. А то обет наш, всех, пред образом Предтечи: постричься в монастыре его, принять образ монашеский. Станем мы бога молить до веку за его, государя, и за весь государский род его. Его государскою обороною и своею верою защитил нас бог от таковых турецких сил, а не нашим молодецким мужеством и промыслом. А коли государь нас, холопов дальних своих, не пожалует, не велит у нас принять из рук наших Азова-города, то нам, заплавав, оставить его! Поднимем мы, грешные, икону Предтечи, да и пойдем с ним, светом нашим, куда он велит. Атамана своего пострижем пред его образом, будет он над нами игуменом. А есаула пострижем, тот у нас будет устроителем. А мы, бедные, хоть и немощные все, не отступим от его, Предтечи, образа, помрем все тут до единого. Будет вовеки слава лавре Предтеченской“.

И после от тех же атаманов и казаков приписано в грамоте, что надобно им в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 пудов всяких припасов, 20 000 пудов пороха, 10 000 мушкетов, а денег на то все надобно 221 000 рублей.

В нынешнем же 7150 году, * по прошению и посольству царя турецкого Ибрагима-султана, государь царь и великий князь Михайло Феодорович пожаловал его, царя турецкого Ибрагима-султана, и велел донским атаманам и казакам Азов-город покинуть.⁵¹

---

* То есть в 1642 году. — *Переводчик.*

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ ЦАРСТВУЮЩЕГО ГРАДА МОСКВЫ¹

В год 6789* октября в двадцать девятый день во Владимире-городе после правления князя Владимира правил князь Андрей Александрович Невский, а в городе Суздале правил князь Даниил Александрович Невский.

Почему бы Московскому государству царством быть и кто то знал, что Москве государством слыть?

Были на этом месте по Москве-реке села красные, хорошие боярина Стефана Ивановича Кучки. И были у Кучки два сына красы удивительной; не было столь красивых юношей по всей Российской земле. И узнал про них князь Даниил Суздальский. И стал просить у боярина Кучки князь Даниил сыновей его к своему двору с большим упорством. И сказал ему: „Если не отдашь мне сыновей своих к моему двору, то я приду на тебя с войском и велю тебя мечу, а села твои красные огню предать“. И боярин Стефан Иванович Кучка, испугавшись угроз князя Даниила Александровича, отдал обоих сыновей своих князю в Суз-

---

* В тексте ошибочно — 6889; правильно — 6789, то есть в 1227 году —
Переводчик.

даль. И те братья князю Даниилу полюбились, и стал их князь Даниил любить и жаловать, одного пожаловал он в стольники, а другого — в чашники. Те же два брата полюбились и жене князя Даниила княгине Улите Юрьевне. И уязвил ее враг любовной страстью к тем юношам. Возлюбила она красоту лиц их и, разжигаемая дьяволом, вступила с ними в связь. И задумали они с княгиною, как бы им предать князя Даниила смерти. Тогда стали они звать князя Даниила в поле посмотреть на заячью охоту, как то бывает обычно для потехи. И когда был он на охоте и заехал в дебри, напали те Кучковичи на князя, чтобы предать его злой смерти. А князь Даниил ускакал от них на своем коне в чашу лесную, ибо густы были здесь леса. И бежал он от них вдоль Оки-реки, бросив коня своего. Злые же убийцы, словно волки лютые, тщетно пытались захватить его. Разъяренные, долго искали они его и не нашли, только набрали на коня его.

Князь же добежал до перевоза, и, не имея, что дать перевозчику, кроме золотого перстня, бывшего у него на руке, обещается он тот перстень отдать за перевоз. А перевозчик говорит ему: „Лихие-де вы, люди, обманчивые. Как-де перевезешь вас через реку, так вы, не отдав за перевоз, и уйдете“. А перевозчик узнал, что был то князь Даниил Александрович. Князь же обещался, что отдаст перстень золотой перевозчику, если перевезет его через Оку-реку. Первозчик, с другой стороны Оки-реки подъехав близко к берегу, протянул весло к князю и говорит: „Поддай мне перстень на весло вперед за перевоз, и я тебя перевезу через Оку-реку“. Князь Даниил, приняв его за человека правдивого, что не обманет, положил на весло до перевоза перстень свой золотой. А перевозчик, получив на весле от князя перстень, оттолкнулся от берега и переехал на другую сторону Оки-реки, не перевезя князя.

Князь же Даниил побежал вдоль по Оке-реке, страшась гнавших за ним людей его. И клонился день уже к вечеру. А ночи были тогда уже темные, осенние. И не находил места князь, где бы укрыться в пустынной дебри. Случаем набрел лишь князь на стоявший в той дебри небольшой

сруб, под которым погребено было в прежние времена некое мертвое тело. Князь забрался в этот сруб и закрылся в нем, позабыв страх перед мертвецом. И проспал там темную осеннюю ночь до утра. А сыновья боярина Стефана Кучки были в большой печали, что упустили из своих рук князя Даниила живым, раненного. И стали они каяться, говоря друг другу: „Лучше бы нам не замышлять и не сотворить над князем такого смертного дела, затем что ушел от нас князь Даниил раненым в город Владимир к брату своему, князю Андрею Александровичу. Придет к нам в злобе князь Андрей с войском, и придется нам принять от них злую смертную казнь, лютую, с разными муками. А княгине Улите быть от него повешенной на воротах и убитой стрелами или живой в землю по плечи быть ей закопанной за то, что жестоко задумали мы зло против князя несправедное“.

А злая княгиня Улита, в сердце коей вложил дьявол злые замыслы против мужа ее, князя Даниила Александровича, стала словно лютая змея ядовитая оттого, что распалил ее сатана вожделением страстной той похоти, оттого, что полюбила она, окаянная, недобрых наложников тех, детей Кучки, а своих любовников, и передала она им все тайны мужа своего. Сказала она им: „Есть-де у мужа моего пес-выжлец. И как-де он, князь Даниил, ездит против врагов своих на грозные побоища, на татар или на крымских людей, приказывает мне, выезжая на брань: „Если буду я татарами или крымскими людьми убит, или от иного какого случая придет мне смерть безвестная, или на поле боя среди трупов человеческих невозможно будет сыскать и опознать меня, иль живым в плен буду взят я татарами или крымскими людьми, и каким бы путем, в какую бы землю ни увели меня, ты пошли разыскивать меня дворян моих с тем псом и вели им пустить его тайно впереди себя без привязи, а самим ехать за ним. И где бы я, живой, ни оказался, дойдет тот пес дорогою до меня, а коли на поле буду мертв лежать безвестно или в бою убитый среди многих трупов человеческих, и вид мой от кровавых ран переменится, и не узнают меня, то пес найдет меня без ошибки, и начнет радоваться мне, мертвому, и тело мое начнет лизать он радостно“.

И наутро та окаянная княгиня Улита, тайно дав своим любовникам пса, жестоко приказывает им: „Где вы его с этим псом ни найдете, там его немедля и смерти предайте без милости“. А злые убийцы, исполнившись злой волей злодейки-княгини Улиты, взяли поспешно пса и приехали на место, где князя Даниила ранили. И от того места пустили вперед себя пса. А пес побежал перед ними. Они же за ним поехали. И бежал быстро тот пес по берегу Окиреки и набежал на сруб, где укрылся князь Даниил. Увидев князя Даниила, начал он хвостом своим махать, обрадовавшись ему. А убийцы, искавшие его, увидев, что пес радуется и машет хвостом, быстро соскочили с коней и, разобрав крышу сруба, нашли тут князя Даниила Александровича. И поспешно предали князя они смерти лютой. Мечами и копьями пронзили грудь его, отсекли голову ему и опять в сруб спрятали тело его.

Благоверный тот князь Даниил стал четвертым новым мучеником, приняв мученическую смерть от прелюбодеев жены своей. Первыми же мучениками были Борис и Глеб, убитые братом своим, окаянным Святополком, названным Поганополком. Дети же Кучки, приехав в город Суздаль, привезли одежду окровавленную великого князя Даниила Александровича и отдали ее княгине Улите, жене князя Даниила. И стали жить с нею убийцы в том же любострастном беззаконии попрежнему.

Многое же время спустя доходит во Владимир-город весть к князю Андрею Александровичу, что совершилось такое убийство брата его князя Даниила Александровича. Сын его, Иоанн Данилович, внук Александра Невского, остался после него ребенком, только пяти лет и трех месяцев от рождения. Охранял его и уберег верный раб отца его Давыд Тярдемив.

По смерти Даниила прошло уже два месяца. И сжалился тот верный слуга Давыд над княжеским сыном Иоанном Даниловичем: взял его тайно в ночь, вскочил на коня и помчался быстро с ним к городу Владимиру, к князю Андрею Александровичу, дяде его. И рассказал тому подробно слуга Давыд, как совершилось в городе Суздале над братом его князем Даниилом злое убийство.

Князь же Андрей опечалился о брате своем, как князь Ярослав Владимирович по братьям своим Борису и Глебу, и ожесточился против убийцы, как тот против окаянного злого Святополка, нареченного Поганополком. Собрав войско из новгородцев и призвав бога в помощь себе, пошел ратью Ярослав мстить за кровь праведных братьев своих Бориса и Глеба и победил окаянного Святополка. Так и теперь, новый Ярослав, великий князь Андрей Александрович прослезился горько о брате своем князе Данииле Суздальском и, воздев руки свои к небу, сказал со слезами: „Господи, владыка и творец всего, создатель наш, ты помог князю Ярославу отмстить окаянному Святополку за кровь праведных Бориса и Глеба. Так отмсти теперь, господи и владыка, за кровь неповинную брата моего князя Даниила этим развратникам и наложникам блудницы, оскверненным грязною похотью ненасытного разврата и приверженным по закону сатанинскому к делу, бесам угодному. Святополк окаянный затем братоубийство совершил, что очи злые его прельстились, ненасытные, на приобретение во множестве серебра и золота, чтобы властью и царством на этом свете в один день насладиться, а от царствия небесного навеки отпасть и на дне адском вечное мучение приобрести. Так и эта скверная ненасытная блудница, княгиня Улита, не могла насытиться похотливой скверною разврата. На один час насладились она в скверне своей и не только небесного царства лишилась, но отвергла и земную власть, и золото, и серебро, и одежды драгоценные, возлюбив скверну злой развратной похоти и готовясь стать невестой дьявола“.

И собрав в городе Владимире пять тысяч войска своего, пошел князь Андрей к городу Суздалю. И услышали в Суздале дети боярина Стефана Кучки, что идет на них из Владимира-города князь Андрей Александрович с войском своим для отмщения за неповинную кровь брата своего, великого князя Даниила Александровича. И объял тех убийц страх и ужас, что жестоко пролили они кровь неповинную, убили господина своего князя Даниила. И не смогли противостоять они в ратном поле князю Андрею и побежали к отцу своему, боярину Стефану Кучке. Князь Андрей с войском своим

вошел в Суздаль-город. Горожане же суздальские ни в чем князю Андрею не противились, покорились, говоря ему, государю: „Князь Андрей Александрович! Мы тем убийцам советчиками не были на смерть брата твоего, а нашего государя, великого князя Даниила Александровича. И не причастны сговору их. Но знаем мы, что злую ту смерть задумала ему жена с любовниками своими Кучковичами. И мы тебе, государь, будем помогать против тех злых изменников, в отмщение великого государя князя Даниила“.

Князь же Андрей повелел княгиню Улиту взять и мучить ее разными муками лютыми, а затем предал ее злой смерти, ибо совершила она, злая княгиня Улита, бесстыдное дело и не устрашилась бога и создателя, вельмож и знатных людей не постеснялась, добрых жен укора и насмешки не устыдилась, мужа своего, великого князя Даниила, злой смерти предала. Зато и сама окаянная княгиня лютую смерть приняла.

И собралось войску великого князя Андрея на помощь из суздальских граждан 3000. И пошел князь Андрей со всем своим войском на боярина Стефана Кучку и на убийц. А у боярина Стефана Кучки не было вокруг сел его красных ни ограды каменной, ни частокола деревянного, и не смог боярин Кучка против князя Андрея боем биться. И вскоре князь Андрей со всей своею силою захватывает приступом села и слободы красные. И самого боярина Стефана Кучку с детьми его в плен взял. И повелел князь Андрей заковать их в оковы крепкие, а потом приказал его, боярина Стефана, казнить, а детей его замучить лютыми разными муками. И тут боярин Кучка и сыновья его злейшую кончину приняли.

Так в 6790 году * в семнадцатый день марта месяца князь Андрей Александрович отмстил за кровь неповинную брата своего, великого князя Даниила Александровича Суздальского, победил боярина Стефана Кучку, а злых убийц, детей Стефана, замучил разными муками и все имение их, золото, серебро и прочее богатство, разграбив, отослал к себе; села же и слободы красные не велел разорять. И воздал он хвалу Христу-богу, и богородице, и всем свя-

---

* То есть в 1282 году. — *Переводчик.*

тым за то, что помог ему бог победить и отмстить за кровь брата своего боярину Кучке и детям его, убийцам и развратникам, и опочил тут. А наутро, встав, осмотрел красные села и слободы. И, по божьему внушению, полюбились князю Андрею эти красные села и слободы. Осмотрев их, подумал он, как бы бог помог ему еще и в том, чтобы город стал на том месте. И, вздохнув от глубины сердца своего, воздев руки к небу, молился он богу со слезами, говоря: „Боже вседержитель, творец всего и создатель! Прославь, господи, место это и помоги; исполни желание мое, чтобы устроить в этом месте город и поставить святую церковь“. И с тех пор князь Андрей остался в тех красных селах и слободах жить, в городе же Суздале и во Владимире посадил править сына своего Георгия Андреевича, а племянника своего Иоанна Даниловича, сына брата, к себе взял и воспитал его до совершеннолетия его, добру наставляя.

И воздвиг благоверный князь Андрей Александрович церковь небольшую деревянную, во имя пречистой богородицы, честного и славного ее благовещения, призывая на помощь себе в том бога и пречистую богоматерь. Также повелел он и город основать около тех красных сел по Москвереке, и помогали ему и суздальцы, и владимирцы, и ростовцы, и окрестные села. И так построил он город помощью бога, богородицы и всех святых, закончив градостроительство в 6791 году* в седьмой день июля. И с тех пор стал именоваться новосозданный город Москвою.

Жил благоверный князь Андрей в городе Москве, устроив в нем много церквей, и скончался в 6792 году, благословив править в Москве племянника своего Иоанна Даниловича. Сын же Андрея Георгий, называемый обычно Юрий Андреевич, князь Суздальский и Владимирский, скончался на год раньше смерти отца своего, Андрея Александровича Московского. Остался у Георгия лишь один наследник, его сын Димитрий Георгиевич, еще маленький, четырех лет и двух месяцев от роду. А князь Иоанн Данилович достиг полной зрелости, и одарил его бог добрым разумом и пре-

---

* То есть в 1283 году. — *Переводчик.*

мудростью, был он благодарным и верным, благочестивым и нищелюбивым, как сосуд золотой, полный доброго и чистого бисера. И взял он к себе Димитрия Юрьевича, князя Суздальского и Владимирского, родственника своего, к себе и воспитал его, добру поучая, а город Суздаль и Владимир принял под свою же державу, во владения Московские.

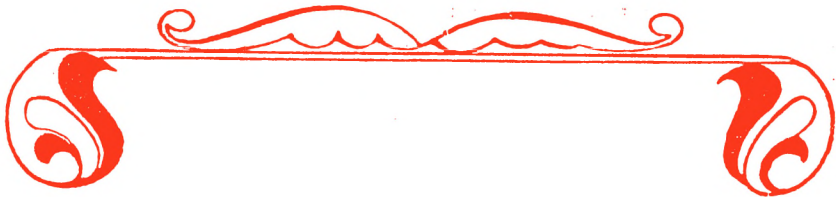
В те же времена при верном владыке и благочестивом князе Иоанне Даниловиче Московском в 6813 году* в двадцать второй день марта прибыл из Киева-города в Москву по божьему благоволению преосвященный митрополит Петр и благословил князя и нарек его великим князем Московским и всея Руси. И пророчествовал митрополит Петр о городе Москве так: „По божию благоволению будет град сей высоко царствующим, распространится он, и устроен в нем будет дом всемогущей и живоначальной святой троицы и пречистой пресвятой богородицы. И церковей божиих будет множество, и монастырей святых без числа многое множество. И назовут сей град вторым Иерусалимом. И многими державами будет обладать он. Не только по всей России, но и по всем странам прославится, на восток, на юг и на север. И завладеет многими ордами от студеного океана и до теплого моря. И вознесется власть высокая, богом дарованная, отныне и до скончания мира“.

Князь же великий Иоанн Данилович поручил митрополиту Петру пасти церковь божию, престол господя бога и спаса нашего Иисуса Христа, дом всемогущей и живоначальной святой Троицы и пречистой богоматери. И был поставлен он митрополитом Московским и всея Руси. И прославили все жители господя бога и спаса нашего Иисуса Христа, пречистую богородицу, и всех святых. И воздали хвалу богу, в троице прославляемому, совершив молебное пение. И с того времени названо было и прославилось имя твое, отца и сына и святого духа, ныне и вовеки. Аминь.

---

* То есть в 1305 году. — *Переводчик.*

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ¹

Повесть, весьма удивительная и истинная, о случившемся в нынешние дни, как человеколюбивый бог являет человеколюбие свое народу христианскому

Хочу я вам, братия, рассказать эту поразительную, исполненную страха и ужаса и несказанного удивления достойную повесть о том, как долго-терпелив человеколюбивый бог, ожидая обращения нашего, и как он невыразимыми своими путями приводит ко спасению.

Было это в наши дни, в 7114 году, * когда за многие грехи наши навел бог на Московское государство богомерзкого отступника и еретика Гришку-расстригу Отрепьева, который похитил престол Российского государства как разбойник, а не по царскому праву. Тогда по всему Российскому государству размножилась нечестивая Литва и многий вред и разорение народу российскому на Москве и по городам творила. И от этого литовского разорения многие люди дома свои оставляли и из города в город переходили.

В это время в городе Великом Устюге² был некто из жителей города того, по имени Фома, по прозвищу Грудцын-

---

* То есть в 1606 году. — *Переводчик.*

Усов. Род его и поныне в городе том продолжается. И вот этот Фома Грудцын, видя в России большое неустройство и нестерпимые беды от нечестивых ляхов и не захотев жить там, оставляет великий город Устюг и дом свой и переселится с женою своею в понизовый царственный город Казань, затем что не было в понизовых городах нечестивой Литвы. И жил тот купец Фома с женою своею в городе Казани вплоть до царствования благочестивого и великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Руси самодержца.

Был у того купца единственный сын по имени Савва, двенадцати * лет от роду. Имел тот Фома обыкновение заниматься торговлею, совершая путь вниз по Волге-реке то к Соли Камской, то в город Астрахань, а иной раз отъезжал он по торговым делам и за Хвалынское море во владения шаха.⁸ К этому он и сына своего Савву приучал, наставляя его прилежно заниматься торговым делом, чтобы мог сын по смерти родителя стать наследником имущества его.

Некоторое же время спустя захотел купец Фома отплыть для торговли во владения шаха и снарядил струги с товарами, как положено, к плаванию. А сыну своему приказывает он, снарядив суда с надлежащими товарами, плыть к Соли Камской и там заниматься купеческим делом со всяким старанием. И вот, облобызав по обычаю жену и сына своего, отправляется он в путь, а помедлив несколько дней, и сын его Савва на снаряженных судах по повелению отца своего отправляется в плавание к Соли Камской.

И как достиг Савва усольского города Орла, тотчас пристаёт он к берегу и по наказу отца своего останавливается в гостинице у некоего известного человека. Хозяин же гостиницы с женою своею, памятуя любовь и милость отца Саввы, немало заботились о нем и опекали его, словно своего сына. И пробыл он в гостинице немалое время.

В том же городе Орле проживал некий гражданин по имени и прозвищу Бажен Второй, уже престарелый годами и известный по многим городам добродетельной жизнью

---

* Так в рукописи. — *Переводчик*.

своей. Был он очень богат и давно знаком и дружен был с Саввиным отцом, Фомой Грудцыным. Узнал Бажен Второй, что сын Фомы Грудцына из Казани в их городе находится, и подумал: „Отец со мною в любви и дружбе был, а ныне я пренебрег сыном его. Возьму же я его в дом свой, и пусть он живет у меня и питается вместе со мной от стола моего“.

И по задуманному, встретив Савву однажды на улице, подозвал его и говорит: „Друг мой Савва, разве ты не знаешь, что отец твой со мною в любви и дружбе был? Зачем же пренебрегаешь ты мною и не остановился в доме моем? Хоть ныне меня послушайся: приди и живи в доме моем, и будем питаться мы за общим столом. Я ведь за любовь отца твоего приму тебя все равно как сына“. Савва, услышав такие его речи, сильно обрадовался, что такой известный человек хочет принять его, и низкий поклон отдал ему. Немедля переходит он из гостиницы в дом Бажена Второго и живет там во всяческом благоденствии, радуясь.

Тот Бажен Второй уже стариком женился в третий раз на молодой девице. И вот супостат-дьявол, ненавидящий благо рода человеческого, видя добродетельную жизнь того мужа и желая внести смуту в дом его, соблазняет жену старика на грех любовный с юношей. И непрестанно побуждала она юношу обманчивыми речами к падению. Знает ведь женская природа, как вести умы молодых к любодеянию. И, захваченный обманчивою лаской женщины той, а подлинно сказать — завистью дьявола, попал Савва в сеть прелюбодеяния с этой женой. Ненасытно предавался он с нею этому скверному делу, не соблюдая ни воскресных дней, ни праздников, позабыв страх божий и про час свой смертный. Валялся в греховных нечистотах он, подобно свинье, и пребывал, подобно скоту, в ненасытной этой страсти долгое время.

И вот наступил праздник вознесения господя бога нашего Иисуса Христа. В канун праздника взял Бажен Второй с собою юношу Савву, и пошли они в святую церковь к вечерне. А по окончании вечерни возвратились в дом свой и после обычного ужина улеглись каждый на постели своей, возблагодарив бога. И едва лишь добродетельный муж Бажен

Второй крепко заснул, жена его, подстрекаемая дьяволом, поднялась тайно со своего ложа и, подойдя к постели юноши, разбудила его, побуждая к скверне греха любовного. А его, хотя и молод он был, словно стрелою какой пронзил божий страх. Испугавшись суда божия, подумал он: „Как мне в такой божественный день подобное скверное дело совершать?“ И, подумав так, стал с клятвою отступаться от нее, заклиная ее: „Не хочу я вконец погубить душу свою и в такой-то великий праздник осквернить тело свое“. А она, еще больше распалившись ненасытной похотью, все сильнее понуждала его и ласками и угрозами, чтобы исполнил он желание ее. Но, много потрудившись в уговорах, не могла она склонить его к желанию своему, ибо божественная некая сила помогала ему. И, убедившись в том, что не может привлечь к себе юношу, внезапно вспылала лукавая жена к юноше страшной яростью. Как лютая змея, застонав, отошла она от кровати его, и стала думать, как бы волшебными зельями опить его, и желала немедля совершить это злое свое намерение. И как задумала, так и сделала.

Когда же начали звонить к утрени, богобоязненный тот муж Бажен Второй, спешно поднявшись с кровати, разбудил юношу Савву, и пошли они к утрени славить бога. И, отстояв со вниманием и страхом Божиим утрени, вернулись в дом свой. Когда же наступило время божественной литургии, пошли они вновь с радостью в святую церковь славить бога. А проклятая жена тщательно приготовила волшебное зелье для юноши, желая, словно змея, излить на него яд свой. По окончании божественной литургии, когда Бажен Второй и Савва, выйдя из церкви, направлялись в дом свой, воевода города пригласил Бажена Второго отобедать с ним. Спросил воевода и о юноше, чей он сын и откуда. А тот сказал ему, что из Казани он, Фомы Грудцына сын. Тогда воевода приглашает и юношу в дом свой, ибо хорошо знал отца его. И, побыв в доме воеводы, угостившись по обычаю за общим столом, вернулись они с радостью в дом свой.

Придя домой, приказал Бажен Второй принести немного вина, чтобы выпить среди домашних своих в честь господнего праздника. И не знал он ничего о лукавом умысле жены

своей; а она, словно злая ехидна, скрывает злобу в сердце своем и обращается с ласкою к юноше. Как принесли вино, тотчас наливает она чашу и подносит мужу своему. Он выпил, возблагодарив бога. Потом, наливши опять, сама выпила. И тотчас же наливает она приготовленное с отравою зелье и подносит юноше Савве. А он, ничего не зная о злом умысле, не боясь лукавства той жены, выпивает лютое зелье без размышления. И вот словно огонь загорелся в сердце его, и подумал он про себя: „Много было различных вин в доме отца моего, а никогда не пивал я такого питья, как теперь“. И после того питья начал он тужить сердцем и скорбеть по жене. А она, словно львица лютая, с яростью смотрела на него, и неприветлив был взор ее. И, сокрушаясь, тужил он о ней сердцем. А она стала перед мужем своим клеветать на юношу, говорить нехорошие о нем слова, и приказывает выгнать его из дому. Добродетельный муж, хотя и жалел сердечно юношу, однако, поверив женскому обману, приказывает юноше уйти из дому своего, сославшись на некую причину. И с великим сожалением и печалью на сердце ушел юноша из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене.

И пришел он опять в гостиницу, где раньше проживал. А хозяин спрашивает его, по какой причине ушел он из дому Бажена. И сказал Савва, что сам не захотел жить у него: „Потому голодно было“. А сердцем все скорбел и тужил он по жене той неутешно. И стал он сохнуть от великой печали, и увядала красота лица его. А хозяин видел, что юноша нездоров и печален, но недоумевал, с чего это стало.

Был в том городе волхв который чарами волшебства своего угадывал, с кем какая беда случится и кому жить или умереть. Благоразумный хозяин гостиницы с женою своей, немало заботясь о юноше, призвали тайно волхва, желая узнать от него, что за болезнь у юноши. Пришел волхв и, посмотрев в волшебные свои книги, сказал им истину, что никакой болезни у юноши нет, только тужит он по жене Бажена Второго, ибо был с ней в грехе, а теперь, в разлуке с нею, от печали по ней сокрушается. Хозяин с женой, услышав это от волхва, не поверили и не

придали тому значения, ибо был Бажен Второй человеком благочестивым и боявшимся бога. А Савва все тужил и скорбел о проклятой той женщине и день ото дня телом худел с той печали, будто бы какой тяжелой болезнью болея.

Однажды вышел Савва за город на поле прогуляться от большого уныния и скорби. Шел он один по полю и никого не видел ни перед собою, ни сзади себя. И ни о чем другом не думал он, как только о печали своей от разлуки с женою Бажена. И явилась в уме его злая мысль: „Если бы кто-нибудь из людей или сам дьявол сделал теперь так, чтобы сойтись мне опять с женою той, послужил бы я дьяволу“. Так подумал он, идучи один, словно в исступлении ума. И, немного пройдя еще, услышал за собою голос, называющий его по имени. Обернувшись, видит он за собою юношу в богатой одежде. Быстро идет тот, машет рукой, просит обождать его. Остановился Савва, поджидая к себе того юношу. И подошел к Савве юноша этот, а подлинно сказать — супостат-дьявол, что постоянно рыщет, ища погибели человеческой. И когда подошел он к Савве, поклонились они друг другу по обычаю. И сказал подошедший Савве: „Брат Савва! Что ты, словно чужой, бегаешь от меня? Я уж давно ждал тебя к себе, ждал, что придешь ко мне и будем мы жить с тобою по-родственному. Я давно уже знаю о тебе, что ты из рода Грудцыных-Усовых из города Казани. А если хочешь знать, и я из того же рода, из города Великого Устюга. Давно проживаю здесь для покупки коней. И уж раз по рождению брата мы с тобою, то будь ты мне брат и друг и не отлучайся от меня, а я во всем буду рад помочь тебе“. И, услышав от мнимого брата, а подлинно сказать — от беса, таковые речи, очень Савва обрадовался, что в такой дальней, незнакомой стороне нашел себе сродника. И крепко целовались они, а затем пошли вместе по пустынному полю тому.

И говорит бес Савве: „Брат Савва! Какая в тебе болезнь, что так совсем исчезла юношеская красота твоя?“ И Савва, лукавя всячески, начал рассказывать ему о том, что приключилась ему некая тяжелая болезнь. Бес же, усмехнувшись, сказал ему: „Да что ты скрываешь от меня? Ведь я знаю

болезнь твою. Но что дашь ты мне, если я помогу болезни твоей?" И сказал Савва: „Если ты действительно знаешь истинную болезнь, что ношу я в себе, тогда поверю тебе, что можешь помочь мне“. Бес же говорит ему: „Ты сокрушаешься сердцем своим по жене Бажена Второго, затем что лишен любви ее. Но что мне дашь, если я опять сведу тебя с нею и будет она любить тебя?" И сказал Савва: „Я тогда весь товар и имущество отца моего, что здесь со мною, все отдам тебе вместе с прибылью. Только сделай так, чтобы попрежнему мне быть с той женщиной“. Бес, рассмеявшись тут, говорит ему: „Зачем ты искушаешь меня? Я знаю, что у отца твоего действительно много богатств; но знаешь ли ты, что мой отец в семь раз богаче отца твоего. И что мне в твоём товаре? Но дай мне на себя грамоту некую небольшую, и я тогда исполню желание твое“. Юноша обрадовался, подумав: „Богатство отца моего будет цело; а я дам ему грамоту, все, что прикажет написать“. А не знал он, в какую беду себя повергает. Ведь он еще настоящему ни писать не умел, ни склады разбирать. О безумство юноши! Как опутан он обманом женским, и ради того к какой идет гибели! И когда бес произнес обращенные к юноше речи, тот с радостью обещался дать грамоту. Мнимый же брат, а подлинно сказать — бес, быстро вынув из кармана чернила и бумагу, подает их юноше и приказывает ему немедленно написать грамоту. А юноша Савва, еще не умевший писать как следует, стал писать за бесом несмысленно, и этою грамотой отрекся он от Христа, истинного бога, и предал себя в услужение дьяволу. Написав же эту богоотступную грамоту, отдает ее дьяволу, мнимому своему брату. И затем пошли они вместе в город Орел.

И спросил Савва беса: „Скажи мне, брат мой, где ты живешь, чтобы знал я твой дом“. Бес рассмеялся и говорит ему: „А особого дома нет у меня; где случится, там и ночую. Если же хочешь видеться со мною почаще, то ищи меня всегда на конной площади. Я ведь, как и сказал тебе, проживаю здесь для покупки коней. Но я и сам не поленюсь посещать тебя. Ныне же иди к лавке Бажена

Второго; знаю, что с радостью вновь призовет он тебя в дом свой жить“.

Обрадованный, поспешил Савва по совету брата своего дьявола к лавке Бажена Второго. И как увидел Бажен Савву, начал усердно приглашать его к себе, говоря: „Господин Савва, какое зло сотворил я тебе, и зачем ушел ты из дому моего? Прошу тебя, приди теперь опять жить в дому моем. Я же за любовь отца твоего сердечно рад тебе, будто собственному своему сыну“. И Савва, лишь услышал от Бажена такие слова, исполнился радостью несказанною и пошел скорее в дом Бажена Второго. Когда пришел юноша, жена Бажена, видя его, подстрекаемая дьяволом, радостно встречает его, и приветствует ласково, и целует его. И пойманный женскою лестью, а дьяволом прежде всего, вновь попадает юноша в греховные сети с проклятою женщиной той, и опять не помнит он ни праздников, ни воскресных дней, не имеет страха божия, ибо, ненасытный, постоянно с ней в нечистотах греха, словно свинья, валялся он.

Многое время спустя дошел вдруг слух до матери Саввы в знаменитый город Казань, что сын ее живет непотребно и непорядочно и все, что было с ним из отцовских товаров, истощил он в разврате и пьянстве. Мать его, слышавши то о сыне своем, сильно огорчилась и пишет к нему письмо, чтобы возвратился он оттуда в город Казань в дом отца своего. И когда пришло к нему письмо, посмеялся он, прочитавши его, и не внял ему. А она опять посылает к нему и второе и третье письмо, и с мольбой его просит, и клятвами закликает, дабы немедленно ехал оттуда в город Казань. Савва же не послушал нимало материнской просьбы и клятв, не придавал значения им, только попрежнему предавался страсти блудной.

Некоторое же время спустя взял бес Савву с собою, и пошли они опять за город Орел в поле. И как вышли они из города, говорит бес Савве: „Брат Савва, знаешь ли, кто я? Ты, верно, полагаешь, что я из рода Грудцыных. Но это не так. Ныне скажу я тебе за любовь твою всю правду. А ты не пугайся и не стыдись звать меня братом своим. Я ведь истинно братски полюбил тебя. Если же хочешь

знать: я царский сын. Впрочем, пойдем, и покажу я тебе славу и богатство отца моего“. И, говоря так, привел он его в пустынное место на некий холм и показал ему оттуда в долине город великолепный — стены и кровли и мостовые все из золота чистого блистают. И сказал ему: „Город тот — творение отца моего! Идем же и поклонимся вместе отцу моему. А грамоту, что дал ты, ныне возьми у меня и сам вручи ее отцу моему. И великой честью будешь за то почтен от него“. Сказав так, отдает бес Савве богоотступную его грамоту. О безумство отрока! Не знает он того, что нет никакого царства поблизости от Московского государства, но все те места во власти царей Московских. Если бы положил тогда он на себя крестное знамение, все бы те мечты дьявольские как тень исчезли!

И пошли они к привидевшемуся городу тому. Когда же приблизились к городским воротам, встречают их юноши обличем темные, в одеждах златотканых и с золотыми поясами, и кланяются, честь воздавая сыну царскому, а подлинно сказать бесу, также и Савве кланяются. Когда же вошли они на царский двор, снова встречают их иные юноши, в одеждах, блистающих еще более, и так же кланяются им. А как вошли в палаты царские, тотчас встречают их другие юноши, один другого достоинством и одеждой превосходнее, и воздают они достойную честь сыну царскому и Савве. И, войдя в палату, бес говорит: „Брат Савва, подожди меня немного здесь. Я же пойду, возведу о тебе отцу моему и введу тебя к нему. Когда же будешь перед ним, не размышляя и не боясь ничего, подай ему грамоту свою“. И, сказав так, пошел он во внутренние палаты, оставив Савву одного. Пробыв там недолго, выходит он к Савве и, взяв за руку, вводит его пред лицо князя тьмы.

Сидит тот на престоле высоком, камнями драгоценными и золотом изукрашенном. И весь блистает он славой великой и одеянием своим. Вокруг же престола его видит Савва множество стоящих юношей крылатых. И одни из них лицом сини, другие багряны, иные ж черны, как смола. Представ пред царем, Савва пал на колени и поклонился ему.

И спросил его царь: „Откуда пришел ты сюда, и что у тебя за дело?“ И безумный тот юноша подносит ему свою грамоту богоотступную, говоря: „Пришел я, великий царь, чтобы послужить тебе“. Древний же змий-сатана, взяв грамоту, прочитал ее и, оглянув темноликих воинов своих, произнес: „Хотя и приму я этого юношу, но не знаю, предан ли будет мне или нет“. И, подозревая сына своего, мнимого брата Саввы, сказал ему: „Иди в другие палаты и отобедай там с братом своим“. И вот, поклонившись царю, вышли в прежнюю палату и стали обедать. И столь несказанные благоуханные яства и напитки приносили им, что дивился Савва, говоря: „Никогда в доме отца моего таких яств я не знал и вин не пил“.

По насыщении же взял бес Савву за руку, и пошли они со двора царского. И когда вышли они из города, спрашивает Савва брата своего, беса: „Что это, брат мой, за юноши крылатые, стоявшие вокруг престола его?“ А бес, улыбаясь, отвечает ему: „Разве не знаешь ты, что разные народы служат отцу моему: и индийцы, и персы, и другие многие? Не удивляйся ж этому и, не сомневаясь, зови меня братом своим: и буду я тебе меньший брат. Только одно скажу тебе: во всем будь послушен мне; я же всякое благодеяние рад устроить тебе“. И обещался Савва во всем быть послушным ему. Договорившись так, пришли они назад в город Орел. И, оставивши Савву, бес удаляется. А Савва вернулся в дом Бажена и совершал прежнее свое скверное дело.

В то же время возвратился в город Казань из Персии с большою прибылью отец Саввы Фома Грудцын и, как подобает, по обычаю облобызав жену свою, спрашивает ее о сыне своем, жив ли он. И она сообщает ему: „От многих слышу о нем. По отбытии твоём в Персию отправился он к Соли Камской, а оттуда в город Орел. Там и доньше живет он жизнью непотребною. Все богатство наше, говорят, истощил в пьянстве и разврате. Много я писала ему о том, чтобы возвратился оттуда в дом наш, а он никакого ответа не дал мне. И поныне там пребывает. А жив он или нет, о том не ведаю“. Фома, услышав такие речи от

жены своей, сильно смутился духом и тотчас написал послание к Савве, всячески умоляя его ехать оттуда без всякого промедления в город Казань: „Чтоб мог я увидеть, — писал, — красоту лица твоего, чадо мое, затем что давно не видал уж тебя“. Савва, получив и прочтя то послание, не внял просьбам и не подумал ехать к отцу своему, но, как и прежде, пребывал в ненасытном разврате. И Фома, видя, что нет успеха от письма его, приказывает немедленно готовить струги с надлежащим товаром и в путь отправляется к Соли Камской. „Сам, — говорит, — отыщу и верну своего сына в дом свой“. А бес, когда узнал, что отец Саввы путь принял к Соли Камской, чтобы Савву взять в Казань, говорит Савве: „Брат Савва, до коих пор нам здесь в одном невеликом городе жить? Поедем мы с тобой в другие города, погуляем, а после сюда возвратимся“. Савва в том не перечил, только сказал ему: „Ладно говоришь, брат, поедем; но подожди немного, я возьму из казны моей несколько денег на дорогу“. А бес ему воспрещает: „Разве не видел ты славы отца моего и не знаешь, что везде есть селения его. Куда ни приедем, везде будет денег у нас сколько надобно“. И вот поехали они из города Орла, и никто не знал, ни сам Бажен Второй, ни жена его, об отъезде Саввы.

Оказались бес и Савва за одну ночь на реке Волге в городе Козьмодемьянске,⁴ что на расстоянии более двух тысяч поприщ от Соли Камской. И говорит бес Савве: „Если кто тебя знающий увидит здесь и спросит, откуда прибыл ты, говори: „Из Соли Камской за три недели добрался сюда“. И Савва, как бес наказал, так и сказывал. Пробыли они в Козьмодемьянске несколько дней.

И вдруг снова бес, взяв Савву, за одну ночь оказался с ним из Козьмодемьянска на реке Оке в селе Павловом Перевозе. Прибыли они туда в четверг, а в этот день в селе бывает торг. И когда ходили они по торгу, увидел Савва некоего престарелого нищего. Стоит он, одетый в скверное рубище, смотрит на Савву пристально и плачет. Савва же отлучился немного от беса и приблизился к старцу, желая узнать о причине слез его. И, подойдя, сказал старцу: „Какая печаль, отец, у тебя, что неутешно так плачешь?“ А тот нищий

святой старец ему отвечает: „Плачу, чадо, о погибели души твоей, ибо не ведаешь, что погубил ты душу свою и добровольно предал себя дьяволу. Знаешь ли, чадо, с кем ныне ходишь и кого братом своим называешь? То не человек, а дьявол ходит с тобою и ведет тебя к пропасти адской“. Когда произнес старец такие слова, оглянулся Савва на мнимого брата своего, подлинно же сказать — на беса. А тот стоит вдалеке и грозитя Савве, зубами своими скрежещет. И, поспешно покинув святого старца, вернулся вновь юноша к бесу. Дьявол же стал поносить его, говоря: „Зачем ты с этим злым душегубцем беседовал? Не знаешь разве, что лукавый старик многих так губит? Видит он на тебе одежду богатую и хочет тебя увести от людей обманными речами, задушить тебя и обобрать платье твое. Но не оставлю более тебя одного, не то быстро погибнешь без меня“. И, сказавши так, с гневом уводит он Савву отсюда и направляется с ним в город Шую. Там пробыли они некоторое время.

А Фома Грудцын-Усов, прибыв в город Орел, спрашивает о сыне своем, и никто не может ему о том сказать. Все видели, как до приезда его сын его ходил по городу, а куда внезапно он скрылся, никто не знает. Некоторые говорили Фоме: „Испугался приезда твоего, потому истощил он здесь все богатство твое; затем и скрылся“. Более же всех Бажен Второй с женою своею удивлялись, говоря: „Ночью спал у нас, утром пошел куда-то. Ждали мы его обедать, а он с той поры нигде не появлялся в нашем городе. И куда скрылся он, того ни я, ни жена моя не ведаем“. И Фома, обливаясь горькими слезами, жил здесь, ожидая сына своего. И, в тщетной надежде немало прождав его, вернулся в дом свой. Известил он о нерадостном случае жену свою, и вместе тосковали и печалились они о лишении единственного сына своего. С такой печали Фома Грудцын, прожив еще некоторое время, к богу отошел. И осталась жена его вдовою.

А бес с Саввою жили в городе Шуе. В то время благочестивый великий государь, царь и великий князь всея Руси Михаил Феодорович изволил послать войско свое

против короля польского под город Смоленск.⁵ И по его царскому указу по всей России набирали солдат-новобранцев.⁶ В город Шую для солдатского набора прислан был из Москвы стольник Тимофей Воронцов⁷ и учил там солдат-новобранцев ежедневно воинскому артикулу. И ходили бес с Саввой смотреть на их учения. Говорит Савве бес: „Брат Савва! Хочешь ли ты послужить царю? Запишемся и мы в солдаты?“ А Савва отвечает: „Ладно говоришь, брат. Послужим“. Так записались они в солдаты и начали вместе ходить на ученье. И бес в воинском искусстве такую премудрость даровал Савве, что он стал превосходить в том и старых воинов и начальников. Сам же бес, как слуга Саввы, ходил за ним и носил оружие его.

Когда же привели солдат-новобранцев из Шуи к Москве и отдали их в ученье некоему немецкому полковнику, тот полковник, придя посмотреть новобранцев-солдат на учении, тотчас заметил юношу, который, несмотря на свои молодые годы, в науке воинской весьма изрядные познания имеет, никаких ошибок во всем артикуле не делает и многих старых воинов и начальников в том превосходит. Удивился тут полковник острому уму его и, призвав к себе, спросил, кто он по рождению. Сказал Савва ему всю правду. Полковнику сильно полюбился Савва, назвал полковник его сыном своим, дал ему с головы своей шляпу с драгоценными камнями и поручает ему три роты солдат-новобранцев, чтобы вместо него выстраивал их Савва и обучал. Бес же тайно шепчет Савве: „Брат Савва! Если будет у тебя недостаток в деньгах, чем ратных людей жаловать, скажи мне, и я принесу тебе, сколько надобно, чтобы в команде твоей ропота и жалоб на тебя не было“. Таким образом, все солдаты у Саввы в постоянной тишине и покое пребывали; а в прочих ротах разговоры и возмущенье постоянно бывали, ибо с голода и от наготы гибли там солдаты, жалованья не получая. У Саввы же пребывали солдаты в полном довольстве, и дивились все уму его.

После же некоего случая дошло известие о нем и до самого царя. В то время немалую власть на Москве имел шурин царский, боярин Семен Лукьянович Стрешнев.⁸

Узнавши про Савву, приказывает он привести Савву к себе.

И когда тот пришел, сказал боярин ему: „Хочешь ли, юноша, чтобы принял я тебя в дом мой, и тем окажу тебе честь немалую?“ А тот поклонился и отвечал: „Есть, государь мой, брат у меня: спрошу его. Если повелит он мне, то с радостью буду служить тебе“. Боярин не стал тому противиться, отпустив его, чтобы мог спроситься у брата своего. Савва же, возвратясь, поведал о том мнимому брату своему, бесу. И ответил ему бес с яростью: „Зачем ты хочешь пренебречь царской милостью и служить холопу его? Ты и сам ныне в том же ряду стоишь, ибо самому уже царю стал известен. Нет, не быть тому; но послужим прямо царю. И когда царь узнает верную службу твою, тогда и в чине возвысит он тебя“.

По царскому же повелению все солдаты-новобранцы розданы были по стрелецким полкам в пополнение. А Савва поставлен был на Сретенке, в Земляном городе, в Зиминном приказе,⁹ в доме стрелецкого сотника по имени Яков Шиллов.¹⁰ И сотник со своей женой, люди благочестивые и благонравные, видя способности Саввы, весьма почитали его. А полки на Москве были уже в полной к походу готовности.

В один из дней пришел бес к Савве и сказал ему: „Брат Савва! Пойдем прежде полков в Смоленск; посмотрим, что делают поляки, как укрепляют они город и боевое снаряжение устраивают“. И за одну ночь оказались они из Москвы в Смоленске и пробыли в нем три дня и три ночи, никем не видимы. Сами же они всё видели, наблюдая, как поляки город укрепляют и к местам приступа разные гранаты доставляют. А на четвертый день бес объявил себя и Савву полякам в Смоленске. Поляки, увидав их, сильно заволновались и погнались за ними, стремясь изловить их. Бес же с Саввой, быстро выбежав из города, прибежали к реке Днепру, и расступилась мгновенно перед ними вода. И перешли они реку, словно по суху. А поляки хотя и сильно стреляли по ним, но никакого вреда не причинили им. И, дивясь, говорили они: „То бесы в образе человеческом

приходили в город наш“. А Савва и бес пришли назад в Москву и остановились у того же сотника Якова Шилова.

Когда же по указу государеву пошли полки от Москвы под Смоленск, тогда и Савва с братом своим пошли в полках; во главе ж всех полков был тогда боярин Федор Иванович Шеин. И в пути сказал Савве бес: „Брат Савва! Когда будем под Смоленском, выедет тогда от поляков из города исполин на поединок и станет вызывать себе противника; ты не бойся ничего, выйди против него. Знаю я и говорю тебе, что ты сразишь его. А на другой день снова от поляков выедет другой исполин на поединок, ты выйди опять и против того. Знаю, что и того поразишь. И на третий день выедет из Смоленска третий воин; ты же не бойся ничего, выходи и против того, и его сразишь. Однако и сам будешь ты ранен им; но я рану твою быстро излечу“. Так наставлял его бес. И пришли они под Смоленск и стали в удобном месте.

И, по слову бесовскому, выслан был из города некий воин вида страшного. Ездил он на коне, искал из московских полков противника себе. Но никто не осмеливался выйти против него. Тогда объявляется Савва перед полками и говорит: „Если б был у меня добрый боевой конь, я бы вышел на бой против неприятеля этого царского“. И друзья его, услышав такие слова, немедля известили о том боярина. И боярин приказал привести Савву к себе и велел ему дать коня отличного и оружие. А сам думал, что вскоре юноша найдет погибель от такого страшного исполина. И Савва, по слову брата своего беса, ничуть не размышляя и не боясь, выезжает против польского богатыря и, стремительно поразив его, вскоре приводит его с конем в полки московские. И восхваляли все Савву. А бес ездил за ним, услужал ему и носил оружие его. На второй день опять из Смоленска выезжает известный воин в поисках противника себе из войска Московского. Снова выезжает против него тот же Савва и поражает его. И дивились все храбрости его. А боярин разгневался на Савву, но скрывал злобу в сердце своем. А на третий день еще выезжает из города Смоленска некий воин, славнее первых, также ищет и вызывает себе

противника, а Савва же хотя и боялся ехать против этого страшного воина, однако, по слову бесовскому, немедленно выезжает и против него. И, внезапно напав на Савву со всею яростью, ранил поляка его в левое бедро. Но Савва, оправившись, нападает на поляка и убивает его. И притащил он поляка вместе с конем в стан свой, чем немалый позор навлек на смолян, а все российское воинство в удивление привел. Потом поляки стали из города делать вылазки. И войско с войском, сойдясь, стали биться врукопашную. А где Савва с братом своим сражались, на той стороне поляки бежали от них без оглядки, тыл показывая. Так бесчисленное множество поляков поражали они, а сами оставались невредимы от них.

Боярин, слыша о храбрости юноши, уже не мог скрыть тайного гнева в сердце своем. И вот немедля призывает он Савву в свой шатер и говорит ему: „Скажи мне, юноша, какого ты рода и чей ты сын?“ И Савва сказал ему, что он из Казани, Фомы Грудцына-Усова сын. И начал боярин поносить его всякими нехорошими словами, говоря ему: „Какая нужда заставляет тебя смерти искать? Знаю я, что отец и сродники твои богатство имеют бесчисленное. Из-за какого же гонения или оскудения пришел ты сюда, оставив родителей своих? Однако скажу тебе: не задерживайся здесь, но иди в дом родителей своих и там, благоденствуя, пребывай с родителями своими. А если меня не послушаешь и услышу, что здесь останешься ты, то без всякого милосердия погибнешь здесь, ибо прикажу отсечь тебе голову“. Сказал так боярин юноше и в ярости удалился. А юноша в большой печали ушел из шатра.

Как отошли они от шатра, сказал Савве бес: „Что ж ты так печалишься? Если не угодна оказалась здесь служба наша, то возвратимся в Москву и останемся там“. И вскоре вернулись они из Смоленска в Москву и остановились снова в доме сотника Якова Шилова. И бес, пребывая днем вместе с Саввой, на ночь уходил от него в свои адские жилища, где спокон века имеют обыкновение пребывать окаянные. И по прошествии немалого времени вдруг разболелся Савва. Тяжка была болезнь его, и был он почти при смерти. А бла-

горазумная и богобоязненная жена сотника всячески опекала Савву и заботилась о нем. Не раз уговаривала она Савву, чтобы велел он позвать иерея, исповедал грехи свои и причастился святых таин. „Вдруг, — говорит, — от такой тяжелой болезни без покаяния умрет“. А Савва все отказывается: „Хотя, — говорит, — и тяжело болею, но не смертельна болезнь моя“. Но день ото дня становилась тяжелее его болезнь. А та женщина неотступно продолжала упрашивать Савву покаяться: „Избежишь тем, говорит, смерти“.

И вот, убежденный богобоязненной женщиной, Савва приказывает позвать к себе иерея. Жена сотника, не откладывая, посылает в храм святого Николая, что в Грачах, и велит позвать священника из той церкви. Священник же без промедления прибыл к больному. Был иерей тот в летах престарелых, муж весьма искусный и богобоязненный. Придя к больному, начал он произносить молитвы покаянные, как то положено.

И когда все люди вышли из горницы и священник начал исповедовать больного, внезапно видит больной, как в горницу вошла целая толпа бесов. Мнимый брат его, а подлинно сказать — бес, пришел с ними уже не в человеческом образе, а в природном своем, зверовидном. Стоя позади толпы бесов, смотрел он с великою яростью и скрежетал зубами, показывая Савве богоотступную грамоту, которую дал ему Савва близ Соли Камской. И говорит больному бес: „Видишь ли, клятвопреступник, что это такое? Не ты ли это писал? Иль ты полагаешь, что покаянием освободишься от нас? Нет, не надейся на то; я ведь ринусь на тебя со всею своею силою!“ И много иных непотребных речей говорили бесы. А больной, видя все то воочию, то ужасался, то надеялся на силу Божию и обо всем в подробностях исповедовался иерею. Священник же, хотя и был муж святой, однако испугался, затем что не видно было в горнице никого, кроме больного, но слышен был шум великий от того бесовского сборища. С великим трудом исповедал он больного и удалился в дом свой, никому ни о чем не сказав.

После же исповеди напал на Савву нечистый дух и начал немилосердно мучить его. То бил его об стену, то

сбрасывал с постели на пол, то давил его с храпом и пеною и иными муками истязал его. А названный богобоязненный муж, сотник, с благонравной женой своей, видя такое внезапное нападение дьявола на юношу и невыносимые мучения его, глубоко о нем сожалели и испускали вздохи от глубины сердца своего, но не могли никакой помощи ему подать. А бес нападал на больного день ото дня жесточе, мучил его и на всех тут находившихся большой страх наводил.

Наконец хозяин дома того, наблюдая такое необычное с юношей происшествие и особенно зная, что юноша был известен самому царю своею храбростью, стал думать с женой своей, как бы известить о том царя. Была у них одна родственница, находившаяся в доме царском. И, подумав о том, посылает сотник немедленно жену свою к этой родственнице, прося ее обо всем подробно известить, чтобы родственница донесла обо всем немедля царю. „А вдруг, — говорит, — умрет юноша от такого бедственного случая, а с нас взыщет царь за неизвещение“.

И жена его безо всякого промедления поспешила к родственнице своей и рассказала ей, что наказывал муж, все по порядку. Родственница, услышав такие речи, умилилась в душе, соболезнуя юноше, но еще более опасаясь за своих родичей, чтобы и вправду не было им беды от такого случая. И, без промедления направившись из дома своего в царские палаты, извещает она о том ближних советников царских. А вскорости доходит о том известие и до самого царя.

И царь, как услышал о юноше такие вести, изливает милосердие свое на него, приказывая ближайшим своим советникам в час повседневной смены караулов посылать в дом сотника, где лежит больной юноша, по двое караульных. „Пусть смотрят, — сказал, — с прилежанием за юношей, чтоб не ввергнулся он, обезумев от бесовского мучения, в огонь или в воду“. А сам он, благочестивый царь, посылал к больному пищу на всякий день. А как поправится больной, повелевает известить себя. И так все и было. И немалое время пробыл больной в таком бесовском томлении.

А в первый день июля месяца был юноша необычно бесом измучен. И вот, заснув немного после мучений, начал он во сне говорить как наяву, источая слезы из-под закрытых век своих, и сказал следующее: „О всемилостивейшая государыня царица богородица, помилуй, владычица! Не солгу, владычица всех, не солгу, но исполню, как обещался тебе“. А домашние и снабжающие его воины, слыша такие больного слова, удивившись, сказали: „Некое видение он видит!“

И лишь воспрянул больной от сна, приступил к нему сотник с вопросами: „Поведай мне, господин Савва, зачем произнес со слезами во сне такие слова и к кому?“ И снова потекли слезы по лицу его. „Видел я, — говорит, — что подошла к ложу моему жена светозарная, вся сияющая в лучах, в ризе багряной. А с нею два мужа, покрытые сединами; один в архиерейской одежде, а другой в апостольском одеянии. И думаю я, что была та жена не кто иная, как пресвятая богородица, а из мужей один — наперсник господень апостол Иоанн Богослов, а второй — неусыпный страж града нашего Москвы, славнейший из иерархов архиерей божий Петр митрополит. Изображения же их на иконах я хорошо знаю. И сказала мне светозарная та жена: „Что с тобой, Савва, и о чем ты так скорбишь?“ А я сказал ей: „Скорблю, владычица, что прогневил сына твоего и бога моего и тебя, заступницу рода христианского, и за то люто мучит меня бес!“ И она с улыбкой сказала мне: „Что же помышляешь ныне? Как избыть тебе эту скорбь и как тебе выручить рукопись свою из ада?“ А я ей сказал: „Не могу, владычица, разве лишь помощью сына твоего и твоей всесильною милостью!“ Она же сказала мне: „Уж упрошу я за тебя сына своего и бога; только одно слово мое исполни. Ежели избавлю тебя от беды твоей, станешь ли иноком?“ И я те клятвенные слова, что вы слышали, произнес ей во сне. А она вновь сказала мне: „Слышишь, Савва: как придет праздник явления образа моего, что в Казани, явись во храм мой, что на площади у Ветошного ряда. И я пред всем народом чудо явлю на тебе“. И сказав мне это, стала невидима“.

Сотник и приставленные к Савве воины, слышавши произнесенное им, пришли в изумление. И стал сотник с женой своей размышлять, как бы известить о том видении самого царя. И надумали послать за родственницей своей, чтобы известила о том советников в царских палатах, а от них уж дойдет весть к самому царю. Пришла родственница в дом сотника, и рассказали они ей видение больного юноши. А она, услышав, тотчас возвращается к царским палатам и извещает ближних советников, которые немедленно доводят до слуха царя о бывшем Савве видении. А царь, как услышал о том, весьма удивился.

Когда же наступил на восьмой день июля праздник пресвятой богородицы Казанской, был крестный ход со святыми иконами и честными крестами из соборной церкви Успения пресвятой богородицы к церкви Казанской богородицы. На том крестном ходе был и сам великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович, был и святейший патриарх со всем священным собором и множество вельмож. И вот повелевает царь принести болящего Савву к той церкви. И тотчас по повелению царскому принесли его, больного, на ковре к церкви Казанской богородицы и положили его вне церкви, в преддверии.

И едва начали совершать литургию, напал на Савву нечистый дух, и стал злобно мучить его дьявол. И вскричал Савва не своим голосом: „Помоги мне, дева, помоги мне, царица небесная богородица“.

А когда начали петь херувимскую песнь, внезапно загремел с неба голос, подобный грому: „Встань, Савва! И приди сюда в храм мой!“ И он встал с ковра, словно никогда не болел, прошел быстро в храм и пал перед образом пресвятой богородицы, молясь со слезами. И упала тогда сверху из-под купола церковного богоотступная та грамота, что дал Савва у Соли Камской дьяволу, совсем чистая, точно никогда на ней и не было писано. И еще был голос, повторяющий: „Савва, вот рукописание, что ты написал. Исполни же заповедь мою и более не согрешай!“ Он же поднялся, принял грамоту и воскликнул со слезами перед образом: „О преблагословенная мать господня, заступница

рода христианского и молещница за нас перед сыном своим, а нашим богом! Прости мне содеянное и избавь меня от адской пропасти. Я же исполню обещанное мною!" И тогда царь, и патриарх, и все вельможи, бывшие здесь, слыша и видя столь славное чудо, возблагодарили бога и пречистую его мать и весьма подивились такому божию милосердию, что избавил бог его от адской пропасти. По совершении же божественной литургии воздали хвалу господу и отслужили всем священным собором молебствие о явившемся перед всеми чудом.

Потом, проводив святые иконы и честные кресты до соборной церкви, пошел царь в свои царские палаты, радуясь несказанному чуду и благодаря бога. Так же и Савва пошел в дом свой, к названному сотнику Якову Шилову, здоровый, словно он и не болел никогда. И, увидев это, сотник и жена его весьма удивились и благодарили бога за такое его милосердие к роду христианскому.

Савва же, немного прожив еще у сотника и раздав все имущество, что было у него, по церквам и нищим, пошел сам в монастырь Чуда архистратига Михаила, что зовется Чудов монастырь, близ соборной и апостольской церкви честного и славного Успения пресвятой богородицы, постригся там в монашеский чин и стал жить в том монастыре, пребывая в трудах, в посте и молитвах неусыпных, угождая господу. И, прожив так довольно лет, отошел с миром к господу и был погребен в том монастыре.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ
МОНАСТЫРЕ¹

В княжение великого князя Ярослава Ярославича Тверского был у этого великого князя отрок по имени Григорий, который всегда был при нем и был любим им и верен ему во всем; и посылал его великий князь по селам своим для положенных сборов.

И случилось тому отроку быть в селе, называвшемся Едимоново; жил он тут у церковного пономаря по имени Афанасий и увидел у него дочь его, Ксению, девицу весьма красивую, и запала в него мысль жениться на ней. Но боялся он, что навлечет на себя великий гнев князя своего. И сильно печалился он о том, потому что очень ее полюбил. Никому из друзей своих не сказал он о своем замысле, но сам постоянно размышлял, как бы исполнить желание свое.

И однажды, оставшись наедине с отцом ее Афанасием, стал просить, чтобы тот отдал дочь свою за него и чтобы помогал ему во всем. А отец ее сильно смутился этим: „Как же так: приближенный самого великого князя — и вдруг говорит мне такое!“ И не знал пономарь, что ему отвечать на слова отрока. И пошел Афанасий и спросил о том жену и дочь, рассказав им все подробно. Дочь же его, осененная

духом святым, возвестила отцу своему так: „Отец мой! Соверши все так, как он просит. Поскольку обещался он тебе, положишь на волю его, ибо бог повелел это. И будет так“.

Была та девица благочестива и кротка, смиренна и весела, разум имела сильный и жила, соблюдая все заповеди господни, почитая своих родителей и повинуюсь им во всем. С младенчества возлюбила она Христа и следовала его закону, слышав святое писание от отца своего и внимая усердно ему всем сердцем своим.

А отрок еще более того воспалился любовью и неустанно говорил о том отцу ее, дабы не страшился тот: „Я во всем предаюсь тебе и князя упрошу, а ты не бойся“. И так обдумали они всё, чтобы совершить в селе этом брак, обвенчавшись в церкви святого великомученика Дмитрия, а после жить тут, если великий князь разрешит. И, исполнив все то, что было повелено ему от великого князя, возвратился отрок с радостью в город Тверь и все удивлялся про себя тому, что нигде до сих пор не встретил он такой девицы. И не поведал он о том никому.

А девица после этого сказала отцу своему и матери: „Родители мои, не удивляйтесь тому, что вам обещал отрок; хотя он и задумал это, но бог свое совершит: не он будет мне супруг, но тот, кого бог мне пошлет“. И родители ее сильно удивлялись таким речам дочери их.

А помянутый отрок, улучив время благоприятное, припал к ногам великого князя, и молит его в слезах, и извещает его о своем замысле сочетаться законным браком, как ему хотелось того; красоту, и возраст, и разум девицы той изображает. А великий князь, все это услышав, сказал ему: „Если уж захотел ты жениться, то возьми себе жену из вельмож богатых, а не из простых людей, что не имеют ни богатства, ни знатности; чтобы не поносили и не смотрели с унижением на тебя твои родители, бояре и друзья твои; чтобы, презренному всеми, не пришлось тебе удалиться от меня, дабы не подвергать меня стыду“. Однако изо дня в день отрок упрашивал неотступно князя, чтобы разрешил он исполнить его желание и жить в селении. Так же и князь

увещевал его наедине и расспрашивал подробно, почему он желает этого. Он же обо всем рассказал великому князю — и про обещание свое, которое дал там.

И великий князь Ярослав Ярославич по просьбе его повелевает всему быть так, как отроку хотелось, и снарядить судно и все потребное, и людей приготовить там, сколько потребуется для услужения отроку. И, когда приспело время обручения и венчания его, отпускает его в судне по Волге-реке (стояло село близ Волги), а коней обещает прислать вслед за ним по берегу.

И отрок с радостью поклонился великому князю и поплыл в судне по Волге-реке со всеми посланными вместе с ним. А наутро великий князь приказал приготовить себе коня и собраться всем приближенным своим, приготовить собак и соколов, чтобы на охотничью забаву ехать.

В ту ночь великий князь сон видел: будто охотится он в поле и пускает своих соколов на птиц. И когда пустил великий князь любимого своего сокола на птичье стадо, то сокол тот, стадо птиц разогнав, поймал голубку, сияющую красотой ярче золота, и принес ему к бедрам. И, воспрянув от сна, долго думал князь о том, что это значит, но не рассказал о сне никому, только приказал с собою на охоту всех птиц взять.

Так отправился великий князь в ту же сторону, куда и отрок, тешась забавой охотничьей. А был великий князь не женат и молод, так что и двадцатилетнего возраста не достиг еще.

Отрок же, когда приплыл в судне по реке и пристал к берегу, ожидая коней от князя, послал вестника от себя к девице, чтобы все готово было, как положено по обычаю брачному. И девица сказала посланным: „Известите отрока, пусть помедлит там, пока сама не пришлю к нему весть, когда все приготовлено будет; ибо нам о приходе его вести не было“.

И вестники его, возвратясь, передали ему все, о чем им девицей приказано было его известить. Предвидела она великого князя к себе приход и сказала родителям своим: „Сват мой уже приехал, а жених мой не бывал здесь еще, но уже скоро будет; он тешится в поле охотой и задержался

там; но подождем его недолгое время, и придет к нам“. А о имени его никому из родных своих не сказала она, но только приготавлила сама ему почетные дары. И родные ее очень тому дивились, а о женихе, которого ждала она, не знали ничего.

А великий князь не знал того села, но захотел там быть на другой день, чтобы видеть женившегося отрока своего. И заночевал он на охоте (было то село от города Твери в сорока поприщах). И в эту ночь видел он прежний сон и еще сильнее задумался о том, что означает видение. А наутро опять по обыкновению своему охотой тешился.

А отрок, не дождавшись ни вести, ни коней, подумал: „Что, если государь мой, великий князь, раздумает и пошлет за мной, велит мне вернуться назад, а я желанного не достиг еще“. И поторопился он к дому девицы той и приготавливал все, что следовало ему по обычаю. И сели они вместе, ожидая венчания, а отрок торопил все скорее устраивать и дары разносить. Но девица сказала отроку: „Не вели спешить ни с чем, будет у меня еще гость незванный, а лучше он всех званых гостей“.

А великий князь в то время был уже близ села. Увидел он стадо лебедей на Волге-реке и приказал пустить всех своих птиц, соколов и ястребов. Пустил он и сокола своего любимого и поймал много лебедей. А любимый сокол великого князя, заигравшись, полетел к селу. И великий князь погнался за ним. И прискакал в село быстро, все позабыв. А сокол сел на церкви святого великомученика Димитрия Селунского. И повелел князь своим людям спросить про село: чье оно? Поселяне же сказали, что село это великого князя Ярослава Ярославича Тверского, а церковь святого Димитрия Селунского. В то же время множество народа сошлось смотреть, как пойдут на венчание. А князь, услышав это от поселян, приказал своим людям сокола манить; но сокол и не думал слететь к ним, только приглаживал и чистил крылья свои. Сам же великий князь пошел на тот двор, где был отрок его. Был он в дорожном своем платье, ибо не затем ехал, но богу так угодно было решить. И люди, увидев князя,

не узнали его; ибо видели, что приехал он к жениху на конях и с охотниками, но не встретили его.

И сказала девица всем сидящим здесь: „Встаньте все и идите встречать своего великого князя, а моего жениха“. И удивились все.

А великий князь вошел в дом, где сидели отрок и девица. И все встали, и поклонились великому князю, и просили прощения у него, что не знали заранее о приходе его. Но князь повелел им сесть, чтобы видеть жениха и невесту. Девица же тогда сказала отроку: „Отойди ты от меня и дай место князю своему, ибо он знатнее тебя и жених мой, а ты был сватом моим“.

И великий князь увидел девицу прекрасную, лицо же ее как будто сияло в лучах. И сказал великий князь отроку своему Григорию: „Уйди ты отсюда и ищи ты себе другую невесту, где хочешь; а эта невеста мне подходит, а не тебе“, — ибо загорелось сердце его и ум помутился.

И отрок ушел с места своего по приказанию его; а великий князь взял девицу за руку, и пошли они в церковь святого великомученика Димитрия Селунского, обручились и приняли поцелуй во имя Христа, как подобает, и потом в тот же день обвенчались. И была великая радость у князя в тот день до самого вечера. Было то летом, и поселянам разрешил отдыхать он весь тот день и ночь.

И как шел великий князь после венчания из церкви обратно к дому, сокол его любимый, сидящий на церкви, увидев господина своего шедшего с супругою своею, затрепетал, как бы в веселии, взирая на князя. И спросил князь своих сокольничьих: „Слетел ли к вам сокол или нет?“ А они сказали ему: „Не летит с церкви“. И князь, взглянув на него, позвал его своим голосом. Сокол сразу прилетел к великому князю и сел на правой его руке, посматривая на обоих, на князя и на княгиню. Великий же князь отдал его сокольничьему. А отрок одержим был великою кручиною, не ел и не пил. Великий же князь попрежнему очень любил его и жаловал, особливо же просил его избавиться от кручины, рассказав отроку про сны свои: „Как видел я во сне, мол, так то и сбылось божиим изволением“.

И отрок ночью положил свое упование на бога и на пречистую богоматерь: на какой путь захотят они его наставить, так и наставят. И вот снял он с себя платье, подаренное князем, купил себе другую одежду, крестьянскую, оделся в нее, скрытно от всех своих, вышел из селения, так что никто о том не знал, и пошел лесом неведомо куда.

Наутро великий князь удивился, что не видит отрока у себя, и приказал своим боярам прислать его к себе. Долго искали они его и не нашли нигде, только одежду его увидели. Известили о том великого князя. Князь же великий сильно был тем опечален и приказал искать его по всем местам, по реке и в колодцах, испугавшись того, чтобы он не предал сам себя губительной и безвременной смерти. И нигде его не нашли, лишь один поселянин признался: „Купил-де он у меня платье старое, но не велел о том никому говорить и удалился в пустынные места“.

И великий князь приказал искать его по лесам и по дебрям, по пустынным местам, а как найдут, привести к нему. И обошли многие леса, дебри и пустынные места, но нигде не нашли его, ибо бог хранил его. А пробыл князь в селении почти три дня.

Великая же княгиня его Ксения известила великого князя Ярослава Ярославича обо всем происшедшем и с нею и с отроком, как и было прежде описано.

И сильно печалился великий князь об отроке своем, говоря: „Я повинен в смерти его“.

Но княгиня всячески уговаривает его не печалиться, убеждая его: „Богу было угодно, чтобы соединились мы с тобой; если бы не божия воля, то как бы можно было тебе, великому князю, явиться к моей теперешней нищете и взять меня за себя. Не печалься же о том, но возвратись с миром в город свой и возьми меня с собою. Не бойся ничего“. А великий князь все был печален. Вздохнув, прослезился он и вспомнил слова, сказанные им отроку Григорию: „И вот все со мною сбылось, а его уж отныне не увижу“. И возложил свою печаль на бога и на пречистую богоматерь.

Отправил он свою великую княгиню и бояр, которые были с отроком, на судне в город Тверь, приказав боярам

своим беречь великую княгиню, оказывать ей почет и слушаться во всем. Сам же великий князь поехал берегом, по-прежнему предаваясь охотничьим забавам своим. И возвратился он в город Тверь раньше княгини своей. Когда же прибыла и великая княгиня Ксения к городу Твери, великий князь приказал боярам своим с боярынями и всем дворянам и горожанам с женами их выйти для встречи великой княгини. И весь город, услышав волю великого князя, с радостью вышел для встречи: мужчины, и женщины, и младенцы, от мала и до велика, с всякими дарами и приношениями, и встретили ее на берегу у церкви архангела Михаила. Когда же великий князь прибыл в Тверь, послал он всех бояр с каретами, и с такою великой честью встретили ее и поклонились ей. Видя ее красоту, все изумлялись: „Нигде своими глазами не видели мы и слухом своим не слышали о такой благообразной жене, как великая княгиня, что светится, словно солнце среди многих звезд, и сияет среди других женщин города ярче луны и звезд многих“.

Проводили ее в город Тверь с честью великою, с дарами многими на двор великого князя, и были в городе радость и веселье великое, а у великого князя пир на много дней для людей всякого чина, от мала и до велика.

О прежде же упомянутом отроке не было слуха нигде долгое время. Божиим промыслом пришел тот отрок на реку, Тверцой называемую, что от города Твери в пятнадцати поприщах, к бору, и поселился здесь в лесу,² поставив себе на том месте хижину и часовню. И задумал поставить на том месте церковь во имя честного и славного Рождества пресвятой богородицы. Пробыл он тут недолгое время, и однажды нашли его близ живущие люди, ходившие по лесу ради своих потреб. Спрашивали они его: „Откуда ты сюда пришел, как тебя зовут и кто тебе велел тут поселиться в наших местах?“ Отрок же ничего не отвечал им, только кланялся, и ушли они от него восвояси. Он же, пробыв еще немного здесь, ушел и отсюда, решив отойти подальше от города, поскольку узнал от пришедших к нему людей, что город недалеко. И по божьему изволению пришел он в окрестности города Твери, к устью реки Тверцы, и, выйдя на реку

Волгу, увидел, что здесь город Тверь, ибо знал он его хорошо. Возвратился он обратно в лес, но выбрал место немного подалее от Волги на Тверце и начал молиться пресвятой богородице, дабы дала ему свой совет по поводу места, им избранного. И в ту же ночь, как лег он поспать, в легком сне видит он, будто на том месте далеко раскинулось чистое поле, сверкающее как бы в лучах божественных. Воспрянув ото сна, подумал он, что означает это видение? И молился спасу и пресвятой владычице богородице, дабы разъяснила ему знамение. В ту же ночь вновь явилась ему пресвятая богородица и повелевает ему воздвигнуть церковь во имя честного и славного успения ее. Указав место, говорит ему: „Хочет бог прославить это место и распространить его. Большая обитель будет здесь. Ты же иди с миром в город к князю своему, а он помощник тебе будет во всем и просьбу твою исполнит. И когда все совершишь и монастырь устроишь здесь, немного времени проживешь и отойдешь к богу“. И, воспрянув от сна, ужаснулся отрок видению, размышляя: „Если уйду с места этого, то выйдет, что боюсь я видения и указания. Пусть будет, как угодно господу“. А подумав еще, сказал: „Если же пойду к великому князю, то станет меня он уговаривать. Но не хочу я быть в доме его“.

Пока думал он так, неожиданно пришли в этот лес по какому-то делу ремесленному княжеские люди. Отрок узнал их и укрылся от них. А они, увидев крест и хижину, изумились и говорили меж собой: „Какой-то человек здесь живет“. Начали они искать и, найдя, сразу признали его: „Отрок то князя нашего“. Подойдя к нему, поклонились, обрадовавшись искренно. Ибо отрок ходил по пустынным местам три года и более, и не видел его никто, и бог питал его. Взявши его с собою, повели к князю, сказав ему: „Великий князь горько печалится по тебе и по сей день. А как увидит тебя живым и невредимым, сильно обрадуется“. Он же, слыша это, с веселием отправился с ними.

Когда же пришел он во двор великого князя и все увидели его, то очень ему обрадовались, прославили бога и возвестили о нем великому князю. Князь же повелел ввести его в верхние палаты и, увидев отрока своего, очень

обрадовался и восхвалял бога. А он поклонился великому князю и сказал: „Прости меня, государь мой великий князь, что согрешил перед тобою, опечалил тебя“. И сказал ему великий князь: „Как тебя сохранил бог до сего времени?“ И расцеловал его. А он поклонился до земли и сказал: „Прости меня, государь мой великий князь, что согрешил перед тобой“. И поведал все о себе по порядку, как ушел от него и как бог привел его в это место. Князь же очень тому удивился, прославил бога и повелел своим приближенным, чтобы дали отроку прежнюю одежду его и чтобы был он опять в прежнем своем чине. А он со смирением ответил: „Государь мой великий князь, я не того ради пришел к тебе, но чтобы освободился ты от печали и просьбою моею не пренебрег; молю и прошу тебя: повели то место расчистить“. И все сказал великому князю: как туда пришел и как явилась ему пресвятая богородица со святителем Петром, митрополитом Московским, и показала место, где быть церкви во имя славного и честного Успения пресвятой богородицы, — и все ему рассказал о себе по порядку.

Князь же, вздохнув глубоко, прослезился и похвалил отрока, что сподобился такого удивительного видения. И обещался всем помогать устройению места того. И беседовал с ним долгое время и приказал поставить перед ним стол, чтобы отведать пищи. Отрок же принял немного хлеба и воды, а к иной пище не прикоснулся совсем. И повелел великий князь быть всему по воле его и отпустил с миром итти, куда он хочет.

Отрок же возвратился на место свое и по обыкновению своему стал молиться богу и пресвятой богородице и призывать на помощь ее для создания обители. И вот молитвами пресвятой богородицы скоро дело совершается. Повелел великий князь вскоре собрать крестьян и иных людей для расчистки места, где отрок покажет, и послал их к отроку. А многие горожане, услышав о том, и сами шли на то место для помощи. И вот, вскоре очистив место, где отрок показал им, возвестили великому князю о том. Князь же восславил бога и отрока своего за то похвалил. И вот сам великий князь прибыл на то место и увидел его сияющим

более других мест. Отрок же вновь припадает к его ногам и просит, чтобы повелел он церковь создать деревянную и монастырь воздвигнуть. И великий князь вскоре приказал всем прежним людям тут работать и мастеров опытных собрать для церковного строения. И вот божией помощью и великого князя повелением вскоре дело совершается, и происходит освящение церкви.

Был тут на освящении церкви Успения пресвятой богородицы сам великий князь Ярослав Ярославич с своею супругою великой княгиней Ксенией и со всем своим княжеским советом и всем пир здесь устроил. И по просьбе отрока своего великий князь дал ему игумена Феодосия, и собрал братию, и колокола устроил. Названо было место это великим князем Ярославом Ярославичем — Отрочь монастырь. И все прославили бога и пречистую богоматерь. На другой день по освящении церкви постригся отрок Григорий в иноческий чин и получил от игумена Феодосия имя Гурий. По пострижении своем прожил отрок недолгое время и отошел к господу и погребен был в своем монастыре.

А прошло немного лет по кончине блаженного отрока, и великий князь Ярослав Ярославич с великой княгиней Ксенией изволили в том монастыре создать церковь каменную во имя честного и славного Успения пресвятой богородицы, с приделом Петра, митрополита Московского, и села дал князь монастырю и населил место, где жил раньше отрок. Монастырь же тот стоит и донныне божией благодатью и молитвами пресвятой богородицы и великого святителя Петра, митрополита Московского, всея Руси чудотворца.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ

В некоторой стороне жил купец славный, богобоязненный и нишелюбивый. Была жена у него весьма благообразна и благонравна. И был у него единственный сын первенец, в годах небольших, которого очень любил и постоянно бога о нем молил. Однажды сын их ходил по торговой площади и приценился к товарам: что за товар, и по какой цене покупается, и по какой цене следует его продать. Вернулся он к отцу своему и сказал ему: „Батюшка, я ныне был на торгу и приценился к товарам. И за такой-то товар давал я такую-то цену, и следует его продать по такой же цене“. Отец, услышав от него такие разумные речи, пришел к жене своей и сказал жене: „Госпожа моя! Сын наш будет в торговле понятливее меня и будет жить славнее и богаче“. Мать же его очень радовалась разуму сына своего.

Некоторое время спустя стали собираться родственники того купца за моря торговать. Сын же купеческий услышал о том, пришел к отцу своему и сказал: „Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, окажите мне свое отеческое милосердие. Ныне собираются дядья за моря торговать. Дайте мне триста рублей и отпустите с ними“.

Отец дал ему триста рублей и отпустил, наказав родственникам своим, чтобы ни в чем его не оставили. А тот поклонился им и поехал на корабле.

Так, дав наставление, поручил отец сына своего родственникам, дал ему триста рублей и отпустил с великою печалью. Сын же купеческий, взяв у отца и матери деньги и получив благословение, отдал им земной поклон и сел на корабль. Ехали они три года и три месяца по морю и приехали в некое царство, к городу, и пристали у берега. Взяли они дары и пошли к царю. Потом стали торговать, а также и товары закупать. Купеческий сын ходит за ними, приценяется к товарам, но ничего не покупает.

После того однажды пришел он на площадь и видит: по торжищу некий человек безжалостно мертвое тело волочит. Он же не посмел к нему подойти и спросить, зачем волочит. Потом видел он во второй и в третий раз этого человека, и опять тот тело волочил. Тогда он подошел к нему и спросил его: „Зачем ты это мертвое тело волочишь?“ А человек отвечал ему: „За то я это мертвое тело волочу, что человек этот был христианин и взял у меня при жизни своей взаймы денег триста рублей. Я у него спрашивал их, а он мне не отдал, так и умер. По смерти его приходил я к родственникам его и спрашивал долг. И они мне не отдали; тогда я вынул его из могилы и таскаю его по торжищу им в поругание и в посмеяние, чтобы они мертвое тело выкупили“. А купеческий сын и говорит: „Жестокий человек, отдай ты мне это тело мертвое, а у меня возьми за него триста рублей“. Заимодавец обрадовался тому, взял у него деньги, а тело мертвое отдал ему.

Взял купеческий сын тело и не ведает, куда его схоронить, и не смеет идти к дядьям своим на корабль. Думает: „Как я приду и что сделаю? Сродники мои меня спросят, что за товар купил, станут смеяться надо мной, отцу моему скажут; и мне от того будет великий срам, а родителям моим большая печаль. Не пойду я ныне к ним и не скажу, а пойду я на другую сторону пристани морской и найду других корабельщиков, авось-либо поверят и свезут меня к отцу моему“.

Спрятал он тело в укромное место, а сам пошел искать корабль.

Пришел он на пристань морскую и видит корабль. Поклонился он в землю корабельщикам. А они спросили его, что он за человек, и из какого города, и чего ради сюда попал. И он им поведал всю правду: „Я, господа, из такого-то города и такого-то отца сын“. Сказали они ему: „Мы хорошо знаем отца твоего. Только ты-то зачем сюда попал?“ А он отвечает им: „Поехал я от отца своего с сродниками своими в это царство с товаром, и на море корабль наш разбило, а мы всё потеряли и ныне не имеем, что дать, чтобы добраться до отца моего“. Они сказали ему тогда: „Мы отца твоего знаем. Садись на корабль без платы, мы доведем тебя до отца твоего“. Он же опять отдал им земной поклон: „Господа вы мои милостивые! Был я здесь с дядею своим. И он, дядя мой, с такой печали, что корабль разбился, умер, а похоронить его в этом царстве негде, поскольку некрещеные здесь живут“. И сказали они ему: „За хлеб за соль отца твоего не только одно мертвое тело бери на корабль, а хоть десять“. Он же очень тому обрадовался, принес мертвое тело. Положили они его в корабль и поплыли по морю.

А родственники купца хватились его, стали искать по городу и не нашли нигде. И так поехали в свое царство. А когда вернулись они, отец его и мать спросили их о сыне своем. И сказали они: „Не знаем, где остался“. Отец его и мать горько о том плакали, что разлучились с сыном своим.

Сын же купеческий поехал с теми купцами и приехал к острову, на котором монастырь чудотворца Николая стоит. А как спустились купцы с корабля и пошли молебен заказывать, и он сошел с корабля и поклонился им низко: „Господа вы мои милостивые, если уж вы моего отца знаете, то сделайте вы мне такую милость, дайте мне сто рублей, а когда к отцу моему приедем, вдвойне заплачу вам“. Дали они сто рублей. А он нанял служителей и отнес мертвое тело в монастырь, предал его земле с честью и роздал по нем сорокоусты. А сам думает: „Что я наделал? Четыреста рублей истратил, а что купил, и сам не знаю! Если то до отца

моего дойдет, великая печаль ему будет, а на меня срам великий падет. Пойду я, куплю себе лошадь, поеду от них прочь сухим путем и приеду к отцу своему; выпрошу на выкуп товаров еще сто рублей и поеду куда глаза глядят, чтоб родителям моим не было печали“. Купил он лошадь и поехал сухим путем. А те поехали восвояси.

Он же приехал к отцу своему и низко поклонился ему. Отец милостиво его принял и возрадовался. В слезах лишь спросили его родители: „О чадо наше дражайшее, откуда ты сюда пришел и как, чадо наше, и где такое долгое время пробыл?“ Сын им отвечал: „Я приехал, батюшка, с родичами своими в то царство, о котором они тебе говорили, и задержался на время, купив на четыреста рублей товару, что стоит десяти тысяч. У дядьев своих стал денег просить, а они мне не дали; позавидовали, что товар дешевый купил. И оставили меня в том царстве, а сами уехали. А я, батюшка, пришел на другую сторону, к пристани московской и поклонился корабельщикам. А они у меня стали спрашивать, которого я царства и какого чина. И я им, батюшка, поведал и о царстве и о роде. А они сказали, что мы-де родителя твоего знаем и хлеб-соль с ним водим. Я у них попросил сто рублей, чтобы купить тот товар. Они мне дали; вот я с ними, батюшка, и приехал, как видишь“. Отец его тут спрашивает: „Да где же тот товар, который ты купил?“ А он отвечает: „Я батюшка, оставил у них; они послали меня к тебе, чтобы я сто рублей им отдал, а товар взял“. Отец его дал сто рублей, чая, что вправду товар принесет.

А он взял сто рублей и поехал от отца куда глаза глядят. Ехал он много дней и много ночей да плакал горько и рыдал о разлуке с родителями своими и о потере наследства.

И приехал он к великому непроходимому лесу, через который лежат две дороги: одна через лес, а другая кругом лесу. Стал размышлять он, как ему ехать, и которою дорогою, и в которое царство. И плакался горько, думая про себя: „Если бы кто мне ныне послужил, то я бы дорогую плату ему дал“. Вдруг видит, в лесу на дороге стоит человек огромного роста, в руках держит клещи железные.

И пришел он в ужас великий, решив, что разбойник стоит; не смеет к нему подъехать. А потом подумал: „Лучше мне здесь одному умереть, нежели родителям моим великую скорбь привести“.

И поехал прямо к нему. Подъехал он к нему, а тот спрашивает: „Что ты за человек и из какого города?“ Купец отвечал ему все по порядку: „А езжу я по разным государствам ради знания торговых обычаев других государств“. Потом купец спросил встречного: „А ты что за человек?“ И тот рассказал ему: „Я ищу господина, у кого бы наняться в услужение“. Купец сильно этому обрадовался и говорит человеку: „Пойди ко мне в услужение. Я дам большую плату“. Тот отвечает: „Готов тебе служить. Только заключим мы с тобою условие, чтоб тебе меня во всем слушаться. А ежели слушаться не будешь, то не иду к тебе в услужение“. Купец обещал ему так поступать.

А через тот лес лежат две дороги: одна-то через лес, а другая кругом лесу. Спросил человека купец: „Эти дороги в которое царство лежат? И в разные царства или в одно царство?“ Тот отвечал ему, что эти две дороги лежат к одному царству. Купец же спросил: „Почему две дороги, и которая ближе?“ А человек говорит ему: „Кругом лесу тысяча верст, а через лес пятьсот верст“. Купеческий сын спрашивает: „Зачем же в одно царство лежат, а не равны?“ И слуга поведал ему: „Кругом лесу ехать — ничего не бойся. А через лес хотя и ближе, но та дорога стала непроезжей уже тому тридцать лет, ибо на ней большой разбой и никому проезду нет“. И купец не хочет ехать тою дорогою. Слуга же говорит: „Да ведь ты меня слушаться хотел! Поедем тою дорогою“. И купец не преступил своего обещания. Поехали через лес.

И были они как раз уж посреди леса на поляне. А на той поляне стоит превеликий двор, в котором живут разбойники. Едва те разбойники увидели купца, что едет к ним, то все вышли из дому вон и спрятались в другой постройке, замышляя их сонными погубить, когда лягут спать.

Слуга все то видел, что разбойники над ними зло замышляют, думают их умертвить. А господин его про то

ничего не знает, только спросил у слуги: „Чей двор это?“ Слуга отвечает: „Это двор постоялый, тут нам ночевать“. Как стало на дворе смеркаться, говорит слуга: „Господин, ночуй ты здесь, а я пойду на двор к лошади спать“. Тот сильно опечалился этим и не хотел остаться в доме, а хотел итти на двор спать вместе со слугою. Слуга же говорит: „Да ты хотел, господин мой, во всем меня слушаться, а ныне ты меня не слушаешь“. Тогда купец с великою печалью и со страхом остался ночевать в доме. А слуга пошел и лег спать в телеге.

И едва наступила полночь, разбойники стали совещаться между собой в амбаре, желая их погубить. Слуга, слыша тот их разговор, поднялся, взял клещи и стал у притолки дверей. И когда разбойники один по одному стали из амбара выходить, он хватал каждого клещами за голову и шею и сдавливал их до крови. Разбойники же, увидев, что их осиливает один человек, не смели уж из амбара вон выходить. А слуга купеческий вошел в амбар, передал всех до смерти и, положив трупы в амбаре, запер их. И как только стало рассветать, пошел он в дом к господину своему. Господин же его не спит от страха, что один ночевал. А того не знал он, что его слуга разбойников прикончил. Запрягли они лошадей и поехали в царство.

Приехав в то царство, остановились на постоялом дворе. Купец по обыкновению своему стал ходить по царству и прицениваться к разным товарам. И однажды на торжище встретил его царства того сенатор, из тех, что ближе к царю, и подивился его красоте. Пошел сенатор вслед за купцом, желая знать, куда он пойдет и из какого он царства. Купец пришел на постоялый двор, а сенатор, увидев это, поехал к царю.

На другой день приехали в то царство из иной земли купцы-корабельщики и пришли к царю с дарами. Царь дары у них принял и оставил у себя обедать. В это время вошел к царю сенатор и сказал: „Пресветлейший царь, есть в нашем царстве иностранный купец, очень красивый, а на обеде здесь его нет“. Царь спрашивает: „Да где же тот купец остановился?“ А сенатор отвечает ему: „Царь, я знаю, где

он остановился“. И царь послал за ним. Сенатор пришел к купцу и просил его, чтобы он к царю шел на обед. Купец обещался и купил царю дары. А купеческий слуга и говорит: „Господин, ты идешь к царю на обед, возьми и меня с собою“. Купец ему в ответ: „Как я могу взять тебя с собою? Я ведь буду с царем обедать“. А слуга ему говорит: „Да ведь ты хотел меня во всем слушаться“. И купец взял его с собою. И сказал еще слуга: „Когда ты, господин, придешь к царю во дворец, царь увидит тебя; встанет он со своего места, возьмет он тебя за руку, посадит подле себя и станет потчевать больше всех. А я тогда стану у дверей, и когда царь взглянет на меня и спросит тебя, что за человек, ты скажи, что слуга. Он прикажет выслать меня вон, а ты ему отвечай: „Царь, слуга этот ближе мне отца родного“. И тогда он велит мне сесть тут же за столом“.

Пришел купец к царю. И когда царь увидел его, то встал со своего места, взял его за руку, посадил подле себя и стал его потчевать больше всех. А купеческий слуга стоит у дверей. Царь увидел его и спрашивает: „Что за человек?“ А купец отвечает: „Раб мой“. И сказал царь: „Если раб, то пошли его в другую палату, где сидят слуги“. А купец царю в ответ: „Этот слуга мне ближе отца родного!“ Царь повелел тогда и слуге сесть за стол, посадив его через человека от купца.

По окончании обеда взял царь купца за руку, повел его в особую палату и стал ему говорить: „Скажу я тебе, что почитаю тебя я не как купца, а хочу тебя иметь сыном и зятем своим. Есть у меня дочь единственная, даю тебе ее в жены. И будешь правитель в моем царстве, ибо не мог я по обычаю выбрать себе в зятя никого, а теперь ты один мне угоден“. Вывел он тут свою дочь и показал ему. Купец упал на колени и низко поклонился ему. И обещал царь за нею в приданое дать треть царства, но наказал, чтобы об этом никому не говорил купец ничего: „Если скажешь, то злою смертью умрешь. И будем знать об этом только ты да я, да невеста твоя, поп да дружка“. Ударили они тут по рукам, и отпустил его царь, приказав: „Жди

условленного дня; тогда пришло к тебе того же сенатора“. Поклонился ему купец и пошел на свою квартиру.

Когда шли они дорогою, слуга стал поздравлять купца: „Будь счастлив, господин, обручившись с царской дочерью и получивши треть царства!“ Удивился купец тому, как он про все это узнал; ведь никого в палате не было, кроме царя и невесты. И вернулись они на свою квартиру.

И пришел условленный день. В полночь прислал царь к купцу сенатора, чтобы вести его под венец. И купец стал одеваться для совершения законного брака. А слуга говорит: „Господин, возьми и меня с собою“. И сказал ему купец: „Да как я могу взять тебя с собою? Царь не велел никому об этом говорить. А тебя взять, так он меня злою смертью казнит“. А слуга ему: „Да ведь ты хотел меня слушаться“. Купец с большой неохотою взял его. И поехали они к царю на венчание.

И как только приехали они на царский двор, царь приказал жениха и невесту вести в церковь к священнику обвенчать их. После венчания посадил он их за стол, а потом приказал вести молодых на ложе спать. Тогда слуга позвал купца к себе: „Господин мой, подойди ко мне: хочу слово тебе сказать“. Услышал то царь и говорит: „Как ты смел сделать это — слуге рассказать. Знаешь ведь, что смертью умрешь за то“. Отвечает ему купец: „Царь, не могу я послушаться его, ибо дал ему в том клятву“. И вышел к слуге своему. А тот ему говорит: „Господин, когда пойдешь спать с царевною, возьми меня с собою“. И сказал ему купец: „Как же могу я взять тебя с собою?“ Слуга ему в ответ: „Да ты ведь меня слушаться хотел“. Купец говорит ему „Как я могу тебя пустить, если нас запрут вдвоем с ней? Да как же ей, — дело-то ведь девичье, — как ей раздеться при тебе?“ А слуга отвечает: „Не твоя забота! Только прикажи мне, а уж там хоть и двоих запрут, а я буду. А коли станет она стыдиться, ты ей скажи: „Чего тебе стыдиться? Слуга этот всегда при нас будет“. Станет она с тобою играть, а после захочет спать, ты же не спи и смотри ей в лицо. Если она вздрогнет, ты еще смотри. Ежели же она в другой раз вздрогнет, то ты

сойди с постели и стань на мое место, а я лягу на постели с нею“.

Потом взяли дружки купца и царевну, повели в особую опочивальню и заперли там их вдвоем. Царевна по обычаю разделась, а когда осталась в одной сорочке, оглянувшись, увидела человека, стоящего у дверей, и спросила она купца: „Господин, что это там за человек стоит, — ведь дело мое девичье. Как он сюда зашел?“ А купец говорит: „Чего тебе, душа моя, его стыдиться? Ведь этот раб всегда при нас будет служить“. И она стала играть с мужем; наигравшись же, захотела спать и сказала: „Господин мой, не мешай, я хочу спать“. Он дал ей уснуть, а сам стал глядеть на нее. И как только заснула, необычно вздрогнула она, а он еще прилежнее стал смотреть на нее. Потом во второй раз она вздрогнула так сильно, что от постели на аршин поднялась в высоту и затем ударилась о постель. Купец пришел в ужас, сошел с постели долой и стал на месте слуги своего. А слуга взял клещи и лег на постель. Потом из уст ее поднялось пламя огненное, и по всей палате рассыпались искры. Купец, видя это, испугался еще сильнее, упал на землю и обмер, полагая, что слуга его уже умер. А слуга встал с постели и, взяв клещи, стал у кровати. И тогда, увидев большого змея, выходящего из ее уст, взял его клещами за шею, удушил и, раздробив на мелкие части, спрятал их. После того поднял он господина своего едва живого и сказал ему: „Ляг на постель с женою своею“. Тот не хотел лечь с нею, но слуга заставил его силою. И по обычаю сотворил муж по закону брака.

Утром царь посылает дружку: „Пойди, выкинь кости! Наверно, змей давно уже съел“. Пришел дружка, отомкнул замок, стал отворять двери и видит, что они изнутри заперты. Удивился дружка этому, а купеческий слуга спрашивает: „Ты кто таков?“ Тот отвечает: „А ты кто таков и как взшел сюда?“ Слуга в ответ: „Я слуга купеческий“. Удивился дружка: „Да кто тебя пустил?“ Слуга говорит: „Господин мой приказал. Не вас же мне слушаться!“ И спросил дружка: „В добром ли здравии молодые?“ — „В добром здравии, — отвечал слуга, — и лиходея нашего, змея, ухостили“. Вскрик-

нул громко дружка и пошел скорее к царю: „Злодей наш, змей, убит, а молодые в добром здравии“. Царь, услышав то, возрадовался и пошел туда с царицею и вельможами. И видя, что молодые в добром здравии, а змей убит, преисполнился радостью великою. Слугу же отблагодарил дарами и почестями. И жили они тут в царстве много лет.

Потом купец захотел поехать к отцу своему, и просили молодые у царя отпустить их. И царь отпустил их, отдав зятю треть царства своего. А слуга велел купцу взять триста подвод без слуг и охраны. И сказал купец: „Да кто же может их гнать?“ А тот ему в ответ: „Ты о том не тужи, я уж управлюсь с ними — возьми подводы!“ Царь дал купцу, что тот просил, и отпустил молодых с честью.

Вот едут они дорогою, купец с царевною, а слуга подводы гонит, и приехали на тот разбойнический двор, где слуга удушил разбойников. Въехали и остались ночевать. Слуга проводил их в хоромы, сам лег во дворе. И пока купец спал с царевною своею в хоромах, слуга насыпал все подводы золотом, серебром и камнями драгоценными. Утром же, когда супруги вышли из дому и увидели возы, нагруженные золотом и серебром, удивились они тому. И поехали дальше путем своим. После того подъехали они к тому месту, где слуга нанялся к нему, и стал он говорить купцу: „Господин, я теперь уйду от тебя, расплатись со мною поусловленному“. Купец предложил разделить ему подводы пополам, а слуга ему говорит: „Разве не обидно мне будет? Ты владеешь царевною, а мне что?“ — „Да как нам ее делить?“ — спрашивает его купец. — Возьми ты все триста подвод, а ее у меня не тронь“. А слуга отвечает ему: „Тебе обидно будет. Ты ее разруби пополам!“ Заплакал купец: „Возьми уж ты ее себе живую“. Но слуга не послушал его, вынул меч и ударил царевну мечом. И упала она на землю замертво. Выскочило тогда из уст ее змеиное гнездо, а в нем семьдесят змеенышей как черви шевелятся. Поднял тогда ее слуга, перекрестил и отдал живую мужу: „Пойди ты с нею и живи без опасения, не то она с этими змеенышами съела бы тебя. И возьми себе все подводы и плату мою“. И еще сказал: „Знаешь ли ты меня?“ И сказал купец:

„Поистине не знаю“. Тогда он поведал купцу: „Я ангел божий. Послал меня господь бог к тебе даровать царство за добродетель твою. Ты у займодавца мертвое тело выкупил и похоронил, и за то тебе царство и богатство“. И отпустил он их, а сам стал невидим.

Купец, взяв подводы, приехал к отцу своему с великою славою и честью. Отец и мать его очень тому обрадовались. После того, прожив малое время у отца своего, взял купец его со всеми домочадцами и имуществом и поехал к царю, тестю своему. По кончине же царя сел он на царство и управлял царством своим мудро и благополучно. Конец.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В море перед большими рыбами сказание о Ерше, Ершове сыне Щетинникове, сб ябднике, воре, разбйнике и лихом человеке, и как с ним тяглись рыбм лещ да голавль

Был в некотором городе Ростовского уезда суд. Судил боярин Осетр, да воевода Хвалынского моря¹ Сом, да тут же в суде сидели судные мужики² — Судак да Щука-трепетуха.

Били челом на Ерша, а в том челобитье написано:

„Бьют челом и плачутся божи сироты, а ваши крестьяне Ростовского уезда, рыбы Лещ да Голавль. Жалоба к вам, господам, на Ерша, Ершова сына Щетинникова, на ябедника, на лихую образину, раковые глаза, острые щетины, на бездельника, непотребного человека. Исстари, господа, нам было приписано Ростовское озеро и дано было вами в вотчину³ нам, сиротам вашим, после отцов наших навеки прочно. А тот Ерш — ябедник, бездельник, обмерщик, обворщик, лихой человек, постылая собака острые щетины — пришел из Волги-реки, из Ветлужского поместья,⁴ Козьмодемьянского уезда, по Выре-реке⁵ к нам в Ростовское озеро. Приволокся в зимнюю непогожую пору, окоченел, замазался и заморозился, словно рак, и ноздри себе замарал. А кор-

мился он, идучи, по болотам и, придя к Ростовскому озеру, попросился к нам ночевать на одну ночь, а назвался неизвестным крестьянином. Потом, переночевав, упросил, чтоб ему у нас до времени пожить, обогреться и покормиться с женкою и с детишками своими. А итти бы ему жить-жировать обратно в Кудму-реку.⁶ И тот Ершишка-воришка в нашем Ростовском озере подле нас пожил и детишек расплодил, дочь свою выдал за Вандышина,⁷ Расплевина сына, и стакнулся со всем племенем своим скопом против нас в заговоре, нас, крестьян, перебил и разграбил и щетиньем своим острым изувечил, из вотчины вон выбил и озером завладел понапрасну, надеясь на свое насилие да на острое щетинье, а нас, с женами и детишками, хочет поморить голодной смертью. Смилуйтесь, государи бояре-судьи, дайте праведный суд“.

И по тому прошению Ерш в ответ пошел. А в ответе сказал: „В сем деле отвечать буду, а на них буду искать за бесчестье мне большое. Назвали они меня бездельным человеком. А я их отнюдь не бил и не грабил; ничего не знаю, не ведаю. А озеро Ростовское — мое, да еще и дедовское. Дано навеки прочно старому Ершу, деду моему. А родом исстари мы детишки боярские, из мелких бояр, переяславцы, по прозвищу Вандышевы. А тот Лещ да Голоавль бывали у отца моего в холопах.⁸ И я, не похотев греха на батюшкину душу, отпустил их на волю да велел им жить у себя, поить и кормить нас от своих трудов. А из их племени иные есть и ныне у меня в дворне, в холопах. А как озеро высохло в погожее лето и оскудело и настала скудость и голод великий, тот Лещ да Голоавль сами уволоклись на Волгу-реку и расселились там по заливам, а потом покусились на мою голову с челобитьем, от чего мне житья не стало. Захотели они меня вконец разорить понапрасну. А они сами по воровству своему на свет не показывались, от меня и от крестьянства прятались. Я же отца своего вотчинами и ныне живу. Не тать я и не разбойник, а добрый человек, живу я своею силенкою, кормлюсь от своей вотчинки, да меня же знают большие князья, бояре, дьяки и гостиные сотни во многих городах, и кушают меня честно, с похмелья животы поправляют“.

И судьи истцам стали говорить: „Чем вы Ерша уличаете?“ И те начали Ерша уличать и говорить: „Господа наши судьи, уличим мы его по всей правде, шлемся на причастных к делу свидетелей. Есть у нас добрые люди свидетели: в Новгородской области в Ладожском озере рыба Белуга, да в Неве-реке из доброй же рыбы — Ряпушка,⁹ да в Переяславском озере рыба Сельдь залесская,¹⁰ — что поистине то Ростовское озеро наше“.

И Ерш в ответ сказал: „Господа судьи! На рыбу Белугу, Ряпушку и Сельдь не сошлюсь, затем что они им сродни и пьют и едят вместе и оттого по мне не скажут. И люди они зажиточные, а я человек небогатый; потому за проезд мне платить нечем, а путь дальний“.

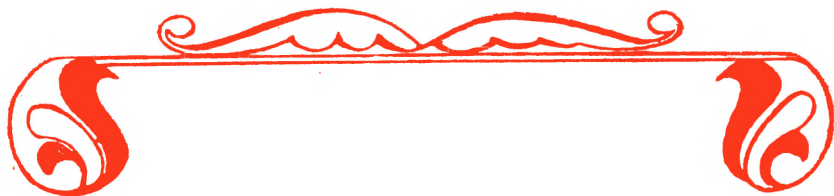
И судьи послали, помимо истцов и ответчиков, рыбу Окуня, а за проезд порешили взыскать с виноватого. А в понятия¹¹ брали с собою Налима-рыбу.¹² И Налим сказал судьям, что в понятих ему нельзя быть. „Брюхо, — говорит, — велико, глаза малы, губы толсты, говорить не умею, и память плоха“. И потому его за немощью отпустили, а взяли в понятия рыбу Язя да с блюдо пригоршню мелкой рыбы. И свидетели по сыске¹³ сказали: „Лещ да Головлъ — добрые люди, божи крестьяне, кормятся от своей силенки, вотчинкою, а тот Ерш — ябедник, лихой человек, крестьянин, а живет он по рекам и озерам на дне, а на свету мало бывает да, словно змей, из куста колет своим щетиньем. И тот Ерш, выходя в устье, заманивает большую рыбу в невод, а сам всегда вывернется. Куда он, вор, ни попросится ночевать, везде хочет он самого вотчинника подсидеть, и многих людей своим ябедничеством он разорил. Кого из них попустил, а иных поморил голодною смертью. Отродясь у него никого среди детей боярских не бывало“. — „А еще он, Ерш, сказывал, будто его знают в Москве и кушают князя да бояре, и правду ли-де он о том объявил?“ И истцы показали, что знают Ерша бражники, и кабацкие голыши, и всякие неимущие люди, которым не на что доброй рыбы купить. Купят они ершей на полушку, да половину их разбросают, а другую выплюнут, а остальное выплеснут под ноги да собакам дают есть“.

И Осетр сказал: „Господа, я вам не показчик и не свидетель, и скажу вам я правду божескую, а свою беду. Как шел я к Ростовскому озеру и к рекам обильным жировать, тот Ерш повстречался со мною в устье Ростовского озера и назвался мне братом. А я лукавства его не знал, спросить мне было некого про него, лихого человека. А он меня спрашивал: „Куда-де ты идешь, братец Осетр?“ И я ему сказал: „Иду-де я к Ростовскому озеру, к рекам обильным жировать“. И он мне сказал: „Не ходи ты, братец Осетр, к Ростовскому озеру, к рекам обильным жировать. Стоил-де, братец, я поболее тебя, и пошире твоих бока мои были, от одного берега до другого, так что терлись о берега реки, а очи мои были как полные чаши, а хвост мой был как у большого судна парус, в сорок сажений. А ныне ты, братец, видишь и сам, каков иду из того Ростовского озера“. И я его послушал, на его обманные слова поддался и воротился: жену и детей с голода поморил, сам от него, Ерша, вконец пропал. Да тот же Ерш, господа, обманул меня, что простого мужика, привел меня к неводу. „Братец-де Осетр, пойдем в невод, там рыбы наедемся“. И я его послушал, на его обманные слова поддался, пошел за ним в невод; думал было воротиться, да и увяз. А тот Ерш выскочил сзади через дыру и сам надо мною же посмеялся: „Ужели ты, братец Осетр, рыбы наелся?“ И как меня поволокли из воды на берег, начал он со мною прощаться: „Прости-де, братец Осетр, не поминай лихом“.

И судьи приговорили: Леща оправдали, а Ерша обвинили, и выдали Ерша истцу, Лещу, головою, и велели его казнить торговой казнью: на солнце в жаркие дни повесить его за воровство и за ябедничество.

А судебное дело правили всё добрые люди. Дьяк был Сом с большим усом, судебную запись вел Вьюн, да был еще добрый человек Карась, а печать положил Рак-глазун левою клешнею, а при том сидел еще Вьюн переяславский да Сиг ростовский, а скрепила Стерлядь своим долгим носом. Судебному делу конец.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

В неких местах жили два брата земледельца: ¹ один богатый, другой бедный. Богатый же ссужал много лет бедного, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени пришел бедный к богатому просить лошадь, чтобы было на чем ему себе дров привезти. Брат же не хотел дать ему лошади, говорит: „Много тебя я ссужал, а поправить не мог“. И когда дал ему лошадь, а тот, взяв ее, начал просить хомута, обиделся на него брат, стал поносить убожество его, говоря: „И того-то, и хомута у тебя нет своего“. И не дал ему хомута.

Пошел бедный от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади и привез к своему двору. И забыл он выставить подворотню. Ударил лошадь кнутом, лошадь же изо всей мочи рванула с возом через подворотню и оторвала себе хвост.

И вот бедный привел к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего поносить, что, выпросив у него лошадь, испортил ее. И, не взяв назад лошади, пошел на него бить челом в город, к Шемяке-судье. ²

А бедный брат, видя, что брат его пошел бить на него челом, пошел и сам за братом, зная, что будут все равно за ним из города посылать, а не пойти, так придется еще и приставам ⁴ проездные ³ платить.

И остановились они оба в некоем селе, не доходя до города. Богатый пошел ночевать к попу того села, затем что был тот ему знакомый. И бедный пришел к тому попу, а, придя, лег у него на полатах. И стал богатый рассказывать попу про гибель своей лошади, ради чего в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, бедного же не зовут с собою есть. Бедный стал с полатай смотреть, что едят поп с братом его, сорвался с полатай на зыбку и задавил попова сына насмерть. И поп также поехал с богатым братом в город бить челом на бедного за смерть сына своего. И пришли они к городу, где жил судья; а бедный за ними следом идет.

Шли они через мост у города. А из жителей города некто вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, зная, что будет ему гибель от брата и от попа, задумал себя смерти предать. Бросился он прямо с моста в ров, желая убиться насмерть. А бросившись, упал на старика и задавил отца у сына насмерть. Схватили его, привели к судье.

Он же размышлял, как бы напасти избыть и что бы дать судье. И, ничего у себя не найдя, надумал так: взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал пред судьею.

И вот принес брат его челобитную,⁵ иск на него за лошадь, стал бить судье Шемяке челом. Шемяка же, выслушав челобитную, говорит бедному: „Ответствуй!“⁶ Бедный, не зная, что говорить, вынул из шапки завернутый камень, показал судье и поклонился. А судья, чая, что бедный ему мзду посулил, сказал брату его: „Коли он лошади твоей оторвал хвост, не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми у него свою лошадь“.

И потом начался другой суд.⁷ Поп стал искать за смерть сына своего, за то, что он сына у него задавил. Бедный же опять вынул из шапки тот же узел и показал судье. Судья увидел и думает, что по другому делу другой узел золота сулит, говорит попу: „Коли он у тебя сына зашиб, отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попадьи твоей не добудет он ребенка тебе; в то время возьми у него попадью вместе с ребенком“.

И после начался третий суд за то, что, бросясь с моста,

зашиб он отца-старика у сына. Бедный же, вынув из шапки камень, в платке завернутый, показал в третий раз судье. Судья, чая, что за третий суд он третий ему узел сулит, говорит тому, у кого убит отец: „Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнься сам на него и убей его так же, как он отца твоего“.

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа.⁸ Стал богатый у бедного спрашивать свою лошадь, а тот ему отвечает: „По судейскому указу, как-де, говорит, у ней хвост вырастет, в ту пору и отдам твою лошадь“. Богатый же брат дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы он ему, хоть и без хвоста, ее отдал. А он взял у брата пять рублей и отдал ему лошадь. И стал бедный у попа спрашивать попадью по судейскому указу, чтоб ему от нее ребенка добыть, а добыв, попадью назад ему отдать с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтоб он попадью у него не брал. И взял тот с него десять рублей. Тогда стал бедный говорить и третьему истцу: „По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и бросайся на меня так же, как и я на отца твоего“. А тот думает: „Броситься мне, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься“. Стал и он с бедным мириться, дал ему мзду за то, чтоб бросаться на себя не велел. И так взял себе бедный со всех троих.

Судья же прислал слугу⁹ к ответчику и велел у него те показанные три узла взять. Стал слуга у него спрашивать: „Дай то, что ты из шапки судье казал в узлах; он велел у тебя то взять“. А тот, вынувши из шапки завязанный камень, показал. Тогда слуга говорит ему: „Что же ты кажешь камень?“ А ответчик сказал: „Это судье. Я-де, — говорит, — когда бы он не по мне стал судить, убил его тем камнем“.

Вернулся слуга и рассказал все судье. Судья же, выслушав слугу, сказал: „Благодарю и хвалю бога, что по нему судил. Когда б не по нем я судил, то он бы меня зашиб“.

Потом бедный пошел домой, радуясь и хваля бога.

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Великому господину преосвященнейшему архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому.¹
Бьют челом богомольцы твои, Калязинского монастыря² клирошане, дьякон Дамаск да чернец Боголеп с товарищами.

Жалоба наша, государь, на того же Калязинского монастыря архимандрита Гавриила.³ Живет он не гораздо порядочно, позабыв страх божий и обет монашеский. Досаждает нам, богомольцам твоим, научает он, архимандрит, плутов-пономарей в колокола не во-время звонить, в доски колотить. И они, плуты-пономари, меди с колоколов много иззвонили, железные языки поприломали, три доски исколотили, шесть колотушек избили; днем и ночью звонят, и нам, богомольцам твоим, покою нет.

Да он же, архимандрит, приказал старцу Иору в полночь с дубиною подле келий ходить, у сеней в двери колотить, нашу братию будить, и велит всем немедля в церковь ходить. А мы, богомольцы твои, вокруг ведра без порток в одних рубахах по кельям сидим. Не поспеть нам ночью, в девять часов, келейное правило совершить, полведра пивной браги опорожнить, все от краев до дна допить, — все оставляем, из келий вон выбегаем.

Да он же, архимандрит, и казны не бережет, ладана да свечей много сжег, а монастырские слуги тешат нрав его; сожгли на уголья четыре овина с рожью.

А он, архимандрит, в уголья ладан насыпал и попам и дьяконам то же сделать приказал. И по церкви ходит да святым иконам кадит, и тем он иконы запыхил, кадилом закоптил, а церковь задымил; а нам, богомольцам твоим, дымом все очи выело, горло завалило.

Да по его же, архимандритову, велению поставлен у ворот с плетью старец кривой Фалалей, не пускает нас, богомольцев, за ворота в слободу сходить, чтобы скотные двory присмотреть, телят бы в стадо загнать, цыплят бы в подполье покласть, коровницам благословение подать.

Да он же, архимандрит, приехал в Калязин монастырь и начал монастырский чин разорять, старцев-пьяниц всех повыгонял. И дошло до того, что чуть и монастырь не запустел, некому было вперед и завода заводить, чтобы пива наварить да медом подсытить, на оставшиеся деньги вина прикупить, помянуть умерших старцев-пьяниц. И про то разоренье известно стало на Москве; по всем монастырям да по кабакам осмотр учинили и по осмотре остаток лучших бражников сыскали — подьячего Лукьяна, пьяницу Сулима да с Покровки безграмотного попа Колотилу, для образца их в Калязин прислали, чтобы дела не позабыли, кафтаны бы добрые свои с плеч спустили, чтобы чина монастырского не забывали, да и своего бы ремесла не скрывали, а прочих бы пить научали.

И наша братия в Калязине, все клирошане, с любовью их, мастеров, старых питухов, принимали, вкуче с ними о деле размышляли, как бы государевой казне прибыль дать, а в своей мошне денег не держать. А если б нам, богомольцам твоим, власти не мешали, мы бы ничего не жалели и колокола бы снимали да в Кашине бы на вино променяли.

Да он же, архимандрит, убыточно живет, в праздники и в будни на шею нашей братии накладывает большие цепи, да об нас много батогах изломал, плетей порвал, и тем он казне немалый убыток причинил, а себе мало прибыли получил.

В прошлом году, государь, весна была красна, пенька росла крепка, а мы, богомольцы твои, меж собою совет держали, чтоб из той из пеньки веревки свивать долгие да крепкие, было бы чем из погреба бочки с пивом волочить да по монашеским кельям развозить, было бы чем у сеней двери завалить, чтобы будильщика в келью не пустить, чтоб не мешал он нам пива попить и всю ночь, забавляясь, без штанов просидеть.

А он, архимандрит, догадался и нашего монашеского челобитья испугался: приказал ту пеньку в веревки свивать, да вчетверо сгибать, да на короткие палки навязывать, и вздумал это плетьми называть, а слугам приказал высоко их подымать да на нашу, богомольцев твоих, спину тяжело опускать. А нас он, архимандрит, учил стоя почаству каноны петь, а нам, богомольцам, и лежа пропевать не поспеть, потому как за плечами тело недужно, а под плетьми лежать душно. А мы, богомольцы твои, по его, архимандритову, приказу поневоле в церковь идем и по книгам читаем и поем, а зато нам он долго есть не дает, и заутрени и обедни, государь, все не евши поем.

Да он же, архимандрит, новый чин завел: в великий пост земные поклоны класть повелел. А в нашем монашеском уставе не написано того, а указано: утром рано до свету встать за три часа да в чесноковые ступки звонить, а над блюдом со старыми остатками часы говорить, а „блаженны“ — над ведрами в шесть ковшей со вчерашним пивом, а „слава и ныне“ — до свету на печь спать поспеть.

Да он же, архимандрит, нам, богомольцам твоим, и всем лучшим и славным людям, бражникам и пьяницам, гоненье творит, — когда есть прикажет, то ставят репу пареную да редьку вяленую, кисель овсяный, щи мартовские, посконную кашу в вязовой плошке, а в братину квас нальют да на стол подадут. А нам, богомольцам твоим, то не сладко — редька, да хрен, да чашник Ефрем. А по нашему бы разуму лучше было бы для постных дней: вязига, да икра, да белая рыбица, тельное, да по две тешки паровых, да семга и сиг, да десять стерлядок, да по три пирога, да по два бы блина пшеничных, молочная каша, а кисель бы с патокою,

а в братине бы пиво крепкое, мартовское, да мед, сваренный с патокою.

А у него, архимандрита, и на то не стало разума, — один живет да хлеб сухой жует, мед-то перекис, а он воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому удивимся: мышцы с хлеба опухли, а мы с голоду мрем.

И мы его, архимандрита, добру учили, ему говорили: „Если ты, архимандрит, хочешь с нами в Калязине дольше пожить, а себе большую честь получить, так ты бы почаще пиво варил да нашу бы братию поил, пореже б ты в церковь ходил и нас, богомольцев, не томил“.

И родом он, архимандрит, ростовец, а нравом — поморец, по уму — холмогорец, а на хлеб-соль — каргополец. Нас, богомольцев твоих, он не слушает, мало пьет да больно бьет, а от похмелья нас поправляет от метел комлями да ременными плетями. Честь нам от него одна, на всю спину равна, уж и кожа с плеч вся сползла. А когда мы, богомольцы твои, у правила с вечера потрудимся до полуночи, у пивного ведра засидимся и утром рано быстро встать не сможем, где клубок с мантией лежит, не вспомним, и оттого немного замедлим, и к десятому песнопению лишь поспеем, а иные и к началу расходному, тогда он, архимандрит, нас, ничего не смысля, крепко смиряет, потому как монашеского жития и чина он не знает. А в Калязине обитель немалая, казна великая, после мора от старых лет запасы остались: в хлебной под лавками стулья, в муко-сейке — цепи, да ремни, да плети, да сита, а в караульне снопы прутьев, в кузницах по полкам кандалы да замки, а у нас, богомольцев твоих, смотря на то, очи мутятся, а у малодушных за плечами кожа чешется и ночью не спится.

И мы, богомольцы твои, тому крайне удивимся, почему он, архимандрит, по сие время в Калязине живет, а по-нашему пить не привыкнет и нас бьет изрядно. И не лучше ли ему от нас, из Калязина, прочь по Волге плыть. А коли лень ему из монастыря до берега дойти, то мы бы его под руки довели или на носилках снесли. А из нас охочих на его место много будет; в амбарах простору прибудет, рожь да ячмень на солод пустим, да овсяной бражки поставим,

из солода пива наварим, а на деньги вина прикупим; станем крестьянам уроки давать, прикажем им колокола снимать да в Кашин их провожать, на вино там променять. И так уж они нам много зла сотворили, всем нам уши оглушили и в нищих всех нас навек обратили. А как мы лихого архимандрита проводим, то другого, доброго, добудем, который бы гораздо к пиву да вину прилежал, а в церковь бы пореже ходил, нас бы, богомольцев твоих, вином да пивом почаще поил, а цепями, плетями и ремнями не томил. Тогда-то мы, богомольцы твои, монастырю станем прибыль приносить, в чарки вино наливать, старое пиво допивать, а молодое затираь, а иное на дрожжи наливать. А в церковь тогда пойдем, когда вино да пиво допьем; в колокола не станем звонить, будем в погреб и без звона ходить; ладана да свеч не станем жечь: пиво да вино и с лучиной разопьем, ни угля, ни убытка не будет. В ризницы да в церковь двери запрем и печать в лубки загнем. А крестьян в слободы вышлем и велим им в церковь ходить с году на год на великий лишь праздник.

Прикажи, государь великий, господин преосвященный, архиепископ Симеон Тверской и Кашинский, ему, архимандриту, счесть колокола и цепи по весу, уголья мерою, доски и колотушки по счету; и в казне пусть бы дал отчет.

Смилуйся, государь, чтобы наши виноватыми не были, затем что за него, архимандрита, нам в казну платить нечем; затем что живем мы, клирошане, небогато; только и добра у нас — ложка да плошка. А если ему, архимандриту, перемены не будет, то мы, богомольцы твои, ударим его, архимандрита, обухами и пойдем в другой монастырь. Где пиво да вино найдем, там и жить начнем; а коли там не загуляем, не помедлим, богомольцы твои, то и вновь в Калязине побываем.

Великий господин преосвященный Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский, смилуйся, пожалуй нас.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

Жил некий купец,¹ весьма известный и богатый, по имени Карп Сутулов, и была у него жена Татьяна, красавица. И жил он с нею в большой любви. Случилось тому купцу Карпу жить в некоем городе, где был у него друг, верный во всем, по имени Афанасий Бердов. Человек очень богатый, известный. И вот пришло время названному тому купцу, Карпу Сутулову, ехать по торговым делам своим в Литовскую землю. Пришел он к другу своему Афанасию Бердову и стал просить его: „Друг мой любезный Афанасий! Вот приходится мне ныне ехать по торговым делам своим в Литовскую землю. Оставляю я жену свою одну в доме. И ты, друг любезнейший мой, снабди жену мою всем, о чем случится ей просить тебя. Я, поторговав, вернусь и тогда отблагодарю тебя и расплачусь с тобой“. А друг его Афанасий ему говорит: „Друг мой Карп! Я рад буду снабдить жену твою“. И, вернувшись к жене своей, Карп сказал ей: „Был я у друга моего Афанасия и бил ему челом о тебе, чтобы снабдил он тебя, если будет тебе без меня нужда в деньгах. А он мне сказал: „Я рад буду помочь без тебя жене твоей“.

И наказал Карп жене своей Татьяне так: „Госпожа моя Татьяна, да будет бог между нами. Если будешь устраивать без меня частые пиры для добрых жен, сестер своих, то вот оставляю тебе денег на расходы. купишь на них угощенья для добрых жен, сестер своих. Если ж нехватит тебе денег, тогда пойди, по указанию моему, к моему другу Афанасию Бердову и проси у него на питание денег. Он даст тебе сто рублей, и того хватит, чай, тебе прожить до меня. А совету моему следуй, без меня не отдавай и не оскверняй ложа моего“.

И, распорядившись так, уехал торговать. Жена же проводила его в путь далекий с честью, любовно и радостно и затем вернулась в дом свой. И начала она по отъезде мужа устраивать для многих добрых жен частые пиры и веселилась с ними охотно, вспоминая о муже своем Карпе с радостью.

И так, прожив без мужа своего долгое время, издержала она оставленные деньги. Минуло уже три года с той поры, как муж ее уехал. И вот пошла она к другу мужа своего, Афанасию Бердову, и сказала ему: „Господин мой, друг мужа моего! Дай мне до мужа сто рублей денег. Муж мой Карп, когда уезжал по торговым делам своим, наказывал: „Если нехватит тебе денег до меня на разные потребности и покупки, пойди, по слову моему, к Афанасию Бердову, другу моему, и возьми у него на питание себе денег сто рублей“. Ты уж нынче пожалуй мне эти сто рублей на потребности мои до приезда мужа. Когда же муж мой, поторговав, вернется, все тебе тогда отдаст“. Он же не отрываясь смотрел на нее, на лицо ее красивое, и воспалился к ней страстью. И говорит ей: „Я дам тебе на питание денег сто рублей; только проведи ночь со мной“. А она совсем смутилась от тех его слов и не знает, что отвечать. Говорит ему: „Я не могу сделать того без повеления отца своего духовного. Пойду, спрошу его; что повелит он мне, то и сделаю с тобой“.

Быстро вернулась она к себе и, призвав отца своего духовного, сказала ему: „Отец мой духовный! Что повелишь ты мне сделать в таком случае? Муж мой уехал торговать

и наказал мне: „Если тебе нехватит до меня денег на potrzeby, пойди тогда к другу моему Афанасию Бердову, и он тебе по просьбе моей даст денег сто рублей“. Ныне же не осталось у меня серебра на питание, и я пошла по совету мужа моего к Афанасию Бердову, другу его. А он сказал: „Я тебе дам сто рублей, только останься со мною спать на ночь“. И я не знаю, что сделать; не смею я того совершить с ним без повеления твоего, отца моего духовного. Что прикажешь мне делать?“ И говорит ей отец духовный: „Я дам тебе и двести рублей, но пробудь ночь со мною“. Она же тем его словам изумилась сильно и не знает, что отвечать отцу своему духовному. Говорит ему: „Дай мне, отче, немного сроку“.

И, придя от него тайно на архиепископский двор, сообщила архиепископу: „О великий святитель! Что повелишь совершить мне в таком случае? Муж мой, купец известный Карп Сутулов, отправился по торговым своим делам в Литовскую землю; вот уж третий год пошел. Оставил он при отъезде своем денег мне на potrzeby. Ныне нехватило мне серебра на пропитание до приезда его. А муж мой, как отъезжал торговать, наказал мне: „Если нехватит тебе денег, чтобы прокормиться до меня, совет тебе мой: пойди к другу моему, Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст на potrzeby твои, на питание денег сто рублей“. И я пошла ныне к этому другу мужа моего и попросила у него денег сто рублей на potrzeby свои до приезда мужа. А он сказал мне: „Я дам тебе сто рублей, только проведи со мною ночь“. Но я не посмела совершить того без совета духовного отца своего. И пошла к отцу духовному и спросила его, что мне прикажет делать. А он мне сказал: „Если ты со мною то совершишь, я дам тебе и двести рублей“. И я не посмела с ним того совершить“. Архиепископ же говорит ей: „Оставь их обоих, и попа и купца. Но побудь со мною одним, я дам тебе и все триста рублей“. И не знает она, что отвечать ему. И, не желая послушаться его, говорит ему: „О великий святитель! Как же смогу избегнуть я огня будущего?“ А он отвечает ей: „Я тебя ото всего разрешу“. И велела она быть ему в третьем часу дня.

А затем пошла к отцу своему духовному и сказала ему: „Отче, будь у меня в шестом часу дня“.

Потом пошла к другу своего мужа, Афанасию Бердову: „Друг мужа моего! Приди ко мне в десятом часу дня“.

И вот пришел архиепископ. Она же встретила его с большими почестями. А он, воспалившись сильным желанием к ней, принес денег триста рублей, отдал ей и хотел остаться с нею. Она говорит ему тогда: „Нужно одеться тебе в одежду самую ветхую; не след тебе быть со мною в той одежде, в коей ты при множестве народа бога славишь и пред богом снова предстанешь“. А он отвечает: „Не увидит меня никто и в этом платье; зачем мне другое надевать, когда некому нас с тобою видеть здесь?“ Она же говорит ему: „Бог, отче, видит все дела наши. От человека можем мы утаить пути наши, но он все знает, не нужно ему обличения. И сам-то господь не придет с палицей на тебя и на всех творящих зло, но пошлет на тебя такого человека, что будет бить тебя, и бесчестить, и предаст тебя на обличение другим творящим зло“. Так говорила она архиепископу. Он же сказал ей тогда: „Только нет у меня, госпожа моя, с собою никакой другой одежды, какую носят миряне. Разве у тебя смогу попросить какую ни есть одежду?“ И дала она ему женскую сорочку, что сама носила, а архиепископскую одежду сняла с него, положила к себе в сундук, сказав ему: „Кроме этой одежды, не имею теперь я в дому своем иной, ибо отдала прачке ту, что носил муж мой“. Архиепископ с радостью взял женскую рубаху и надел ее на себя: „На что мне, госпожа, лучшей одежды желать, когда с тобою быть хочу“. А она отвечает на то: „Это я совершу, но еще прежде посчитаюсь с тобою“.

В то время подошел к воротам поп, отец ее духовный, по приказу ее, принеся с собой двести рублей денег, и начал стучаться в ворота. Она же, посмотрев поспешно в окошко, всплеснула руками и говорит: „Благ господь, что подает мне столь великую и безмерную радость!“ Архиепископ же спрашивает: „Что ты, госпожа, такой одержима радостью?“ А она отвечает ему: „Это муж мой с торговли

вернулся; я как раз ожидала его“. Говорит тогда ей архиепископ: „Госпожа моя! Куда мне деться от срама и бесчестия?“ А она ему говорит: „Ты, господин мой, иди в сундук и сиди там, пока я в удобное время не выпущу тебя“. Он быстро спрятался в сундук, а она замкнула его. А поп уже взшел на крыльцо. Она встретила его. Он отдал ей двести рублей и начал произносить слова любовные. А она говорит: „Отец мой духовный! Как ты прельстился мною? Из-за одного часа обоим нам с тобою вовеки придется мучиться“. Поп же говорит ей: „Чадо мое духовное! Ежели в коем грехе прогневишь бога и отца своего духовного, то чем хочешь умолить и сделать бога милостивым?“ А она отвечает ему: „Да ты ли, отче, праведный судия? Имеешь ли власть в рай или на муку направить меня?“

И говорили они долго. Но вот уж у ворот и купец богатый, друг мужа ее, Афанасий Бердов. Начал стучаться он в ворота. Она же подскочила быстро к окошку, поглядела в оконце, увидела купца богатого, друга мужа своего, всплеснула руками и пошла по горнице. А поп спрашивает ее: „Скажи мне, чадо, кто к воротам подъехал и что ты так радостью одержима?“ Она отвечает ему: „Посмотри, отче, на радость мою: то муж мой, свет очей моих, приехал ко мне с торговли“. Поп же говорит ей: „Ох, беда моя! Где мне, госпожа моя, укрыться от срама?“ Тогда она сказала ему: „Не бойся, отче, срама, но смерти своей страшись, греха смертного. Однажды умрешь, а грех сотворив, мучиться будешь вовеки“. И в той горнице указала ему на сундук. А он стоял в одной сорочке, без пояса. Она говорит ему: „Иди, отче, в тот сундук; я, будет время, выпущу тебя со двора своего“. Он же быстро спрятался в сундук, а она замкнула его там и, быстро подойдя к воротам, впустила к себе купца. Купец вошел к ней в горницу и дал сто рублей денег. А она с радостью приняла их от него. И стал не отрываясь смотреть он на невыразимую красоту лица ее. И сказала она ему: „Чего ради все смотришь на меня и похваляешь меня? Не знаешь разве, как некоему человеку многие люди хвалили жену его, а она презлая была?“

А тот человек сказал тогда: „Не ныне мне хвалите ее, но когда избуду ее“. Купец же говорит ей: „Госпожа моя, когда я насытюсь и наслажусь твоей красотой, тогда прочь отойду в дом свой“. И, не зная, чем отвести купца от себя, приказала она служанке своей выйти и постучаться. Служанка, по приказанию госпожи своей, вышла вон и начала громко стучаться в ворота. Она же быстро подошла к окошку и говорит: „О невыразимая радость от совершенной любви моей! О свет очей моих и вожделение души моей, радость моя!“ Купец же спросил у нее: „Что, госпожа моя, ты столь охвачена радостью? Что увидела за окошком?“ Она отвечает ему: „Это муж приехал с торговли своей“. Купец же, услышав такие слова ее, начал по горнице бегать и говорит ей: „Госпожа моя, скажи мне, где от срамоты такой укрыться?“ Она же указала ему третий сундук, сказав: „Влезай сюда, я потом выпущу тебя“. Он же поспешно кинулся в сундук. И она замкнула его в том сундуке.

А наутро, пойдя в город, на двор воеводы,² просила доложить воеводе, чтобы вышел к ней. И спросил ее воевода: „Откуда ты, женщина, пришла и зачем просила меня выйти к тебе?“ Она же сказала ему: „Я, государь мой, сего города купеческая жена. Знаешь ли, государь, мужа моего, Сутулова, богатого купца?“ И отвечал он ей: „Хорошо знаю я мужа твоего: муж твой — купец известный“. Она говорит тогда ему: „Вот уж третий год, как муж мой отправился по торговым делам своим и наказал мне взять у купца нашего же города, у Афанасия Бердова, — друг он мужу моему, — сто рублей денег, когда будет мне недоставать. Я же после отъезда своего мужа устраивала для добрых жен частые пиры, и ныне мне нехватило серебра. И вот ходила я к тому купцу, к Афанасию Бердову, но не застала его дома. Пожалуй же ты мне сто рублей, а я тебе дам три сундука в заклад с дорогими и ценными одеждами“. И воевода сказал ей: „Я слышу, что ты жена доброго и богатого мужа, я тебе дам сто рублей и без заклада. А как приведет бог мужа твоего с торговли домой, я возьму их у него“. Тогда она говорит ему: „Возьми, бога ради, ибо

много одежды весьма дорогой в тех сундуках. Как бы воры не украли у меня эти сундуки. Тогда быть мне, государь; наказанной от мужа моего; станет он мне в те поры говорить: „Ты бы-де отдала их на сохранение до моего приезда человеку надежному“. Воевода, услышав то, повелел привезти все три сундука, полагая, что в них и подлинно дорогие одежды. И она, уходя от воеводы, взяла пять человек из воеводских слуг, с коими приехала к себе домой; а погрузив сундуки, приехала с ними обратно. Привезли сундуки на воеводский двор, и велела она воеводе осмотреть одежды. Воевода же приказал ей все три сундука отпереть. И увидел в одном сундуке купца, сидящего в одной сорочке, а в другом сундуке попа — в одной же сорочке и без пояса, в третьем же сундуке — самого архиепископа в женской сорочке и без пояса. Воевода, увидав их в таком бесчинном виде, в одних сорочках сидящих в сундуках, насмехаясь, сказал им: „Кто же вас посадил тут в одних сорочках?“ И приказал им выйти из сундуков. И были они от срама словно мертвые, посрамленные мудрой женой. Пали они воеводе в ноги и горько плакались о своем прегрешении. Воевода же им говорит: „Чего ради плачетесь и кланяетесь мне? Кланяйтесь жене этой. Она бы простила вас за ваше неразумие!“ Говорит при них воевода и жене той: „Скажи, женщина, как их в сундуках заперала?“

И рассказала она воеводе, как поехал муж ее торговать и приказал ей у купца Афанасия просить денег сто рублей, как она ходила к нему просить эти сто рублей и как купец тот хотел быть с нею; также поведала она все доподлинно и про попа и про архиепископа, к какому часу велела им приходиться и как их обманывала и в сундуках заперала.

Воевода же, прослушав все, подивился разуму ее и весьма похвалил за то, что она мужа своего не осквернила. И усмехнулся воевода, говорит ей: „Добрый, женщина, твой заклад и стоит тех денег“. Взял воевода с купца пятьсот рублей, с попа тысячу, а с архиепископа тысячу пятьсот рублей и приказал их отпустить. А полученные деньги разделили они с той женой пополам. И похвалил он ее цело-

мудренный разум, что мужа своего заочно она не посрамила, любовных дел с ними не совершила, согласие с мужем своим сохранила, принесла себе великую честь и ложа своего не осквернила.

А через короткое время вернулся муж ее с торговли. Она же обо всем поведала ему по порядку. И порадовался он сильно такой премудрости жены своей, всему, что совершила она. Очень тому радовался муж ее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В. И. Ленин назвал XVII век началом „нового периода русской истории“; этот период, писал В. И. Ленин, „... характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок“.¹

Коммунистическая партия Советского Союза — направляющая и руководящая сила советского народа — учит нас, что история общества — это не действие отдельных выдающихся личностей, царей и полководцев, а история развития производительных сил и производственных отношений, история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс. Марксистско-ленинская наука разоблачила реакционные антинародные теории народников и доказала, что в истории России процесс образования централизованного государства шел быстрее процесса складывания наций, что централизованное государство в России образовалось прежде, чем сложились нации, последние же появились только на заре капитализма.

Еще в середине XV века русский народ создал могучее централизованное государство с Москвой во главе, опередив на десятилетия централизованные монархии передовых народов Западной Европы. Это была величайшая победа творца истории — народа в борьбе с чужеземными захватчиками.

Классики марксизма-ленинизма рассматривают бурный XVII век в истории России как переломный, когда с наступлением позднего феодализма в недрах крепостнического

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 137.

хозяйства впервые зарождаются буржуазные связи, нарастающие позднее в XVIII и XIX веках. Крепостническое хозяйство еще долго сохраняет свой натуральный характер, но теперь в товарно-рыночные отношения неизбежно, хотя и медленно, втягиваются непосредственные производители, закрепощенные крестьяне и разоренные скупщиками ремесленники. С ростом внутреннего рынка множится и богатеет русское купечество, о силе которого можно судить по Новоторговому уставу 1667 года.

И тогда же класс землевладельцев достиг безраздельного господства в стране: дворянство окончательно закрепило за собою земельные владения как свою безусловную собственность, и между „поместьем“ „служилого“ дворянина и „вотчиной“ родовитого боярина к концу XVII века исчезла сколько-нибудь существенная разница. Дворянство властно присвоило себе не только землю, но и рабочие руки; ведь Соборным Уложением 1649 года крестьяне были признаны „крепкими“ „без урочных лет“. Так произошло окончательное юридическое оформление того „свирепого“ крепостного права, которое „на практике, — как говорит В. И. Ленин, — ...особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства“.¹

В XVII веке завершается процесс сложения централизованного государства и становления самодержавия, перерастающего в абсолютную монархию, хотя, как указывал В. И. Ленин: „Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века“.²

Расцвет ремесла в городе и в деревне, появление крепостных мануфактур, успехи сельского хозяйства, укрепление товарно-денежных отношений и образование национального „всероссийского рынка“ (В. И. Ленин), с одной стороны, и усиление крепостнической эксплуатации крестьянства, его закрепощение и обезземеливание, разорение посада, с другой, то есть противоречие между быстрым ростом производительных сил и отсталостью производственных отношений, привело и к обострению классовой борьбы и глубоким социальным потрясениям в России XVII века.

Марксистско-ленинская историческая наука учит, что основной чертой феодального строя является классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми. И „новый период русской истории“ начался веком крестьянских войн и городских восстаний. В начале XVII века Иван Бо-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 439.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 47.

лотников стал вождем крупнейшей крестьянской войны, первой в русской истории, а к концу XVII века Степан Разин возглавил великую крестьянскую войну, потрясшую всю крепостническую Россию. В середине же XVII века наступило, по словам современников, „смутное время посадских людей“, когда бунтовали „посадские и всякие черные люди“. Московское восстание в июне 1648 года было началом широкого движения городских низов, „худших людишек“, в Сольвычегодске, Устюге Великом, Соликамске, Чердыне, Козлове, Воронеже, Курске, во многих сибирских городах и позже, в 1650 году, в Новгороде и Пскове.

Прошло несколько лет, и вновь „смятение стало великое“ — „медный бунт“ в Москве 1662 года, Соловецкое восстание 1667—1676 годов, наконец — восстания 60-х годов в Поволжье, Башкирии и в Сибири. И все эти восстания сливались в единое движение „молодых людей“, посадка, которое имело ясно выраженный антикрепостнический характер.

„Во всем скорбь великая и вражда несказанная“, — говорит летописец о всей жизни Московского государства той поры. Современники чутко улавливали в русском обществе XVII века „разделение, и зависть, и обиду“, которые приводили к „бунтам“ и „мятежам“. Чувство „нестроения великого“ охватило широкие слои русского народа; сознание того, что „наша земля замешалась“, а „старина повредила“, присуще всем вдумчивым русским писателям этого переломного времени.

В сознании русских людей, современников драматических событий XVII века, укрепилось убеждение в том, что „старые обычаи поисшаталися“; у них родилось смутное предчувствие чего-то нового, идущего на смену „испорченной старине“. Передовые русские писатели переломной исторической эпохи, эпохи ожесточенной классовый борьбы, отразили в своих повестях стихийное недовольство широких слоев русского народа крепостническим строем.

К эпохе складывания русской нации необходимо отнести известное указание В. И. Ленина о двух национальных культурах в каждой национальной культуре: „В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую“. ¹

Самобытные русские повести XVII века, по крайней мере лучшие из них, и представляли в литературе того времени

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 8.

именно эти „хотя бы не развитые элементы демократической культуры“. Демократические повести XVII века противостояли тогда „клерикальной“ литературе верхушки господствующего класса. Создателям передовой русской повести была чужда и глубоко враждебна переводная „душеполезная“ книжность вроде „Великого Зеркала“ и „Звезды Пресветлой“, пропитанных духом реакционного католицизма.

Но сами русские повести XVII века отнюдь не представляли собою пресловутого „единого потока“; наоборот, напряженная классовая борьба того времени определила коренное различие в идейных устремлениях авторов этих повестей, представителей разных борющихся классов, и если антикрепостническая сатира „Повести о Ерше Ершовиче“ отразила чаяния закрепощенного крестьянства и беднейшей части посада, то „Повесть о Марфе и Марии“ выразила притязания дворянства.

Идейное содержание лучших повестей составляет или патриотический призыв к борьбе с чужеземными захватчиками, или обличение крепостников-угнетателей. Эти идеи имели действительно важное значение в жизни русского народа, особенно „трудящихся масс“, „производителей материальных благ“, — отсюда народность содержания повестей.

Художественная форма повестей так же самобытна, как и их содержание, ибо общенароден самобытный национальный русский язык, на котором созданы эти повести. Отсюда народность формы повестей.

Буржуазно-либеральные историки литературы, проповедники теории „единого потока“, и не задумывались над народностью повестей XVII века. Старорусская повесть казалась сотканной из чужеземных „влияний“, а потому безликой и однообразной.

Между тем в самом понимании народности, ее степени и глубины раскрывается яснее всего коренное различие в убеждении и взглядах даже передовых русских писателей, современников и участников ожесточенной классовой борьбы „бунташного“ века. И русские повести XVII века по-разному отразили русскую действительность; противоречиво и непоследовательно отпечатались в них то благородные народные чаяния, то корыстные классовые притязания, то нарождающаяся народная „правда жизни“, то обветшалое „благочестие“ крепостников-церковников.

Вот язвительная сказочная „Повесть о Шемякином суде“, где народна протестующая насмешка над ненавистными царскими судьями-воеводами, взяточниками и крючкотворами, и где народен весь „сказочный склад“, изящный и затейли-

вый. Творчество неизвестного автора „Шемякина суда“ было сродни народной сатире „удалых скоморошин“. Он выразил и чаяния „молодых людей“, страждущих от воеводских притеснений, и художественные вкусы трудового русского народа, любящего острую бытовую сказку. Такое единство классового демократического содержания и национальной самобытной формы отличает русскую повесть XVII века о Шемякином суде; народность здесь проявилась с достаточной для XVII века определенностью.

И вот биографическая „Повесть об Улиянии Осорьиной“, написанная ее сыном, муромским губным старостой, „прожиточным“ Дружиной Осорьиным. Этот передовой для своего времени дворянский писатель с теплым сыновним чувством запечатлел одухотворенный образ матери, умной и деятельной русской женщины XVII века. Осорьин не скрыл той горькой для него правды, что в их поместье, где всем „домовным строением“ рассудительно „правит“ его мать, „часты брани“ „в детех и рабах“ кончились убийством: один из „рабов“ убил „старейшего сына“ Улиянии. Но Дружина Осорьин не смог быть правдивым до конца: изгнание холопов в голодный год без „вольной“ он изобразил как „милосердие“ его матери.

И в художественном мастерстве своем Дружина Осорьин не смог до конца вырваться из плена обветшалых житийных традиций, и его семейное бытописание обеднено и ограничено житийным приукрашиванием действительности. Содержание и форма повести об Улиянии Осорьиной явно выдают классовую ограниченность ее автора.

Значительно своеобразнее в идейном отношении „Повесть о Марфе и Марии“. Живо описана здесь рознь между супругами Марфы и Марии Иванов и Логвином: оба они из поместного дворянства, только один „от честна рода, но зело небогат“, а другой „богатством преизобилуш, но незело велика рода“. Ссора этих двух „благоверных людей“ в повести как бы олицетворяет разлад внутри самого класса землевладельцев в XVI—XVII веках. Но эти правдивые наброски в „Повести о Марфе и Марии“ затемнены сказанием о явлении унженского креста, а покорные своей судьбе бесплотные и богобоязненные Марфа и Мария более принадлежат житию, чем живой русской действительности.

Следуя известному ленинскому указанию, мы берем из каждой национальной культуры только ее демократические элементы. Поэтому советскому исследователю, который руководствуется марксистско-ленинским учением о неодолимости нового, так дороги эти нарождающиеся „демократические

элементы“ в старинной русской повести XVII века; пускай они еще незрелы и слабы, но это и было, по слову Белинского, то „плодовитое зерно русской жизни“, которому приготавливался славный рост в будущем.

И житье-бытье обыкновенного рядового русского человека—его радости и горести—впервые представилось авторам демократических повестей XVII века настолько важным и поучительным, что повествование о судьбах этого подлинного положительного героя становится определяющим признаком демократической повести этого времени. Предшествующая древнерусская литература редко избирала своим положительным героем простого человека из народа, неизвестного летописи и житию. И только в XVII веке, когда литературное творчество стало достоянием демократических слоев, беззаветные удалыцы — донские казаки из „Повести об Азовском сидении“, смекалистый „убогий“ „земледелец“ из „Шемякина суда“ и настойчивые крестьяне из „Ерша Ершовича“, а равно и другие простые русские люди могли стать положительными героями художественного повествования.

В повестях, более чем в каком-нибудь другом жанре богатого литературного наследия XVII века, запечатлены черты живой русской действительности. Правдивые картины старинного быта сохранила нам „Повесть о Савве Грудцыне“; „нестроение“ в бурной жизни неустойчивого купеческого сына, порывающего со „стародавними“ устоями, изображено на широком фоне минувших исторических событий, „смуты“ и войны с Польшей из-за Смоленска в 1632—1634 годах. Уходящий „старинный“ быт с его „недостатками“ и „нищетой последней“ запечатлела поэтическая „Повесть о Горе-Злочастии“. Подлинная человечность и глубокое раздумье над невеселой судьбой простого русского человека отличают эту замечательную былинно-песенную книжную повесть.

„Но особенно любопытны исторически-старинные сказки в сатирическом духе, каковы... „Шемякин суд“ и „Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове“... Эти сказки в тысячу раз важнее всех богатырских сказок, потому что в них ярко отражается народный ум, народный взгляд на вещи и народный быт“, — писал В. Г. Белинский. В эпоху ожесточенной классовой борьбы трудящиеся массы, „всякие маломочные, простые черные люди“, сильнее почувствовали свои „обиды“; чаяние лучшей жизни подсказывало простым людям XVII века и трезвое сомнение в справедливости стародавнего крепостнического уклада и негодующую насмешку над „хозяевами жизни“ — крепостниками; так с подъемом демо-

кратической общественной мысли расцвела и народная сатира в середине XVII века.

Сатирическое направление в истории русской демократической литературы XVII века было передовым идейным течением, которое выражало возросшую активность низов русского общества. Только с демократизацией русской литературы, с появлением „земских книгочиев“, во второй половине XVII века могла возникнуть такая народная сатира.

Смешное рождается в сатирических повестях вроде „Шемякина суда“, по воле их авторов, от намеренно „посмеятельного“ освещения, очень тонкого и порой замысловатого, важной социальной темы. Сущность „смехотворного письма“ XVII века кроется в насмешливой двусмысленности, с которой сам автор с художническим умыслом относится к доподлинности изображаемых им событий. Действительно, жизненность замысла и правдивость в описаниях такой русской бытовой повести, как „Шемякин суд“, не вызывают никаких сомнений, здоровая реалистическая устремленность этой сатирической повести в изображении русского быта также очевидна, и тем не менее построение сатирических образов, глубоко реалистичных в своей основе, весьма своеобразно и как-то непривычно для современного читателя: все события в повести „Шемякин суд“ соотносимы с живой действительностью, и в них нет ничего сверхъестественного, но, несмотря на это, предметом изображения служит необычное в житейском смысле. Нарочитость в нагромождении самых странных случайностей, какие только могут выпасть на долю неудачника; необычайный успех, который сопутствует убогому во всех его злоключениях; на редкость незадачливые истцы и изворотливый подсудимый; наконец удивительно „занятные“ преступления и не менее „затейливые“ судебские приговоры — в этом пристрастии ко всему необычайному, редкому в будничной жизни сатирическая повесть „Шемякин суд“ сближается с русской бытовой сказкой, для которой, как и для всякой сказки, необычное является непременным признаком сказочности содержания. Это и есть та богатейшая народная „выдумка“, которую особенно ценил в русских сказках М. Горький.

Реалистическое изображение быта в сатирической повести „Шемякин суд“ мало напоминает бытописание XIX века, оно слишком своеобразно; реалистическая бытовая изобразительность в повести XVII века дана в немногих предметных подробностях русского быта, эти подробности описаны, или, лучше сказать, помянуты, немногими словами, так скупно и в то же время так выразительно, что становится очевидной

жизненная значимость какого-нибудь обыкновенного хомута, которого не нашлось у беднейшего брата, или поповских полатей, с которых сорвался изголодавшийся во время ужина убогий брат.

Каждая подробность быта, подмеченная русским сатириком XVII века, запечатлена в повести русским словом, в ней отразился русский взгляд на вещи и обнаруживается недоговоренное отношение русского сатирика ко всему происходящему, потому-то про народные сатиры XVII века можно сказать словами Белинского, что они писаны не только „русским языком, но и русским умом“.

Противоречие между этим своеобразным житейским окружением и происходящими среди него необычайными, почти несбыточными событиями не может не смешить; смешно потому, что повесть „Шемякин суд“ стремится изобразить несообразное как возможное и даже существовавшее в действительности; такой правдоподобный вымысел служит целям сатирического изобличения крепостнического уклада.

Демократическая сатира стала выражением народного негодования и протеста против гнета крепостнического строя; неизвестные авторы „Ерша Ершовича“ и „Шемякина суда“, „Калязинской челобитной“ и „Карпа Сугулова“ смело и хлестко бичуют и хищничество крепостников, и „лихоимство“ воевод, и стяжательство монастырей, и распутство высшего духовенства; эти демократические сатиры, богатые меткими жизненными зарисовками, отразили чаяния и помыслы народных низов, страждущих от всяких „обид, насильств и разорений“. Народная сатира XVII века, тесно связанная с лучшими традициями русской публицистики XVI века, стоит в преддверии „реально-обличительного направления“ русской литературы XVIII века; „литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сих пор стоит на сатире“, — писал Н. А. Добролюбов.

Семнадцатый век начался крестьянской войной и героической борьбой за свободу земли русской против польско-шведских интервентов.

В годы „великой разрухи Московского государства“ и „всеконечного разорения“ борьба русских людей с польско-шведскими интервентами и их ставленниками-самозванцами за национальную независимость стала общенародной. Самозабвенная любовь к родине и сознание патриотического долга сплотили лучших русских людей того времени. „Стоять за истину всем безыменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми, и не противиться им ни в чем, на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы и жен

и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было“, — единодушно решили нижегородцы в своем „приговоре“. Русские города в своих грамотах призывали друг друга „стояти заодно“, „ожить и умереть вместе“, „покамест еще свободны, а не в работе“ (то есть в рабстве. — *И. Л.*). В борьбе с захватчиками русские писатели в „сказаниях“ и „посланиях“ смело утверждают неведомую дотоле гражданственную идею „всей земли“, замечательную мысль о том, что только „народ“ есть „хранитель“ „государства“, а сам „царь“ явится „по избранию всех людей“.

Горячей верой в могущество „великого“ народного „моря“, „труждающихся“ простых русских людей согрета демократическая „Новая повесть“; это пламенный патриотический призыв к „подвигу“, вооруженному восстанию против „душепагубных волков“ — интервентов. „Мужайтесь и вооружайтесь... Что стали? Что оплошали?“ — со страстной убежденностью восклицает автор, непримиримый враг бояризмиков, „земледержцев и правителей“, что „со враги соединились“.

И позднее русский народ мужественно защищал рубежи своей отчины от иноземных захватчиков. Знаменитые народно-поэтические повести об азовском взятии и осадном сидении вдохновенно рассказывают о самоотверженной борьбе простых русских людей против реакционного разбойничьего турецкого феодализма, захватившего исконные русские земли по берегам Черного и Азовского морей. Беспримерная азовская эпопея 1637—1642 годов, когда пяти тысячная „дружина малая“ „богатырей святорусских“, вольнолюбивых донских казаков, самоотверженно выдерживала свирепый натиск трехсоттысячной армии „здохитренных волков“, турецких „басурманов“, воспета в этих призывных демократических повестях. С благородным патриотическим воодушевлением поведал автор „воинской“ повести о том, как отважные донские казаки „аки львы яростные“, „яко орли парящие“, хотя у них „уста кровию запеклись, не пиваючи и не едаючи“, „молодецким мужеством и промыслом“ бьются с „неправыми убийцами“, „разбойниками непощадными“, „бусурманами“ и их главою — „скаредной собакою“ и „худым свиным наемником“ турецким султаном. Это волнующая патриотическая повесть о воинской доблести наших предков, о „простом величии простых людей“.

В. И. Ленин указывал, что создание единого государства сопровождается национальным пробуждением.¹ В эпоху

¹ См. В. И. Ленин. Ленинский сборник, XXX, стр. 62.

создания централизованного государства и победоносной борьбы с иноземными захватчиками подъем национального самосознания в широких слоях русского народа вел к расцвету самобытной и многогранной, яркой и красочной русской культуры XVII века. В эту переломную историческую эпоху роста государственности и патриотического воодушевления, когда носителями новых эстетических устремлений стали демократические писатели и читатели, для передовой русской литературы характерно тяготение к народному творчеству.

Русская литература в этом отношении разделила судьбу русского искусства XVII века, которое в своих эстетических исканиях, проникнутых гуманистическими настроениями и стремлением к „живству“, в той или иной мере также тяготело к народному творчеству. Знаменателен пример лучшего русского композитора конца XVII века В. П. Титова, который смело использовал в своем творчестве чудесные ритмические и гармонические обороты русской народной песни, предвосхитив тем самым аранжировку народной музыки у М. И. Глинки и П. И. Чайковского. Искусные зодчие холоп Сенька Петров и стрелец Ивашка Михайлов построили в 1667—1668 годах „восьмое чудо мира“ — Коломенский дворец, этот шедевр „сказочного“ деревянного зодчества. В гражданских кирпичных постройках второй половины XVII века почти безраздельно господствуют традиции народного деревянного зодчества. Народные художники XVII века создали знаменитые фрески ярославских церквей, проникнутые духом жизнерадостного народного творчества. Примеры творческого освоения русскими художниками народной песни, народного деревянного зодчества и народного орнамента в русском искусстве XVII века убедительно свидетельствуют о том, что тяготение к народному творчеству стало прогрессивным идейным направлением, общим как для передового русского искусства, так и для демократической литературы XVII века.

Взаимное тяготение устно-поэтического творчества и литературы обусловило своеобразие самой художественной формы русских повестей того времени. Современный читатель, знакомый с русскими повестями XIX века, не найдет в настоящем издании привычного ему жанра. Действительно, под старинным именем „повести“ в XVII веке были объединены очень своеобразные по замыслу и разнообразные по своему художественному воплощению прозаические произведения. Поражает разнообразие художественного облика самобытных русских повестей XVII века: здесь и „сказочный склад“ „Повести о Карпе Сутулове“, и былинно-песенный

„лад“ „Повести о Горе-Злочаштии“, и „подметное письмо“ в „Новой повести“, и „судный список“ в „Повести о Ерше Ершовиче“.

Но все эти повести отчасти сродни друг другу, ибо действительность, изображенная русскими писателями XVII века, предстает перед современным читателем как особое, хотя бы внешне более или менее сходное художественное отражение, в котором подлинная историческая реальность преломляется сквозь призму своеобразного реалистического художественного метода. Русскую повесть XVII века характеризует способ реалистического изображения человека, способ, по своей природе тождественный реалистическому методу некоторых жанров русского народного творчества.

Рассказывая, порой очень вдумчиво, нехитрую биографию простого русского человека, автор демократической повести XVII века изображает житейские отношения в сущности тем же способом, что и русские сказочники, которые в сказке отразили социальную действительность своего времени.

Мятежные русские крестьяне, что сражались вместе с Разиным, когда не было еще рабочего класса, выразили стихийное возмущение угнетенных масс против феодального гнета, и, выступая против помещиков, разинцы оставались еще в плену царистских предрассудков.

Этим и объясняется важнейшая особенность демократической литературы этого времени, а именно идейно-политическая незрелость критики современной ей русской действительности. Русский писатель XVII века, отражая в своем творчестве стихийное возмущение трудового народа, видит социальную несправедливость, но еще не сознает до конца, во имя чего и против чего он протестует. Сатирик XVII века останавливается перед противоречиями действительности, и мысль его колеблется между отрицанием и порицанием бытового уклада. Он мысленно скользит по поверхности общественной жизни, замечая во всем житейское „нестроение“. Его внимание привлекают и незаконное „похолопливание“, и „лихоимство“ судей, и „монастырский разгул“, и „кабацкое разорение“, но он не мог видеть, говоря словами Добролюбова, „коренной дрянности“ общественного уклада: его сатира нападала скорее на отдельные злоупотребления, но не добиралась до самого корня зла, то есть не вскрывала сущности данного крепостнического строя. Писатель XVII века в своем творчестве дает стихийное воспроизведение некоторых бытовых происшествий, далеко не всегда обыденных и часто преувеличенных, обнаруживая

в этих беглых, иногда сознательно заостренных зарисовках быта большую зоркость и наблюдательность. Следствием политической незрелости народных движений XVII века является известная неразвитость типического в демократической литературе той эпохи. И тем не менее элементы типического бесспорно наличествуют в самой народности повестей XVII века. Добролюбовское „жизненное начало“, правдивость и искренность художественного творчества и, наконец, народность роднят демократическую повесть XVII века с реалистичным в своей основе устным творчеством русского народа.

Замечательный русский язык наших повестей XVII века еще ждет своего исследователя: сущность языка, его особенности раскрыты в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания.

„Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“, ¹— указывал И. В. Сталин. Это основополагающее указание имеет важное научное и политическое значение для марксистской истории русского языка, особенно сложной в переломном XVII веке. То было время, когда с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием всероссийского рынка русская народность развилась в русскую нацию, а язык русской народности стал русским национальным языком. „Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык“ есть форма самобытной культуры „великой русской нации“. В XVII веке, когда на Руси создавались уже буржуазные связи, когда Москва стала крупнейшим экономическим и культурным центром, тогда на основе общности территории и общности культуры языковая общность русской народности, корнями своими уходящая в далекое прошлое, развилась в языковую общность русской нации, которая углублялась и крепла по мере развития капитализма. Русский народ к XVII веку имел многовековую самобытную литературу на родном языке, имел богатый выразительный литературный язык русской народности, язык „Слова о полку Игореве“ и „Повести временных лет“. С началом „нового периода русской истории“ создается литературный язык русской нации, и этот национальный литературный язык складывался на основе курско-орловского говора и самобытного древнерусского литератур-

---

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 22.

ного языка; происходило медленное перемалывание старорусского книжного языка, продвижение вперед русского языка по внутренним законам его развития, когда литературный язык под пером русских писателей обогащался и совершенствовался за счет живого разговорного языка русской нации.

Русские повести XVII века — драгоценный источник для изучения истории русского литературного языка: повести живее и ближе, чем другие книжные источники, отражают и общенародную основу литературного русского языка и те медленные изменения основного словарного фонда и грамматического строя, которые происходили в эпоху становления национального русского языка.

Богатый и разносторонний словарный состав русских повестей XVII века действительно отражает яркую картину богатого и развитого литературного русского языка переходной эпохи. Словарный состав повестей охватывает самые разнообразные стороны хозяйственной деятельности, быта и культуры русского народа XVII века. Богато представлены здесь и общественно-политический словарь и бытовая лексика, разнообразен церковный и военный словарь, есть даже особые слова из обихода рыболова. Примечательно, например, что „Повесть о Савве Грудцыне“ наряду с „судном“ вообще знает особо и купеческий „струг“; „сказочная“ „Повесть об азовском взятии и осадном сидении“ различает казачий „легкий струг“ и тяжелую татарскую „бусу“, а историческая повесть о взятии Азова отличает гребное судно „катаргу“ и вместительную „будару“ от небольшого парусного „каюка“. Изумительно богат словарь былинной „Повести о Горе-Злочасти“:

И за то на них господь бог разгневался, —
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и бесконечную нищету, и недостатки последние...

Здесь и „напасти“, и „скорби“, и „позоры“, и „безживотие“, и „находы“, и „нагота“, и „босота“, и „недостатки“, и, наконец, „нищета“ кажутся словами почти равнозначными или, по крайней мере, весьма близкими по значению своему: ведь все эти беды сродни более или менее бедности или несчастью. И тем не менее это вовсе не синонимические повторения, как думают многие исследователи, не многословное эпическое „замедление“, а чеканная поэтическая

речь, скупая и выразительная, где верно донесены тончайшие оттенки значений, соблюдена ясность и точность смысла каждого слова. Не сходство, а различие в значениях важно здесь: ведь „напасти“ влекут за собою „скорби“, а „безживотие“ несет уже „наготу“ и „босоту“; так каждое сходствующее слово, само по себе полновесное и значительное, точное и яркое, живописует и уточняет глубокую мысль о „бесконечной нищете“.

Нет повторений в „Повести о Горе-Злочастии“; и когда автор снова возвращается к животрепещущей мысли о „нищете последней“, то помянутые выше существительные он согласовал с такими оценочными прилагательными, которые не поминались прежде:

Господь бог на меня разгневался,
и на мою бедность велись великия,
многия скорби неисцельныя,
и печали неутешныя,
скудость, и недостатки, и нищета последняя...

И общечеловеческие „скорби великия“ стали в жизни неудачливого молодца уже „многими скорбями неисцельными“, узнал он еще „и печали неутешныя“; здесь каждое слово сообразно и соразмерно с мыслью целого произведения, и автор применил его так, что даже при соединении подобных по значению слов нет, кажется, в языке других слов, которые тут могли бы заменить их.

Русский писатель XVII века мог черпать нужные слова из словаря старинной книжности и словарного состава живых областных говоров. И в этих неиссякаемых источниках еще Н. В. Гоголь видел залог несравненного богатства великого русского языка: „...он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека“.

И в одной и той же речи донских казаков в „поэтической“ „Повести об азовском сидении“ (цит. по списку Ундольского) есть и старые книжные слова и меткие речения живой областнической речи, а слог автора этой повести то величавый и торжественный, то бойкий и насмешливый: „А государство московское многолюдно, велико и про-

странно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орд бусурманских персидских и еллинских, аки в небе солнце“. И опять каждое слово исчерпывает то значение, которое требуется от него мыслью всей повести; с чувством патриотической гордости автор говорит, торжественно и проникновенно, о своей родине, что „сияет светло“, и важность мысли оправдывает здесь книжные „паче“ и „аки“.

Иная речь обращена к врагам русской земли: „Равен он, ваш турецкой царь, за свое глупое высокоумие бешеной собаке“. Или еще: „Да вы же нас пужайте, бусурманы поганые, что с Руси к нам запасов не пришлют и выручки не будет...“ Бойкая насмешка, „задирающая за живое“, звучит в этой речи отважных казаков, где уместны и областническое „пужайте“ и даже просторечное „бешеная собака“.

Не только отдельные „старые словеса“, но и целые изречения, почерпнутые из старинной книжности, по-новому применяют авторы повестей XVII века. В „поэтической“ „Повести об Азовском сидении“ вчерашние крепостные, что „отбежали“ „из работы вечныя, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых“, а теперь вольные казаки, по-своему применяют с веселым лукавством ума старое евангельское изречение о нестяжательстве: „Питаемся мы, аки птицы небесныя, ни сеем, ни орем, ни в житницы собираем, так питаемся подле море Черное“.

Словарный состав языка непрерывно пополняется новыми словами, возникновение которых связано с развитием производства и культуры; одновременно некоторые слова ветшают и редко употребляются, но основной словарный фонд сохраняется как основа словарного состава.

Словарный состав литературного языка XVII века, как видно из материалов повести обогатился целым рядом новых слов, дотоле известных только разговорному русскому языку и отчасти деловой речи.

Образование новых слов, вообще многообразное в литературном языке, шло между прочим путем ласкательно-уменьшительной суффиксации, богатством и гибкостью которой русский язык превосходит другие языки мира. Ограбленные крестьяне — истцы в „Повести о Ерше Ершовиче“ — поминают в челобитье своих обиженных „женишек“ и „детишек“, а свидетели подтверждают, что эти крестьяне „добрые люди“, „кормятся своею силкою вотчинкою“. И эти ласкательно-уменьшительные формы только некоторых существительных в речах истцов и ответчиков на суде придают всей речи повести особое значение: герои-крестьяне как нельзя лучше выразили свое достойное отношение, свои

мягкие и добрые чувства к ближним своим и к односельчанам, попавшим в беду. Зато захватчик Ерш из самозванных „детюшек боярских“ в крестьянском челобитье назван „ершишкой-воришкой“, и уничижительные суффиксы наилучшим образом передают насмешку народа над наглым, хотя и бессильным Ершом.

Значительно обогатилась специальная терминология, военная в частности, в русском литературном языке XVII века. Савва Грудцын в одноименной повести записывается уже не в стрельцы, а в „солдаты“, и так изрядно постиг воинское учение, что „ни малого порока во всем артикуле имеюща“.

Наряду с древним названием огнестрельного оружия „граматы“ в поэтической „Повести об Азовском осадном сидении“ поминаются и тяжелая осадная артиллерия — „ломовые пушки“, и крупнокалиберные мортиры — „верховые пушки“, и „тюфяки“, стрелявшие картечью, и ручное огнестрельное оружие — „мушкеты“, и, наконец, „пищали долгие“ для прицельной стрельбы, с „жаграми“, то есть пальниками для воспламенения заряда.

Примечательно жаргонное употребление новоявленных иноязычных слов в „Повести о Фроле Скобееве“.

Созданный веками и вошедший в кровь и плоть языка грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд; грамматический строй совершенствовался и обогащался новыми правилами, но основы его сохраняются в течение ряда эпох.

Грамматический строй национального русского литературного языка эпохи складывания русской нации совершенствовался и улучшался, сохраняя тем не менее свои давние самобытные основы. Для национального русского литературного языка характерно было существенное изменение в именном склонении, которое постепенно было упорядочено по категории рода, а не основы, как в древности.

Язык повестей XVII века, отражающий живой разговорный общенародный язык этого времени, отчетливо свидетельствует об этом улучшении именного склонения в русском языке. Разговорному языку обязано широкое распространение окончания „у“ в родительном падеже единственного числа у существительных мужского рода в литературном языке повестей XVII века. Здесь многие существительные мужского рода в родительном падеже от слов, не предметных по своему основному значению, вроде „глад“, „час“, „совет“, „род“, „гнев“, принимают окончание „у“.

Тогда же в русском именном склонении усиливалось противопоставление единственного и множественного числа, что привело к утрате родовых различий во множественном

числе. Показательно, что в литературном языке таких повестей, как „Горе-Злочастье“ и „Калязинская челобитная“, живо передающих разговорный русский язык XVII века, господствуют новые формы дательного и творительного падежа множественного числа: „богомольцам“, „неводами“.

В русском глаголе веками слагалась новая система видо-временных отношений, и литературный язык повестей явно отрадил и это важное улучшение грамматического строя русского языка.

Судьба аориста в языке повестей красноречиво говорит о постепенном сложении современной категории вида. Аорист в XVII веке стал уже достоянием одной только книжной речи, где сохранил свое древнее значение повествовательного времени. Правда, в литературном языке XVII века он был еще полуживой категорией, и без аориста не мог обойтись в „сказочной“ „Повести об Азовском взятии и осадном сидении“ даже писатель, происходивший, видимо, из донских казаков. Обычно в повестях аорист образуется от основ совершенного вида, но это древнее образование аориста часто перебивается новообразованием от основ несовершенного вида: „...и аз идох ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову“, — читаем в „Повести о Карпе Сутулове“, и аорист „идох“ от глагола несовершенного вида обозначает здесь действие единичное, возможно длительное, но завершенное уже в прошлом. Нередко аорист употребляется в одном и том же временном плане с современным прошедшим от основ того же вида: „И не доходя до Азова за день, стали в камышники тайно и начаша думать, како бы Азов взяти“. В ряде случаев аорист выступает со значением настоящего, а иногда и будущего простого времени: „И видят себе казачи милость божию, и наипаче крепко бишася и велми утрудисася и притомишася“, — сказано в той же „сказочной“ „Повести об Азовском сидении“. Наконец, в повестях нередко нарушается согласование сказуемого, выраженного аористом, с подлежащим в числе и даже в лице: „...рекох мне он“, — рассказывает герой одноименной повести Карп Сутулов про своего друга Афанасия Бердова, а вместо третьего лица употреблена форма первого лица. Все это не может не свидетельствовать о медленном отмирании аориста в литературном языке XVII века.

Особенно ярко проявилось улучшение и обогащение грамматического строя русского литературного языка XVII века во всестороннем росте союзного сложно-подчиненного предложения.

Сравнительно с прошлыми веками в русском языке XVII века умножаются разнообразные подчинительные союзы,

число их достигает теперь 80, что не может не говорить о богатстве средств выражения синтаксических отношений. Особенно многочисленны в языке повестей XVII века временные союзы-наречия, их трудно даже перечислить: „когда“, „егда“, „внегда“, „дондеже“, „донележе“, „отнележе“, „докамест“, „коли“, „доколе“, „нежели“, „покамест“, „пока“, „докуда“, „покуда“, „как скоро“, „коль скоро“, „лишь только“ и многие другие, различающиеся оттенками значений и стилистическим применением.

Важно, что именно в XVII веке получают всенародное распространение в литературном языке такие необходимые уточненные подчинительные союзы, как „если“, „когда“, „хотя“, „чтобы“, „потому что“, которые употребляются отныне в их современном смысле и назначении. Эти важнейшие исконные, но отобранные и обновленные подчинительные союзы медленно и с трудом вытесняют в литературном языке повестей соответствующие старые союзы; и в повестях нередко в одном предложении встречаются „когда“ и „егда“, „если“ и „аще“, „потому что“ и „бо“.

Примечательно, что временной союз „как“ господствует в языке повестей о Фроле Скобееве и Горе-Злочастии, из которых первая верно передает деловую, а вторая — устно-поэтическую речь.

Впрочем, литературный язык повестей изобилует разными переходными, порой даже пережиточными синтаксическими конструкциями от сочинения к подчинению. Еще велико значение разных соотносительных слов, особенно во временных предложениях, где они подкрепляют и усиливают значение еще маловыразительного подчинительного союза. В таком сложном предложении в зависимой части есть подчинительный союз, а в главном предложении, кроме соединительного союза, имеется еще соотносительное обстоятельство времени, которое выражено именем или наречием.

В повестях XVII века несвободный порядок расположения зависимого и главного предложения в составе неразвитой сложно-подчиненной конструкции обуславливал разные степени синтаксической подчиненности. Временные и условные придаточные предложения чаще всего предшествуют главному, а причинные и целевые последуют за главным предложением.

Нередко наряду с подчинительным союзом разнообразные сочетания видовременных форм сказуемых служат для выражения временных отношений между предложениями.

Только в конкретном исследовании словарного состава и грамматического строя литературного языка может быть

определено неповторимое своеобразие сильного и выразительного слога русских повестей XVII века.

„Под „слогом“, — писал В. Г. Белинский, — мы разумеем непосредственное, данное природою, умение писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодотворным в краткости, тесно сливать идею с формой и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа“. И Белинский здесь со всей определенностью указывает на непосредственное единство формы и содержания в слоге писателя, владеющего общенародным языком; потому что при единстве общенародного языка яркое разнообразие и разительное многообразие слога повестей XVII века, столь не схожих по идейному замыслу, было необходимо и неизбежно, особенно в эпоху не установившегося еще национального литературного языка.

Един общенародный русский язык XVII века в основе своей, в основном словарном фонде и грамматическом строе, но непосредственное единство художественной формы и идейного содержания, претворенное в слог каждой повести, остается неповторимо оригинальным: в одном и том же русском языке творили современники — авторы повестей о Савве Грудцыне и Горе-Злочастии, но первый избрал слог книжный, изобилующий старинным словоизменением, а второй предпочел слог устно-поэтический, с присущими последнему особенностями словопроизводства.

Богат своим словарным составом и грамматическим строем, красочен своим стилистическим многообразием литературный язык старорусских повестей. А. М. Горький верно оценил это: „В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии“.

Буржуазные ученые упорно отказывались видеть идейные и художественные достоинства русских повестей XVII века. Только советская наука, вооруженная великим учением марксизма-ленинизма, смогла по достоинству оценить самобытное литературное наследие Московской Руси: ведь достижения демократической повести XVII века подготовили расцвет русской прозы XVIII века. „Живая струя“ благодетельного“, по словам Белинского, „сатирического направления“ протекла от „Ерша Ершовича“ и „Калязинской челобитной“ к сатирическим „отпискам“ дворянского просветителя Н. И. Новикова и басням И. А. Крылова и далее, до знаменитых сказок великого сатирика революционной демократии М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Советский читатель с чувством национальной гордости примет лучшие патриотические и демократические повести XVII века. „В старинной литературе нашей есть чему поучиться“, — говорил основоположник советской литературы А. М. Горький, обращаясь к „инженерам человеческих душ“, советским писателям, создателям самой передовой, самой идейной литературы в мире.

С Т А Т Ь И
И
П Р И М Е Ч А Н И Я

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Окончательное объединение русских земель вокруг Москвы и создание централизованного Русского государства было обусловлено ростом производительных сил страны и потребностями обороны от внешних врагов. Победа над крупными феодалами-боярами, одержанная во второй половине XVI века царем Иваном IV, опиравшимся в своей политике на служилое дворянство, способствовала созданию сильной централизованной власти. Но Русское государство было феодальным, а потому утверждение самодержавия в нем происходило за счет угнетения народных масс и в первую очередь крестьянства. Вспыхнувшая с новой силой после смерти Грозного борьба в лагере крепостников — бояр и поместных дворян — за власть, землю и вотчины тяжелым бременем ложилась на крестьян, вела к их экономическому оскудению.

Бедственное положение трудового народа дошло до предела в страшные 1601—1603 годы, когда в стране свирепствовали голод и моровое поветрие. Доведенные до отчаяния крестьяне брались за оружие против своих угнетателей. К крестьянскому движению непосредственно примыкала „черная“ посадская городская масса, а с нею мелкие служилые люди и казацкие низы.

Таким образом, феодальная эксплуатация привела в начале XVII века к возникновению крестьянской войны на Руси.

Внутренние потрясения, переживаемые Русским государством, были предметом пристального внимания со стороны польской шляхты. Польско-литовское правительство во главе с королем Сигизмундом III с вожделием мечтало не только о расширении своих владений за счет богатых порубежных

русских земель, но и о подчинении всего Русского государства. Католическая церковь в свою очередь надеялась распространить на Руси католичество. Не решаясь вначале на открытую войну, польская шляхта пыталась дважды захватить Русское государство при помощи самозванцев: Лжедмитрия I в 1604—1606 и Лжедмитрия II в 1607—1609 годах. Когда же обе эти попытки потерпели неудачу, польское правительство перешло к открытой интервенции. В конце сентября 1609 года двадцатидвухтысячное войско Сигизмунда вторглось в пределы русской земли и осадило Смоленск.

Между тем борьба за политическое господство в лагере крепостников не ослабевала. После распада тушинского лагеря у бояр и поместных дворян, служивших Лжедмитрию II, созрел новый план борьбы с московским царем Василием Шуйским и крестьянским движением. Они решили посадить на московский престол сына польского короля — Владислава. С этой целью к Сигизмунду под Смоленск было направлено посольство во главе с боярином Михаилом Салтыковым. После переговоров с послами Сигизмунд спешно направил к Москве польский отряд гетмана Жолкевского.

В самой же Москве росло недовольство правительством „боярского царя“ Шуйского. Вскоре он был свергнут с престола, и власть перешла к боярской думе, ориентировавшейся на Владислава. Но сильна была также и другая партия, возглавляемая патриархом Гермогеном, выдвигавшая на престол русского — князя В. Голицына. Однако, опасаясь захвата Москвы крестьянами и казаками, обе партии сошлись на кандидатуре Владислава и заключили договор с гетманом Жолкевским, стоявшим под столицей.

В августе 1610 года Москва под давлением бояр присягнула Владиславу. К Сигизмунду с договором было направлено великое посольство.

Едва послы успели выехать из Москвы, как бояре, рассчитывая парализовать действия народных масс, недовольных избранием Владислава, тайком впустили в Кремль польские войска.

Великое московское посольство, прибывшее под Смоленск, ссылаясь на заключенный с Жолкевским договор, потребовало от Сигизмунда немедленной присылки Владислава и вывода польских войск из России. Однако теперь это не входило в намерения короля: он сам собирался сесть на московский престол. Но вначале нужно было овладеть Смоленском. Поэтому под различными предложениями поляки требовали от посольства сдачи этого города. Русские послы ответили категорическим отказом. Тогда употреблены были

все средства, чтобы удалить из-под Смоленска неуютное королю посольство. Некоторые из послов, прельстившись королевскими подарками, в декабре 1610 года уехали домой; оставшиеся продолжали настойчиво требовать выполнения Сигизмундом условий договора.

В Москве тем временем хозяйничали поляки и „доброхоты“ Сигизмунда, добиваясь признания его московским царем. Вся власть фактически была сосредоточена в руках резидента польского короля Жолкевского, которого затем сменил польский магнат Гонсевский, боярина Михаила Салтыкова и проходимца Федора Андронова, получившего от короля чин думного дворянина. Бояре из думы, которых народ презрительно называл „землесьедами“, были послушным орудием в руках интервентов и изменников из русских.

Упорное сопротивление сторонникам польского короля оказал патриарх Гермоген. Когда Салтыков потребовал от патриарха признать царем Сигизмунда и приказать великому посольству „положиться на королевскую волю“, Гермоген с негодованием отказался, проклял Салтыкова и в Успенском соборе призвал посадских людей не целовать крест королю. В глазах средних слоев населения Москвы Гермоген — ярый враг католичества и поляков — становился личностью, могущей сплотить русских людей в борьбе с польскими интервентами.

Спасение родины от захватчиков становилось главной задачей русского народа.

К этому историческому моменту подъема национального самосознания русских людей и относится создание любопытного патриотического памятника древнерусской литературы — „Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском“.

* * *

„Новая повесть“, написанная неизвестным автором в конце декабря 1610 или в начале января 1611 года, известна нам пока в единственном списке XVII века. Название ее, приписанное в списке чужою рукой, повидимому позднейшее. Это произведение не укладывается в рамки традиционных древнерусских литературных жанров — повестей, сказаний или так называемых „плачей“ — и по форме может быть соотнесено с тем видом обличительно-агитационной литературы поры „смуты“, который известен под названием „подметных писем“. Да и сам автор повести в послесловии неоднократно называет свой труд письмом, пред-

назначенным для распространения среди „доброхотов Российского царства“.

Тем не менее по своей пространности и литературным особенностям „Новая повесть“ не является обычным „подметным письмом“ — кратким по объему и деловым по содержанию. Не могла повесть и распространяться, как „подметные письма“, наклеивавшиеся по ночам на воротах и стенах домов или разбрасываемые в людных местах. Очевидно, автор заранее хорошо знал тех конкретных своих единомышленников, на которых он мог твердо рассчитывать, что, найдя искусно подброшенное письмо, они не только прочтут и „уразумеют“ его сами, но и позаботятся о его распространении. Поэтому он не жалел труда и красок, чтобы написать „обо всем“, что волновало ум и сердце русского человека. Автор не ошибся: безыменные патриоты не только читали, переписывали и распространяли письмо, но и сохранили его для нас.

„Новая повесть“ — один из первых образцов „потаенной“ литературы и первый по времени из сохранившихся литературных памятников, содержащих протест против насилий интервентов.

Предательская роль бояр, готовых подчинить Сигизмунду все Русское государство, бесчинства поляков в Москве возмущают национальное чувство автора. Сознывая, какая опасность нависла над Русью, он берется за перо с вполне определенной целью — поднять „преименитого великого государства, матери городов Российского царства православных христиан, всякого чина людей“ на борьбу с польскими интервентами, захватившими Москву и угрожавшими национальной самостоятельности всего Русского государства. Но для этого нужно было раскрыть и пояснить народу тайные замыслы Сигизмунда, показать истинное лицо поляков, хозяиначавших в Москве, доказать предательскую роль московского боярства и разоблачить явных изменников родины — М. Салтыкова и Ф. Андронova.

Вместе с тем нужно было показать народу и защитников Русского государства, каковыми, по мнению автора, являлись граждане осажденного королем города Смоленска, великие послы к Сигизмунду, не уступавшие его требованиям, и „опора веры“ — патриарх Гермоген.

Наконец, по мысли автора, нужно было убедить русских людей, что искупить „грехи“, в „наказание“ за которые „бог послал“ иноземное иго, можно лишь „подвигом“ и „радением“, то есть вооруженным восстанием.

Выполняя эти задачи, автор не стремится всесторонне описывать события: он только обсуждает и оценивает факты,

или еще не известные народу — например, поведение Салтыкова и Андропова, — или, наоборот, уже всем хорошо знакомые, ограничиваясь зачастую лишь намеками на какое-либо обстоятельство.

„Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и стоим вкупе крепостне за православную веру и за святая божия церкви и за свои души и за свое отечество и за достояние, еже нам господь дал. . .“ — так начинается свою повесть автор, обращаясь к москвичам. Призывом к восстанию на поляков он ее и заканчивает. Этот же призыв дважды повторяется в тексте повести, разделяя ее таким образом на три части, причем содержание каждой из них направлено к тому, чтобы показать необходимость вооруженной расправы с интервентами и изменниками.

Скорбя о том, что „мати градовом в Росийском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася и предалася и в волю их далася“, автор в пример москвичам ставит героических защитников Смоленска. Он призывает сограждан „подивиться крепости, душевному величию и непреклонной воле“ смолян, которые, обороняясь, „великую всякую скорбь и тесноту терпят, а общему нашему сопостату и врагу королю не покорятся и не здадутся“.

На пути к осуществлению захватнических планов Сигизмунда и другое препятствие — великое московское посольство. Послано оно было под Смоленск, по выражению автора, „ради добрейшего дела“: просить на московский престол королевского сына Владислава с тем условием, чтобы король, приняв православную веру, свое „злое сродство забыл“; чтобы „можно было выслать из царствующего града нашего и изо всей нашей земли вон врагов наших и губителей, выгнать их, словно волков злых и голодных“; и чтобы „затем не лилась уже неповинная кровь христианская и волнение бы окончилось“.

Однако уже то обстоятельство, что договор с „подручником ево [короля] з Желтовским, с таким же безбожником, яко же он сопостат“, заключали „земледержьцы, ныне же. . . : землесъедцы“, то есть московские бояре, заставляет автора повести относиться к посольской миссии недоверчиво, тем более что и в составе посольства были представители этих самых „правителей, ныне же, близ рещи, и кривителей“. Уже многие из послов „врагу королю поклонились“ и разъехались. Остались немногие. Они пока „непреклонны волей своей“ и настаивают на выполнении условий договора, но король, по глубокому убеждению автора, „и в уме не помышлял о том“. Подобно прежним польско-литовским

правителям, Сигизмунд „хочет государством нашим овладеть, а в нем бесчисленные богатства захватить“.

Автор, однако, уверен, что „отнюдь его воли не бывать, и самому ему у нас не живать, да и не только ему самому, но и рожденному им, если тот не будет освящен, как и мы, божией благодатью“. Эту собственную мысль автор вкладывает в уста послов, потому-то и хвалит их стойкость и мужество.

Таким образом, хотя здесь кандидатура Владислава и не отвергается безусловно, но уже ставится под сомнение.

Пока что только две силы, по мнению автора, препятствуют осуществлению коварных планов Сигизмунда. Это— Смоленск, который „злого короля за самое злонаравное и жестокое сердце ухватил“ и „его устрашает“, и патриарх Гермоген, который „стоит непоколебимо, как столп, посреди нашего великого государства...“

Но автор думает, что одни эти силы не смогут спасти русскую землю, если народ не поддержит их и не включится в активную борьбу с интервентами. Поэтому страстным призывом к русским людям он и заканчивает первую часть своей повести:

„Приидите, приидите, православнии! . . Мужайтесь и вооружайтесь и тщитесь на враги своя, како б их победити и царство свободити!“

Вторая часть „Новой повести“ посвящена разоблачению тайных планов Сигизмунда и изменнических действий его „доброхотов“ на материале тех событий, которые произошли непосредственно в Москве.

Автора возмущают бесчинства поляков. По его словам, они „всем нам смерть показывают, и поругаются и насилуют нам, и посекают нас и домы наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту...“ Намекая на преступление поляка Блинского, стрелявшего в икону, он взывает к религиозным чувствам москвичей.

Поляки хотят безраздельно властвовать в Москве, но пока не чувствуют себя для этого достаточно сильными. Они не решаются „возмутить“ великое народное „море“, боясь, что потонут в нем сами. Поэтому они и вынуждены, скрывая свое истинное лицо, наказывать своих соотечественников за совершенные преступления; поэтому они и русских людей „в воинском чину... ссылают долов“, а стягивают в Москву поляков из других городов, чтобы „их, врагов, было много, а нас было мало“; поэтому они лицемерно уверяют, что Сигизмунд пришлет скоро своего сына.

„Отнюд ничему тому не бевати, православнии, что сыну зде у нас живати; сами видите, что все — блазный оман и

прелесть“, — утверждает автор, внушая москвичам мысль о необходимости отказаться от подчинения избранному в цари королевичу Владиславу.

По мнению автора, король не только не прочит царство для сына, но и сам жить здесь не хочет, а предпочитает покорить Русь, лишит ее национальной самостоятельности и управлять ею через своих подручных, которые стали бы „дани оброки всякия тяжкия имати и к нему бы, ко врагу, аки бесом сатане жертва, приносить“.

Видная роль в осуществлении планов интервентов, по мысли автора, принадлежит изменникам Русского государства. Для того чтобы разоблачить перед народом их предательскую сущность, он подробно описывает столкновение Гермогена с „злоначным губителем“, в ком москвичи без труда могли угадать боярина Михаила Салтыкова.

Антипольская линия поведения Гермогена в политике и антикатолическая — в идеологии, его стойкость и непреклонность вызывают восхищение у автора. По его мнению, он „ныне един уединен стоит и всех держит и врагом сурово прет...“ Нет у него пособников ни среди духовных лиц, ни тем более среди бояр. Враги замышляют погубить Гермогена, а с его смертью, по мысли автора, православная вера должна погибнуть, если сам народ не встанет на ее защиту.

Укоряя сограждан в том, что они не помогают патриарху, автор, однако, не уверен, что Гермоген возглавит борьбу народа с интервентами и даст „словесное приказание и рукописание“ к восстанию. Патриарху он отводит второстепенную роль — благословить „старания и дерзновения на врагов“. Главная же роль должна принадлежать самому русскому народу, который и должен взять судьбу родины в свои руки.

„Мужайтесь и вооружайтесь!.. — призывает он. — Время, время пришло... Станем храборски за православную веру и за все великое государство, за православное христианство...“

В третьей части „Новой повести“ автор стремится на конкретных примерах обосновать необходимость немедленного восстания без приказа патриарха. Он вновь возвращается к избличению произвола поляков в Москве. Интервенты притесняют, грабят, истязают и убивают простых людей; бесчестят и насилуют женщин; товары покупают за бесценок или, угрожая смертью, отнимают их насильно.

„То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание?“ — взывает автор к москвичам.

Чтобы еще более возбудить ненависть к врагам и изменникам, в „Новой повести“ описывается и неизвестное в то время народу поведение думного дворянина Федора Андрона, назначенного по указанию польского короля казначеем на Казенный двор. Именно он, Андронов, „таким именитым государством владеет... что хочет, то творит, а никто ему не возбранит“. Это он со своими единомышленниками при попустительстве изменников-бояр опустошает царскую ризницу и хочет оставить ее, „аки пустую и безделную хранину“, это он „злата и сребра и бисерия велия ковчеги насыпает и к тому... сопостату, нашему врагу, королю... посылает“, чтобы заслужить его покровительство на случай, если ему придется бежать из Москвы от восставшего народа.

Горько сетует автор о разорении и запустении великой и прекрасной земли русской и, заканчивая повесть, вновь обращается к согражданам:

„И вы, православнии... умилитесь душою, содрогните сердцем, зряще на себе такая неудобносимыя беды и скорби... не давайте сами себя в руки врагом своим! Взяв бога на помощь... держайте на врагов своих!..“

Идейное содержание „Новой повести“ определило ее литературную форму. Автор, проникнувшись чувством прежде всего своей личной ответственности за судьбу родины, раздираемой сословной борьбой и стонущей под пятой интервентов, своим адресатом видел не какое-нибудь определенное сословие, а всю нацию, свободолюбивый русский народ. О живом деле он не мог писать с беспристрастностью историка или холодной риторичностью книжника. Отбросив всякие стилистические прототипы, он стремится найти такие литературные приемы письма, которые довели бы до читателя любого класса его внутреннее волнение и страстную убежденность в общенародной значимости его призыва.

Поэтому, не чуждаясь традиционной книжной риторики, библейских сравнений и приемов ораторской прозы, автор смело вводит в повесть сильную реалистическую струю, простонародные обороты речи и преднамеренную, выразительную игру словами, пользуясь ясным и метким народным языком. Склонность к ритмическому и рифмованному построению речи свидетельствует о намерении автора придать слову особую выразительность, а всей повести в целом эмоциональную напряженность.

Стремление быть понятным для каждого социального слоя русской нации, желание найти отклик на свой призыв в душе каждого русского человека и объясняют любопытную стилевую манеру автора „Новой повести“. Часто одно и то же событие в повести изображается в двух планах: книжно-

риторическом и реалистическом, прозаическом и рифмованном. Автор как бы переводит книжную речь на ясный и образный язык простых людей, язык прозы на речь стихотворную.

В таких, например, условно-книжных прозаических выражениях говорится в повести о цели великого посольства. Оно должно было просить у Сигизмунда на московский престол Владислава, „чтобы от того гнилаго и нетвердаго горкаго и криваго корени и древа... токмо за величества рода хотящую нама ветвь от него отвратити... и на высоком и преславном месте посадити... И рости бо той ветви и цвести во свете благоверия, и своя бы ей горести отбыти, и претворитися бы в сладость, и всем людем подовати плод сладок“.

А вслед за этим то же самое описывается в совершенно иной, стихотворной манере:

..рожденнаго бы от него у него испросити
и к нам с ним приити
и нам бы его по нашему закону аки новородити...
и на великий престол возвести и посадити,
и скипетр Росийского царства вручити.
И ему бы у нас вся добрая творити,
и закона бы нашего и устава ничем не разоряти...

„Злонравный сопостат“ Сигизмунд, предвкушая легкое осуществление своих планов, „зело зель возрадовася во злокозненем сердцы своем и воскипе всеми уды своими“. Автор сразу же подкрепляет это условное изображение реалистическим образом человека, который „части яко и на месте мало сидит, или такоже мало и спит от великия тоя своя радости“.

Поляки в Москве замыслили некоторые „врата затворити и замки закрепить, а другия буттося отворити, да и те вполы...“ с тем, чтобы жителей „всегда в тех теснити“. Это намерение в „Новой повести“ передается простонародным образным выражением — „аки мышей давити“.

Характерна также другая особенность стиля повести — употребление метких образных слов в их контрастном сопоставлении. Этим приемом автор широко пользуется, когда зло и насмешливо характеризует врагов. Так, бояре — „земледержьцы, ныне же по своему уму достигли имя, что землесъедцы“, „правители, ныне же, близ рещи, и кривители“; служат они родной земле „двоедушно, а не единодушно“. Изменники родины, явно предавшие Сигизмунду, — „ево доброхоты, а наши злодеи“. Одного из них, Андронова, по мнению автора, достойно называть не „во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго“, не „во имя страстотерьпца, но во

имя землеедца“, не „во имя святителя, но во имя мучителя“ и т. д.

Но когда автору кажется этого недостаточно, он использует и свою начитанность в древнерусской литературе. Так, для характеристики того же Андропова он использует образ честолюбивого, лукавого и лъстивого царского советника Ихнилата из переводной повести „Стефанит и Ихнилат“.

„Новая повесть“ написана от лица автора. Только однажды, при описании столкновения Гермогена с Салтыковым, употреблена прямая речь. Этим автор не только подчеркнул напряженность и драматизм эпизода, но, повидимому, стремился подтвердить свои ранее высказанные мысли авторитетным словом патриарха.

Написанное просто и ясно, без каких-либо литературных украшений послесловие „Новой повести“ имеет своей целью уверить читателей в искренности автора, в достоверности сообщаемых им фактов и побудить распространить его письмо.

Ненависть автора „Новой повести“ ко всей московской правящей аристократии, его резкий отзыв о духовенстве и наряду с этим пренебрежительное отношение к „рабам и смердам“ — все это свидетельствует о том, что он выражал интересы средних сословий Москвы.

Горькие уроки крестьянской войны, самозванщины и польско-шведской интервенции выдвигали на историческую арену новую, прогрессивную силу — посадский земский мир, национальные идеалы которого разделяли лучшие люди из простых дворян и детей боярских. Именно в этих социальных слоях зреет чувство гражданской ответственности за судьбу Русского государства, сознание своей исторической роли в борьбе с оккупантами и соединившимися с ними боярами.

Автор „Новой повести“ — дворянин, сын боярский или приказный дьяк — одним из первых отразил в русской литературе общенациональные устремления этих слоев русского народа, объединенные силы которых спустя два года под водительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского освободили Москву от вражеской оккупации, уничтожили боярское самовластие и положили конец польской интервенции.

Текст „Новой повести“ перепечатывается с незначительным сокращением в авторском послесловии из издания „Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени“ („Русская историческая библиотека“, т. XIII, изд. 3-е, Л., 1925, стр. 187—218), где он напечатан по рукописи XVI—XVII вв., Библ. им. В. И. Ленина (ркп. сб. Моск. дух. ак. № 175 в 4°, лл. 369—388 об.).

1. *...святейшаго кир Ермогена...* — *Кир* (греч.) — господин, государь. Титул, употреблявшийся в древней Руси по отношению как главы светской власти, так и главы церковной иерархии.

Ермоген или Гермоген (род. в 30-х гг. XVI в., ум. в 1612 г.) — патриарх московский и всея Руси (1606—1612); по происхождению — из тягловых посадских людей; в 1589—1606 гг. — митрополит казанский; возведен в сан патриарха „боярским царем“ Василием Шуйским, политику которого он поддерживал. После свержения Шуйского, летом 1610 г., выдвигал на московский престол князя В. В. Голицына, но под давлением боярского правительства был вынужден согласиться с кандидатурой Владислава. Отказавшись признать царем Сигизмунда III и подписать приказ о сдаче Смоленска полякам, Гермоген в 1611 г. стал рассылать грамоты по городам с призывом „дерзать на кровь“ и итти на освобождение Москвы. Его заключили под стражу. В октябре 1611 г. в Нижнем-Новгороде по призыву Кузьмы Минина создано могучее народное ополчение для освобождения русской земли от захватчиков. Начальник польского гарнизона в Москве Гонсевский потребовал, чтобы Гермоген написал нижегородцам грамоту, запрещающую итти на Москву. Патриарх отказался и благословил тех, „которые идут на очищение“ отечества. За это он был лишен пищи и 17 февраля 1612 г. умер от голода.

2. *Филарет* (Федор Никитич Романов, ок. 1560—1633 гг.) — один из крупнейших политических деятелей конца XVI и первой трети XVII вв. Как представитель видного боярского рода и двоюродный брат царя Федора Ивановича, после его смерти претендовал на московский престол. В 1601 г. по приказу Бориса Годунова насильственно пострижен в монахи под именем Филарета и сослан в монастырь на север; в 1605 г. возвращен с почетом из ссылки Лжедмитрием I и назначен ростовским митрополитом, а в 1608 г., после взятия тушинцами Ростова, привезен в лагерь Лжедмитрия II и наречен патриархом. Возглавляя боярскую группу, сводившую политические счеты с царем Василием Шуйским, Филарет после бегства самозванца из Тушина явился организатором посольства М. Салтыкова к Сигизмунду III для приглашения на престол Владислава. В октябре 1610 г. в качестве одного из руководителей „великого посольства“ прибыл в лагерь Сигизмунда, осаждавшего Смоленск, а в 1611 г. по приказу короля пленен и отправлен в Польшу; возвращенный в 1619 г. в Россию, получил сразу же патриаршество и, как отец царя Михаила, — титул „великого государя“. Не полагаясь на своего недалекого и слабовольного сына, Филарет фактически сосредоточил в своих руках всю полноту власти, добиваясь упрочения феодально-абсолютистской монархии.

3. *...болярина князя Василия Голицына...* — Имеется в виду Голицын Василий Васильевич, князь (ум. в 1619 г.), видный политический деятель эпохи „смуты“, выразитель интересов родовой боярской знати. После смерти Годунова перешел на сторону Лжедмитрия I, а в начале 1606 г. — один из активных участников боярского заговора против само-

званца и соперник Шуйского; в 1610 г., организовав низложение царя Василия, заявил себя претендентом на престол, но вскоре был вынужден присягнуть Владиславу, избранному в цари большинством боярской партии. В сентябре 1610 г. Голицын по настоянию гетмана Жолкевского был назначен главою „великого посольства“ к Сигизмунду III и таким образом вместе с митрополитом Филаретом удален из Москвы под Смоленск, в лагерь польского короля, откуда в 1611 г. за отказ подчиниться требованиям Сигизмунда отправлен пленником в глубь Польши; в 1619 г., возвращаясь из плена в Россию, умер по дороге.

4. *Смоленск* — один из древнейших русских городов и важнейший торговый центр древней Руси; в начале XVII в. — первоклассная по тому времени крепость. 21 сентября 1609 г. Смоленск был осажден двадцатидвухтысячным войском польского короля Сигизмунда III. Гарнизон крепости насчитывал всего лишь около двух с половиной тысяч воинов. Ответив отказом на требование поляков сдать город, все население встало на его защиту. Не подчинились смольняне и приказу московской боярской думы о сдаче города. В течение двадцати месяцев, несмотря на штурмы, яростные бомбардировки города и вспыхнувшую эпидемию цынги, Смоленск героически оборонялся, рассылая по всей Руси воззвания с призывом встать на защиту родины от польских захватчиков. 3 июня 1611 г., когда в Смоленске оставалось не более восьми тысяч жителей (из восьмидесяти к началу осады), враги пробили пушками слабое место в городской стене, указанное изменником, и ворвались в город. Воевода Шеин, энергично руководивший обороной города, после упорного сопротивления вынужден был сдаться; многие защитники города закрылись в соборном Успенском храме и взорвали себя. Героическая оборона Смоленска сыграла большую роль в борьбе русского народа с польскими захватчиками.

5. *...и губителей веры христианские Федки Андронова...* — Имеется в виду Федор Андронов, торговый человек, находившийся на службе у Лжедмитрия II в Тушине; после распада тушинского лагеря направлен в составе посольства боярина М. Салтыкова под Смоленск и перешел на сторону короля Сигизмунда, получив от него чин думного дворянина. 19 августа 1610 г. прибыл под Москву к гетману Жолкевскому с приказом Сигизмунда приводить москвичей к присяге на имя самого короля, а не Владислава. В ноябре 1610 г. по требованию короля Андронов получил в свое ведение государственную казну и челобитные дела; вместе с боярином М. Салтыковым, думным дьяком Иваном Грамотиным и другими изменниками вершил государственные дела в интересах клики Сигизмунда, заслужив презрение и ненависть русских людей; через гетмана Сапегу регулярно доносил польскому королю о событиях в Москве; в 1612 г. после очищения столицы от оккупантов повешен „по многом истязании“.

6. *...общему нашему сопоствту и врагу королю не покорятся...* — Речь идет о польском короле Сигизмунде III (1587—1632), осаждавшем Смоленск.

7. ... также и от всех людей всяких чинов, — под онный град Смоленск к... врагу королю... — Имеется в виду московское „великое посольство“, прибывшее 10 октября 1610 г. в лагерь Сигизмунда под Смоленск. От церковного собора послами были направлены: митрополит Филарет (Романов), новоспасский архимандрит Евфимий, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, игумен Иона, вознесенский протоиерей Кирилл. В состав посольства были включены представители от каждого думного чина: боярин — князь В. В. Голицын, окольничий — князь Д. И. Мезецкий, думный дворянин — Сукин, думные дьяки — Томило Луговской и Сыдавний. От московских чинов в посольство входили: стольники Головин и Пушкин, дворяне Борятинский и Глебов, стряпчий Пивов, стрелецкий голова Ив. Козлов, торговые люди Кошурин и Твердиков, восемь стрельцов из приказов, четыре представителя от слобод и др. Кроме того, в состав посольства были включены сорок шесть дворян от других городов. Ссылаясь на заключенный с гетманом Жолкевским договор и выполняя наказ москвичей, послы настаивали на немедленной присылке Владислава и крещении его в православную веру, освобождении занятых и осажденных поляками русских городов, отходе короля от Смоленска. Король же, под видом необходимости „успокоения“ русской земли, требовал сдачи Смоленска. Послы наотрез отказались. Паны пытались действовать угрозами и подкупом, в результате чего часть послов уехала домой. Оставшиеся продолжали стоять на своем. 12 апреля 1611 г. поляки погрузили их на судно и пленниками отправили в Польшу.

8. *Сиречь: рожденнаго бы от него у него испросити...* — Речь идет о сыне Сигизмунда III, семнадцатилетнем королевиче Владиславе.

9. *И пошли от нас со многими людьми в велицем числе...* — Общее количество послов со свитой составляло 1246 человек.

10. ... а ныне де и в мале дружине остались вящих самых два... — Имеются в виду князь В. Голицын и митрополит Филарет.

11. ... токмо разошлись и разъехались, овии к нам, а овии инуде по своим местом. — Автор намекает на членов посольства: келаря Троицкого монастыря Авраамия Палицына, спасского архимандрита Евфимия, думного дворянина Сукина, дьяка Сыдавнего, одаренных королем и уехавших в декабре 1610 г. из-под Смоленска.

12. ... на чем был zde з подручником ево з Желтовским... наш совет... — Имеется в виду Станислав Жолкевский (1547—1623), коронный гетман Польши, представитель крупной шляхты, один из организаторов и видных участников похода Сигизмунда на Москву в 1609 г., автор „Записок о Московской войне“. 24 июня 1610 г. в битве под Клушином Жолкевский разбил войско Шуйского и подошел к Москве; после свержения царя Василия заключил с боярами договор о приглашении на московский престол королевича Владислава; добился удаления из Москвы в составе „великого посольства“ наиболее видных политических деятелей; с согласия изменников-бояр 29 сентября 1610 г. ввел в Москву свои войска, но вскоре сам поспешил уйти под Смоленск, оставив резидентом вместо себя Гонсевского.

13. *Паче же подивимся... пастырю нашему и учителю... имя же его всем ведомо...* — Речь идет о Гермогене.

14. *... токмо учение яко палицу в руку свою держа противу великих агарянских полков...* — По народно-поэтической терминологии *агаряне* — турки и вообще мусульмане.

15. *... в вид существа божия... стреляют...* — Автор имеет в виду преступление поляка Блинского, стрелявшего в икону; суд приговорил его к отсечению рук и сожжению.

16. *... кровопролители неповинных новоизраилтеских кровей...* — т. е. крови православных христиан. Слова *новый Израиль* нередко употреблялись в значении „христианская православная церковь“.

17. *... а наших людей же в воишьском чину, которая живут у нас zde, тех всех ссылают долов.* — После захвата Москвы поляками в городе насчитывалось более восемнадцати тысяч стрельцов. Опасаясь столь крупной силы, Жолкевский часть стрельцов отправил в полк ротмистра Струся в Можайск, другую — с Ив. Салтыковым в Новгород, а остальных передал под начальство Гонсевского.

18. *... некто тое же душепагубная бесовския сонмицы...* — Повидимому, речь идет о боярине Михаиле Глебовиче Салтыкове, самом видном и деятельном из высокопоставленных сторонников Сигизмунда в Москве. Впервые имя Салтыкова упоминается в 1580 г. в числе воевод, участвовавших в Ливонской войне. В правление Годунова неоднократно направлялся послом в Польшу и Швецию; в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I; назначенный при Шуйском воеводой Орешка, в 1608 г. присягнул Лжедмитрию II, а в 1609 г. был вынужден сдать крепость войскам М. Скопина-Шуйского и бежать в Тушино. После распада тушинского лагеря направлен боярами-тушинцами во главе посольства к Сигизмунду под Смоленск. Заручившись королевской грамотой на поместья и вотчины, прибыл в Москву с Жолкевским и вместе с другими изменниками стал действовать в пользу признания московским царем Сигизмунда III; во время стихийного восстания московского посада против поляков, вспыхнувшего 19 марта 1611 г., — один из организаторов поджога столицы, после чего Гонсевским был отправлен послом к Сигизмунду в Польшу, чтобы тот шел с войсками на Москву. Умер в Польше в 1618 г. Описанное дальше в „Новой повести“ столкновение Салтыкова с Гермогеном произошло 30 ноября 1610 г.

19. *... не имея ни тула, ни меча...* — Тул — колчан, местилеще для стрел.

20. *... смотрят из рук и из скверных уст его...* — Речь идет здесь о Ф. Андронове.

21. *... замыслили... которая страна и стена имеет двои врата в ряд по себе, — и одни врата затворити и замки закрепитьи, а другая бутося отворити, да и те вполю.* — К началу XVII в. самая густонаселенная часть Москвы — так называемый Белый город, охватывавший полукругом Кремль и прилегавший к нему с востока Китай-город, — был обнесен высокой каменной стеной с двадцатью восемью башнями. Концы

той стены упирались в Москву-реку. Кремль и Китай-город в свою очередь также были обнесены высокими стенами. Кроме того, под стенами Кремля был устроен глубокий ров, наполненный водой. Сообщение между отдельными частями города и посадами возможно было лишь через башенные ворота. Таких ворот в каменных стенах было семнадцать. Обосновавшись в Москве, поляки в первую очередь овладели ключами от ворот и установили в них свою стражу, не доверяя охраны ворот московским стрельцам. Часть ворот при этом была вообще закрыта для движения. Особенно трудным стало сообщение с главным торговым местом Москвы — Китай-городом. Опасаясь народного восстания, Гонсевский приказал своей страже отбирать от русских людей не только сабли, но ножи и топоры. Крестьянам запрещено было даже возить для продажи мелкие дрова, чтобы народ не вооружился кольями.

22. *Сами видите, кто той есть.* — Речь идет о Ф. Андронове.

23. ... *сказывают, — от смердовских рабов.* — *Смерд* — крестьянин-земледелец. В данном случае — презрительное обозначение человека низкого звания, простолюдина.

24. ... *не достоин его во имя Стратилата... назвати...* — то есть Федором, во имя святого Федора Стратилата.

25. ... *не достоин его по имени святого назвати, но по нужного прохода людцаго — Афедронов.* — *афедрѡвъ* — задний проход; так автор перефразировал имя и фамилию Федора Андропова.

26. ... *аки Ихнилат...* — *Ихнилат* — герой переводной повести XV в. „Стефанит и Ихнилат“, честолюбивый и лукавый царский советник мечтавший „от нижних до вышня взыти“; за обман царя казнен.

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ
ВОЕВОДЫ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО

Повесть о смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского появилась около 1612 года.

М. В. Скопин-Шуйский, племянник царя Василия Шуйского, вошел в русскую историю благодаря своей удачной борьбе с Лжедмитрием II. Зимой 1609 года во главе большой армии М. В. Скопин-Шуйский начал наступать на Тушино (село вблизи Москвы), в котором военным лагерем стоял Лжедмитрий II. Самозванец бежал в Калугу; его сторонники еще продержались некоторое время в Тушине, но уже в марте 1610 года тушинский лагерь распался. М. В. Скопин-Шуйский 12 марта этого же года вошел в Москву, намереваясь в скором времени выступить в поход против поляков. Но в апреле этого года он внезапно заболел на пиру у князя И. М. Воротынского и вскоре умер. Неожиданная смерть двадцатичетырехлетнего талантливого полководца, военные подвиги которого были высоко оценены современниками и вызывали зависть в боярских кругах, глубоко поразила народное воображение. Народная молва упорно объясняла внезапную смерть Скопина-Шуйского отравой, которую будто бы подала ему в чаше меду „кума подкрестная“, жена бесталанного воеводы Дмитрия Ивановича Шуйского. Дмитрий Иванович Шуйский, дядя Михаила Скопина-Шуйского, был одним из тех приближенных к царскому двору лиц, кто завидовал военным удачам молодого полководца и в то же время боялся его растущей популярности среди военного люда, купечества и других слоев общества.

Первым откликом на смерть Скопина-Шуйского была народная песня, которая также объясняла его гибель отравой. У нас нет данных, подтверждающих справедливость этой версии. Одно только можно сказать, что в оценке истинного отношения некоторых кругов боярства к Скопину-Шуйскому,

отношения, ярко отразившего ожесточенную борьбу среди различных группировок феодалов в начале XVII века, народ не ошибся. Повесть о смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского только подтверждает справедливость народной оценки политической борьбы вокруг его деятельности и личности.

Повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского в рукописи имеет следующее название: „Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина“. Среди повестей и сказаний о крестьянской войне и польско-шведской интервенции начала XVII века повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского занимает свое определенное место. Как известно, ряд литературных произведений прогрессивных писателей начала XVII века, освещающих исторические события этого времени, проникнут ярко выраженным национальным сознанием, искренней скорбью по поводу бедствий родины и ненавистью к ее врагам — интервентам и их русским пособникам. К разряду этого рода произведений принадлежит и повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского. Ее автор резко враждебно относится к боярству. Именно „по совету злых изменников своих и советников“ — бояр жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского отравляет Скопина. Что же касается царя Василия Шуйского, то автор считает его совершенно непричастным к гибели Скопина.

Скопин-Шуйский в глазах автора повести — национальный герой. Его смерть — общенародное горе. На его погребении, по словам автора повести, „толику безчислено народу суще... яко звезд небесных, или яко песок морской, и не бе видети ни единого человека не плачущесе...“ Для доказательства своей мысли, что Скопин-Шуйский является национальным героем, автор избирает оригинальную манеру повествования. Он стремится передать впечатления лиц, присутствовавших на погребении Скопина-Шуйского, и показать таким образом отношение к нему различных социальных групп этого времени. И крайне характерно то, что автор повести неоднократно изображает скорбь о Скопине-Шуйском простого народа, воинов, царя и духовенства. О боярах же он упоминает только в определенном контексте: прощаться с прахом Скопина-Шуйского приходят только те бояре, которые „с ним в великой оной службе в победе и во одолении“ были.

Автор повести занимает, таким образом, вполне определенную политическую позицию. Он стремится выразить общенародное отношение к деятельности Скопина-Шуйского, к его личности, к факту его смерти. Понимающими высокое

патриотическое значение деятельности Скопина-Шуйского, по его мнению, оказываются широкие народные массы: посадское население, воины, „рабы“ и пр. Царь и духовенство разделяют точку зрения народа на Скопина-Шуйского. „Московские вельможи“ (крупное московское боярство) — это враждебный Скопину-Шуйскому лагерь. По тому, как автор повести раскрывает отношение к Скопину-Шуйскому различных социальных групп начала XVII века, можно судить и о его личных политических взглядах: он горячий патриот и противник боярства.

Повествуя о трагической гибели Скопина-Шуйского как об общенародном горе, автор повести находит соответствующую идее своего произведения форму. Он искусный книжник, прекрасно владеющий панегирическим стилем. Согласно требованиям этого стиля, он мастерски „уподобляет“ Скопина-Шуйского различного рода легендарным и историческим деятелям. Обязательная для панегириста риторическая лирика, условная и холодная, составляет характерную особенность повести. Но живое чувство и искреннюю скорбь трудно было выразить средствами традиционного и уже обветшавшего панегирического стиля. Форма панегирика сковывала писателя. Повествуя об общенародном горе, он легче мог выразить свои мысли и чувства художественными средствами народно-поэтического творчества. Поэтому вполне естественно, что он обратился к уже сложившейся народной песне о Скопине-Шуйском. Центральный эпизод события — отравление князя на пиру — автор повести передает словами народной песни, иногда даже сохраняя ее ритм. Устраняя некоторые книжные элементы, привнесенные автором повести в текст этой песни, можно довольно точно восстановить ее общий облик:

И как будет после честного стола
Пир на весело,
И княгиня Марья, кума подкрестная,
Подносила чару пития куму подкрестному
И била челом, здоровала с крестником
Алексеем Ивановичем.
И в той чаре уготовано
Лютное питье смертное.
И князь Михайло Васильевичь
Выпивает ту чару до суха,
А не ведает, что злое питье
Лютное смертное.
И не в долг час у князя Михайла
Во утробе возмутилося,
И не допировал пиру почестного
И поехал к своей матушке
Княгине Елене Петровне.

И как въсходит в свои хоромы княженецкие,
И усмотрела его мати
И возрила ему во ясные очи;
И очи у него ярко возмутилися,
А лице у него страшно кровию знаменуется,
А власы у него на главе, стоя, колеблются.
И восплакалася горько мати его родимая
И во слезах говорит ему слово жалостно:
„Чадо мое, сын, князь Михайло Васильевичь,
Для чего ты рано и борзо
С честнаго пиру отъехал?
Любо тебе богоданный крестный сын
Принял крещение не в радости?
Любо тебе в пиру место было не по отчеству?
Или бо тебе кум и кума
Подарки дарили не почестные?
А хто тебя на пиру честно
Упоил честным питием?
И с того тебе пития
Век будет не проспаться.
И сколько я тебе, чадо, приказывала:
Не ездй во град Москву,
Что лихи в Москве звери лютые,
А пышат ядом змиинным изменничьим“.
И паде князь Михайло на ложи своем,
И нача у него утроба люто терзатися
От того пития смертнаго.

Здесь народно-поэтический источник повести, очевидно, обрывается, и автор продолжает свое повествование в книжной манере. Он рассказывает о смерти и погребении Скопина-Шуйского, вновь возвращаясь к панегирическому стилю. Но замечательно то, что и в этой части повести автор стремится приблизить свое произведение к народно-поэтическому творчеству. Особенно это надо сказать о „плачах“, которыми перемежается рассказ о прощании с прахом Скопина-Шуйского и его погребении. „Плач“ для писателя XVII века — это уже литературный жанр. Но генетические связи этого жанра с народно-поэтическим плачем ощущались еще очень живо: писатели нередко сближали литературный плач с народно-поэтическим. Так, очевидно, было и в данном случае. Автор повести, передавая скорбь об умершем Скопине-Шуйском в плачах его воинов, матери, жены и царя, кроме литературной традиции, учитывал и народно-поэтическую традицию. Особенно близки к народным причитаниям плачи матери и жены героя.

Таким образом, оригинальной особенностью повести о смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского является ее тесная связь с устно-поэтической традицией — исторической песней и причитаниями. Это естественное следствие самого замысла автора повести, его стремления

рассказать народу об общенародном герое. И в жизни и в литературе начала XVII века повысилось значение торгово-ремесленного посада, черносошного крестьянства и служилого дворянства. Эти слои московского общества значительно ближе, чем феодальные верхи, стояли к устной поэзии. Народная струя в их творчестве, подрывая условность традиционного литературного стиля феодальных верхов, придавала литературе более общенародный характер. Закладывались основы нового, демократического течения в развитии древнерусской литературы. Повесть о Скопине-Шуйском можно считать одним из первых проявлений этого нового течения.

Текст „Повести о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского“ перепечатывается из издания „Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени“ („Русская историческая библиотека“, т. XIII, изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 1332—1348), где он напечатан по рукописи XVII в. Общества любителей древней письменности, № 76 (XII), лл. 891 об. — 904 об.

1. *Индикты*. — „Счет индиктами, или пятнадцатилетними периодами, заимствован в древней Руси из Византии. Индиктом называется порядковое место данного года в пределах текущего пятнадцатилетнего цикла, причем исходной точкой этого циклического счета является византийская эра — сотворение мира, а смена индиктов в каждом цикле совершается в день византийского новогодия — 1 сентября. Этимология слова „индикт“, так же как и происхождение самой системы выяснены недостаточно. Повидимому, счет индиктами ведет свое начало от тех переписей населения, которые раз в 15 лет производились в Римской империи и в Византии. В Византии индикты введены в 313 г. н. э.“ (Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 33).

2. Автор повести считает, что Василий Иванович Шуйский происходил „от единого корени владеющего вселенную Августа кесаря Римского“, то есть вел свой род от властителя вселенной Августа, кесаря Римского. Московские писатели, создавая идеологическое обоснование политического роста Московского государства, уже с конца XV в. связывали московский великокняжеский, а затем и царский род с представителем старейшей мировой монархии, с кесарем Августом. Одним из наиболее ранних произведений, ставящим перед собою такую цель, является „Сказание о князех Владимирских“, написанное в конце XV или начале XVI в.

3. *Олександрова слобода* — Александровская слобода, сильно укрепленная летняя резиденция русских царей в XVI—XVII вв.

4. Упомянутый в повести *Яков Пунтусов* — шведский полковник Яков Деллагарди, стоявший во главе шведского вспомогательного отряда. Швеция, стремясь не допустить укрепления поляков и литовцев в Москве, заключила в 1609 г. с Москвой договор. Согласно этому дого-

вору, шведы давали правительству царя Шуйского пятитысячный вспомогательный отряд, Москва же обещала не вмешиваться в ливонские дела, уступить шведам Корелу и заключить с ними вечный мир.

5. *Стратилат* (греч.) — полководец.

6. *Алексея человека божия* христианская церковь почитала святым. В житии его рассказывалось, что он, отказавшись от знатности и богатства, прославился своими аскетическими подвигами и после смерти был торжественно похоронен при огромном стечении народа.

7. *Забрало* — передняя часть шлема, опускаемая вниз для защиты лица во время боя. Здесь — образно: укрепление, оборона.

8 *...межь Пречистою соборною и Архангелом...* — то есть между Успенским и Архангельским соборами в Москве.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛИЯНИИ ОСОРЬИНОЙ

„Повесть об Улиянии Осорьиной“ написана в Муроме. Ее автор, Дружина Осорьин, сын Улиянии, поставил перед собою задачу, составляя биографию своей матери, нарисовать идеальный образ русской женщины-дворянки конца XVI — начала XVII веков. Он дает идеализированный образ героини, черпая краски для этой идеализации из богатого запаса традиционных формул житий. Но, кроме условных житийных черт, Дружина Осорьин умело и обильно отбирает из практики „домового правления“ Улиянии для ее художественного портрета черты конкретные и живые.

В истории древнерусской литературы „Повесть об Улиянии Осорьиной“ обычно рассматривалась в разделе житий. Для этого есть некоторые основания в самих особенностях ее стиля. В XVII веке она была даже переделана в житие и как житие распространялась в сборниках, предназначенных для нравоучительного чтения. Но внимательное изучение многочисленных ее списков позволяет утверждать, что она была задумана и написана как светское повествовательное произведение — биография с элементами семейной хроники; а житийные черты в ней — это дань традиции, свидетельство того, как трудно было писателю XVII века дать идеальный образ героини без ореола „святости“.

Наши сведения об авторе „Повести об Улиянии Осорьиной“ весьма скудны. По различного рода грамотам второй четверти XVII века можно установить, что Дружина Осорьин с 1625 по 1640 год был муромским губным старостой. В обязанности губных старост входило „обыскивати и имати лихих людей разбойников“. Должность губного старосты мог получить только человек, принадлежащий к определенному классу — к классу дворян, „детей боярских“, хорошо грамотный и материально обеспеченный, „прожиточный“. Оче-

видно, Дружина Осорьин был муромским городовым дворянином, авторитетным в своей среде, грамотным и обеспеченным, так как губные старосты по должности вознаграждения не получали. „Повесть об Улиянии Осорьиной“ он мог написать вернее всего в 20—30-е годы XVII века. Практическая деятельность в качестве губного старосты приучила Дружину Осорьина к внимательному наблюдению фактов и к точной передаче их. Привычным письменным языком для него был язык грамот и протоколов. Необычность поставленной перед собою литературной задачи, служебные навыки и наличие таланта обусловили создание им в высшей степени оригинального произведения. Героиня повести поставлена в такую колоритную бытовую обстановку и ее действия так тесно связаны с определенными историческими событиями и крупнейшими вопросами ее эпохи, что перед нами не образ „блаженной“ (святой ее сам Дружина Осорьин не называет), а портрет русской светской женщины конца XVI — начала XVII веков, хорошей жены, матери и хозяйки. И Дружина Осорьин с исключительной любовью и искусством рисует этот портрет.

В ряде списков повести мы читаем: „Скажу же вам повесть дивную бывшую в роде нашем“. Принадлежат ли эти слова Дружине Осорьину или они написаны позже одним из редакторов повести — решить трудно, но они прекрасно характеризуют одну из особенностей повести: жизнь Улиянии описана в ней в связи с жизнью ее предков, родных ее мужа и ее детей — „рода“. Эта особенность еще больше отдаляет повесть от житийного жанра, тем более что это родственное окружение — чисто светские люди. В жизни Улиянию окружает светская среда, среда служилого дворянства. Дружина Осорьин в своем повествовании об Улиянии упоминает о ряде представителей этой среды. При этом он не ограничивается только упоминанием отдельных лиц, так или иначе связанных с Улиянией, а попутно указывает некоторые характерные черты их или рисует их портреты. И если в характеристике стариков Недюревых можно увидеть традиционные житийные черты родителей „блаженной“ — „благоверие“, „боголюбие“, „чистоту“ и пр., то этого никак нельзя сказать о семье Араповых, высмеивающей аскетические порывы молодой Улиянии, или о Георгии Осорьине, убеждающем Улиянию не идти в монастырь. Рассказ о ряде этих подлинно исторических лиц, частичная характеристика их, иногда перерастающая в бегло намеченный портрет (старые помещики — Осорьины, служилый дворянин — муж Улиянии) и некоторые бытовые, к их жизни относящиеся детали, переданные Дружиной Осорьиной, — все это расширяет рамки

биографии Улиянии, внося в нее элементы семейной хроники.

Создавая портрет Улиянии, Дружина Осорьин воспользовался рядом шаблонных формул житийной характеристики. Но жизнь Улиянии не в монастыре, а в обстановке деловых хозяйственных хлопот ставила перед биографом особые задачи: она не укладывалась в устойчивую схему, привычные формулы и фразеологию жития. Поэтому портрет Улиянии имеет ряд черт, чуждых обычным житийным нормам и характерных для нее как для героини светской повести.

Дружина Осорьин подробно характеризует Улиянию как хорошую домоправительницу: он говорит об ее умении управлять „рабами“, об имущественных взаимоотношениях ее и стариков Осорьинных и т. п. Крупное поместное хозяйство — та бытовая обстановка, в которой проходит жизнь Улиянии. В поместье мужа, часто годами отлучающегося по служебным делам, молодая женщина вскоре после замужества „правит“ все „домовное строение“. Свекор и свекровь передали ей на руки все хозяйство, убедившись, что она „добротою исполнена и разумна“. Энергичная, трудолюбивая и заботливая хозяйка, Улияния умело справляется с многочисленной челядью, хотя, как видно из рассказа ее сына, нелегко было в то время держать в повиновении „неразумных рабы и рабыни“.

Исторические свидетельства о напряженных взаимоотношениях между челядью и землевладельцами во второй половине XVI века поясняют рассказ повести о жизни в поместье Осорьинных. Это было время, когда в кабальные холопы, которыми пополнялись ряды челяди, нередко писались „нищие и гулящие люди“, уже побывавшие в казаках на Дону и на Волге. Это в большинстве случаев был народ, плохо мирившийся со своим закабалением и легко разрывавший кабалу уходом в „дикое поле“. Удержать на земле рабочую силу было нелегко, а вернуть беглых и того труднее. Аграрные волнения вспыхивали в разных местах, принимая иногда чрезвычайно острые формы. И вот Дружина Осорьин рассказывает, как осторожно и умело его мать управляла своими „домочадцами“: она идет на уступки „неразумным рабам и рабыням“ (то есть, очевидно, непокорным слугам); она принимает иногда их вину на себя, оберегая тем самым от конфликта с ними более консервативных стариков Осорьинных. И все же, несмотря на уступчивость и мягкость хозяйки, конфликты возникают. С обязательной для средневековья оговоркой, что виновник таких конфликтов „ненавидя добра враг“ (то есть дьявол), Осорьин в своем повествовании все же не может скрыть правды: „часты брани“

„в детях и рабах“ вспыхивают и в поместье Осорьина; „она же (Улияния) вся, смыслено и разумно рассуждая, смиряше“. Дошло и в этой семье до убийства, нередкого в те времена: один из „рабов“ убил „старейшего сына“ Улиянии.

В такой напряженной обстановке Улияния, очевидно не только из-за христианского смирения, но и из опасения столкновений со слугами, отказывается от личных услуг себе: „не требоваше воды ей на омовение рук подающего, ни сапог разрешающего, но все сама собою творяше“; она „смирением и кротостью“ наказывала виновных и, не обременяя их, „дело по силе налагаше“.

Еще в молодые годы Улияния пережила первый голод в поместье мужа. Тогда в хозяйстве ее свекрови было „всего обилно, хлеба и всех потреб“, и Улияния тайно раздает пищу нуждающимся. Зато во время второго голода, в царствование Годунова, Улиянии, раздавшей все свое имущество, приходится поступить так, как делали многие землевладельцы, — отпустить своих холопов, чтобы они сами искали себе пропитание. Дружина Осорьин изобразил этот поступок Улиянии как доказательство ее милосердия, говоря, что она отпустила тех, кто сам хотел уйти. На самом же деле вряд ли это было так: отпущенные холопы не получали полной свободы и, по миновании голода, обязаны были вернуться к своим владельцам. Осорьин идеализировал здесь одно из отрицательных явлений русской жизни конца XVI и начала XVII веков. Даже царь должен был тогда вмешаться в распоряжения дворян, которые „холопей ссылали со двора, а отпускных им не давали и крепостей им не выдавали“. По приказу Годунова помещики должны были „тем холопом давати отпускные“ („Акты исторические“, т. II, стр. 57). Ни слова не сказал Осорьин о том, что его мать, которая „со благословением и молитвою отпусти“ холопов и „не держа гнева нимало“, отдала бы им „крепости“.

Соответственно имущественным взаимоотношениям в помещичьих семьях, Улияния хотя и „правит домовное строение“ в хозяйстве мужа, но до смерти стариков, его родителей, она им не распоряжается самостоятельно. Только „сребреники“, то есть денежное жалованье ее мужа за царскую службу, она может в его отсутствие тратить по своей воле. Наоборот, после смерти мужа, даже при взрослых сыновьях, она ведает всем хозяйством — продает скот, домашнюю утварь, одежду, чтобы купить жито для голодных, — зато „сребрениками“ теперь владеют сыновья, и зимой она „взимаше у детей своих сребреники, чим устроить одежду“. Дружина Осорьин исторически верно отразил здесь правовые нормы второй половины XVI и начала XVII веков.

Следует остановиться еще на одном вопросе, важном для понимания образа Улиянии Осорьбиной: на вопросе об отношении поместного дворянства второй половины XVI века к религии, церкви, духовенству.

Экономические интересы земельного дворянства не только не совпадали, но сплошь и рядом находились в противоречии с экономическими интересами монастырей. Монастыри с давней поры владели так называемыми тарханами и несудимыми грамотами, то есть особыми льготами по несению повинностей перед государством, внесению податей суду и пр. Тарханы давали им, между прочим, возможность „перевозить“ на свои земли крестьян, живших в поместьях дворян. Крестьянину легче жилось под защитой монастырского начальства, чем в дворянском поместье. Он, избегая податей и повинностей, предпочитал уходить на монастырские земли. Это ударило по дворянскому поместному хозяйству. Московское правительство долго не учитывало этого обстоятельства, а учтя его, стало на сторону дворянства. К 1584 году относится отмена тарханов на церковных землях. В соответствующем постановлении мы читаем: „с тех (земель) никакия царския дани и земских розметов не платят, а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе и от того великая тошета воинским людем прииде“ („Собрание государственных грамот и договоров“, 1813, ч. I, № 202). Как видим, этот документ с большой и лаконичной выразительностью характеризует противоположность экономических интересов служилых дворян и монастырей и указывает на крестьян, то есть на рабочую силу, как на предмет их раздора.

Но, конечно, существовавшие до этого постановления противоречия в экономических интересах между монастырями и служилым дворянством после отмены тарханов на монастырских землях не могли сразу исчезнуть.

На протяжении XVI века борьба между дворянством и монастырским духовенством несколько раз проявлялась весьма напряженно, то в формах открытых и резких политических стычек, то в завуалированной форме морально-религиозных споров. Материалы Стоглавого и других соборов, государственные грамоты и протоколы судов над „еретиками“ свидетельствуют о крайней непримиримости этой борьбы. Но все эти документы говорят только о самых ярких вспышках ее. Конечно, этими вспышками она не ограничивалась. Борьба захватывала, в более мягких формах,

широкие круги служилого дворянства, глубоко входя в его быт. Она являлась причиной возникновения в дворянской среде своеобразного недовольства существующей официальной церковью, недовольства чрезвычайно сложного, неопределенного, неясного, но все же нередко приводившего к отрицанию монашества, к индифферентному отношению к церковным службам, к поддержанию и распространению „теории“ о значении „домовней“ молитвы и пр.

Вот это полурационалистическое брожение, сказывавшееся в религиозной сфере, но имевшее социально-экономическую основу, и запечатлел Дружина Осорьин в реалистической характеристике Улиянии. Точный и непосредственный в передаче воспоминаний о своей матери, он внес в ее характеристику черты, явно противоречившие представлению официальной церкви о „добродетельной“ жизни.

Воспитанная в юности в полном согласии с господствующими взглядами и представлениями в области религии, Улияния под влиянием тяжелого душевного состояния, вызванного смертью двух ее сыновей, хочет поступить в монахини. „Моли мужа отпустить ю в монастырь“, — говорится в повести. „И не отпусти...“ И после этого до конца своей жизни Улияния уже больше не стремится к пострижению.

Еще любопытнее отношение Улиянии к посещению церкви: она то посещает церковь, то прекращает эти посещения. Это, конечно, шло вразрез с общепринятым поведением христианина. Дружина Осорьин стремится мотивировать это непосещение церкви Улияниею ее старостью и нищетою. Но современники Улиянии, очевидно, иначе смотрели на это дело. Недаром священник нашел нужным воздействовать на Улиянию, сообщив ей, что „бысть ему глас от иконы богородичны: Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву...“ Иронический ответ Улиянии священнику: „соблазнился еси...“, кратковременное действие его увещаний и проскользнувшее у Дружины Осорьина свидетельство о том, что Улияния в оправдание своих поступков ссылалась на пример „святаго Корнелия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых“, убеждают нас в том, что и в этом отношении поведение Улиянии определялось какими-то принципиальными соображениями.

Поставленная Дружиной Осорьиним перед собою задача — дать правдивое описание жизни светской женщины, своей матери, неизбежно приводила его к зарисовке широкого бытового и исторического фона русской жизни конца XVI — начала XVII веков. В реальной и исторически точной обстановке этого времени Дружина Осорьин нарисовал

портрет умной и энергичной женщины. В нем сплелись подлинные черты личности его матери с идеальными качествами русской женщины, как ее представлял себе автор — дворянин начала XVII века. В соответствии с историчностью содержания точность и документальность являются чертами стиля автора, губного старосты, хорошо владевшего канцелярским языком своего времени, как это видно из сохранившихся его грамот.

Текст „Повести об Улиянии Осорьиной“ печатается по списку XVII в. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина О. I. № 25 (Толст. III № 68), ранее напечатанному в „Трудах Отдела древнерусской литературы“, изд. АН СССР, 1948, VI, стр. 276—284. Отдельные дополнения, заключенные в скобки [ ], сделаны по списку XVII в. Государственного Исторического музея, Синод. библ. № 6 (см. назв. изд., стр. 284—309).

В „Повести об Улиянии Осорьиной“ упоминается несколько фамилий: *Недюрев, Дубенской, Лукин, Аранов, Осорьин*. Все это фамилии исторических лиц.

1. Отец Улиянии Осорьиной, по повести, — ключник Ивана Грозного *Иустин Недюрев*. Вне всякого сомнения, об этом именно Недюреве мы находим упоминание в „Купчей Савво-Сторожевского монастыря на деревни в Звенигородском уезде“ 1539 г. Совпадение имен между повестью и купчей в данном случае полное. Что это именно Иустин Недюрев нашей повести, кроме совпадения имен и времени, подтверждается еще одним любопытным обстоятельством. В купчей говорится: „а купчую писал Иван Микифоров сын Дубенского“ (Архив П. М. Строева. „Русская историческая библиотека“, т. XXXII, 1915, стр. 253). Из текста повести видно, что бабка Улиянии, Анастасия Лукина, была урожденная Дубенская, дочь Никифора Дубенского. Упоминаемый в купчей Иван Никифорович Дубенский, очевидно, брат Анастасии Никифоровны, а „Устин Васильев сын Недюрев“ купчей — ее зять.

Нет сомнения в том, что Недюрев и Дубенский принадлежали к дворянскому классу Русского государства XVI в. Ряд исторических свидетельств с большой четкостью подтверждает это в отношении Недюревых. Позже, в XVII в., как об этом свидетельствуют боярские книги, мы находим Недюревых в числе московских дворян.

2. *Лукины* — предки Улиянии со стороны матери, в начале XVI в. известны как болховские городовые дворяне. Некоторые из них в XVI в. — дьяки и стольники (Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отд. Моск. арх. юстиции, М., 1853; стр. 241). Так, например, по документам хорошо известен дьяк великого князя Василия III — Алексей Лукин („великого князя казенный дьяк“) (Н. П. Лихачев, Грамоты Осоргиных — „Изв. русск. генеалогического общества“, вып. I, СПб., 1900, отд. III, стр. 16—17).

3. О *Дубенских* мы также находим ряд упоминаний в исторических документах. В начале XVI в. мы встречаем Дубенских в числе владимирских и коломенских городовых дворян, во второй половине XVI в. — они дворяне московские, в конце XVI в. некоторые из них были стряпчими и стольниками (Алфавитный указатель фамилий и лиц..., стр. 121). Уже известный нам Иван Никифорович Дубенский был дьяком Казанского дворца в 1566 г. (Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 16), затем мы встречаем его в числе писцов Новгородского уезда Шелонской пятины в 1572 г. (Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, т. I, М., 1905, отд. II, стр. 10, 12, 13, 27).

4. Род дворян *Араповых*, в семье одного из представителей которого воспитывалась Уляиния, также существовал уже в XVI в. (Н. Н. Петров. История родов русского дворянства, т. I, СПб., 1885, стр. 325). В „Отписке владимирского воеводы Вельяминова гетману Сапеге“ 1609 г. упоминается Петр Арапов („Акты исторические“, т. II, СПб., 1841, стр. 156—157). Отцом Петра, очевидно, был Путила Арапов, упоминаемый в повести.

5. *Поприще* — мера длины, около версты.

6. О роде *Осорьиных* встречаются упоминания в ряде исторических документов. Этот род не был занесен в Бархатную книгу, среди его представителей мы не найдем бояр, окольничьих, крупных государственных деятелей или военачальников. Свекор Уляинии, Василий Степанович Осорьин, довольно долго служил в Нижнем-Новгороде ключником (Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 21). Муж Уляинии, Георгий Васильевич Осорьин, записан в Муромской десятне 1578 г. Вот что здесь о нем говорится: „Юрий Васильевич сын Осорьин — сам за собою и окладчики за ним сказали в Нове городе в Нижнем поместья четьреста четьи, а больши того поместья и вотчины сам за собою и окладчики за ним в Муроме и в иных городах не сказали. Быти ему, сказал, на государевых службах на коне в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, да три человека на конех, в пансырех, в шапках в железных, в саадацах, один с копьем, человек на мерине с юком“ (Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 20).

7. В „Писцовой книге города Мурома 1637 года“ мы находим ряд любопытных для нас данных, из которых видно, что многие из упоминаемых в „Повести об Уляинии Осорьиной“ лиц действительно жили в г. *Муроме*. Так, сохранились сведения о Лукиных, Араповых и Осорьиных („Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии“. Составил и издал Т. Тихомиров, М., 1857, стр. 147).

Приведенные нами документальные сведения о дворянских родах, упоминаемых в повести, и об имущественном положении семьи Осорьиных хорошо подтверждают исключительную точность повествования Дружины Осорьина.

В пояснение тех имущественных взаимоотношений, которые в художественной форме изображены в повести, следует сказать, что „имуще-

ственная личность* сына по законам, действовавшим в Русском государстве в XVI в., не имела никакой законной охраны и вполне зависела от доброй воли отца. Отец распоряжался своим имуществом до конца дней своих и если часть его выделял сыну, то в любой момент мог взять выделенное обратно. После смерти отца все имущественные права переходили к матери, дети же должны быть в ее воле: „сътворити всякую волю ея, а детям не дати воли“. В развитии имущественных прав детей в Русском государстве большую роль сыграло „верстание“. Сыновья служилых дворян, достигнув пятнадцатилетнего возраста, обязаны были нести военную службу. „Они верстались и получали поместья в отвод от отцов; это имущество не зависело уже от усмотрения отца“ (В. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права, изд. 3-е, СПб., 1903, стр. 461—497). Но поверстанные дворяне, кроме поместий, получали еще жалованье. Правда, оно было незначительно (городовые дворяне получали 6—14 рублей) и выдавалось редко: „коли службы нет, в пятыи год дают и болши“, — говорится в „Записке о Московском государстве“ („Акты исторические“, т. II, № 355). Поэтому его роль в натуральном хозяйстве дворянина не могла быть большой. Но оно было в полном распоряжении поверстанного, а не его отца или матери. Художественное отражение этих правовых норм и нашло свое место в повести об Улянии Осорьиной.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

„Повесть о Марфе и Марии“ занимает свое определенное и довольно значительное место в развитии древнерусской повести.

Возникнув в первой половине XVII века, „Повесть о Марфе и Марии“ всем своим идейно-художественным строем отразила эту эпоху с ее ломающимися общественными отношениями и зарождающейся борьбой внутри дворянского класса, далеко не одинакового по своему составу как „по отечеству“ (по родовитости), так и „ради богатства“ (по материальной обеспеченности). Этой своей ярко выраженной историчностью она представляет новое, явно прогрессивное явление в развитии древнерусской повести. Но есть в ней и элементы старого: свой сюжет она в значительной мере унаследовала от особого вида устной легенды, возникшей в связи с борьбой Русского государства с казанскими татарами в XV—XVI веках.

Связи „Повести о Марфе и Марии“ с устной легендой легко раскрываются. В центре ее фабулы — чудесное явление креста на реке Унже. Евангельские имена героинь повести — Марфа и Мария, их в высокой степени одухотворенные, идеализированные образы, видение во сне ангела, вручающего героиням золото и серебро для креста и ковчега; чудесные старцы, во мгновение ока переносящиеся из Царьграда на Русь, „неядущие и непьющие“, — все это от устной легенды, которая сложилась на почве христианской письменности. Сюжет и мотивы повести находят еще традиционное разрешение: ангел во сне вручает героиням золото и серебро, из которых затем чудесные старцы „сливают“ для них чудотворный крест и ковчег, крест становится местной святыней, от него происходят чудеса и пр. Все это — как в легендах о явлениях икон и в легендах

о построении церквей на золото, чудесным образом приобретенное.

Эти особенности „Повести о Марфе и Марии“ заставляют нас сделать предположение, что в ее основе лежит устное легендарное сказание о явлении унженского креста. Можно даже с известной долей вероятности определить и ту историческую обстановку, которая обусловила возникновение этого легендарного сказания, и его идейный смысл. Появление новой местной святыни (безразлично, как в действительности это произошло) было прежде всего фактом церковно-религиозной жизни Мурома. Но формы, в которых легенда рассказала об этом факте, говорят о многом ином. Идейный смысл легенды не исчерпывался прямым откликом на это событие местной церковно-религиозной жизни. В легенде говорилось о передаче Марфе и Марии креста чудесно прибывшими из Царьграда иноками. Подобного рода легендарные сказания в свое время — в эпоху феодальной раздробленности древней Руси — отражали идеологию правящих классов, стремившихся для поднятия значения местных политических центров запасть авторитетной святыней. Но только по одному этому признаку отнести возникновение легенды об унженском кресте к определенному времени трудно. Дело в том, что после падения Константинополя в эпоху роста значения Москвы интерес к подобного рода сказаниям значительно освежается. Московская идея преемственности Русью политического и религиозного наследия Византии получает широкое распространение и начинает подкрепляться созданием новых и более усиленным распространением созданных раньше легендарных сказаний о чудесном переходе на Русь различного рода „святынь“ византийского Востока. Таким образом, легенда об унженском кресте могла сложиться и позже периода феодальной раздробленности Руси, — в конце XV или даже в XVI веке.

„Повесть о Марфе и Марии“ в рукописных списках иногда предваряется предисловием. Оно очень ценно для определения времени и обстоятельств возникновения лежащей в основе повести легенды. Автор предисловия рассказывает, что когда стали расспрашивать сведущих людей о времени появления креста на Унже, никто не смог точно определить это время. Никто, говорит он, не мог об этом ничего определенного сказать, так как много лет прошло с тех пор; да к тому же „многаго ради иноплеменных нашествия на страну ону, паки и частого ради татарского рас пленения древняя изгибоша писания“. Автор предисловия относит явление унженского креста к отдаленным временам — к „частому татарскому рас пленению“. Ясно, что в его

представлении, очевидно отражавшем муромское предание, явление унженского креста относится еще ко времени борьбы с татарами. Конечно, с татарами казанскими.

Легенда подтверждает эти представления составителя предисловия. Символический смысл легенды очевиден. Крест здесь — символ христианства, в исторической обстановке русской жизни — символ победы православия над язычеством или магометанством татар. У христианских народов средневековья такое символическое значение креста было общераспространенным.

Итак, все данные, какие мы можем извлечь из анализа „Повести о Марфе и Марии“, как будто бы согласно свидетельствуют о следующем процессе ее образования: устная легенда о явлении унженского креста сложилась еще до покорения Казани, когда Муромский край время от времени разорялся „частого ради татарского рас пленения“; повесть же на основе этой легенды была написана, очевидно, в первой половине XVII века.

Автор повести, какой-то неизвестный нам муромский писатель первой половины XVII века, в рамках легенды об унженском кресте нарисовал картины живой действительности так, как мог это сделать идеолог дворянского класса. Его симпатии на стороне того класса, который вышел из „смуты“ победителем, класса поместных дворян; поэтому с таким увлечением он повествует о Марфе и Марии, „дщерях некоего мужа благочестива от дворянска рода“. Его волнует вопрос об отсутствии сознания единства внутри этого класса. Решая этот вопрос, он рассказывает о двух одинаково „благоверных“ (достойных) людях; один из них „от честна рода, но зело небогат“, другой — „богатством приобилующ, но незело велика рода“. Это супруги Марфы и Марии, Иван и Логвин. Столкновение этих людей в мирной жизни, в быту и составляет трагическую завязку повести, определяя все течение ее фабулы. Автор мастерски показывает разнь между Иваном и Логвином на фоне житейски мелких событий — споров „о первосидении“ за столом у тестя. Он осуждает эту разнь, и в его художественном сознании Ивану и Логвину противостоят Марфа и Мария, идеально дружные сестры. Так претворяется в образах волнующая автора повести идея. Крайне идеализированные образы Марфы и Марии — это образы, подсказанные автору повести легендой, это то, чего он не нашел в действительности в своих поисках идеальных отношений между людьми дорогого ему класса. Но там, где автор в своем повествовании отходит от ткани легенды, он ставит своих героинь в совершенно реальные отношения

с окружающим их миром. В быту Марфа и Мария — типичные покорные жены средневековья: они пассивно повинуются мужьям, когда те, поссорившись, не только сами разлучились навсегда, „но и женама своима между себе до смерти своя изволиша ни писании ссылатися“. Овдовев, они помнят, что скромность требует удаляться от мужского общества; поэтому, остановившись на отдых по пути в Муром и увидев второй стан, меньшая сестра посылает своего слугу узнать, „кто есть ста ту. Егда ли будет кая, рече, жена, и мы вкупе снидемся. Аще ли будет мужеск пол, и мы вдале отидем“.

Живые черты быта древней Руси начала XVII века проникли в повесть и в эпизодах, связанных с рядом других действующих лиц. Так, реально описана ссора Ивана и Логвина, на пиру у тестя поспоривших о том, кто из них заслуживает большего уважения: „Егда же приспе время вечери быти, бысть между има пря о седении места: Иванну убо хотящу первосидения честнаго ради отечествия своего, такожде и Логвину желающу богатства ради своего. И таковаго ради начинания и гордости своя вина бысть разлучитися има от себе...“ Явное неодобрение автором этой „при“ крайне замечательно потому, что в годы, когда была написана „Повесть о Марфе и Марии“, были еще ярые защитники местничества во всех случаях, которые говорили: „то им смерть, что им без мест быть“.

Бережливого хозяина Домостроя, никому не доверяющего, напоминают родственники Марфы и Марии, которые „вознегодоваша“ на сестер, узнав о том, что они отдали незнакомым старцам золото и серебро: „То како сичево сокровище, паче же божие дарование, с небрежением отдаста, а не весте кому“. Столь же типично средневековым в данном случае является и поведение Марфы и Марии, которые под давлением укоров родственников беспрекословно едут вместе с ними на поиски старцев. Рассказ о погоне за старцами, устроенной родственниками Марфы и Марии, представляет жанровую картинку, которая рисует взаимоотношения между „господами“ все в том же, крайне волнующем автора повести, направлении. Здесь особенно ярко выражено авторское отношение к раздорам, спорам, мелкому соперничеству и взаимному недоверию между представителями феодалов. Посоветовавшись между собою, родственники сестер и собравшиеся к ним близкие „от нарочитых града, боляр же и дворян“ взяли с собою Марфу и Марию и поехали к тому месту, где сестры встретились со старцами. „И совет сотвориша твердо: со тщанием и всякою быстростию послати на все страны по путем и малым

стезям коегождо господина с чюжим рабом и раба с чюжим господином на взыскание старцов оных: да аще кии от них тех старцев со златом и серебром обрящут, и ничто же скрыто или утаено от сих сотворят“. Эта краткая и наивная формулировка прекрасно передает, как мало было взаимного уважения и доверия между „господами“. Эпизод, раскрывающий поведение юношей, которые тоже искали старцев, добавляет новые черты к нарисованной автором повести картине взаимного недоверия, ссор и морального падения „господ“. „И абие, — пишет он, — узревше нецыи юноши трех инок, несущие крест господень, в злате устроен, и ковчег, в серебре сотворен, и вложи юношам тем в сердце искони ненавистный сатана восхитити от рук старчих богодарованное сокровище сие, и уже окаянии коснутися хотяху...“ Намерение юношей не осуществилось только потому, что присутствовавшие здесь же взрослые „муромстии градожителіе... возбраниша неистовству отрок оных“.

„Повесть о Марфе и Марии“ принадлежит к группе повествовательных произведений, написанных в Муроме. Она встречается и в сборниках неопределенного состава и в так называемом „муромском сборнике“. В состав этого последнего, кроме „Повести о Марфе и Марии“, входят обычно следующие произведения: 1) „Житие князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора“; 2) „Повесть о Василии Муромском“; 3) „Повесть о Петре и Февронии“; 4) „Повесть об Улянии Осорьбиной“ и 5) „Повесть о Василии Микулине“. Это — собрание наиболее значительных произведений местной муромской литературы за XV—XVII века. Факт этот имеет особое значение. Он свидетельствует о том, что в XVII веке создание самобытной русской культуры и литературы далеко не ограничивалось пределами самой Москвы. Краевые центры также вносили свою долю в это общее дело. Создаваемая в них литература отражала интерес читателя к истории края и местной жизни и чутко регистрировала борьбу классов и изменения в исторической жизни всего русского государства в целом.

Текст „Повести о Марфе и Марии“ печатается по списку XVII в. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина, № 1582.

„Повесть о Марфе и Марии“ принадлежит к тем повестям древней Руси, которые сложились в тесной связи с развитием древнерусской устной и письменной легенды.

Русскую легенду мы до сей поры знаем главным образом по книге А. Н. Афанасьева „Народные русские легенды“ (М., 1859 и др. изд.) и

в объеме, определяемом этой книгой. У нас сложилось представление об этом жанре, как жанре весьма скромном по своему распространению, а между тем это совсем не соответствует истинному положению вещей. Народной устной русской легенде несколькими веками раньше предшествовало поистине бурное развитие легенды рукописной.

Первые образцы русской рукописной легенды относятся еще к эпохе Киевской Руси. В XIV—XV вв. в литературе древней Руси, наряду с другими повествовательными жанрами, значительное место занимает легенда. Весьма разнообразны виды легенд этой поры. Это, во-первых, легенды с оригинальными русскими сюжетами, созданными в определенных исторических условиях древней Руси. Это, во-вторых, особый вид легенд, идущих от жанра „чудеса икон“, или легенды, выросшие на основе апокрифической (то есть отрицаемой официальной церковью) христианской литературы.

Для всего этого пестрого, разноречивого, генетически разнородного, огромного по своей численности круга литературных произведений характерны два основных признака: во-первых, связь с христианскими религиозными воззрениями в их *народном* преломлении и, во-вторых, интерес к рядовому человеку со всем разнообразием его душевного мира и внешних условий жизни. Сочетание этих противоречивых признаков обусловило и единство и крайнее разнообразие произведений этого жанра. Кроме этих основных признаков, в произведениях этого вида мы находим еще ряд постоянных и устойчивых черт, характерных для их композиции и даже фразеологии. Все это в своей совокупности позволяет говорить о древнерусской рукописной легенде как об особом литературном жанре русского средневековья.

Содержание древнерусской рукописной легенды давало богатое историческое прошлое Руси и окружающая действительность. Эпизоды местной героической борьбы с татарами Золотой Орды, Казанского ханства и Крыма, частью уже подвергшиеся народно-поэтической обработке, освоение новых земель, чем-либо замечательные факты из жизни удельных князей — обо всем этом нередко повествуют легенды. Поэтому-то в них, даже в поздних редакциях, сохранилось так много любопытных исторических, этнографических и географических сведений о различных местах и областях древней Руси.

1. Егда же приспе время вечера быти, бысть между има прѣ о седении места. — Здесь имеется в виду, конечно, местничество, но не в государственном, а в бытовом его значении.

Местничество — это официально признанный московским правительством в конце XV в. обычай, состоявший в том, что при распределении государственных должностей между феодалами принималась во внимание степень их родовитости. Родовитость же того или иного лица определялась его „отечеством“, то есть унаследованным от предков отношением по службе как к членам своей фамилии, так и к членам других фамилий. Местничество, вызывавшее нескончаемые споры между феодалами при

назначении на государственную службу, было уничтожено при Федоре Алексеевиче в 1682 г.

Повесть о Марфе и Марии сохранила любопытное свидетельство о проникновении местнических споров в повседневный быт дворянских семейств XVII в. Подобно тому как за царским столом феодалы занимали места сообразно своей родовитости, так и один из героев повести за столом своего тестя стремится отстоять свое право на старшинство, ссылаясь на свою родовитость: он хочет сесть ближе к тестю „честного ради отечества своего“.

2. ...и вввшие каяждо злато и сребро в зарукавие си.— Широкие и длинные рукава мужской и женской одежды XVII в. часто использовались вместо карманов.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ

Так называемая „поэтическая“ „Повесть об азовском осадном сидении“ является одним из высокохудожественных произведений в ряду русских повестей XVII века. По своему идейному смыслу она примыкает к произведениям, посвященным защите родины от иноземного нашествия. По жанровым своим особенностям эта повесть близка к тем историческим повестям древней русской литературы, в которых с достаточной полнотой описывается какое-либо одно событие. Написана она талантливым человеком, сумевшим объединить художественные особенности стиля исторических повестей и особенности донского фольклора.

„Поэтическая“ повесть входит в цикл повестей, в которых описываются события 1637—1641 годов. В цикле пять повестей: „историческая“, „поэтическая“, „документальная“, „особая“ и „сказочная“. В 1637 году казаками была взята крепость Азов, стоявшая в устье Дона, в двенадцати километрах от Азовского моря. Крепость являлась форпостом Турции на северо-восточной границе империи. В своем стремлении покорить причерноморские степи Турция опиралась на Крым и Азов. Последний остаток некогда могущественного татарского государства — Крым, при поддержке турецкого султана, представлял серьезную опасность для Русского государства. Из Крыма направлялись отряды, совершавшие опустошительные набеги на русские города и села. Азовская крепость, имевшая сильный турецкий гарнизон, обеспечивала безопасность крымскому побережью и тем самым поддерживала крымского хана. Таким образом, овладение Азовом имело огромное значение для России, так как оно открывало свободный выход в море и облегчало борьбу с Крымом. Это прекрасно было понято Петром I, который и направил свой удар в 1696 году не против Крыма,

а против Азова. Но в середине XVII века Русское государство еще не могло открыто выступить против Азова, а следовательно, и против Турции, поэтому для борьбы с азовским гарнизоном и крымскими татарами привлекались казаки, жившие в южных степях, в бассейне реки Дона. Особое положение казаков позволяло Москве, руководя казаками, оставаться в добрососедских отношениях с Турцией. Казачество состояло из беглых крепостных крестьян и людей, бежавших от преследований закона и живших преимущественно военной добычей. В Москве их считали преступниками. Но московское правительство очень скоро поняло выгоду иметь на южных границах такое смелое и почти ничего не стоящее войско, и с казаками были установлены дружественные отношения. Еще Иван Грозный в 1570 году признал Войско Донское и послал казакам грамоту, подтверждавшую их вольности. Взаимоотношения с Москвой были установлены. Казаки должны были охранять южные границы Русского государства, а за свою службу получали „государево жалование“. Отношения их с Москвой напоминали внешнеполитические: для переговоров с царем с Дона отправлялись послы, казачьими делами ведал Посольский приказ. Эта самостоятельность помогала московским дипломатам, умеряя агрессивные наклонности Турции, сохранять хорошие отношения с султаном. Казаки сыграли заметную роль в отпоре туркам.

В 30-е годы XVII века Турция, стремясь отвлечь внимание России от восточных событий, от трудной для турок войны с Персией, активизирует набеги крымцев и турок на русские земли. Столкновения казаков с турками учащаются. В 1635 году казаки, для того чтобы обезопасить свои городки, предприняли крупный поход на Азов, окончившийся неудачей. Но в 1637 году, после тщательной подготовки, казаки овладели крепостью. Взятие Азова казаками описано в повести азовского цикла, называемой „исторической“.

Овладев Азовом, казаки остаются в нем жить, укрепляют крепость и готовятся к ее обороне. Московский царь посылает казакам гневные выговоры за своевольное „взятие Азовское“ и заверяет султана, что Москва казаками не интересуется. А на деле из Москвы в Азов казакам посылают хлеб, порох, свинец, удовлетворяют все просьбы казаков и очень внимательно следят за событиями в южных степях. До 1641 года Азов находится в руках казаков. Турки, занятые войной с Персией, а потом сменой султана, не могли послать под Азов войско и поручили крымскому хану добыть Азов своими силами. Крымские войска приступали к Азову неоднократно, но безуспешно. Об одном из таких

приступов рассказывается в „особой“ повести азовского цикла.

Но вот в 1641 году, собрав огромную армию, турки двинулись под Азов. Осада крепости длилась с 24 июня по 26 сентября. Казаки героически защищались. Крепость была разбита, ее защитники „сидели“ в земляных укреплениях, но города не сдавали. Турки не ожидали встретить такое сопротивление, в их армии поднялось недовольство, нехватало продовольствия и пороха. Наконец в сентябре турецкая армия вынуждена была отступить.

События осады нашли отражение в повести азовского цикла, носящей заглавие: „Повесть сиречь история о азовском сидении донских казаков 5000 против турок 300 000“, а в научной литературе называемой „поэтической“. Повесть эта построена на фактическом материале и отражает историческую обстановку, сложившуюся в XVII веке на Дону. Она несет на себе явные следы местных особенностей Донской области. В языке и образах ее чувствуется близость к местному народно-поэтическому творчеству и языку казачьей канцелярии. Черты казачьей идеологии видны в том, что, считая себя слугами Русского государства, казаки в то же время недоверчиво относятся к Москве. Но повесть нельзя назвать местным, краевым произведением донской литературы. Это произведение общерусское, одно из лучших произведений московской литературы XVII века, отразившее ярко и образно историческую обстановку того времени, взаимоотношения Русского государства и Турции и роль казаков в борьбе за Азов.

„Поэтическая“ повесть утверждает величие Русского государства. Казаки говорят туркам: „*Государство великое* и пространное, Московское, многолюдное, *сияет* оно посреди всех государств и орд бусурманских и елнических, и персидских, *яко солнце*“. Подчеркивая величие московского царя, его силу, казаки говорят, что туркам не взять Азов „и до веку“, „нешто его, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович всеа России самодержец да вас им, собак, пожалует попржнему, то уж ваш будет“. Велико должно быть и могущественно государство, если царь его может „пожаловать“ соседнее государство городом. Москве действительно пришлось отдать туркам Азов, но сделано это было не из щедрости, а вследствие тяжелого внутреннего состояния государства: Турция угрожала войной, а Россия воевать не могла. Автор же повести не допускает и тени подобного подозрения. Московский царь так силен, что если и отдаст Азов, то только по своей доброте и миролюбию. Через всю повесть проходит уверенность

казаков в своей силе. Уверенность эта объясняется тем, что казаки ощущают свою связь с могущественным Русским государством. Казаки не раз повторяют, что они „холопи государя царя московского“, что воюют они за „все государство Московское“. Но в то же время они не говорят о помощи московского царя и подчеркивают, что „взяли Азов город своею казачьей волею, а не государским повелением... за то на нас государь наш, холопей своих дальних, добре кручиноват“. Это противоречие, отразившееся в повести, существовало в самой действительности. Мы уже знаем, что московское правительство, не имевшее сил для открытой борьбы с Турцией, вынуждено было, фактически помогая казакам, официально уверять Турцию и даже самих казаков, что царь никакого отношения к азовским событиям не имеет. В повести отразились сложные взаимоотношения того времени, причем отразились так, как они освещались московскими дипломатами. Выражение московских политических взглядов вложено даже в уста турок. Они говорят казакам: „О люди божии царя небеснаго, *никем в пустынях водимы или посылаемы*“, „и запасу хлебного с Руси николи к вам не присылают“. На самом деле турки прекрасно знали о присылках казакам жалованья. Все это введено в повесть для того, чтобы показать непричастность Москвы к азовским событиям.

Итак, мы видим, что „поэтическая“ повесть прославляет Русское государство и отражает взаимоотношения казаков с Москвой с точки зрения политики Москвы в азовском вопросе, не осуждая эту политику, а солидаризируясь с ней. В конце повести казаки просят царя принять Азов и выражают сожаление, что крепость возвращена туркам. В этом нельзя усматривать защиту интересов только казачества. Азов имел большое значение для жизни донских степей, но неизмеримо большее значение имел он для всего государства. В данном случае интересы казаков тесно сплелись с интересами Русского государства, и ошибочно было бы думать, опираясь на отразившиеся в повести специфические донские черты, что повесть отстаивает казачьи интересы и проникнута казачьей идеологией. Повесть описывает героические дела донских казаков; естественно, что в повести отразились их обычаи и нравы. Но описание героизма и жизни казаков не является основной целью повести. Восхваляя героизм казаков, повесть восхваляет тем самым все Русское государство, сынами которого являются эти герои. Защищая Азов, казаки защищают свою родину. Они сами неоднократно утверждают, что сражаются за „веру христианскую“ и за „все государство Московское“. Первостепенное

значение Азова в жизни Русского государства позволило создать произведение, проникнутое не узко местной идеей, а общерусской, что и сделало его таким значительным в русской повествовательной литературе.

Возвеличение родной земли и прославление ее защитников — вот основной идейный смысл „поэтической“ повести об Азове. Это сближает повесть с такими произведениями, как „Слово о полку Игореве“, и циклом повестей о Куликовской битве. Идейная близость обусловила и их художественную общность, выражающуюся в характере использования народно-поэтического творчества и приемов исторических повестей и сказаний. Несомненно талантливый человек, автор „поэтической“ повести прекрасно владел традиционными приемами исторической повествовательной литературы древней Руси, а также хорошо знал донской казачий фольклор. И он не мог говорить о борьбе с исконными врагами родины, ведущейся народом, иначе, как соединив художественные особенности устного творчества и приемы письменных произведений о подвигах народных героев. Получилось глубоко оригинальное произведение, причем нельзя заметить в нем ни малейшей искусственности. Талант автора, его знание исторической повествовательной литературы и народного творчества позволили ему создать произведение цельное, непосредственное и очень оригинальное по стилю. Близки фольклору богатырский облик казаков в „поэтической“ повести, яркое и красочное описание войска. Такие выражения, как „лисицы бурые“, „поля чистые“, „волки серые“, насмешливые обороты: „ждали мы вас гостей к себе под Азов город дни многия“; „ради мы в завтра вас подчивать чем у нас, молотцов, бог послал в Азове городе“, — явно ведут нас к фольклору. Прощание казаков с природой и людьми можно сравнить с причетом. Олицетворение Дона и именование его Доном Ивановичем также сближает повесть с народным творчеством.

С повестями Куликовского цикла „поэтическая“ повесть связана использованием традиционных приемов древнерусской исторической повествовательной литературы. В повести находим обычное для исторических повестей пышное описание доспехов, знамен, сравнение боя с грозой, описание страшной „трубли“ во вражеском стане. Некоторые выражения „поэтической“ повести настолько близки повести о Мамаевом побоище, что можно даже предположить, что автор „поэтической“ повести находился под непосредственным воздействием повестей Куликовского цикла.

Горячая любовь к родине, ее природе и людям, богатырский облик ее защитников, органическое сплетение осо-

бенностей народного творчества и традиционных приемов древнерусской исторической повести — все это является характерными чертами „поэтической“ повести об Азове.

Текст печатается по рукописи Библиотеки Академии наук СССР — 32.11.7. Исправления внесены по текстам: 1) Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 164/36—„В“ и 2) опубликованным А. С. Орловым в труде „Исторические и поэтические повести об Азове“, В. 1906: Библ. им. Ленина, собр. Ундольского 794—„У“; Гос. Публ. библ. Q XVII 209 (Буслаев) — „Б“; Гос. Публ. библ. Q XVII 143—„ИЗ“.

1. До Петровской эпохи летоисчисление на Руси велось от мифической библейской даты „сотворения мира“. По нашему летоисчислению 7150 г. соответствует 1642 г. Дата исторически верна.

2. *Михаил Феодорович* (1613—1645) — первый царь из династии Романовых. При нем происходили события, описанные в повести.

3. *Азов* — город на берегу Дона в 12 км. от устья. Основан греками в III в. д. н. э. под названием Танаис. В X в. н. э. принадлежал киевским князьям. В XI в. взят половцами. С XIII в. им владеют генуэзцы, а с XV — турки. Азов, сильно укрепленный турками, явился опорой их экспансии на севере. Закрывая для России выход в море, Азов делал Черное море внутренним турецким морем, а побережье Крыма совершенно безопасным. Своим сильным гарнизоном Азов поддерживал набег крымских татар на русские земли. Азов определял ориентацию ногайских племен, кочевавших в приазовских степях. Находясь на пути в Закавказье, Азов препятствовал сношениям русских с кавказскими народами и облегчал проникновение на Кавказ турецкого влияния. Азов был также торговым городом.

4. *...атаман казачей Наум Васильев да ясаул Федор Иванов. А с ними казаков 24 человека.* — Для разрешения каких-либо вопросов казаки посылали в Москву посольство, называемое „станицей“ и состоявшее из атамана „станицы“, есаула и группы казаков. Наум Васильев был войсковым атаманом во время осады Азова, а после снятия осады послан к царю атаманом станицы. Федор Иванов — Федор Порошин, войсковой дьяк и есаул станицы Наума Васильева.

5. *В прошлом де во 149-м году июня в 24 день...* — дата исторически достоверна, по нашему летоисчислению — 24 июня 1641 г.

6. *Ибрагим* — турецкий султан, правивший с 1640 по 1648 г. Вступил на престол перед походом под Азов.

7. *...прислал турецкой Ибрагим салтан царь под нас, казаков, четырех наших своих, да дву своих полковников...* — Турецкий путешественник Эвлий эфенди, присутствовавший при осаде Азова турками, в своих записках называет четырех командующих пришедших под Азов армий. В данном списке повести прибавлены еще два полководца, что является явной ошибкой, так как в других списках этого нет. Здесь,

видимо, подразумеваются „два немецких полковника“, о которых говорится ниже. *Паша* — высший военный титул в Османской империи.

8. ...*да ближние свое тайные дому, покою своего слугу, да Ибремя-скопца...* — Главный евнух, кастрат, наблюдавший за ханским гаремом, пользовался большим влиянием при дворе. Поэтому „Ибреим скопец“ мог присутствовать при осаде в качестве доверенного лица султана.

9. *Бусурманской* в просторечье называли магометанскую религию.

10. *Черных мужиков*. — Черными людьми в XVII в. назывались люди, жившие на государственной земле, не крепостные. Здесь подразумеваются подданные турецкого султана, жившие вдоль черноморского побережья и в крепости Кафа (Феодосия).

11. ...*собраны изо всей орды крымские...* — В 1239 г. татары заняли степную часть Крыма. В XV в. Крымское ханство (орда) усилилось. После падения Константинополя и завоевания Турцией крепостей Черноморского побережья Крымское ханство признало себя вассалом Турции и при ее поддержке сделалось грозой для своих северных соседей. Крымские войска участвовали во всех походах турецкого султана особенно на север.

12. *Ногаи* — ногаи, тюркская народность. Они делились на Большие и Малые Ногаи, кочевали в южных степях. Кочевавшие у Астрахани подчинялись московскому царю, остальные — Крыму. После взятия Азова казаками в 1637 г. многие ногаи изъявили желание присоединиться к России, но часть осталась в крымском подданстве и принимала участие в осаде Азова.

13. ...*на загребение наше*. — В войне против Ирана турки применяли прием засыпания крепостей землей. Этот же прием они хотели применить и при осаде Азова. Афанасий Желябужинский, ездивший по приказу царя осматривать крепость в 1642 г., писал, что крепостной ров весь засыпан землей, „как бусурманы валили к городу вал“.

14. *Крымский царь* — Бегадыр Герай (1637—1641).

15. ...*да брат ево народым Крым Гирей царевич* — брат царя Крым Герай; *ну-ур-эд-дин* (народым) — название первого сановника ханства.

16. *Мурза* — мелкий татарский дворянин.

17. ...*пришло горских князей и черкас ис Кабарды...* — Кавказские князья, находившиеся под турецким влиянием. *Черкесы* (адыге) из *Кабарды*. — Кабарда на протяжении веков была ареной борьбы между Турцией и Россией за влияние на эту страну. В начале XVII в. влияние Турции в Кабарде усилилось.

18. *Тюфяки* — орудия, стрелявшие картечью („дробом“).

19. *Буданы* — племя мадьяр.

20. *Арнауты* — албанцы, завоеванные турками в XV в.

21. *Волохи и митџеня* — жители придунайских княжеств Валахии и Молдавии.

22. *Черкасы* — черкесы (адыге).

23. ... по спискам... 256 000 человек. — Повесть дальше называет цифру 300 000. У Эвлия названо 227 000 человек, по казачьим документам — 240 000 человек.

24. *А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре года.* — Казаки взяли Азов в июле 1637 г., а турки осадили его в июне 1641 г. Четыре года Турция, занятая войной с Ираном, а потом сменой султана, не могла послать войска под Азов.

25. *Маметы* — шатры больших размеров.

26. *Мушкет* — ручное огнестрельное оружие, стрельба из которого производилась со специальной подпорки, так как мушкет очень тяжел.

27. *Как есть стояла над нами страшная гроза небесная.* — Эвлий так описывает осаду: „страшная борьба продолжалась до зари, в течение 7 часов, с невероятным шумом и ревом“ („Записки Одесского общ. ист. и древн.“, т. VIII, 1872). Сравнение боя с грозой — обычный прием воинской повести.

28. *Янычарские головы* — командиры в войсках янычар, привилегированного пешего войска.

29. *Набат* — громадный медный барабан.

30. *Фитили... кипят у мушкетов их, что свечи горят.* — Порох в запале мушкета воспламенялся от фитиля.

31. *Пищали* — артиллерийское оружие для прицельной стрельбы.

32. *Жагра* — палик для воспламенения пороха в орудии.

33. *Шишаки* — головные уборы воинов, имеющие сверху металлический шар.

34. *Фома Кутузин* — Кантакузин, грек, принявший мусульманство, два раза ездивший послом султана в Москву. В 1637 г. убит казаками на Дону, где он находился по пути в Москву во время осады казаками Азова. Казаки обвинили его в попытке связаться с осажденным Азовом.

35. ... *городки свои...* — Казачьи поселения были обнесены частоколом и земляным валом и назывались городками.

36. *Един он лиш верен страж гроба божия.* — Турки, завоевав Иерусалим, поставили стражу около святыни всех христианских народов — гроба Христа — и использовали это в целях религиозной агитации.

37. ... *от царства вашего силнаго московскаго никаков от человек к вам не будет русской помощи и выручки.* — Московские дипломаты усиленно стремились создать впечатление, что Москва ничем не помогает казакам. Русское государство не имело сил для активной вооруженной борьбы с Турцией и вынуждено было использовать казаков для умерения агрессивных стремлений Турции, ведя дипломатическую борьбу и уверяя турок и даже самих казаков в том, что Москва не имеет никакого отношения к столкновениям казаков с турками и татарами. В повести отразилась эта политика Русского государства.

38. *Зипун* — кроме названия верхней одежды, употреблялось также в значении военной добычи.

39. *А всё то мы применяем к Ерусалиму и Царюграду, лучится нам тако взять у вас Царьград. То царство было христианское.* —

Константинополь (Царьград) был взят турками в 1453 г. Вскоре были покорены и другие христианские города Черноморского побережья. Центром православия стала Москва, считавшаяся наследницей Византии. На Москву же возлагались надежды освобождения христианских городов от владычества мусульман. Идея эта жила и среди казачества, поэтому походы их под Азов и другие крепости освещались как борьба за „веру христианскую“. Взятие Азова в 1637 г. часто рассматривалось как начало освобождения христианских городов от ига „неверных“. Об этом свидетельствует как „поэтическая“, так и „историческая“ повести азовского цикла, где взятие рассматривается как дело божие. Этим же объясняется такое обилие чудес во всех повестях цикла.

40. ... *Украиною, которая сидит у него, государя, от поля от орды ногайские.*... — Имеется в виду полоса укреплений, построенная в XVI—XVII вв. для обороны южной границы и проходившая через Шацк, Рязань, Тулу, Белев, Жиздру.

41. ... *государя царя храброго Костянтина благоверного.*... — Последний византийский император Константин Палеолог (1403—1453) погиб во время осады турками Константинополя в 1453 г.

42. *Которые у нас подкопы отведены были за город... не удержала от силы их земля.* — Казаки в Азове, готовясь к отпору туркам, делали подкопы и подземные выходы из города. Во время первого турецкого приступа многие подкопы были взорваны казаками.

43. ... *мы вынесли большое знамя на выласке царя турского.*... — Относительно захвата турецкого знамени Эвлий рассказывает, что оно было брошено турками при бегстве со стен крепости, куда они уже вошли. Знамя было доставлено казаками в Москву. Факт историчен.

44. ... *от стрельбы их пушечной все наши азовские крепости распались.* — О разрушениях крепости говорит в докладной записке Афанасий Желябужинский, ездивший по приказу царя обследовать крепость в 1642 г. Он пишет, что все стены разрушены до земли, из одиннадцати башен сохранились только три, все поле вокруг изрыто подкопами, крепость восстановить нельзя, нужно строить заново.

45. *А мы от них сидели по ямам.* — После разрушения каменных укреплений казаки перешли в земляные. В царской грамоте на Дон говорится: „а отсиделись от них в четвертом в земляном городе“ („Русская историческая библиотека“, 1906, т. 24, стр. 260). О том же рассказывает Эвлий.

46. *Идолослужители.* — Все нехристиане считались язычниками, поклоняющимися идолам (изображениям людей и животных).

47. *И оне к нам на стрелах почали ярлыки метать.* — О подобном способе переговоров рассказывает царская грамота на Дон 1642 г. Факт историчен.

48. ... *июня з 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году.* — Даты историчны. По нашему летоисчислению осада началась 24 июня 1641 г. и кончилась 26 сентября 1641 г. (по летоисчислению XVII в. сентябрь — первый месяц следующего года).

49. Улус — территория, занятая определенной ордой.

50. Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою Украину, не будет войны от татар и во веки... — В повести правильно оценено стратегическое значение Азова. Овладев этой крепостью, казаки значительно ослабили силы турок и татар на северном побережье Черного моря. О значении взятия Азова для спокойствия южных степей говорилось также на Соборе 1642 г.

51. ... он, государь царь и великий князь Михайло Феодорович, пожаловал турецкого Ибрагима салтана царя, велел донским атаманам и казакам Азов град покинуть. — После ухода турецкой армии казаки послали в Москву атамана Наума Васильева, чтобы просить царя принять Азов под свое покровительство. Для решения этого вопроса был созван Собор. Высказывания на Соборе показали, что русские люди того времени прекрасно понимали выгоду присоединения Азова. Но на Соборе выяснилось также и неблагоприятное внутреннее состояние государства. Среди всех слоев населения росло недовольство. Страна была обессилена продолжительными войнами. Недовольны были все. Дворяне жаловались на притеснения приказных при раздаче жалованья и поместий. Посадские люди говорили о тяжелых повинностях, торговые — жаловались на обнищание и большие налоги. Положение народа было тяжелым. В случае войны с Турцией из-за Азова налоги увеличились бы, что грозило усилением недовольства и серьезными неприятностями правительству. Необходимо было сохранить мирные отношения с Турцией, поэтому царь и бояре склонны были возвратить Азов султану. Решение было ускорено убийством султанского посла в южных степях. Это было второе убийство посла за короткое время (в 1637 г. был убит Фома Кантакузин). Положение осложнялось; царь поспешил отдать казакам приказ об оставлении Азова.

ПОВЕСТИ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Повести о начале Москвы исследованы проф. С. К. Шамбинаго („Повести о начале Москвы“. Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы, III, изд. АН СССР, Москва—Ленинград, 1936). Ему принадлежит определение генезиса и источников этих повестей, исторического и литературного значения их. Но само собою разумеется, что в первом специальном исследовании, посвященном этому циклу произведений, трудно было добиться исчерпывающих и вполне безупречных ответов на вопросы, встававшие перед исследователем. И действительно, если проф. С. К. Шамбинаго удалось в общем правильно определить генезис и источники повестей о начале Москвы, поставить их в связь со средневековой повестью и преданиями о Боголюбском восстании, жертвой которого в 1174 году пал владимирский князь Андрей, то менее удачно решены им вопросы об их историческом и литературном значении.

Вопрос об историческом значении повестей о начале Москвы еще требует дополнительного внимательного и кропотливого исследования, и не лишено вероятности предположение, что такое исследование может открыть ряд деталей боголюбской трагедии, донесенных народным преданием до поздних повестей о начале Москвы.

Вопрос же о литературном значении этого цикла произведений решен проф. С. К. Шамбинаго явно неправильно. Романический элемент их он объясняет чисто внешней причиной — влиянием рассказа греческого историка XII века Константина Манассии об императоре Никифоре Фоке и Феофане. В свободном отношении этих повестей к историческим фактам и событиям (особенно — в хронографической повести) ему чудится „та манера исторического баснословия,

которая из Польши через южноруссов была перенесена в Московскую Русь в XVII в.“.

А между тем эти особенности повестей о начале Москвы характерны для большого круга таких повествовательных произведений второй половины XVII века, которые никак нельзя заподозрить в подражательности: для повести об Отроче монастыре, повести о Савве Грудцыне и др. Литературное значение повестей о начале Москвы и место их в развитии древнерусской повести становятся ясными только тогда, когда мы рассматриваем их в связи с конкретной исторической обстановкой Русского государства второй половины XVII века и на фоне повествовательной литературы этого времени.

Проф. С. К. Шамбинаго, идя вслед за Карамзиным („История государства российского“, т. II, примеч. 301), рассматривает три повести о начале Москвы: „хронографическую“, „новеллистическую“ и „сказочную“. Но есть и еще одна повесть на эту же тему, встречающаяся в рукописях иногда вместе с этими тремя повестями. Ее задача — установление генеалогии московских князей (М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 222—223). Весь этот цикл повестей о начале Москвы окончательно сложился не раньше середины или второй половины XVII века.

Первая из них часто встречается в исторических сборниках под следующим заглавием: „О зачале царствующего великаго града Москвы, како исперва зачатся“. Она отличается одной характерной особенностью: описываемые в ней события разнесены по годам, подобно тому как это принято в летописях. Повесть начинается вступлением, которое дает идеологическое обоснование всей ее композиции. Автор повести хочет рассказать о том, как, подобно Риму и Константинополю, построен на крови третий Рим — Москва. Центральная часть повести, запись под 1158 годом, и является как бы иллюстрацией этой идеи. В 1158 году, рассказывается здесь, по дороге из Киева во Владимир великий князь Юрий Владимирович „прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва“. По обоим берегам реки здесь стояли „села красныя“, которыми владел богатый боярин Степан Иванович Кучка. Кучка не оказал великому князю подобающей чести, „но и поносив ему к тому жь“. Юрий Владимирович, „не стерпя хулы его той, повелевает того боярина ухватити и смерти предати“; сыновей же его Петра и Акима и дочь его Улиту отсылает во Владимир к сыну своему князю Андрею Юрьевичу. Сам же Юрий Владимирович „взыде на гору и обозрев с нее очима своими семо и овамо по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, и возлюбил села оныя и повелевает на месте том вскоре

сделать мал деревян град и прозва его званием реки тоя Москва град по имени реки, текущая под ним“. Так Москва оказалась основанной на крови. Юрий Владимирович женил своего сына Андрея, прозванного Боголюбским, на Улите Кучковне. Но брак был несчастным. Князь Андрей — молитвенник, нищелюбец и храмосоздатель — чуждался своей молодой жены, „ниже во снех ему соблазны женския мечтахуся“. Это было неприятно жене его, „требоваше бо пригорновения [объятий] и плотского смещения“. Отвергнутая и оскорбленная женщина вступает в заговор со своими братьями Кучковичами „и предаде в рuce врагом супружника своего“. Князь Андрея убивают 29 июня 1175 года. Убийц вскоре постигает кара. Далее в повести идут летописные записи, группирующиеся около рода Андрея Боголюбского.

Источники этой повести очевидны. Она возникла на основе повестей об Андрее Боголюбском и преданий о Кучке. Но фактический материал этих источников подчинен в ней новым идеям и новым художественным задачам. Политические причины заговора против Андрея Боголюбского в ней забыты. Автора-москвича волнуют иные мысли. К середине XVII века Русское государство приобретает большое международное значение. Европейские державы ищут союза с Москвой для борьбы с Турцией. Москва достигает воссоединения с Украиной и ведет длительную войну с Польшей за присоединение Белоруссии. В этой обстановке создаются вполне благоприятные условия для веры в великое историческое призвание России — могущественной христианской державы, и в некоторых московских кругах воскресает старая теория Москвы — третьего Рима. Автор повести, бесспорно приверженец теории Москвы — третьего Рима, начинает свой рассказ, повторяя буквально слова старца Филофея (XV—XVI века), создателя этой теории: „два убо Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти“. К повестям об Андрее Боголюбском и преданиям о Кучке автор потому и обратился, что в них он находил подтверждение важной для него мысли: Москва основана на крови, подобно тому как это было при основании Рима и Константинополя.

„Хронографическая“ повесть, таким образом, отличается ярко выраженным патриотическим сознанием могущества Русского государства. Оно сказывается и в скрытой полемичности ее содержания, и в стремлении дать рациональное объяснение возникновению Москвы, и в прямых высказываниях автора. Так, например, полемизируя во вступлении с теми иностранцами, которые, враждебно относясь к русским и клеветая на них, спрашивают: „Кто может ожидать

или надеяться, что Москва станет государством и покорит многие страны и царства?», автор повести считает, что такие люди одержимы недомыслием и не понимают истинного хода событий.

Но автора интересует и вторая линия повествования, чисто романическая. Рассказывая трагическую биографию Андрея Боголюбского, автор значительно изменяет традиционное изложение. Он подчеркнуто противопоставляет аскетическому поведению князя полный земных страстей темперамент княгини. Глубоко личная драма Андрея и Улиты выступает у него на первый план. Но это противопоставление аскетизма и любострастия — чисто средневековая черта. Любовная интрига в повести оказалась развитой еще очень слабо.

Вторая повесть этого цикла, известная под заглавием „О зачале царствующего града Москвы“ (печатается в настоящем издании), только внешне, своим заглавием да несколькими совпадающими фразами, связана с предыдущей повестью. Развитие ее фабулы идет своими путями. Рассказ, имеющий определенный сюжет, в ней также соединен с записями летописного характера. Но здесь соотношение этих литературно разнородных частей иное, чем в первой повести: летописные записи оттеснены сюжетным рассказом к концу повествования. Изменение композиции объясняется изменением идейно-художественного замысла повести. Героем сюжетного рассказа, которым начинается повесть, является князь Даниил, сын Александра Невского, княживший в Москве между 1272—1303 годами. Но сообщаемые о нем повестью сведения ничего общего не имеют с его биографией. К тому же не государственная деятельность Даниила Александровича привлекает внимание автора, а личная жизнь князя и его трагическая гибель. Об основании Москвы в повести говорится только вскользь и не в этом рассказе, а ниже, в одной из записей летописного характера.

В стиле новеллистической народной сказки ведет автор свой рассказ в первой, сюжетной, части повести о „красных“ селах боярина Кучки, которые стояли по берегам Москвыреки; о его двух сыновьях, самых красивых юношах во всей русской земле; о том, как силой взял их ко двору своему князь Даниил и пожаловал одного из них в стольники, другого в чашники; о том, что „возлюби красоту лица их“ княгиня Улита, и умыслили они втроем убить князя на охоте, а раненый князь „ускочив от них на коне своем в чашщу лесу“, и они „много же искавшие его и не обретоша, но токмо нашедше коня его“. А затем по канве окской народной легенды о лихоимном перевозчике рассказывается о том,

как князь, „добежав с нуждею до перевозу, и не имея что дати перевозчику“, обещает за перевоз перстень золотой с руки; и узнал перевозчик, что это князь, и потребовал перстень, протянув весло к князю, а получив перстень, „отторжеса от брега“, не взяв князя. И князь „побеже подле Оки реки, бояся за собою гонивших людей его“. И дальше, опять на основе другого народно-поэтического рассказа, рассказа о „выжлеце“ (гонимом псе), преданном своему хозяину и невольно предающему его, повествуется о том, как по совету Улиты выезжают Кучковичи с „выжлецом“ на поиски князя, и учуял пес след князя, „и набежал он струп, где ухоронился князь Даниил“, и увидели убийцы „пса, радующеся и хвостом машуща“, и, скоро соскочивши с коней, убили князя.

В этом рассказе на основе фольклорных мотивов и народных преданий в сказочно-новеллистическом жанре претворены факты трагической участи Андрея Боголюбского. Но рассказ очень далеко ушел от исторической достоверности средневековых повестей о боголюбском заговоре. Место Андрея Боголюбского занял суздальский князь Даниил Александрович, который жил столетием позже Андрея. Основную роль в заговоре играет жена князя Улита. Вся обстановка убийства в корне изменена. Не упоминается в рассказе и о „зачале“ Москвы на крови, что так настойчиво отмечалось первой повестью.

Понятно, почему личность Даниила Александровича могла привлечь внимание писателя второй половины XVII века. Даниил Александрович — подлинный родоначальник московских князей. Он в продолжение тридцати трех лет самостоятельно правил московским княжеством, ему удалось присоединением переяславского княжества начать территориальное расширение Москвы. Его сын Юрий добился великого княжения для Москвы, и его же сын Иван Калита стал знаменитым собирателем северо-восточной Руси. В период расцвета московского самодержавия, в XVI веке, роль Даниила в возвышении Москвы была расценена очень высоко. В „Степенной книге“ ему помещено панегирическое житие, утверждающее, что при нем положено было „первоначалие российского скипетродержавия“. Когда в XVII веке в государственной жизни России вновь усилилось значение самодержавия, о Данииле Александровиче опять вспомнили. Правительственные и церковные круги в 1652 году „открыли“ его „мощи“: Даниил явно превращался в политического святого. Тем замечательнее, что автор повести „О зачале царствующего града Москвы“ интересуется не этим официальным лицом Даниила и не подлинными фактами его

исторической деятельности или их тенденциозным осмыслением, а воссоздает личную жизнь Даниила, подходя к историческому материалу как беллетрист, а не как историк. Рассматриваемый так, рассказ о Данииле представляет много любопытного. В нем можно отметить ряд неизвестных раньше в древнерусской литературе особенностей идейно-художественного восприятия действительности, и эта смелость в переосмыслении фактов истории в совершенно ином плане является одной из таких особенностей. Автор высказывает новый взгляд на любовь, еще двойственный и неопределенный — что вполне закономерно для второй половины XVII века, — но уже отличающийся от средневековых представлений о любви: „Теже два брата полюбилися... княгине Улите Юрьевне... возлюби бо красоту лица их, и дияволим разжением смесися с ними любезно“. У него особое отношение к читателю, он намеренно стремится вызвать у читателя не только известный строй мыслей, но и определенные настроения. Отсюда пристрастие к волнующим эффектным эпизодам: неудавшаяся переправа князя, пребывание его в срубе с покойником в темную осеннюю ночь, поиски князя с „выжлецом“ и пр. Для изложения рассказа характерна манера народного эпического сказа, не лишенного ритма: „Почему было государству московскому царству быти, и кто то знает, что Москве государством слыти“, таким почти былинным вступлением начинается рассказ. Просты и безыскусственны речи некоторых действующих лиц: „Лихо де вы люди обманчивы, — говорит перевозчик в ответ на просьбу князя перевезти его через реку, — как де вас перевезешь реку, и вы де, не дав перевозу, так и уходите“.

В записях летописного характера, которые следуют за этим рассказом, повествуется о том, как князь Андрей Александрович отомстил Кучковичам за смерть Даниила, основал Москву и проч. В этой части повести также нельзя искать исторически достоверной основы.

Третье произведение этого же цикла — „Сказание о зачатии преславнаго царствующего града Москвы“ — вполне легендарного характера. Оно состоит из ряда легенд, объясняющих происхождение Москвы, ее урочищ и некоторых других городов. Вымышленный князь повествования, Данило Иванович, соединяет в своих руках попечение о гражданском и церковном строительстве. И эта идея, и намеренное отдаление повествования от фактического материала, и жанр легенды — все это уже черты поздней московской повествовательной литературы второй половины XVII века.

Наконец, в четвертой повести этого цикла, известной под заглавием „Ин летописец повествует“, как и в первой

повести, звучат важные для укрепления московского еди-
нодержавия идеи. Повесть начинается с погодной записи
о смерти Рюрика. После его смерти остался княжить Игорь
Рюрикович „в дозоре Ольгови. . . понеже Игорь млад еще бе“.
От Игоря, по повести, и ведут свой род московские князья:
„А от князей варяжских родство оное изведоша. Сей же
Игорь Рюрикович и весь род его от колена Августа кесаря
тивириадцкого римского“. Так вновь в этой поздней повести
повторяется легендарная генеалогия московских князей,
впервые выдвинутая еще в XV веке „Сказанием о князех
владимирских“, которое связывало московский великокня-
жеский род с римским императором Августом. Но повесть
идет дальше этого „Сказания“: она ставит в связь с вокня-
жением в Киеве первого Рюриковича самое основание Москвы.
Оказывается, что регент Киевского государства в малолет-
ство Игоря, „сродник“ последнего, Олег, „прииде на Москву
реку, в нея же текут Неглинна да Яуза, и постави тут град,
именова Москва. . .“ Идея одновременного установления власти
Рюриковича и в Киеве и в Москве, очевидно, могла возникнуть
не раньше 60-х годов XVII века. Она подсказывалась крупным
историческим событием этого времени — воссоединением
Украины с Москвой. Повесть, таким образом, попадала
в круг произведений, имевших своею целью идеологическое
обоснование этого воссоединения. Поэтому-то автор повести
так категорически заявляет, что, когда Игорь сделался кня-
зем в Киеве и Аскольд и Дир были убиты, „княжение киев-
ское скончася, которое от Киа, Шека и Кореа и сестры их
Либеди начася“. Ему надо было исторически обосновать
право Москвы на Киев перед тем или после того, как
в Переяславе в январе 1654 года казацкая рада заявила:
„Волим под царя восточного, православнаго“. И вот ока-
зывается, что Москва и Киев находились в одних руках,
в руках родоначальника всех русских князей, далеким по-
томком которого в XVII веке оказался только один русский
царь. Политическая тенденция и на этот раз выражалась
в форме исторической легенды.

Текст „Повести о зачале царствующего града Москвы“ перепеча-
тывается из книги М. Н. Тихомирова „Древняя Москва“, М., 1947,
стр. 216—222, где он напечатан по списку конца XVII в. Государствен-
ного Исторического музея, собр. Уварова, № 670.

¹ *Боярина Кучку*, владевшего селами красными на берегах Москвы-
реки, древнейшие русские летописи не знают. Но, по всей вероятности,
это историческое лицо, так как в заговоре против Андрея Боголюбского,

по свидетельству Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, принимали участие Аким Кучкович, очевидно сын боярина Кучки, и Петр, прозванный „Кучковым зятем“. Имя Кучки долго сохранялось также в названиях местностей: в XV в. в Суздальской земле упоминалась волость „Кучка“; в Москве знали урочище „Кучково поле“. Особенно замечательно то, что сама Москва еще во второй половине XII в. имела двойное название: „Москва, рекше Кучково“, то есть „Москва, иначе говоря — Кучково“. Таким образом, в легендарном рассказе о боярине Кучке и его „красных селах“ сохранилось отражение исторической реальности (см. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 11—14).

² Самый факт основания Москвы не следует представлять себе так упрощенно, как об этом рассказывает первая повесть из цикла повестей о начале Москвы, бесспорно опираясь на устную легенду. По археологическим данным, территория Москвы была заселена с древнейших времен. Население ее вело торговлю с соседними волжскими областями. Об этом весьма красноречиво говорят находки в разных концах современной Москвы арабских серебряных монет чеканки IX в., которые могли попасть на территорию Москвы только при посредстве хорезмийской и болгарской торговли, имевших место уже в это раннее время.

Судя по обстоятельствам встречи в Москве в 1147 г. черниговского князя Святослава Ольговича с суздальским князем Юрием Долгоруким, который повелел для приглашенного им Святослава „устроить обед силен и сотворити честь велику“ и даровал „Святославу дары многи“, — Москва уже в это время была богатой княжеской вотчиной.

Таким образом, если доверять свидетельству повести о том, что в 1158 г. Юрий Долгорукий на месте сел боярина Кучки „повелевает... соделати мал древян град“, то этот факт следует рассматривать только как один из этапов в исторической жизни Москвы (см. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 5, 14—15).

³ Летописи не подтверждают факт женитьбы Андрея Боголюбского на Улите Кучковне. Лицо это, очевидно, легендарного происхождения.

⁴ Вторая повесть этого цикла — „О зачале царствующего града Москвы“ — упоминает о некоторых исторических лицах и тщательно отмечает хронологию ряда исторических событий, но искать исторической основы в ней — напрасный труд. Князь Андрей Александрович, который по повести оказывается основателем Москвы и первым московским князем, в действительности не имел никакого отношения к Москве. Он занимал великое княжение во Владимире с 1282 по 1304 г., борясь за власть со своим братом Дмитрием Александровичем; а в споре из-за Переяславского княжества сделался прямым противником Даниила Московского. Сын Даниила Александровича, Иван Данилович, не мог воспитываться у Андрея Александровича, так как последний умер год спустя после смерти Даниила Александровича. После Даниила Александровича в Москве княжил не Иван Данилович, как получается по повести, а его старший брат Юрий Данилович; Иван же Данилович занял московский стол только в конце 1325 г.

⁵ История перенесения митрополичьей кафедры из Владимира в Москву в повести изображена также неправильно. Митрополит Петр прибыл во Владимир в 1309 г. Не ладя с великим князем Михаилом Ярославичем, он подолгу жила в Москве в княжение Юрия Даниловича. Иван Данилович, заняв московский стол и намереваясь сделать Москву столицей великого княжества, задался мыслью перенести в Москву же и митрополичью кафедру. С этой целью он добился согласия Петра быть погребенным в Москве, что для преемников Петра являлось как бы завещанием о перенесении митрополичьей кафедры из Владимира в Москву.

Таким образом, „Повесть о зачале царствующего града Москвы“ при ее кажущейся фактографичности в действительности все время искажает исторические данные.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

„Повесть о Савве Грудцыне“ написана в 70-х годах XVII века, но действие ее относится к более раннему времени. Она начинается издалека эпически спокойным рассказом о событиях начала XVII века, когда от „литовского разорения“ многие дома своя оставляху и из града во град бегаху“. Но она знает и более поздние исторические события, время, когда „по указу государеву поидоша полки с Москвы под Смоленск“, то есть осаду русскими войсками Смоленска в 1632—1634 годах. В рамках этой исторической эпохи и разворачивается фабула повести. Здесь рисуются картины и солдатских наборов по русским городам, и спешного обучения войск воинскому „артикулу“ перед объявлением войны Польше, и осады занятого поляками Смоленска, и „царских выходов“, причем все это дается со знанием обстановки и с исторической точностью. Герой и героиня повести даже носят фамилии хорошо известных в Русском государстве XVII века купеческих семейств — Грудцыных-Усовых и Баженов. Есть в повести упоминания и о подлинно исторических лицах. Сам царь Михаил Федорович принимает участие в судьбе Саввы; боярин Семен Лукьянович Стрешнев приглашает Савву в свой дом; боярин Шеин изгоняет Савву из войск и т. п. Но предмет изображения повести — не исторические события, а частная жизнь молодого купеческого сына. „Повесть о Савве Грудцыне“, как и другая значительная повесть второй половины XVII века — „Повесть о Горе-Злочастии“, ставит вопрос об отношениях между „отцами“ и „детьми“. И ее герой, Савва Грудцын, не повинуется родителям, самостоятельно строит свою личную жизнь и, подобно доброму молодцу „Повести о Горе-Злочастии“, преследуемый неудачами, уходит в монастырь.

Действие повести сложно и многообразно. Сперва изображается ближайшая среда героя — его семья. Черты патриархального купеческого быта характеризуют весь жизненный уклад этой семьи. Здесь вся власть в руках главы семьи — отца. Здесь торговля — дело всей жизни, и когда в годы Смуты внешние обстоятельства мешают ей, отец героя Фома Грудцын оставляет родной для ряда поколений Грудцыных Великий Устюг и „преселяется... в понизовый царственный град Казань, зане не бысть в понизовых градах злочестивыя Литвы“. Отсюда он отправляется в торговые поездки вниз по Волге то к Соликамску, то к Астрахани, то „за Хвалынское море в Шахову область“. К этому же исподволь он приучает и сына своего, „дабы по смерти его наследник был имению его“. Но наряду с деловитостью, строгостью и сдержанностью взаимоотношения в семье Грудцыных характеризуются мягкостью и сердечностью: расставания и встречи здесь ознаменовываются тем, что Фома Грудцын обязательно, „яко же лепо обычное целование“ подает жене своей и сыну. Казалось бы, что в этой среде с хорошо отстоявшимися формами жизни и Савва должен пойти старыми, проторенными путями.

Но вот автор показывает своего героя вне родительского дома, в торговом отъезде, в далеком соликамском городе Орле. Сперва и здесь Савва попадает в сферу привычных патриархальных отношений. И в чужом городе ему открыт путь „по отцу“: ему оказывает гостеприимство „гостинник“ города Орла, „помня любовь и милость отца его“; его приглашает в свой дом орловский купец Бажен Второй, старый друг отца Саввы, с которым он „многую любовь и дружбу“ имел; его зовет к себе на пир воевода, „зане добре знаяше отца его“, и т. п. Но затем автор показывает, как веяния нового времени, в частности широко распространенное в XVII веке пренебрежение к „древнему благочестию“, выбивают Савву из обычной колеи жизни. Он сближается с молодой женою Бажена и „живет неисправно и непорядочно, и, елико было с ним отеческих товаров, все изнурил в блуде и пьянстве“. В огромном запасе традиционных литературных образов и ситуаций автор повести находит материал для описания и объяснения такого поведения юноши. Не в злой воле Саввы причина его неблагоприятных поступков. Это молодая жена Бажена соблазняет неопытного юношу. Но когда Савва, после изгнания его из дома Бажена, вновь входит в доверие последнего, вторично поселяется в его семье и „паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою“, автор иначе, как вмешательством дьявола, не может объяснить поведение своего героя. Неторопливо, в рамках широких и

сочных бытовых описаний, разворачивается любовная интрига повести. Весь уклад жизни семьи купца Бажена и обстановка небольшого торгового города с его шумной „конной площадью“ и в то же время с тихим миром его верований и суеверий — все это тщательно нарисованный фон любовной истории Саввы и молодой жены Бажена. Впервые в древней русской литературе мы встречаем такое внимание к романтической стороне повествования.

Развязка любовной интриги чисто реалистическая. Слухи о „неисправном житии“ Саввы доходят в Казань, к его родителям. Они неоднократно пишут ему, умоляя возвратиться в Казань. Савва же „прочте, посмеявся и ни во что же вменив. . . но токмо упражняяся в ненасытном блужении“. Тогда отец Саввы „пути касается к Соли Камской: „Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом свой“. И Савва вынужден бежать из Орла. Так автор обрывает любовную интригу повести. На этом оканчивается юность героя и его жизнь в родной ему купеческой среде, устои которой — беспрекословное повиновение родителям и святость семейных уз — он так небрежно нарушает.

Рамки повествования затем значительно расширяются. Герой попадает в орбиту больших исторических событий своего времени — русско-польской войны 1632—1634 годов. В Шуе Савва зачисляется в солдаты и в скором времени „в воинском учении такову премудрость“ приобретает, „яко и старых воинов и начальников во учении превосходит“. Перейдя с полком в Москву, он выдвигается по службе еще больше: полковник „вручает ему три роты новобранных солдат, да вместо его устроит и учит той Савва“; царский шурина боярин Стрешнев приглашает его к себе на службу и, наконец, „по некоему же случаю явственно учинися о нем и самому царю“. Все удивляются „остроумию“ (уму) Саввы. Удача неизменно сопутствует ему: он совершает дерзко-смелую разведку, проникнув в самый Смоленск, и узнает, „како поляки град укрепляют и на приступных местах всякия гранаты [орудия] поставляют“, и, наконец, во время осады Смоленска в единоборстве побеждает трех польских „исполинов“, чем „немал зазор смолянном (в других списках — поляком) наведе, все же российское воинство во удивление приведе“. Это кульминационный пункт воинской удачи и славы героя, и автор изображает его подвиги в героико-эпическом стиле русских былин и воинских повестей. И только образ „названного брата“ Саввы — беса, неотступно следующего за ним и помогающего ему, носит на себе отпечаток традиционной житийной манеры письма.

Последние эпизоды повести — это грустное повествование о том, как счастье постепенно изменяет Савве. Здесь рассказывается об его изгнании из войск боярином Шеином; болезни, как результате общения с дьяволом; пострижении и, наконец, смерти в монастыре.

Так последовательно, от эпизода к эпизоду раскрывается художественная биография героя и самая тема произведения. В нем отразилось беспокойство духа молодого поколения, недовольство старым укладом жизни, небрежное отношение к родительскому авторитету и еще бессильное, но уже ясное стремление строить жизнь „по-своему“, то есть настроения, характерные для второй половины XVII века.

Итак, „Повесть о Савве Грудцыне“ ставит и в художественно-образной форме решает ряд весьма важных для второй половины XVII века вопросов и среди них основной — вопрос об отношениях между родителями и детьми. В более раннюю эпоху этот вопрос, как общественная проблема, не мог даже возникнуть. Для древней Руси здесь все было ясно. Родительская власть была непререкаемым и непоколебимым авторитетом. Она служила основой и связующим началом в семейной и общественной жизни. По отцам судили и о детях именно потому, что воля первых формировала характер и направляла поступки последних. Но в XVII веке под влиянием значительных изменений не только в экономике страны, но и в общественной жизни русского народа новые понятия коснулись и семьи, этой крепости древнерусского жизненного уклада. Начинаясь сдвиги во взаимоотношениях отцов и детей и новое во взглядах молодого поколения на жизнь и нашли свое отражение в „Повести о Савве Грудцыне“, ярче всего — в образе ее главного героя.

Образ Саввы Грудцына — это образ большой обобщающей силы, литературный тип, запечатлевший характерные черты молодого человека „нового периода русской истории“ — XVII века.

„Повесть о Савве Грудцыне“ своеобразна и нова по своему стилю. Правда, ее начало написано в стиле исторических сказаний о Смутном времени: „Бысть убо во дни наша в лето 7114, егда за умножение грехов наших попусти бог на Московское государство богомерзкаго отступника и еретика Гришку Растригу Отрепьева...“ и т. д. В отдельных местах ее повествования еще слышатся отголоски формул воинской повести: „Потом же начаша из града вылоски выходить, и войско с войском сошедшеся, свальным боем битися. А идеже Савва с братом своим с которого крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл по-

казующе". Ее лирические отступления выражены в традиционно-риторических восклицаниях: „Оле, безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит!“ Мотивы и образы демонологических сказаний и „чудес“ еще играют видную роль в системе изобразительных средств повести. Ее заключительные эпизоды отражают поэтику широко распространенных в XVII веке „чудес“ богородичных икон.

Но „Повесть о Савве Грудцыне“ обнаруживает исключительную самостоятельность в использовании этих традиционных элементов. Художественные образы повести — образы „неверной и злой жены“, „прельщенного“ отрока и искуителя-дьявола — вне всякого сомнения традиционны. Но в повести они приобретают конкретный облик людей определенной социальной группы — русского купечества XVII века: молодой, „третьим браком новоприведенной“ жены престарелого Бажена и купеческих сыновей, разъезжающих по водным торговым путям Московской Руси и переживающих ряд приключений в духе времени. Масштабы, в которых изображается в повести русская жизнь, поистине замечательны. Это изображение дано по нескольким сюжетным линиям, каждая из которых в отдельности вполне достаточна для самостоятельного повествовательного произведения: жизнь купеческой семьи Грудцыных-Усовых на фоне событий Смуты; преступная любовь Саввы и молодой жены Бажена; история продажи Саввой души дьяволу с замечательной картиной „царства сатаны“; приключения двух названных братьев — Саввы и беса; скромная жизнь семьи стрелецкого сотника Якова Шилова; былинно-образные эпизоды поединков Саввы с польскими „исполинами“; „чудо“ от популярной в XVII веке иконы Казанской богородицы и пр. В связи с этим место действия в повести многократно меняется: здесь и Устюг Великий, и Казань, и Орел Соликамский, и Козьмодемьянск, и Павлов Перевоз, и Шуя, и Москва, и военный лагерь под Смоленском. Число героев повести необычно велико для древнерусских произведений, каждый из них наделен индивидуальными чертами и представляет собою законченный художественный образ. С особой полнотой дана художественная биография главного героя повести — Саввы Грудцына. Повествование в целом характеризуется богатой разработкой деталей, обилием побочных сцен (например, сцена на рынке в Павлове-Перевозе), неторопливостью рассказа.

Говоря о композиции „Повести о Савве Грудцыне“, следует отметить, что вся повесть состоит из отдельных эпизодов, тематически и стилистически весьма заметно

членящих повествование на отдельные законченные части. Но, несмотря на свою полную завершенность, все эпизоды повести тесно связаны между собою единством авторского замысла. Каждый из них раскрывает то определенный этап в самом движении событий, то те или иные черты характера главного героя, то особенности его поведения в различные периоды его жизни, полной авантюры. Последующие „списатели“ уже не всегда понимали эту особенность композиции повести, но, смутно чувствуя ее, делили все повествование — сбивчиво и каждый по-своему — на ряд глав.

В языке повести много слов и выражений, обычных для словарного состава русского языка второй половины XVII века: „Фома же... скоро сед, написав епистолию к Савве со многим молением...“; „Тимофей Воронцов... новобранных солдат по вся дни воинскому артикулу учаще“; „и вручает ему три роты новобранных солдат“; „... дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было“; „на приступных местах всякия гранаты поставляют“ и др. В то же время в языке повести можно отметить намеренный подбор архаизмов. Особенно же намеренная архаичность речи очевидна в тех случаях, когда повествование сосредоточивается на старом укладе русской жизни. Здесь мы находим ряд выражений, характерных для литературного языка Макарьевской и еще более ранней эпохи: „И тако той Савва... от зависти диаволи, запят бысть, падеся в сеть любодееяния“ (Великие Четьи-Минеи митр. Макария: „Ненавидяй же добра диавол единою запят ему и врину и в ров любодееяния“); „Савва же таковое писание прием и прочет и ни во что же вменив“, „гостинник же и жена его... ни во что же дело сие вмениша“ (Киево-Печерский Патерик: „Славу и богатство ни во что же вменив“; „он же сия вся ни во что же вменив“; В. Ч.-М.: „И ни во что же вменив запрещение старца“); „мнимый же брат, паче же рещи бес, вскоре изъем из опчага чернила и хартию, дает юноши“ (В. Ч.-М.: „и изъем злато из опчага, ношеное им на торг...“) и т. п. Для повести характерна иллюстрируемая этими примерами тенденция использования речевых систем разных эпох в художественных целях.

„Повесть о Савве Грудцыне“ крепко связана с древнерусской литературной традицией. И тем знаменательнее, что автор этого чисто книжного произведения в определенных идейно-художественных целях обращается к народно-поэтическому творчеству. В развитии образа главного героя повести, Саввы Грудцына, кульминационным пунктом является изображение его участия в борьбе с поляками под стенами Смоленска. Лучшие черты натуры своего героя — готовность

бороться за родину и смелость и стойкость в этой борьбе — автор повести раскрыл в эпизоде дерзкой разведки Саввы в Смоленске и описании поединков его с польскими „исполинами“. И характерно то, что именно в этих эпизодах повесть сближается с народно-поэтическим творчеством. Устойчивые образы народного творчества используются автором повести как художественное средство характеристики героя. Авторитетность этих образов в сознании автора повести и широких кругов ее читателей придавала значительность и образу героя повести.

Весь эпизод разведки Саввы в Смоленске соткан из народно-поэтических мотивов. Савва и его „названный брат“ подобно сказочным невидимкам „три дни и три ночи“ находятся в Смоленске „никим же видимы“; сами же они „все видевше и созирающе, како поляки град укрепляют и на приступных местах всякия гранаты поставляют“. Когда же они решают бежать из Смоленска и прибегают к Днепру, река расступается перед ними, и „они же преидоша реку оную, яко по суху“. Они неуязвимы, их не берет пуля: „Поляки же много стреляюще по них, и никако же вредиша их“.

Особенно же замечательны по своей близости к народно-поэтическому творчеству эпизоды сражений Саввы с польскими „исполинами“ под стенами Смоленска. Здесь автор обращается к русскому героическому эпосу и дает замечательный образец литературно-художественного претворения образов былевой поэзии. Савва борется с польскими „исполинами“, подобно былинным героям — Алеше Поповичу, Добрыне Никитичу, Илье Муромцу, сражавшимся со степными кочевниками. Автор ставит своего героя в один ряд с русскими богатырями. Благодаря этому подвиги Саввы поднимаются до значения национального подвига. Соответственно с этим Савва наделяется необыкновенной, чисто богатырской, силой, смелостью, решительностью в расправе с врагом. Тщательно и с большим художественным мастерством разрабатываются моменты предварительной подготовки Саввы к поединкам: наставления „названного брата“, снаряжение Саввы, добыча оружия и „доброе“ боевого коня. Прием эпической повторности с большим искусством выдерживается на протяжении всего описания сражений Саввы с „исполинами“: „названный брат“ еще задолго до сражения Саввы рассказывает ему о его трех поединках и их исходе. Затем все это описывается уже как происходящее в действительности. Трижды выступает Савва против своих врагов и трижды одерживает над ними победу. Обычно в былинах противник, выезжающий сражаться с героем последним, сильнее

предыдущих. Это требование усиления художественного впечатления выдержано и в повести: „В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин, паче первых, такожде ища и позывая противника себе“. Но Савва побеждает и этого воина, как и подобает герою согласно законам народной эпике. В народно-эпических произведениях в тех случаях, когда речь идет о героических подвигах, весьма важное место занимает добыча героем коня и оружия. Богатырский „добрый“ конь русских былин и сказок обычно помогает герою в его трудных подвигах и сражениях. В повести также говорится о добывании героем воинского „доброто“ коня как об условии победы. Савва решает итти сражаться с противником лишь при условии, что у него будет „добрый“ боевой конь. Когда из Смоленска выезжает польский „исполин“, вызывая из московских полков противника себе, и „никто же смеяше изыти противу его“, Савва заявляет: „Аще бы мне был воинский добрый конь и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царскаго“. И воевода приказывает „ему коня доброто дати и оружие“.

Древнерусские читатели улавливали народно-поэтическую основу этих боевых эпизодов повести; они им, очевидно, нравились, и один из последующих редакторов повести пробует изложить их в стиле народного лубка. Вот как эта редакция повести передает сражение Саввы со вторым польским „исполином“: „Во второй день паки выезжает другой воин, сильнее того, и вызывает из московских полков себе поединщика. Савва же съехался и с тем. Глаголет тогда польский воин Савве: „Не ты ли, российский комар, нашего воина поховал? А ныне уже и сам не улетишь, но вскоре смерть получишь!“ Савва же рече: „А вот уже, польский шмель, скоро и до тебя долечю и тебя ужалю, и ты от моего жала скоро умрешь!“ И тако они съехались оба, и поразил поляка Савва, привезе в полки своя“.

Связи повести с русским народно-поэтическим творчеством не ограничиваются указанными нами примерами. Можно предполагать, что проходящие через всю повесть сцены службы „названого брата“ Савве написаны в духе русских народных сказок. В русском народном творчестве неоднократно встречаются сказки, в которых герой за оказанную услугу получает в награду чудесных помощников, могучих великанов, богатырей, скороходов или простых деревенских старичков, которые путешествуют с героем, преодолевают встречающиеся на его пути трудности, помогают герою победить змея, бабу-ягу, всевозможных чудовищ, добыть несказанную красавицу, жениться на ней и получить богатое наследство и т. п. В „Повести о Савве Грудцыне“ такой

чудесный помощник — это „названный брат“ Саввы. Он неизменно сопровождает героя во всех его приключениях, оказывает ему постоянную помощь и содействие в его делах и сражениях. Так, например, во-время предупреждает Савву о неприятности, которая ему грозит при встрече с отцом, и советует как можно скорее покинуть „град Орел“. „Во граде Шуе“ Савва прославляется в военном обучении своей мудростью, которую он получает от чудесного помощника — беса: „Бес же в воинском учении такову премудрость Савве дарова, яко и старых воинов и начальников во учении превосходит“; „сам же бес яко бе слугою Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше“. А когда в Москве полковник вручает Савве три роты новобранных солдат, то и здесь „названный брат“ выручает Савву. „Егда ти, — говорит он, — недостаток будет денег, чим ратных людей жаловать, повеждь ми, аз ти принесу, елико потребно будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было... И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишине и покое пребываху“. И, наконец, следуя обычному сказочному приему, автор повести показывает, как Савва под Смоленском одерживает ряд удачных побед над врагами благодаря опять-таки „названному брату“. Итак, „названный брат“, как чудесный сказочный помощник, путешествует с Саввой из одного города в другой, помогает ему добиться любви жены Бажена, выдвинуться на военной службе и выйти победителем во всех походах и сражениях.

Таким образом, „Повесть о Савве Грудцыне“, наряду с другими повествовательными произведениями второй половины XVII века, также обнаруживает свои связи с народно-поэтическим творчеством. Элементы поэтики народно-поэтического творчества подчинены в ней основному замыслу автора — раскрытию личности человека.

Для выражения эмоций своих героев автор повести о Савве Грудцыне нашел новые средства, которые позже, в XVII веке, являются излюбленными в повествовательной литературе. Автор порицает связь Саввы и молодой жены Бажена Второго, для него это „грех“, „скверное“ или „скардное дело“, и для определения его не скупится на эпитеты, взятые из запасов древнерусской фразеологии: Савва „всегда бо в кале блуда, яко свиния, валяюшеся. И в таком ненасытном блужении многое время яко скот пребывая“. Но он находит и нежные лирические тона для передачи любовной скорби Саввы во время размолвки его с женой Бажена: „Сердцем же скорбя, — говорит он о Савве, — и неутешно тужаше по жене оной. И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися“. Это впер-

вые в древнерусской литературе автор повести рассказывает о любовной неудаче своего героя. „Некогда же той Савва, — читаем мы дальше, — изыде един за град на поле от великого уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю и никого же пред собою или за собою видяше и ничто же ино помышляше, токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя“. Следует обратить внимание на эту черту стиля повести, позже она будет встречаться неоднократно; в литературе XVIII века целые вереницы влюбленных героев, подобно Савве, будут выходить на лоно природы, чтобы в общении с нею развеять свою любовную тоску и в природе почерпнуть силы для жизни и борьбы.

Если мы учтем, что „Повесть о Савве Грудцыне“, написанная в 1666—1668 годах, изображает события, относящиеся к первой трети XVII века, мы ближе подойдем к пониманию ее художественной природы. Для нас станет ясным, что по авторскому замыслу повесть является литературно-художественной зарисовкой старинной русской жизни. Автор видит эту жизнь в исторической перспективе. Он изображает ее с присущими ей верованиями и суевериями — поэтому так обилён демонологический элемент повести. Он рисует ее стародавние устои, ее семейную и общественную мораль и их распад. В известной мере перенося в прошлое черты своей эпохи, автор находит и в прошлом стремление молодого и талантливого поколения вырваться из „благонаправного“, но мертвящего быта. Проецируя в прошлое особенности своего времени, автор мастерски изображает раздвоенность внутреннего мира молодого поколения, неустойчивость его психики, что нередко приводило в самой жизни к торжеству старых начал и что явилось причиной гибели героя повести. При таком восприятии повести она раскрывается перед нами как первая попытка романа, как он мог сложиться на русской национальной почве. И в самом деле, значительная для своей эпохи тема повести, созвучный передовым идеям прогрессивных слоев московского общества идейный смысл ее; широкое полотно исторических событий, освещенных в ней; большое количество действующих лиц, каждое из которых наделено ярко выраженными индивидуальными чертами и представляет законченный художественный образ; романическая интрига; эпически ровное изложение, прерываемое лирическими отступлениями автора, — все это позволяет, по нашему мнению, видеть в „Повести о Савве Грудцыне“ одно из первых, но уже достигших известной степени совершенства, проявлений русского национального романа в допетровское время.

Текст „Повести о Савве Грудцыне“ печатается по списку XVIII в. Библ. им. В. И. Ленина, Тихонрав. № 222, с теми исправлениями, которые внесены в него при публикации в „Трудах Отдела древнерусской литературы“, изд. АН СССР, 1947, V, стр. 234—267.

1. Герой повести о Савве Грудцыне носит имя хорошо известного в Русском государстве на протяжении всего XVII в. богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых.

В первой половине XVII в. Грудцыных-Усовых мы находим в числе торговых людей двух крупнейших торговых центров Русского государства — Великого Устюга и Москвы. Грудцыны-Усовы принадлежат к „лучшим“ людям посада как по своему богатству, так и по оказываемому им московским правительством доверию. Особенно же богат и известен был гость Василий Иванович Грудцын, живший во второй половине XVII в. в г. Великом Устюге. Кроме торгового предприятия, ему принадлежал ряд деревень. В 1675 г. он на „государевой службе“ в таможене г. Архангельска (Крепостная мануфактура в России, ч I, Тульские и каширские железные заводы — „Труды Археографической комиссии Академии наук, Л., 1931, стр. 301—302).

Очевидно, что исторические Грудцыны-Усовы являются представителями крупного русского торгового капитала XVII в. Они, судя по ряду документов, широко известны во всех главнейших московских торговых центрах: Архангельске, Великом Устюге, Москве и т. д. Присвоение их имени герою „Повести о Савве Грудцыне“, вне всякого сомнения, сделано с целью сообщения ей большей достоверности.

2. Открытие в 1553 г. Северодвинского пути положило прочное основание торговле Москвы с Западной Европой. Основание Архангельска в 1584 г. способствовало упрочению этих торговых сношений.

С открытием Северодвинского пути быстро развивается, как узловой торговый пункт, Великий Устюг — старое торжище русских промышленников и купцов. Кроме пути на Архангельск, через Великий Устюг шел торговый путь в Сибирь, на Вологду и верхнюю Волгу, на Ветлугу, Вятку, Каму, Казань и нижнее Поволжье. Великоустюжские купцы своими предприятиями охватывают всю северо-восточную окраину Московского государства, с далекой Сибирью включительно. Они поддерживают самую деятельную связь с купечеством волжских городов Казани и Астрахани, через которые шла московско-персидская торговля (см. К. В. Б а з и л е в и ч. Торговля Великого Устюга в середине XVII века. — „Уч. зап. Инст. истор. при РАНИОН“, т. IV, М., 1929, стр. 89—102).

3. ...в Шахову область отъезжая, куплю творяше. — Торговле с Персией московское правительство и, в частности, гости и торговые люди на протяжении всего XVII в. уделяют совершенно исключительное внимание. Это понятно. В то время как торговля с Западной Европой осуществлялась почти исключительно через посредство иностранцев, в восточной торговле инициатива принадлежала в значительной степени московскому правительству и торговым людям. Ежегодно на казенных

бусах по Каспийскому морю русские купцы плыли к Караганской пристани, где и происходил торг с армянскими, персидскими и индийскими „купчинами“ (см. К. В. Базилиевич. Ук. соч., стр. 89—102).

Первая треть XVII в. была эпохой расцвета торговли с Персией, Индией и другими восточными странами. На большом торговом пути, соединявшем Восток с Русским государством, — Волге — быстро развивались торговые города: Астрахань, Казань и др. Казань, повидному, была центром в торговле с Востоком. Из Казани восточные товары шли в верховные города — Ярославль и Кострому и на северо-восток — в Вятку, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Холмогоры, Архангельск.

4. *Бес же и Савва об едину ноц от Соли Камской объявишася... во граде... Кузмодемьянском...* — Непонятные на первый взгляд переезды Саввы Грудцына с „названным братом“ из „Усольского града Орла“ в Козьмодемьянск, Павлов перевоз и Шую приобретают черты совершенно реального торгового маршрута, если мы учтем, что это был один из обычных торговых путей, соединявших северо-восточные окраины русского государства с его центральными городами.

5. *... Михаил Федорович... изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск...* — Мы можем точно определить, какую именно осаду Смоленска имеет в виду автор повести. Город Смоленск был взят польскими войсками в 1611 г. В течение XVII в. русские войска трижды стояли осадой под Смоленском: в 1613—1615 гг., в 1632—1634 гг. и в 1654 г. В повести может идти речь только об осаде 1632—1634 гг. В самом деле, все действие „Повести о Савве Грудцыне“ происходит в царствование Михаила Федоровича. Последняя же осада Смоленска, в 1654 г., была в царствование Алексея Михайловича и под его личным руководством. Следовательно, эта дата отпадает.

Осаду же 1613—1615 гг. автор не мог иметь в виду, так как некоторые фактические указания повести противоречат этой дате. Так, например, в повести есть упоминание о том, что во главе всего московского войска под Смоленском стоял боярин Шеин. Из бояр Шейных с судьбой Смоленска теснейшим образом связана судьба Бориса Михайловича Шеина. Б. М. Шеин с 1608 г. был воеводой г. Смоленска. В течение 1609—1611 гг. он выдержал в Смоленске польскую осаду. После падения Смоленска, с 1611 и по 1619 г. Б. М. Шеин был в польском плену. Таким образом, автор „Повести о Савве Грудцыне“ не мог иметь в виду осаду московскими войсками Смоленска в 1613—1615 гг.

Остается последняя дата, 1632—1634 гг. По отношению к этой дате указания „Повести о Савве Грудцыне“ вполне совпадают с историческими свидетельствами: московскими войсками под Смоленском в эти годы руководил Б. М. Шеин.

6. *...и по его царскому указу по всей России набираху новобранных тамошних солдат.* — Формирование солдатских полков началось с 1630 г. в связи с грандиозной подготовкой к войне с Польшей. В 1632 г. был издан указ, в котором говорилось о наборе в полки: „а боярских людей полных и докладных и кабальных и всяких крепостничьих

людей и с посадов тягловых и с (тягла) крестьян всяких людей и из ямских слобод и заповедных людей не имати" (Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг. Киев, 1919, стр. 118—119). Этим московское правительство рассчитывало сохранить от потрясений свою податную систему. На деле же получилось иначе. Несмотря на это запрещение, в войска, „избывая податей“, нередко записывались люди, „общественное положение которых как раз мешало их прибору в солдаты и в стрельцы. В случае их обнаружения они выкидывались из рот и водворялись на старые места жительства в прежнее состояние" (Е. Сташевский. Ук. соч., стр. 119). Но не всегда это можно было осуществить, и нелегально в московских войсках в эти годы, годы войны с Польшей из-за Смоленска, было много людей, не имевших на это права.

Поэтому вполне справедливы те доводы, на основании которых Шеин изгоняет Савву из войск. Он поступает согласно требований уже известного нам указа 1632 г., запрещавшего торговым людям посада поступать в войска.

7. *Во град же Шую... прислан с Москвы столник Тимофей Воронцов...* — Для „Повести о Савве Грудцыне“ весьма характерна тенденция точно указывать хронологические даты, топографические и географические названия, имена исторических лиц и пр. Так, Фома Грудцын из Великого Устюга переселяется в Казань в 1606 г., „видение Саввы“ происходит 3 июля, „чудо“ над ним совершается 8 июля. Торговые маршруты с названием городов, как мы уже говорили, указаны в повести с исторической точностью. С такой же точностью дается и топография Москвы: местоположение церковей — Николы на Драчах, Казанской богородицы, Успения богородицы, Чудова монастыря — и место жительства стрелецкого сотника Якова Шилова. Последний живет на Сретенке в Земляном городе в Зимине приказе. Действительно, еще в конце XVII в. на Сретенке у вала было стрелецкое поселение (В. В. Нечаев. Общий вид и внешний рост Москвы за XVI—XVII века (см. „Москва в ее прошлом и настоящем“, ч. II, вып. I, стр. 24).

Из исторических лиц, кроме Михаила Федоровича, автор повести упоминает о Шеине и С. Л. Стрешневе. Здесь обычная точность покидает автора повести: хорошо известного в Москве и за ее пределами боярина Бориса Михайловича Шеина, за неудачную осаду Смоленска преданного казни в 1634 г., автор повести называет Федором Ивановичем; не менее известного в середине и во второй половине XVII в. Семена Лукьяновича Стрешнева автор повести называет боярином, применительно ко времени Смоленской войны (1632—1634 гг.), тогда как С. Л. Стрешневу в это время было 16—18 лет. Очевидно, это результат более позднего написания „Повести о Савве Грудцыне“.

„Повесть о Савве Грудцыне“ упоминает еще ряд второстепенных исторических лиц. Так в повести говорится о том, что „во град же Шую ради салдацкаго набору прислан с Москвы столник Тимофей Воронцов“. Действительно, в „Росписи хто в городех, и приказных людей и осадных голов нынешнего 138 году“ мы находим указание:

„В Шуе Петр Микитин сын Вельяминов, послан в 138 году в Апреле“ („Временник Моск. общ. истор. и древн. росс.“, М., 1849, кн. IV, Смесь, стр. 31). Учитывая, что Воронцовы имели двойную фамилию — Воронцовы-Вельяминовы, можно и в этом факте видеть историческое основание для соответствующего места „Повести о Савве Грудцыне“.

‡ 8. *Той же Савва поставлен бе... в Зимине приказе...* — Стрелецкое войско во второй половине XVII в. делилось на приказы, в каждом из которых было от 200 до 1200 человек. Каждый приказ селился отдельной слободой и назывался по имени своего начальника — стрелецкого головы. Например, „Олексеева приказ Полтова“, „Григорьева приказ Аничкова“ („Труды Моск. отд. Русск. военно-истор общества“, т. I, 1911, стр. 189, 197).

Стрелецкий голова подчинялся местному воеводе; под начальством же стрелецкого головы находились полуголовы, управлявшие половиною приказа, и сотники, стоявшие во главе сотен; в распоряжении сотников находились пятидесятники и десятники.

Таковым служебное устройство стрельцов было до 1682 г. В 1682 г. старая терминология стрелецких войск была заменена терминологией, давно уже принятой в солдатских частях. Приказы стали называться полками. С этого времени в документах мы находим новое обозначение приказов. Например, „Матвеев полк Философова“, „Родионов полк Остафьева“, „Ильин полк Нармацкаго“ и т. п. (Акты Археографической экспедиции Академии наук, т. IV, 1836, стр. 410).

Несколько раньше этого времени стрелецкие головы стали называться полковниками, стрелецкие полуголовы — подполковниками, стрелецкие сотники — капитанами.

„Повесть о Савве Грудцыне“ знает старое деление стрелецких войск на приказы и старое обозначение должностных лиц в приказах. В ней мы читаем: „Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе в Зимине приказе в дому стрелецкого сотника именем Якова Шилова“. Эта терминология проходит через всю „Повесть о Савве Грудцыне“. Весьма естественно предположить, что этой терминологии мы не встретили бы, если бы повесть была написана позже 1682 г.

В „Повести о Савве Грудцыне“ упоминается о „Зимине приказе“. Во второй половине XVII в. среди стрелецких голов известен Зима Васильевич Волков. Исторические документы упоминают о нем с 1652 по 1668 г. (Дворцовые разряды, т. III, стр. 270, 619, 620, 638. Дополнение к т. III Дворцовых разрядов, стр. 141, 146, 217. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, СПб., 1869, т. VI, стр. 2 и 4. Дела Тайного приказа, кн. 3. „Русская историческая библиотека“, т. XXIII, СПб., стр. 606, 754, 759, 1514 и 1522). Мы не знаем точно, когда З. В. Волков умер, но, вероятно, это случилось вскоре после последнего упоминания о нем в Делах Тайного приказа. В „Повести о Савве Грудцыне“, очевидно, идет речь о его приказе, и соответствующее место в полном виде должно читаться так: „Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе Волкова...“ Так как приказ, о котором в повести идет

речь, мог называться Зиминим только при жизни Зимы Васильевича Волкова, то есть до 1668 г., то очевидно, что „Повесть о Савве Грудцыне“ была написана или в 1668 г. или в ближайшее к этому году время, пока в памяти современников З. В. Волкова по привычке еще сохранялось название „Зими́на приказа“.

В последнее время сделана попытка отнести создание „Повести о Савве Грудцыне“ к началу XVIII века („Труды Отд. древнерусской литературы“, изд. АН СССР, т. IX, стр. 449—459).

9. *Той же Савва поставлен бе... в дому... Якова Шилова.* — Вне всякого сомнения, и стрелецкий сотник Яков Шилов и его „сродница“ („бе же и сродница некая у них в доме царstem“, говорится в повести о Шиловых) являются также реальными лицами. Нам известен род дворян Шиловых, представители которого служили в стрелецких войсках и стояли весьма близко к царскому дому. Так, по ряду документов мы видим, что в первой половине XVII в. служит сотником в стрелецких войсках Владимир Шилов, который во второй половине XVII в. находится при дворе в качестве „истопнического государыни царицы“ („Труды Моск. отд. Русск. военно.-истор. общества“, т. I, 1911, стр. 189. „Русская историческая библиотека“, т. XXII. Дела тайного приказа, СПб., 1904, стр. 1508, 1521, 1529).

Сохранились также свидетельства о Татьяне Шиловой, боярыне, Калашевской слободы приказной, которая по самому характеру своей деятельности — управление одной из хамовничьих слобод — должна была часто находиться при царском дворе. Впоследствии, во второй половине XVII в., она уже определенно находится при дворе, тоже, очевидно, в роли „истопничей“ (Крепостная мануфактура в России, ч. III — „Труды Археографического института Академии наук СССР“, Л., 1932, стр. 17, 48, 93, 114, 125, 126, 136. Дворцовые разряды 1612—1700 гг., СПб., 1850—1855 гг., т. III, стр. 548—550). Возможно, что этих лиц имеет в виду автор „Повести о Савве Грудцыне“, так как такое совпадение и имен и положений вряд ли можно считать чистой случайностью.

В повести есть упоминание о том, что Савва остановился в Москве в доме стрелецкого сотника, жившего в Земляном городе. Кольцо слобод, облежавших в XVI и XVII вв. Кремль, Белый-город и Китай-город, получило название „Земляной город“ только в середине XVII в. Так, в Уложении 1649 г. мы уже находим это название: „А выгону быти около Москвы, на стороны от Земляного города ото рву на 2 версты“ (Первое полное собрание законов. Уложение 20 января 1649 г., гл. 19, стр. 6).

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

В ряду русских повестей второй половины XVII века главное место занимает „Повесть о Горе-Злочастии“. Она замечательна своей попыткой широкого обобщения определенных жизненных явлений этого времени, выразительными образами „добраго молотца“ и „Горя-Злочастиа“, олицетворяющего его судьбу, и своим народным стихом. В содержании и поэтической форме повести о Горе-Злочастии с исключительной четкостью отразились исторические противоречия эпохи, с характерной для последней борьбой нового со старым. Она в большей мере, чем какое-либо другое литературное произведение второй половины XVII века, свидетельствует о том, что в литературе, подобно тому как и в искусстве этого времени, нарождается новое течение, выражающее новое миропонимание, отличающееся прогрессивными реалистическими чертами, тесно связанное с русским народно-поэтическим творчеством.

Основная тема „Повести о Горе-Злочастии“ выражена ясно, развивается последовательно и сообщает всему произведению цельный и законченный вид. Это тема „отцов и детей“, тема взаимоотношений двух поколений, то есть это та же тема, художественное решение которой мы находим в „Повести о Савве Грудцыне“, в „Комедии притчи о блудном сыне“ Симеона Полоцкого и в других литературных произведениях второй половины XVII века. Очевидно, эта тема приобретала в исторической обстановке второй половины XVII века характер острой злободневности. Свой отклик на нее давали писатели разных лагерей. Но в „Повести о Горе-Злочастии“ она раскрывается глубже, чем в других литературных произведениях древней Руси.

В самом начале повести автор в первый раз формулирует тему своего произведения в плане широкого обобщения,

придавая ей вневременное значение, развертывая ее на материале религиозной легенды:

Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
прелстился Адам со Евою,
позабыли заповедь божию,
вкусили плода виноградного...
И за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал...
из святого раю...

Адам и Ева, подобно детям, нарушившим волю своего отца, терпят наказание. Это вполне согласно со средневековыми представлениями и соответствует библейской легенде о „грехопадении“ прародителей. Но крайне характерно то, что, говоря о „грехопадении“ Адама и Евы, автор повести совсем иначе, чем Библия, объясняет причину его. Он, отходя от библейской легенды, говорящей о змее-искусителе, видит эту причину в „*несмысленном и неумичивом*“ человеческом сердце. С его точки зрения, причины преступления человека лежат не вне его, а в нем самом. В повести нет подробного изложения библейской легенды. Сама по себе она не привлекает внимания автора. Жизнь Адама и Евы важна для него как прообраз жизни всего человечества, и героя его повести в частности. В религиозном аспекте волнующая автора тема, таким образом, не получает широкого развития.

Вслед за этим автор повести второй раз обращается к интересующей его теме. Теперь перед его взором проходит история народов от „грехопадения“ Адама и Евы и до современной автору эпохи. На этот раз тема нарушения родительской воли и последующих наказаний звучит яснее и определеннее. Она раскрывается значительно ближе к той ее трактовке, какая дается в основном повествовании.

Как следствие „грехопадения“ Адама и Евы на земле появляется род человеческий:

Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.

И вот „роди пошли слабы“, они „на безумие обратилися“, стали „жить в суете и неправде“, в великих распрях, „а прямое смирение отринули“. Результаты этого „безумия“ таковы же, как и последствия „несмысленного“ сердца Адама и Евы:

И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.

Так рисуются автору повести судьбы народов. Что в данном случае имеются в виду именно судьбы народов, это особенно подчеркивается тем, что среди наказаний упоминаются „сопостатныя находы“. В известной мере эти судьбы predeterminedены, так как над человеческим родом, по исторической концепции автора повести, тяготеет преступление „прародителей“. Но злая воля народов умножает их „напасти великия“, их поступки небезразличны для их участи. И первое обвинение, которое автор повести выдвигает против народов, это обвинение в неповиновении детей родителям, обвинение в презрительном отношении к мнению родителей — „ино зло племия человеческо... ко отцову учению зазорчиво („зазорчиво“ от „зазреть“ — порицать, хулить, осуждать), к своей матери непокорливо“. В историческом аспекте волнующая автора тема раскрывается конкретнее, чем это было сделано на материале библейской легенды об Адаме и Еве.

Здесь оканчивается экспозиция повести. Отношение автора к теме выяснено. Подчеркнуто выражено его намерение в плане широких обобщений осмыслить живые факты современной ему русской действительности.

Затем автор обращается к центральной части своего рассказа. И в тематическом и в композиционном отношении эта часть определяется экспозицией повести. Ее тема — тема „отцов и детей“, взаимоотношений двух поколений. Причины жизненного краха безыменного молодца — его неповиновение родителям, нарушение традиционного уклада жизни его семьи. Эта часть фабулы повести развивается в реалистически-бытовом аспекте. Поэтому решение темы здесь не так схематично, как в вводной части повести. Мысль автора богаче и разностороннее. Центральная часть соприкасается с рядом периферийных, слабее очерченных, но важных тем. Сюжетный рисунок этой части повести сложнее и прихотливее. В характеристике героя повести, безыменного молодца, встречаются уже знакомые нам черты:

Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.

Применительно к молодцу в этой характеристике говорится то же, что выше было сказано о „племени человеческом“: он „несовершен разумом“, ему стыдно „покориться“ отцу и „поклониться“ матери и пр.

Постигшие его неудачи описываются почти в тех же выражениях, что и „напасти великия“ народов, которые „на безумие обратилися“. Рассказывая на пиру „про свою нужду великую“, „молодец“ говорит:

господь бог на меня разгневался,
и нашли на меня беды великия,
многия скорби неисцельныя,
и печали неутешныя,
скудость, и недостатки, и нищета последняя.

Неудачи „молодца“ настойчиво и неоднократно ставятся в связь с „ослушанием родительским“, а его успехи в жизни — с исполнением „учения родительскаго“. Уже в словах родителей „молодца“, которыми открывается центральная часть повести и которыми, собственно, определяется все течение ее фабулы, звучит эта мысль:

Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великою.

Сам „молодец“ выражает эту мысль:

Ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалося...

Еще явственнее звучит она в словах Горя-Злочастия, в которых как бы подводится итог всему жизненному пути „молодца“:

Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть!
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покоряться!

Наконец последний раз мысль о необходимости „родительскаго послушания“, примирения с родителями слышится в напутствии перевозчиков:

А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родительское!

Таким образом, тема „отцов и детей“, тема взаимоотношений двух поколений — это основная тема не только художественного приступа повести, но и центральной ее части, а следовательно, и всей повести в целом. Это сообщает повести единство и цельность.

Путь автора в раскрытии темы — от общего к частному, от отвлеченного к конкретному, от общечеловеческого к национальному. Широкие обобщения в религиозном и общечеловеческом плане — это только фон, на котором резче выступают контуры живой, современной автору, русской действительности второй половины XVII века. Отражением этой действительности является и фабула центральной части „Повести о Горе-Злочастии“, и художественный образ главного героя повести — „добраго молотца“, и остальные ее персонажи. По отдельным выражениям можно определить даже ту среду, которая изображена в повести. Молодец поет „хорошую напевочку“, в которой рассказывает о своем детстве:

Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
„хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!“

Это картина детства в обеспеченной семье. Из контекста повести, по отдельным бытовым подробностям (например, „наживал молодец пятьдесят рублей“, „садят ево в место среднее, где седят дети гостиные“, „а скинул он платье гостиное“ и т. п.) видно, что молодец происходит из купеческой среды и что в повести нашел свое отражение быт русского купечества.

Но на фоне этого изображения купеческого быта на первый план в „Повести о Горе-Злочастии“ выступают такие черты средневековых русских представлений, нравов и взаимоотношений между людьми, которые трудно отнести к определенной эпохе и среде. Их можно проследить по ряду произведений древнерусской книжности и народно-поэтического творчества и найти в самой жизни и быте русского общества не только XVII века, но и более ранней

поры. Это ни в какой мере не отрывает повесть от ее времени, а только придает ей широкое общенародное значение как памятнику древнерусской литературы и культуры.

В повести противостоят друг другу два поколения — старшее и младшее, „отцы“ и „дети“. Первые выступают во всеоружии своего устойчивого, медленно и долго складывавшегося, „миропонимания“, вторые — только с неясным, не до конца еще осозанным, сомнением в правомочности стародавнего уклада жизни. Первые имеют многочисленных сторонников и единомышленников. Вторые — одиноки. Автор сталкивает далеко не равные силы, и трагическое разрешение конфликта ощущается читателем очень скоро и не оставляет его до конца чтения повести.

Взгляды старшего поколения на личную и общественную мораль человека только условно можно назвать миропониманием. Это, собственно говоря, крайне пестрая смесь представлений — как вести себя по отношению к людям вообще, к своей семье („роду-племени“), к самому себе.

„Учение родителское“, „пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя“, с которыми отец и мать обращаются к своему сыну, даны в форме требований, предостережений и советов. Отец и мать предостерегают сына от пьянства: „Не ходи, чадо, в пиры и в братчины... не пей, чадо, двух чар за едину“; от азартных игр — „не ходи, чадо, х костарем [игрокам в кости]“; от обмана и лжи — „не думай... обмануть солгать и неправду учинить“. Это — примитивный кодекс личной морали человека. Под стать ему и круг правил, определяющих общественное поведение человека, его отношения к людям. Здесь на первом месте охрана семьи — „не давай очам воли, не прелщайся, чадо, на добрых красных жен“ (то есть замужних женщин); затем — охрана собственности — „не думай украсти-ограбити“; и, наконец, следует несколько требований, направленных к защите прав и чести членов общества, — „не буди послух лжесвидетелству“, „не безчестуй, чадо, богата и убога, и имей всех равно по единому“. Этим и исчерпываются главнейшие „пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя“ родителей молодца. То, что осталось недосказанным родителями молодца, досказывается людьми их лагеря — участниками пира, на который случайно попадает герой. Советы этих „людей добрых“, пожалуй, еще более примитивны и житейски утилитарны, чем наставления родителей молодца. Поучая молодца, они советуют ему:

Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покориси ты другу и недругу,

поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья,
не вейся змию лукавою,
смирение ко всем имей.

Этой „мудрости“ старшего поколения молодец ничего не может противопоставить, кроме своего желания „жити, как ему любо“. Его взгляды на жизнь неясны. Вернее всего, что у него и нет их. В своей жизненной практике он, собственно говоря, ничего из запретов своих родителей не нарушает. Даже и „в избу кабацкую“ он идет не по собственному желанию, а подчиняясь своему „названому брату“. В то же время его протест против „родительского учения“ выражен ясно и определенно: его все укоряют за неповиновение родителям, он и сам в этом сознается. И автор повести вполне точно определяет суть этого протеста: молодец „хотел жити, как ему любо“, то есть как *ему угодно, сообразно своим желаниям, своей воле*. Протест молодца направлен не столько против содержания „учения родительского“, сколько против императивности, обязательности этого „учения“. Родительские „пословицы“ — это не „изречения“, которые можно принять или отвергнуть; это то, что обязательно надо выполнить. В слове „пословица“ в языке XVII века еще сохранялось значение — словесный договор, соглашение. Вернее всего, что именно в этом значении употреблено слово „пословицы“ автором повести. Напутствуя сына перед вступлением в жизнь („будет молодец уже в разуме“), родители стремятся связать его волю своими „пословицами“ как словесным договором. Невыполнение наставлений родителей влечет за собою ряд тяжелых последствий для послушника. Оно ведет к его неудачам в жизни, к „позорству и стыду великому“. Оно, кроме этого, является причиной „и племени укору и поносу безделнаго“. Таков общепринятый взгляд на этот вопрос. Поэтому на молодца давят все окружающие. Общественное мнение против него. Но молодец не может отказаться от своего желания „жити, как ему любо“. В этой ситуации, в этом столкновении противоречивых стремлений — зерно конфликта старшего и младшего поколений. И именно эта ситуация полностью объясняется историческими условиями русской жизни второй половины XVII века. Родительская власть в древней Руси на протяжении нескольких столетий была тем непоколебимым авторитетом, который составлял основу семьи и определял общественное положение ее членов. Так было в самой жизни. Так родительская власть

трактовалась и в многочисленных древнерусских поучениях и проповедях. „Повесть о Горе-Злочастии“ находится в этом отношении в тесной связи с отстоявшимися формами древнерусского быта и крепко сложившейся книжной традицией. Советы практической мудрости, преподанные молодцу его отцом и матерью, напоминают хорошо известный в древней Руси жанр „поучений детям“. Но поставленный „Повестью о Горе-Злочастии“ вопрос о взаимоотношениях между родительской властью и волею детей имел в московском обществе особое значение во второй половине XVII века. Это было время, когда разрушение старого семейного уклада приобретало значение широкого общественного явления и молодое поколение усваивало новые понятия о правах человеческой личности. Талантливо нарисованный в повести образ „добраго молотца“ — это образ человека, стоящего на переломе двух эпох.

Широкими штрихами набрасывает автор художественную биографию своего героя. Вот раннее детство, когда „милое чадо“ окружено вниманием и нежной любовью и „в драгих портах чаду и цены нет“. Вот юность с ее гордым сознанием своих сил и права жить по своему „уму-разуму“. Первые успехи в самостоятельной жизни, свидетельствующие и об энергии и о деловитости:

Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибывалися,
(в) род-племя причиталися.

И вслед за этим — первое серьезное поражение в жизни по неопытности, крайней доверчивости к людям. Это поражение было неизбежным следствием такого воспитания в семье, которое регламентировало до мелочей все поступки человека, когда он шел на поводу у старших, и не подготавливало, не закаляло его для самостоятельной, полной неожиданностей и соблазнов жизни. Так именно и случилось с молодцем. Неопытный в самостоятельных связях с людьми, он оказывается жертвой обмана своего „названного брата“. И отсюда — „житие великое“, как с горькой иронией называет молодец свою жизнь:

Житие мне бог дал великое, —
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу-денги, —
так не стало ни друга не полдруга:
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются.

Но молодец не сдается. Ему стыдно сознаться в своем поражении —

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племянн,
и к своим прежним милым другом.

Его уход „на чюжу страну, далну, незнаему“ вполне естествен. Для него нет возврата в семью. Это было бы окончательным поражением его.

Затем автор изображает новый этап жизни своего героя на чужой стороне. Скромно, умно и с „вежеством“ держит себя молодец на пиру среди чужих людей, с которыми столкнул его случай. Его искренность располагает к нему „людей добрых“. Их советы не отталкивают молодца, потому что он сам обращается за ними.

И учал он жити умеючи:
от великого разума наживал он живота болшы старова;
присмотрил невесту себе по обычаю --
захотелся молотцу жениться:
средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом...

Причем все это происходит „на чюжой стороне“, вдали от родителей, по собственной инициативе молодца. Это кульминационный пункт его жизненных успехов, торжество его самостоятельности, осуществление его желания — „жити, как ему любо“. По понятиям века в глазах старшего поколения это должно было выглядеть как полное нарушение семейно-бытового уклада, согласно которому жизнь детей определялась волей родителей. Но вслед за этим линия жизни молодца резко снижается. Достигнув успеха в жизни, он не может его удержать. Он теряет все: невесту, богатство, самую свою свободу. Монастырь оказывается его последним убежищем.

Что же происходит? Чем объясняется это стремительное и окончательное крушение жизни героя? Говоря о падении своего героя, автор впервые вводит в рассказ образ Горь-Злочастия. Горь-Злочастие — это образ народной поэзии. В нем слышны отголоски на протяжении ряда веков слагавшихся народных представлений о судьбе — доле. Но в „Повести о Горь-Злочастии“ этот образ значительно более сложен, чем в народной поэзии. Кроме символа внешней враждебной человеку силы, в повести он представляет собою олицетворение неуверенности героя в себе, внутреннего разлада его личности.

На фактах биографии своего героя автор повести раскрывает ряд характерных черт его внутреннего облика: его стремление к самостоятельной жизни, его деловитость и в то же время его излишнюю доверчивость к людям, и скромность, и „вежество“. С помощью образа Горя-Злочастия он показывает как бы второе „я“ своего героя, раскрывает раздвоенность его душевного мира, сомнение и неуверенность в своих силах, боязнь ответственности в тех случаях, когда жизнь этой ответственности требует. И, несмотря на всю условность этого метода зарисовки художественной биографии героя, образ молодца приобретает типические черты человека второй половины XVII века.

Устами Горя-Злочастия автор повести высказывает раздумье молодца, его сбивчивые мысли. Захотев жениться, объявив даже об этом на пиру, молодец затем избегает брака. И слова Горя-Злочастия рисуют те картины расправы злой и коварной жены с мужем, которые, очевидно под влиянием понятий, с детских лет усвоенных молодцем, проходят в его пугливом воображении:

...быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому.

Смело начатая личная жизнь не удастся. В сознании молодца еще сильны старые предрассудки, и он не в состоянии их преодолеть.

Но неудачи молодца объясняются не только его бессилием полностью порвать с прошлым, преодолеть понятия, представления и предрассудки, тянущие его назад к „Домострою“. В самой повести явно звучат намеки и на другие причины на первый взгляд непонятного перелома в поведении молодца. На этот раз — причины социального характера.

Нажив „живота болшы старова“, молодец решает избавиться от своих богатств. И вновь слова Горя-Злочастия раскрывают затаенные мысли молодца, приводящие его к этому решению —

...не жали ты, пропивай свои животы...
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить розбой!

Это — предельная неуверенность в своем личном благополучии. Она заставляет завидовать даже „нагому, босому“, потому что у него есть выход — уйти в „розбой“. Ее можно понять

только в связи с крайне тяжелой для демократических слоев московского общества русской действительностью второй половины XVII века.

Замечательно то, что в этой части повествования тема „отцов и детей“ незаметно, но вполне логично соприкасается с новой темой — темой социальной несправедливости. И автор повести с исключительной силой дорисовывает набросанную им для характеристики героя картину жизни „нагих, босых“ — этой „голи“, „голытьбы“, „захребетников“ и прочей бедноты Московской Руси этого времени —

Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, безпроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить разбой.

Как о явлениях широко известных повествуется здесь о „наготе и босоте безмерной“, о „леготе“ (необеспеченности), „безпроторице [нехватке средств к существованию] великой“. С горькой иронией как о высшем счастье „нагих, босых“ говорится о том, что их „не бьют, не мучат и из раю не выгонят, а с тово свету сюды не вытепут [не вытолкают]“. Подобно тому как в разбойничьих песнях и в сатирической литературе второй половины XVII века, в частности, например, в такой сатире, как известная „Азбука о голом и небогатом человеке“, в этой части „Повести о Горе-Злочастии“ также слышится протест против социальной несправедливости, против гнета имущих классов.

И последние страницы биографии своего героя автор повести досказывает в этом аспекте. Молодец разоряется, и в его оценке своего положения ясно слышны настроения голытьбы:

Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!

И мысли о разбое тревожат его. Горе-Злочастие

научает молотца богато жить —
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.

Образ молодца очень сложен и противоречив. Так же сложно и противоречиво и отношение автора к своему герою. Автор раскрывает и положительные и отрицательные его стороны. Он не скрывает своего глубоко сочувственного отношения к своему герою и в то же время показывает его трагическую обреченность. Эта двойственность в отношении автора к молодому поколению, которое хочет идти своим путем в жизни и нередко оказывается не в силах осуществить это, является отражением неустойчивости общественно-политических взглядов тех демократических слоев русского общества второй половины XVII века, идеи и настроения которых выражает автор повести. И в этом отношении, таким образом, на „Повести о Горе-Злочасти“ сказался отпечаток ее эпохи.

„Повесть о Горе-Злочасти“ тесно соприкасается с народно-поэтическим творчеством. В этом отношении она значительно более ярко, чем другие литературные произведения, характеризует новое течение в литературе второй половины XVII века. Обращение литературы, особенно повествовательной, к народно-поэтическому творчеству в это время стало обычным явлением. Близость к народному творчеству обнаруживают многие повести, и в их числе такие, как „Повесть о Савве Грудцыне“ и „Повесть о Фроле Скобееве“. Но в отношении к фольклору „Повести о Горе-Злочасти“ есть одна особенность, которой мы не встречаем в других древнерусских повестях. В любой из них, в том случае, когда она сближается с фольклором, автор, обрабатывая фольклорный материал, обычно стремится приблизить его к литературному стилю, литературному языку своего времени. Путь автора „Повести о Горе-Злочасти“ более сложен. Он прекрасно владеет литературной формой. Сложная и стройная композиция повести обнаруживает характерные особенности именно книжной композиции. Стремление единой мыслью объединить библейскую легенду о грехопадении, всемирную историю человечества и одно из характернейших явлений русской жизни определенной эпохи могло оказаться под силу только талантливому *писателю*. Широко используя народно-поэтические мотивы, образы и отдельные изобразительные средства народной поэзии, автор „Повести о Горе-Злочасти“ подчиняет весь этот материал своему основному замыслу. Здесь он идет проторенным путем.

Но одновременно с этим автор повести явно обнаруживает стремление сохранить все своеобразие фольклорного материала. И даже больше: в тех случаях, когда ему приходится опираться на литературную традицию, книжно-

традиционные элементы он приближает к народному стилю. Он в совершенстве владеет поэтикой устного народного творчества. Вследствие этого повесть поразительно схожа с произведениями народной поэзии.

Эта особенность повести стала ясной уже для первых ее исследователей. Но понималась она не всегда правильно. Н. И. Костомаров, впервые издавший повесть вскоре после того, как она была открыта А. Н. Пыпиным, считал ее былинной, хотя в то же время оговаривался, что „философский тон и стройное изложение показывают в ней не чисто народное, а сочиненное произведение“ („Современник“, 1856, март, т. LVI, отд. I, стр. 49—51). Ф. И. Буслаев, наоборот, относил ее к народной поэзии. По его мнению, такие произведения, как „Повесть о Горе-Злочастии“, „возникают как бы сами собою, не по соображениям и крайнему разумению одного какого-нибудь сочинителя, а по внутренней потребности целых поколений, как бы бессознательно зарождаются в недрах целого народа. Так сильно наложен на них отпечаток народности“. Конечно, „в сочинении их участвовали отдельные певцы, но когда и как — мы не знаем“ („Исторические очерки народной словесности и искусства“, т. I, СПб., 1861, стр. 595). Определяя ближе жанровые признаки „Повести о Горе-Злочастии“, Ф. И. Буслаев настойчиво связывал ее с духовным стихом (там же, стр. 597). Статья Ф. И. Буслаева о „Горе-Злочастии“ первоначально была напечатана в „Русском вестнике“ за 1856 г., №№ 13—14. „Современник“, руководимый Н. Г. Чернышевским, отозвался на эту статью небольшой, но крайне важной заметкой, в которой формулировалась точка зрения редакции журнала на „Повесть о Горе-Злочастии“. В заметке отмечалась исключительная близость повести к народно-поэтическому творчеству. „В Горе-Злочастии... нельзя найти ничего, что бы могло оскорбить слух, привыкший к верному течению народно-поэтического слова“, — читаем мы здесь. Связи повести с духовным стихом решительно отрицались. В то же время поддерживалась точка зрения Н. Костомарова на близость повести к былинам. „Своим складом и картинами, — говорится в заметке, — повесть о „Горе-Злочастии“ до такой степени близка к произведениям чистого эпоса, что мы охотнее относим ее к отделу мирской старинной поэзии: она ближе к былине, чем к старческой песне (то есть к духовному стиху. — *Ред.*); автор ее скорее народный певец, чем слепец-нищий“. Наконец, в заметке дается совершенно определенный ответ и на вопрос о жанровой природе „Повести о Горе-Злочастии“: „По содержанию наша повесть, — говорится в заметке, — не может быть вполне причислена ни к духов-

ному эпосу, ни к эпосу былины. В ней вовсе нет исторического элемента, принадлежащего последнему; нет и духовного сюжета, какие обыкновенно развиваются в первом: это — сгетская повесть, за которой есего приличнее оставить название, данное ей в старинной рукописи“ (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II, Пгр., 1918, стр. 616). Следует сказать, что в этой заметке было найдено правильное решение вопроса об отношении „Повести о Горе-Злочастии“ к народно-поэтическому творчеству. Дальнейшее изучение этого вопроса только конкретизировало выводы заметки „Современник“.

„Повесть о Горе-Злочастии“ — несмотря на то, что это не фольклорное, а литературное произведение — действительно ею всем соответствует „герному течению народно-поэтического слова“. Ее автор обнаружил исключительное мастерство в овладении поэтикой народного творчества. Черты и особенности стиля народной поэзии представлены в повести разнообразно и обильно. Так, прежде всего следует отметить, что автор повести в совершенстве владел былинным стихом. Его норм он, за немногими исключениями, твердо придерживался на протяжении всей повести. Даже начало и конец ее, явно книжные по своему характеру, написаны в рамках стиха былевой поэзии. В идейно-художественной системе повести былинный стих несет определенную функцию. Его спокойные ритмы соответствуют развертыванию фабулы повести в широких хронологических границах. Благодаря ему повесть приобретает монументальность былины, возвышается до многозначительного эпического изложения. Возрастает обобщающая сила ее образов. Яснее становится значительность ее тематики. Значение былинной традиции в идейно-художественной системе „Повести о Горе-Злочастии“ усиливается еще тем, что автор повести часто прибегает и к другим изобразительным средствам былевой поэзии. Так, в частности, он в тех же целях, что и былины, пользуется эпической картиной пира. На пиру ярче обрисовывается образ „добраго молотца“. Как и богатырь в былине, придя

..на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людям
на все четыре стороны...
Ведет он все по писанному учению...

Его усаживают „за дубовой стол“. И когда на пиру „все похваляютца“, молодец „невесел сedit“, „а не пьет, ни ест

он, ни тешитца и нечем на пиру не хвалитца“. Все это — типичные черты былинной характеристики героя. Благодаря им в восприятии читателя образ „добраго молотца“ ассоциировался с былинными героями. Положительная оценка читателем богатырей переносилась и на „добраго молотца“. Вследствие этого, несмотря на ряд своих отрицательных сторон, „добрый молодец“ оставался положительным героем, что вполне соответствовало основному замыслу повести.

Эпические элементы „Повести о Горе-Злочасти“ — это важнейшая ее особенность, которой она обязана народно-поэтическому творчеству. Но внимательное изучение раскрывает в ней тяготение не только к былине, но и к другому виду народной поэзии — к устной лирической песне. В русском фольклоре широко распространены лирические песни о Горе, как женской доле. В них образ Гора очерчен столь же резко, как и образ Гора-Злочасти в повести. Горе лирической песни — это всесильное существо, неотступно преследующее свою жертву. В аналогичных повести образах лирическая песня рисует неизбывность Гора —

..Я пойду с горя во темны леса.
Горе вслед бежит, само говорит:
— Я леса срублю, тебя доступлю. —
... — Я пойду с горя во чисты поля.
Горе вслед идет, само говорит:
— Я поля прижну, тебя доступлю. —
..Я пойду с горя в зелены луга.
Горе вслед идет, само говорит:
— Я луга скошу, тебя доступлю. —
..Я пойду от горя во высок терем.
Горе вслед идет, само говорит:
— Я терем зажгу, тебя доступлю. —
..Я пойду с горя во круты горы.
Горе вслед идет, само говорит:
— Я червом совьюсь, горы выточу,
— Горы выточу, тебя доступлю. —
..Я пойду с горя во сыру землю.
Горе вслед идет
Со тупицами, острыми заступами...

Сопоставление „Повести о Горе-Злочасти“ со всем кругом народных лирических песен о женской доле не оставляет сомнения в том, что образ Гора-Злочасти повести возник на основе песенного Гора. Он еще сохраняет свое исконное значение внешней враждебной человеку силы и в то же время, подчиняясь литературной концепции автора повести, начинает выполнять новую художественную функцию. С его помощью, как уже было указано выше, автор раскрывает сложный и противоречивый душевный мир своего героя. Но этим не ограничивается связь повести с народными ли-

рическими песнями. Народные лирические песни передали повесть не только образ Горя. Их лиризм и задушевность сказались на общей лирической тональности повести. Они же помогли автору выразить глубоко сочувственное отношение к своему герою. Лиризм в обрисовке главного героя — черта нового времени в повести. И замечательно то, что для литературного выражения этого лиризма автор взял средства не из дидактической литературы прошлого, а из устной поэзии, именно во второй половине XVII века пролагавшей себе путь в книгу.

„Повесть о Горе-Злочастии“, по меткому выражению Н. Г. Чернышевского, следует „верному течению народно-поэтического слова“ и в своем поэтическом языке и фразеологии. Литературная по происхождению, она в отношении языка и фразеологии представляет собою совершенно необычное явление в ряду русских повестей XVII века. Основу ее языка и фразеологии составляют не традиционно-книжные элементы, а народно-поэтическая речь, хотя автор повести хорошо владеет и книжным языком своего времени. Это обращение автора повести к разнородному языковому материалу имеет свое значение: различные по происхождению лексические элементы строго подчинены идейно-художественному замыслу повести, несут в ней определенные художественные функции. Так, язык экспозиции повести, в задачи которой входило в отвлеченно-религиозном и историческом отношении рассмотреть тему об „отцах“ и „детях“, близок к книжному языку конца XVII века: он традиционен, как традиционна и обычна в древней русской литературе сама тематика, затронутая в этой части повести. Центральная же часть ее, в которой повествуется о горькой судьбе „доброго молотца“, о его беде „неминучей“, о герое, который был „завечен... у своих родителей... быти белешенку“, но в жизни оказался „головенкою“ (обуглившейся головней), — эта часть повести, полная раздумий над существенными проблемами современности и глубокого лиризма, в отношении языка тяготеет к поэтическому языку устной поэзии — языку былин и лирических песен. Талантливый автор повести необычно смело для своего времени обратился к неиссякаемому источнику литературной речи — языку своего народа.

„Повесть о Горе-Злочастии“ была найдена А. Н. Пыпиным в 1856 г. в Погодинском сборнике XVII—XVIII в., № 1773 (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде) и в том же году напечатана Н. Костомаровым в „Современнике“ за март месяц (стр. 49—68). Заинтересованность читателей вновь открытой повестью была настолько велика, что в том же

году повесть была вторично издана в „Известиях Академии наук“, в № III, с замечаниями академика Срезневского, а в 1850 г. еще раз переиздана Н. Костомаровым в „Памятниках старинной русской литературы“, вып. I, стр. 1—8. Лучшее издание „Повести о Горе-Злочастии“ принадлежит П. К. Симони в „Памятниках старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий“, вып. VII, изд. 2-е АН, СПб., 1907. Мы перепечатаем повесть по этому изданию.

1. В известной библейской легенде об Адаме и Еве „грехопадение прародителей“ объясняется тем, что они вкусили от „древа познания добра и зла“. Повесть иначе рассказывает об этом:

... Прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию
вкусил *плода виноградного*
от дивнаго древа великаго.

В этой замене „древа познания добра и зла“ „плодом виноградным“ сказалась характерная черта времени. В XVII в. московское правительство стремилось увеличить доходность с кабаков („искать перед прежним прибыли“ с них) для пополнения царской казны. Насаждение кабаков губительно сказывалось на народном благосостоянии: население спивалось и разорялось. Кабаки были настолько ненавистны народу, что села и города обращались к царю с челобитными, прося снести их (см. И. Прыжов. История кабаков в России, 1838, стр. 105). В литературе и устно-поэтическом творчестве этого времени получил распространение ряд легенд и сказок о хмеле, винном питии, опонцах и пр., в которых доказывалось, что вино — изобретение дьявола. „Повесть о Горе-Злочастии“ занимает свое место в ряду литературных и изродно-поэтических произведений, в художественной форме осуждавших пьянство не только как личный порок, но и как социальное бедствие, в распространении которого большая вина падала на само правительство.

2. *от едемского древа великаго.* — *Едемского* — райского.

3. *...в ечерине великое...* — *В ечерине* — в распре.

4. *...безживотие злое...* — *Безживотие* — нищета.

5. *...ты послушай пословицы...* — *Пословицы* — наставления, требования.

6. *Не ходи, чадо, в пиры и в братчины.* — *Братчина* — широко распространенный в древней Руси праздничный пир в складчину. Ниже в повести описывается такой пир: „А в избе идет велик пир почестен, гости пьют, ядят, потешаются...“ Особенно красочны описания братчин в былинах. Вот как, например, описывается братчина в новгородской былине „Садко — богатый гость“:

И будет во Новегороде
У того ли Николы Можайского,
Те мужики новгородские соходились
На братчину Никольшину,
Начинают пить канун, пива ячные.
И пришел тут к ним удалой доброй молодец,

Удалой молодец был волской сур,
 Бьет челом, поклоняется:
 „А и гой вы еси, мужики новгородские.
 Примите меня во братчину Никольшину,
 А и я вам сыпь плачу немалую“.
 А и те мужики новгородские
 Примали его во братчину Никольшину,
 Дал молодец им пятьдесят рублей.
 А и зачали пить пива ячные.
 Напивались молодцы уже допьяна,
 А и с хмелю тут Садко захвастался...

(См. „Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым“, М., 1938, стр. 184.)

7. *Не ложися, чадо, в место заточное...* — Заточное — пустынное.
8. *...и племяни укору и поносу безделнаго!* — Поносу — оскорбления.
9. *...не ходи, чадо, х костарем...* — Х костарем — к игрокам в кости.
10. *...не буди послух лжесвидетелству...* — Послух — свидетель.
11. *...залез он себе пятьдесят другов.* — Залез — нашел, приобрел.
12. *...я поставлю крушку ишему сладково...* — Ишему — меду.
13. *...чиры и чулочки — все поснимано...* — Чиры — башмаки.
14. *и вся собина у его ограблена.* — Собина — собственность, имущество.
15. *...он накинута гункою кабацкою...* — Гункою — отрепьем, обносками.
16. *...род и племя отчитаются...* — Отчитаются — отрекаются.
17. *...или место тебе не по отчине твоей?* — Не по отчине — не по обычаю отцов.
18. *...не имей ты упатки вилавья...* — Упатки вилавья — лукавые подходы.
19. *...наживал он живота больша старова...* — Живота — имущества.
20. *...и мудряя тебя и досужае...* — Досужае — изворотливее, расторопнее.
21. *...легота, безпроторица великая...* — Легота — необеспеченность; безпроторица — нехватка средств к существованию.
22. *...а с тово свету суды не вытепут...* — Не вытепут — не вытолкают.
23. *...миновался день до вечера, ни дообеднем...* — Ни дообеднем — без обеда.
24. *...что не класти скарлату без мастера...* — Скарлату — дорогой ткани.
25. *Завечен я у своих родителей...* — заветное желание было у родителей.
26. *...а что родился головенкою!* — Головенкою — т. е. обугленным поленом.
27. *а Горе за ним з борзыми вежлицы...* — З выжлицы — с гончими собаками.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

„Повесть о Тверском Отроче монастыре“ — типичное повествовательное произведение второй половины XVII века. Перед ее автором стояла задача рассказать об основании Тверского Отроча монастыря; он же, рассказывая об этом, интересуется не столько историей монастыря, сколько душевной драмой легендарного основателя его. Поэтому-то историки XIX века, ища в ней исторических сведений, решительно отвергли ее. Карамзин, познакомившись с нею, назвал ее „баснословной“ („История государства российского“, т. IV, прим. 118). Первый издатель ее в заметке о ней заявил, что повесть „не имеет никакого исторического достоинства“. „По словам сказания, — говорит он, — великий князь Ярослав Ярославич основал Отрочь монастырь в 1265 (6773) году, на четвертый год по вступлении в брак с Ксениею, дочерью Афанасия, церковного пономаря в селе Единонове“. В то же время по Воскресенской летописи, — продолжает издатель повести, — „первая супруга Ярослава (по имени неизвестная) была убита в Неврюево пришествие в 1252 г. в Переяславе“, и второй раз Ярослав вступил в брак в 1263 году в Новгороде с дочерью новгородца Юрия Михайловича, Ксениею. Таким образом, основание Отроча монастыря никак не могло произойти на четвертом году по вступлении Ярослава в брак с Ксениею. Затем в сказании сообщается, что несколько лет спустя после основания Отроча монастыря великий князь Ярослав с супругою своею Ксениею „создал в монастыре каменную церковь во имя Успения пресв. богородицы с приделом Петра митрополита, Московского чудотворца“. Но Ярослав, по мнению автора заметки о повести, не мог построить церковь с приделом Петра, так как последний умер в конце 1325 года, Ярослав же скончался в Орде зимою 1272 года (Тверские губернские ведомости, 1865, № 38,

неофициальная часть, стр. 211—213). Н. С. Борзаковский в своей „Истории Тверского княжества“ (СПб., 1876) охарактеризовал повесть как „вымысел книжника“.

Отвергнутая историками как баснословная, „Повесть о Тверском Отроче монастыре“ долгие годы не находила признания и у историков литературы. Только уже в наше время написал о ней специальную статью В. Ржига („Из истории повести“. Известия Тверского педагогического института, вып. IV, 1928). Он датировал создание повести концом XVII или началом XVIII века, наметил ее связи с предшествовавшей ей литературой, главным образом — житийной, указал на близость некоторых эпизодов ее к народно-поэтическому творчеству, охарактеризовал ее дальнейшую литературную жизнь в XVIII—XIX веках.

„Повесть о Тверском Отроче монастыре“ представляет большой интерес своими типичными для повествовательной литературы второй половины XVII века чертами. Подобно тому как и для других повестей этого времени, для нее также характерны и интерес к человеческой личности и романтическая фабула. Она представляет собою синтез ряда народно-поэтических преданий, художественно претворенных в духе новых литературных веяний.

Анализируя „Повесть о Тверском Отроче монастыре“, легко вскрыть ее сказочно-песенную и легендарную основу. Как жених или сват русской сказки о мудрой девице, отрок Ярослава Григорий встречается с девушкой необычайной красоты и мудрости, загадочно изъясняющейся иносказательными изречениями. Григорий преодолевает препятствия к браку, сватается и получает согласие. Подобным же образом развивается фабула одной из старших древнерусских повестей, „Повести о Петре и Февронии“. Общностью народно-сказочной основы и объясняется сходство между „Повестью о Петре и Февронии“ и „Повестью о Тверском Отроче монастыре“, а не „влиянием“ первой из них на вторую. Но герой „Повести о Тверском Отроче монастыре“ — это уже не простодушный „парень“ народной сказки, который, будучи сбитым с толку замысловатыми речами девушки, возвратившись домой, обычно заявляет своим родителям: „Вы послали меня сватать, а невеста совсем дикая“ (Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 217, стр. 485. А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русск. географ. общества, СПб., 1917, вып. I, № 18, стр. 127 и др.). Автор повести наделяет Григория умом, пылким сердцем и глубоким чувством. Он при первых же встречах с Ксенией „возлюбил бо ю зело и не поведает мысли своея никому от друзей своих, но в себе размышляше, да како бы ему улучити желаемое“.

А получив согласие Ксении на брак, он „наипаче того уязвися любовью“ и, „усмотря время благополучное“ (выбрав благоприятный момент), „красоту и возраст и разум девицы оныя изъявляет“ князю и просит у него разрешения жениться. И когда свадьба расстраивается, „отрок же той великою кручиною одержим бысть, ни яде и не пия“, ночью тайно от всех в крестьянском платье уходит в лес, и его „не бе слухом слышати ни где на много время“. И даже когда богородица, явившись ему во сне, повелевает строить монастырь и за помощью обратиться к князю, Григорий „помысли в себе, глаголя: „Аще ли же поиду к великому князю и увещати меня станет, однако не хочу в доме его быти“.

Одновременно с этой линией рассказа, переплетаясь с ней и дополняя ее, развивается вторая, основанная на народнопесенном материале. Ярослав Ярославич видит сон: якобы был он „в поле на ловех“ и пускал своих соколов на птиц и, когда пустил „любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поймал голубицу, красотою зело сияющую, паче злата, и принесе ему в недра“. Ярослав выезжает „на ловы“ и вторично, уже на охоте, видит этот же сон. Это символика свадебных народных песен, в которых сокол является символом жениха, голубка или лебедь — невесты. Сон, как и следующая за ним охота князя на лебедей с соколами, символизируют поиски суженой. В повести символика свадебных народных песен последовательно раскрывается: Ярослав благодаря соколу находит Ксению и женится на ней.

Повесть в этой своей части сближается не только со свадебной народной песней, но и свадебным обрядом. Так, например, когда Григорий приезжает в насаде по Волге к селу Едимонову, он долгое время ожидает на берегу реки обещанных ему князем коней, чтобы свадебным поездом ехать к своей невесте, как и полагалось согласно обряду. Автор повести в момент создания своего произведения очевидно ярко представлял красочное, насыщенное песнями и традиционными обрядами празднование свадьбы. Поэтому так глубоко и органично слились и с художественными образами повести и с самой композицией ее и символика свадебных песен и элементы свадебного обряда. Это законно для произведения второй половины XVII века — времени большого освежения связей литературы с фольклором вследствие демократизации авторского состава.

Только к концу повести начинается рассказ об основании монастыря, то есть то, что должно было бы составить ее основную тему. Рассказ об этом традиционен, прост и краток: во сне Григорию является богородица, указывает

место будущего монастыря и повелевает просить помощи у князя. Узнав об этом, князь посылает крестьян расчистить место и строит монастырь. Григорий постригается в монахи, вскоре умирает „и погребен бысть в своем монастыре“. Здесь все как в обычных легендах о построении монастырей.

Уже само соотношение частей повести крайне показательно. Интерес автора прикован к судьбе Григория. Все поведение Григория изображается как результат его неудовлетворенной любви. Симпатии автора на его стороне. Все это в духе литературы, возникавшей в демократических слоях московского общества второй половины XVII века. Но автор повести не чужд и некоторой идеализации феодальных кругов: он неоднократно говорит о любви князя к своему отроку. Очевидно, в этом он отступает от своих фольклорных источников. Сохранившийся отрывок устного рассказа о драме Григория дает более верное изображение феодального произвола, чем повесть, смягчающая отношения между князем и его подчиненными. В устной версии рассказывается, что князь во время охоты, следуя за соколом, попадает в Единово и входит „в отворенную церковь. Там стояли пред алтарем жених, отрок князя — Григорий, и невеста, красавица Ксения, дочь Единовова причетника. Князь, пораженный ее красотой, со словами: „Венчай, поп!“, стал на место жениха“ (см. статью В. Ржиги). В народно-устной передаче этот эпизод звучит более правдоподобно, чем у автора повести. Здесь правильнее раскрыты истинные взаимоотношения князя и его приближенных. „Повесть о Тверском Отроке монастыре“ имеет свою длинную литературную историю. Ее сюжет неоднократно переделывался на протяжении XIX — XX веков. В самом начале XIX века И. Глушков пересказал ее в своей книге „Ручной Дорожник“ (изд. Акад. наук, 1801). Здесь отрок Григорий и Ксения изображены в условной манере русского сентиментализма. Григорий изображается как паж, одаренный „чувствительным сердцем“ и украшенный „всеми дарами Природы“; Ксения же — „нежная прекрасная поселянка“. „Никогда, — говорит автор, — тамошние злачные поля и извилистые ручейки не имели счастья видеть прекраснее сей нимфы, никогда природа не производила с таким совершенством стройного стана, лилейного и украшенного нежным румянцем стыдения лица, какое имела юная Ксения, обожаемая чувствительным Григорием“. Повесть В. Т. Нарезного „Георгий и Елена“, напечатанная в журнале „Цветник“ за 1810 год, № 2, также является переработкой в духе сентиментализма старинной „Повести о Тверском Отроке монастыре“. В повести В. Т. Нарезного Елена изображается пастушкой, на которой женится черни-

говский князь Изяслав; Георгий же уходит в монахи. Когда Елена, заточенная в монастырь своим вероломным мужем, умирает, Георгий поселяется недалеко от ее могилы. „Здесь, — вещал он с умилением, — здесь да истлеют кости мои!“ Известный драматург первой половины XIX века князь А. А. Шаховской обработал сюжет повести в стиле сентиментальной мелодрамы. А. А. Шаховской дал ей следующее заглавие: „Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне; русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса“, СПб., 1823. Мелодрама А. А. Шаховского впервые была поставлена в Большом театре в Петербурге 18 октября 1823 года и неоднократно ставилась позже. Она интересна как одно из ранних обращений русской мелодрамы к национальным историческим источникам. В 90-х годах XIX века сюжет „Повести о Тверском Отроче монастыре“ был переработан П. Н. Полевым в историческую повесть под названием „Ненароком“ („Исторические рассказы и повести П. Н. Полевого“, СПб., 1892). Наконец в XX веке в новой обработке Т. Северцова под названием „Княжий отрок“ она попала в детскую литературу („Детское чтение“ за 1904 г.).

Текст „Повести о Тверском Отроче монастыре“ печатается по списку XVIII в. Государственного Исторического музея, собр. Забелина, № 524 (554). Отдельные исправления сделаны по списку, опубликованному в „Тверских губернских ведомостях“ от 4 сентября 1855 г., № 36.

1. *Тверской Отрочь монастырь* был построен в XV в. при слиянии реки Тверцы с Волгой. Повесть дает легендарное объяснение его возникновения и наименования. Как было дело в действительности, об этом можно только предполагать. Так, В. С. Борзаковский, опираясь на другое тверское предание, предлагает вести название Отроча монастыря от бывшего на месте, занятом монастырем, укрепления (детинца). „Если возможно, — говорит он, — производство слова *детинец* от слова *детский*, слова, обозначавшего младшего члена дружины, то можно производить и название монастыря *Отрочим* от слова *отрок*, которое до конца XI в. употреблялось чаще, нежели название *детский*. И *отроками* и *детскими* назывались младшие члены дружины. Можно допустить, что в укреплении, построенном при впадении р. Тверцы в Волгу, ставились гарнизоном *отроки*, название которых и перешло на монастырь, возникший на месте прежде бывшего укрепления или в ближайшем его соседстве“ (В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 82).

В. Ф. Ржига выдвигает другое объяснение наименования тверского монастыря Отрочим. Обратив внимание на то, что в Смоленске был

известен монастырь также под названием *Отрочий*, он пишет: „Таким образом, если данное определение могло применяться к разным монастырям, то возникает мысль, не является ли оно выражением какого-нибудь обыкновенного признака. Мы знаем, что женские монастыри и в настоящее время часто называются девичьими, так же не раз назывались они и в древности: так, в Переяславской летописи под 1086 г читаем: „строи девичь монастырь“. У Георгия Амартола: „преда свою сестру в девичий монастырь“. Имея в виду соотносительную связь между понятиями девицы и отроки, можно допустить, что в то древнее время *отрочим* мог называться вообще мужской монастырь...“ („Известия Тверского педагогического института“, вып. IV, 1928, стр. 99).

2. ...*той отрок прииде... на место боровое и ту вселися на лесу...* — В повести рассказывается о том, что Григорий, бежав от князя, прежде чем основать Отрочь монастырь, поселился в лесу в 15 поприщах от города на реке Тверце в месте, называемом „Боровое“. Эти слова повести имеют какое-то реальное основание: действительно, на старых географических картах в 15 верстах от Твери вверх по реке Тверце на левом ее берегу обозначалось село Бор.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ

Среди повествовательных произведений конца XVII века встречаются такие произведения, которые представляют собою не что иное, как литературную обработку подлинных русских народных сказок. Особенно замечательна среди них „Повесть о купце“. По своей фабуле это переработка хорошо известной в русском народно-поэтическом творчестве сказки о человеке, который, благодаря помощи похороненного им мертвеца, женился на царевне. Но в изложении неизвестного нам автора сказочная фабула обросла рядом подробностей, связывающих „Повесть о купце“ с жизнью и бытом русского купечества конца XVII века.

Не следует думать, что „Повесть о купце“ своими связями с народно-поэтическим творчеством особо выделяется на фоне литературы конца XVII века. Наоборот, она только пополняет собою пространный ряд аналогичных литературных фактов этого времени. В исторических условиях русской жизни второй половины XVII века открывались возможности частых и глубоких взаимосвязей литературы и народно-поэтического творчества. С одной стороны, широкое проникновение грамотности не только в демократические посадские, но и в крестьянские слои населения способствовало переходу в устную традицию ряда книжных произведений. С другой, приход в литературу этой поры представителей демократических слоев населения, еще не порвавших в самом быту связей с народно-поэтическим творчеством, увеличивал число случаев проникновения в литературу целостных народно-поэтических композиций. „Повесть о купце“ и является свидетельством одного из конкретных проявлений этого процесса.

Герой повести в награду за погребение мертвеца получает чудесного помощника, неотступно следующего за ним.

Этот чудесный помощник спасает героя от разбойников и помогает ему жениться на царской дочери. Он борется со змеем в брачную ночь своего хозяина, чудесно очищает от змеенышей царевну и пр. Все это рассказывается как в народной русской сказке. Причем облик народной сказки настолько просвечивает сквозь книжно-повествовательную ткань повести, что можно с большой точностью указать и самый тип и версию сказки, легшей в ее основу.

В рукописном наследии древней Руси в списке конца XVIII века известна „Сказка о Силе царевиче и о Ивашке — белой рубашке“, которая очень близка к „Повести о купце“. Основные этапы развития фабулы „Сказки“ такие же, как и в повести, но наполнение их конкретным содержанием иное. Эта особенность проходит через весь текст сказки. В ней тот же состав эпизодов, что и в повести, за исключением только эпизода пребывания героев у разбойников, который в „Сказке“ просто отсутствует. В ней сохраняется такая же последовательность эпизодов, как и в повести. Но эпизоды, из которых складывается фабула „Сказки“ и повести, только равнозначны по своей роли в развитии фабулы произведения, но не одинаковы, а, наоборот, различны по своему конкретному содержанию и изложению. Нет между „Сказкой о Силе царевиче и о Ивашке — белой рубашке“ и „Повестью о купце“ и текстуальных совпадений. Таким образом, это два самостоятельных, независимых одно от другого литературных произведения. И если для объяснения сходства между ними можно поставить вопрос о их родстве, то только в том смысле, что оба эти произведения возникли на основе одной и той же народной сказки, а именно — на основе разных версий сказки „о благодарном мертвце“.

Вопрос о том, что „Повесть о купце“ представляет собою литературную обработку народной русской сказки, не вызывает сомнения, так как сама эта сказка под различными названиями известна в ряде записей XIX и XX веков. Устно-народные ее варианты сохраняют первоначальный состав сказки с различной степенью полноты. Лучшие из них — это сказки сборников И. А. Худякова („Великорусские сказки“, СПб., 1862, вып. 3, № 122) и Д. И. Садовникова („Сказки и предания Самарского края“, СПб., 1884, № 5). В них представлены все основные эпизоды сказки „о благодарном мертвце“. Сравнивая повесть с этими сказками, мы убеждаемся, что в ее основу лег вариант сказки о „благодарном мертвце“, вариант очень хорошей сохранности и полноты.

Вполне понятно, почему народная сказка попала в литературу демократических слоев русского общества второй половины XVII века. Для этих слоев особенно характерно

стремление порвать с традициями мировоззрения и быта древней Руси и попытки найти новые пути в жизни. Интерес к личности со сложным миром ее чувств, признание примата разума в жизни человека и общества, признание прав человека на определенное место в обществе независимо от его социального положения — все это впервые нашло свое выражение в литературе, повествовательной и сатирической, демократических слоев русского общества этой поры. Именно в этой литературе раньше всего могла быть поставлена и проблема двух поколений с оптимистическим решением ее. Русская сказка о „благодарном мертвце“ давала прекрасный материал для создания образа молодого человека, умного, предприимчивого и удачливого. На основе ее, при творческой обработке сказочной фабулы, и была создана „Повесть о купце“.

Как бы близко ни стояла „Повесть о купце“ к народной сказке, в ней есть такие особенности идейно-художественного характера, которые никак нельзя отнести за счет сказки. Яркие зарисовки купеческого быта, родственных и деловых отношений в купеческой среде, торговых поездок в чужие страны, русского свадебного обряда — все это уводит повесть от ее народно-сказочной основы. Сказочные герои, обстановка и действие в ней переносятся в мир реальных отношений русской действительности конца XVII века. На основе народной сказки возникает оригинальная по своему идейному замыслу и художественному выполнению повесть. Народная сказка в ней обработана в духе литературы демократических слоев русского общества конца XVII века.

Герой повести, молодой купеческий сын, „хочет быть в торгу смыслом лутче“ своего отца, „хочет жити славнее и богатее“ его и, стремясь разбогатеть, уезжает „за моря торговать“. Это — знакомая нам по ряду повестей и „стихов умиленных“ второй половины XVII века постановка проблемы взаимоотношений двух поколений. Но герой этих произведений обычно еще терпит поражение, как часто случалось и в самой жизни в эту переходную эпоху, и прогрессивная идея произведения — неизбежность победы молодого поколения — находит свое выражение главным образом в сочувствии автора своему герою. Несколько иначе решается эта проблема в „Повести о купце“. Здесь нет резкого конфликта между отцом и сыном, нет и полного нарушения моральных норм представителем молодого поколения. Герой повести приобретает чудесного помощника благодаря тому, что он хоронит лишенного погребения мертвца, сказочно обогащается с его помощью и женится на царевне. Затем он перевозит к себе своего отца „со всем домом своим“ и по

смерти царя „сяде на царство и правяше царство свое добре и благополучно“. Так в оптимистических формах сказочного стиля автор повести выразил свою уверенность в торжестве нового в русской действительности второй половины XVII века.

Текст „Повести о купце“ перепечатывается по списку XVII в. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Общества любителей древней письменности 0.137, опубликованному в „Трудах Отдела древнерусской литературы“, изд. АН СССР, 1951, VIII, стр. 315—325.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

„Повторяем: для людей, которым доступна не одна буква, такая сказка есть драгоценный исторический документ“, — писал Белинский о Ерше Ершовиче.

„Повесть о Ерше Ершовиче“ — это смелая и остроумная, социально насыщенная и политически острая народная сатира на захватчиков-крепостников XVII века. Неизвестный русский писатель правдиво описал, как помещики из боярских детей „насильством“ захватывали у крестьян уголья, разоряли и обманом кабелили самих крестьян.

Во всей русской литературе XVII века, кажется, нет другого произведения, которое так смело подымало бы жгучие вопросы русской жизни того времени, так правдиво освещало бы темные стороны жестоких холопских отношений, как „Повесть о Ерше Ершовиче“. В повести отразилось стихийное возмущение закрепощаемого крестьянства в то трудное для него время, когда Уложение 1649 года утвердило право помещика на труд и личность крестьянина.

В существующей научной литературе до сих пор не раскрыт идейный замысел „Повести о Ерше Ершовиче“; и поныне не опровергнуты взгляды буржуазных ученых, которые замалчивали факты отражения классовой борьбы в повести и видели в ней только „чисто литературную сатиру“. Не изучен даже текст повести, и неудивительно поэтому, что некоторые авторитетные советские исследователи еще недавно не без основания спрашивали: „сатира ли „Повесть о Ерше Ершовиче“ или только веселая шутка?“ Такой вопрос вполне уместен, ибо исследователи все время обращаются к тексту так называемой „первой редакции“ „Повести о Ерше Ершовиче“, в которой намеренно затушеваны классовые противоречия и вместо антикрепостнической сатиры выдвинута на первый план „шутливая пародия“ на

судейские порядки XVII века. Между тем совершенно очевидно, что „первая редакция“ „Повести о Ерше Ершовиче“ вовсе не является „старшей“. Всестороннее изучение текста повести убеждает нас в том, что так называемая „вторая редакция“ ее представляет собою старший текст, наиболее близкий к не дошедшему до нас авторскому подлиннику.

В „Повести о Ерше Ершовиче“ речь идет о тяжбе из-за Ростовского озера между боярским сыном „вором и разбойником“ Ершом и „божими сиротами“ крестьянами лещом и головлем. Эта тяжба разбирается судом „в некотором граде Ростовского уезда“, где судят „боярин осетр, да воевода, сом Хвалынского моря, да тут же в суде сидели судные мужики, судак да щука-трепетуха“, дело они решают „по суду“ и „сыску“. Все эти особенности судоустройства и судопроизводства свидетельствуют о том, что автор „Повести о Ерше Ершовиче“ изобразил современный ему приказно-воеводский суд второй половины XVII века. Тогда же, следовательно, была написана и сама повесть, то есть не ранее 60-х годов XVII века.

В „Повести о Ерше Ершовиче“ встречается много географических названий, помянутых, видимо, бывалым человеком: здесь Ростовский уезд, куда Ерш „пришел из Волги реки, а из Ветлуска поместья, ис Козмодемьянского уезду, Вырскою рекою к нам в Ростовское озеро“; „а... ему итить назат жировать в Кудме реки“; только свидетели живут далеко от Ростова — „в Ладужском озере“, „в Переславском озере“ „да в Неве реке“. Как видно, автор повести безошибочно называет мелкие речки бассейна верхней Волги, и ему, очевидно, хорошо знакомы те места, где происходит действие повести, а именно северо-восток Замосковского края, недалеко от Ростовского озера.

На севере Замосковского края закрепощение крестьян протекало несколько иначе, чем в подмосковных уездах или на юге Московской Руси. Помещичье хозяйство здесь на севере появляется только в XVII веке, и еще долго сохраняются „черные“ волости, многие из которых позже стали „дворцовыми“. На „черных“ землях жили юридически свободные „черносошные“ крестьяне, которые были связаны старинной общинной порукой.

„Лещ да головль“, крестьяне Ростовского уезда, пишут в своем „челобитье“, что „Ростовское озеро и дано было вами в вотчину, да и нам, сиротам вашим, после отцов наших в век прочно“. Заявляя так о своих наследственных правах на Ростовское озеро, истцы „лещ да головль“ выступают как свободные в правовом отношении крестьяне, за плечами которых, кажется, не стоит никакой другой действительный

владелец озера, помещик-крепостник; тяжба, следовательно, в повести идет из-за „черных“ или, что вероятнее всего, из-за дворцовых угодий.

Рыболовство в Московской Руси XVII века было важным народно-хозяйственным промыслом. Право ловить рыбу в реках и озерах чаще всего принадлежало опять-таки дворцу и крупным вотчинникам; рыбаки же из местного крестьянства выполняли одну черную работу. Царское законодательство зорко охраняло владельческие права собственников „рыбных ловель“: „А будет кто у кого татиным обычаем выловит из пруда, или из саду рыбу, и того татя изымают с поличным, а сыщется про то в правду, что он покрад в первые: и такова бити батоги; а будет вдругие тот же с поличным изыман будет, и такова за такую вину бити кнутом; а будет в третьие тот же изыман будет с поличным, а поличное и гривны не стоит, и такова казнити, отрезати ухо“, — говорит 90 статья XXI главы Уложения 1649 года.

Но, вопреки стараниям законодательства, вокруг „рыбных ловель“ попрежнему „чинились“ всякие „обиды“ и „насилства“; это признают даже составители „валового наказа 130 года“, говоря, что „в рыбных... ловлях... силы и обиды и споры чинятся великие“.

О таких „обидах“ и „спорах“ в „рыбных ловлях“ на Ростовском озере и рассказывает „Повесть о Ерше Ершовиче“.

„Лещ да головль“ жалуются в повести, что „ершишка-воришка“ из детей боярских „...стокався с племенем своим скопом и заговором, нас крестьян перебил и переграбил и с щетином своим вострым изувечил, из вотчины вон выбил и озером завладел напрасно, надеясь на свое насилство вострое щетинье, а нас з женщиками и детишками хочет поморить голодною смертью“. Эта бесхитростная жалоба разоренных крестьян звучит правдиво и убедительно, особенно если припомнить, что в те времена самовольные захваты земли, „воровские дачи“ и иное „насилство“ были самым заурадным явлением.

Нередко „сильные люди“ с оружием в руках захватывали земли „менших“ и „молодых“, сгоняли силою крестьян в свои поместья и вотчины и затем, нимало не смущаясь, угрозами заставляли государевых „дозорщиков“ писать в „дозорные и переписные книги“ „так как им годно“.

Как велико было самоуправство и „насилство“ в земельных делах, можно судить по мероприятиям правительства, пытавшегося бороться с самовольными захватами всяких „сильных людей“. Грамота собора 1611 года требовала взыскать весь доход за несколько лет с тех, кто самовольно захватил дворцовые села, „черные“ волости и частновладель-

ческие поместья и вотчины. Уложение 1649 года угрожает частичной конфискацией тем, „кто похочет чужею землю завладети насильством“ (гл. X, ст. 211 и 233). Но само правительство было бессильно бороться с самовольными захватами земли, и строгие постановления Уложения на практике очень часто имели характер безобидной угрозы: по закону, например, тому, кто донес об утайке вотчин и поместий, передавалась вся „утаенная“ или „вылганная“ земля; но тот, кто „утайл“ или „вылгал“, мог добровольно покаяться в своем преступлении, и тогда государь мог „пожаловать“ такому „захватчику“ ту же „вылганную“ землю уже в законное владение (см. указы 1612—1614 годов).

И вот один из таких обнаглевших захватчиков дворцовой или „черной“ земли, „сынчишко боярский“ Ерш по воле автора повести „в ответ пошел“. „Сутяга“ и „крючкодей“ Ерш вовсе не смущается на суде и не долго думая „вчиняет“ истцам встречный иск в „бесчестьи“. Ерш местничает, кичится своей мнимой знатностью и, словно обиженный, говорит „в ответе“: „а на них буду искать бесчестия своего болшого. Назвали они меня безделным человеком“.

Ерш запирается в „бое“, „увечьях“ и „грабеже“ крестьян, заявляя на суде: „А яз их отнют не бивал и ни граблывал, не знаю, не ведаю...“

Право владения Ерш пытается доказать незапамятной давностью: „...а озеро Ростовское мое и тоже дедовское, дано в век прочно старому Ершу, деду моему“, — не колеблясь, измышляет Ерш.

Не довольствуясь этими увертками, Ерш обвиняет истцов-крестьян в том, что вообще их иск будто бы противозаконен, поскольку „лещ да головль“ его же собственные холопы: „А тот лещ да головль бывали у отца моего в холопех, и я не похотел греха по батюшкиной души, отпустил их на волю, да велел им жить за сабою, поить и кормить нас сабою, а иных их племя есть и ныне у меня во дворе в холопех“.

Здесь автор повести коснулся одной из язв русской действительности XVII века — холопства. Немногими словами автор повести нарисовал правдивую картину насильственного „похолопливания“ при помощи приказных зацепок и уверток на суде, когда самым бесстыдным обманом, вопреки всем указам, пытаются закабалить свободных крестьян. Жизненная правдивость и даже до некоторой степени заурядность этой невероятной на первый взгляд холопией тяжбы в повести станут очевидны, если припомнить те преступления, описания которых сохранились на столбцах Холопьяго приказа среди документов б. архива министерства императорского двора.

Под напором разных „сильных людей“ закабаление в XVII веке достигло угрожающих размеров, и почти всегда „похолопливание“ сопровождалось насилием. Дворянин Лаврентий Булатников, например, похитил с отцовского поля маленького Федьку Жихарева из служилых людей и „свез“ мальчика в свою вотчину; там спустя некоторое время Булатников держал Федьку „в железах“ „недель 6“ и затем уже „силой“ вырвал у него „служилую кабалу“.

Пройдоха и плут Ерш прибег к излюбленной уловке наглых холоповладельцев на суде: он мигом „вчинил“ „лживый поклепный иск“, объявив истцов-крестьян своими старинными холопами; таким путем дерзкий Ерш намеревался обезвредить жалобу ограбленных и избитых им крестьян. Ерш и не сомневался в неотразимой юридической силе своего „поклепного иска“; суть дела в том, что имущество холопа в сущности не охранялось законом. Статья 65 XX главы Уложения прямо указывает, что отпущенным на волю холопам, которые станут „приставлять иски в животах“, то есть в имуществе, своим бывшим владельцам, „и тем холопом в том суда не давати“. Холоп по закону не имел права купить вотчину, а если бы холоп все-таки купил себе вотчину, что и было нередко в XVII веке, то вотчину могли забрать у холопа „на государя“ и „пожаловать“ тому, кто донес про эту холопью вотчину (Уложение, гл. XVII, ст. 41). Именно поэтому Ерш был уверен в том, что он по суду оттягает у крестьян вотчину, если только его „вылганные“ „холопи“ будут ему „крепки“, то есть если суд признает его права на мнимых холопов.

Ерш на суде держится уверенно, его покуда мало беспокоит собственная защита, и он дерзко и нагло наступает не только на своих истцов, но и на приказных судей. В своем „ответе“ Ерш выдумал такой хитросплетенный юридический казус, что в нем нелегко было разобраться даже изощренным в холопских делах приказным дельцам.

У Ерша, конечно, на руках нет „служилых кабал“, удостоверивших права холоповладельцев, и вот этот делец ловко цепляется за „холопью старину“. Оказывается, что будто бы „лещ да головль“ „бывали“ у отца Ерша „в холопех“, иными словами оба эти крестьянина, видимо, были вроде как не „кабальными“, а „старинными“ холопами. Такая ссылка на „старину“ встречается чуть ли не в каждой тяжбе по холопским делам в первой половине XVII века. Расплывчатость и шаткость юридического понятия „холопья старины“ давали возможность холоповладельцам оспаривать на суде право собственности на холопа друг у друга и легко холопить свободных людей. Даже Холопий приказ часто вынужден был в запутанных делах ставить ссылку на давность

выше документальной холопией кабалы, несмотря на то, что московское законодательство XVII века стремилось внедрить повсеместно как законную только холопью служилую кабалу.

Хитрый Ерш стремится подкрепить „холопью старину“ еще и ссылкой на холопских детей, холопье „племя“, которое будто бы у него „есть и ныне“ „во дворе в холопех“.

Не довольствуясь всем этим и желая еще больше запутать дело и окончательно сбить с толку приказных судей, Ерш с поразительным лицемерием и ханжеством рассказывает далее, как он „не похотел греха по батюшкиной души“ и „отпустил“ холопов „на волю“. Но Ерш хорошо знает, что по Уложению 1649 года право владения холопом не было наследственным, а только пожизненным для холоповладельца (Уложение, гл. XX, ст. 44 и 47), и что наследники покойного холоповладельца обязаны были, как говорит 14 статья XX главы Уложения, своим холопам „отпускные давати безо всякаго задержания“. И потому-то Ерш тут же оговаривается, что он не просто отпустил своих холопов, но „велел им жить за сабою, поить и кормить нас сабою“, то есть Ерш не освободил, а только „перекабалил“ своих холопов, хотя и стал держать их потом, видимо, без всякой служилой кабалы.

Наконец, в довершение вранья, Ерш притворяется обиженным и даже просит защиты от крестьян „леща да головля“: „А как озеро посохло в ведряное лета, и стало скудость велик голод, и тот лещ да головль сами сволоклись на Волгу реку и по затоком расселилися, на мою голову с челобитьем воскошались, отчего мне жития не стало, похотя меня всего испродать напрасно“. Как видно, Ерша мало беспокоит „государев указ“, повелевающий „всяких чинов людям“, которые „в голодное, или в иное в какое время, не хотя холопей своих кормить, сошлют их с двора...“, что „впредь им до тех холопей дела нет“ (Уложение, гл. XX, ст. 41). Холопу, бежавшему от своих господ в страшный голод 1601—1602 годов, трудно было доказать, что он ушел с согласия холоповладельцев (Уложение, гл. XX, ст. 42), и потому Ерш был уверен в успехе своей выдумки.

Итак, крепостник Ерш нуждается в рабочих руках, и потому на суде он стремится не только оправдать свой захват крестьянской вотчины, но еще и „похолопить“ самих крестьян: последние, быть может, интересуют его более, чем даже Ростовское озеро.

Приказные судьи Ростовского уезда в повести оказались на высоте своего положения и, строго сообразуясь с юридическими нормами XVII века в вотчинных и холопских делах, прибегают к „сыску“, то есть к следственному процессу.

И вот „по сыску“ выяснилось, что „тот Ерш ябедник, лихой человек“ вовсе не из „детей боярских“, а просто „крестьянин“. Тогда Ерша, виновного и в захвате вотчины, и в „бое“, и в ложном местничестве, и в „лживом поклепном иске“, судьи законно обвинили.

Такое разоблачение Ерша может показаться странным, однако в действительности в русской жизни XVII века так могло и быть. Недаром статья 37 главы XVII Уложения различает „природных“ и не „природных“ „детей боярских“; к числу последних принадлежал, видимо, злополучный Ерш. Бедность Ерша в данном случае несколько не меняет дела; в то время было много почти нищих „боярских детей“, которые „скитались меж двор“; важно другое, что „именно эти „маломощные“ „боярские дети“, как показывают новгородские кабальные книги, были самыми ловкими и самыми алчными закабалителями разоренного крестьянства.

Автору „Повести о Ерше Ершовиче“ нельзя отказать в тонкой житейской наблюдательности, и его герои в рыбьем облике кажутся выхваченными из гущи русской жизни XVII века — так живо и так верно воспроизвел автор обычные речи тяжущихся на суде того времени. Особенно жизненным кажется образ Ерша, „ябедника“, „лихого человека“, который „что змей ис куста кусает с щетином своим“ и многих „испродал“ и „поморил голодную смертью“; это выразительный сатирический образ наглого и дерзкого хищника-крепостника из самозванных и захудалых детей боярских.

Обидчику и захватчику Ершу в повести противостоят „добрые люди“ „божие крестьяне“ „лещ да головль“, которым только благодаря энергии и настойчивости удалось выиграть чрезвычайно трудную тяжбу. Автор повести горячо сочувствует им и, напротив, с нескрываемой ненавистью относится к крепостнику Ершу. Последнего он не только „разжаловал“ из „боярских детей“, но и сделал еще бессильным и смешным.

Антикрепостнический характер сатиры „Повести о Ерше Ершовиче“ не вызывает никаких сомнений. Отсюда заключаем прежде всего о народности самой повести. „Повесть о Ерше Ершовиче“ по духу и складу своему, по содержанию и по форме действительно сродни русскому народному творчеству.

По старинной традиции мы называем ее повестью, но на самом деле это сатирическая басня XVII века, неотделимая от народного творчества; ей чужды всякая холодная нравоучительность и надуманная условность; потому-то „Повесть о Ерше Ершовиче“ и не похожа на многие русские басни XVIII века. Недаром Белинский отличал „басни чисто сати-

рические“, „потому что, — подчеркивал Белинский, — сатира есть поэзия басни“.

Демократическая русская басня была глубоко самобытным явлением русской литературы, она тесно связана с народными истоками и „родилась“, по словам Белинского, „не случайно, а вследствие нашего народного духа“.

„Басня не есть аллегория и не должна быть ею, если она хороша, поэтическая басня“, — писал Белинский; и в „Повести о Ерше Ершовиче“, строго говоря, нет места аллегории, потому что сатирический смысл раскрывается здесь непосредственно, вытекает из всего содержания, из житейских отношений, изображенных в повести, из ее образов. Автор повести достаточно смело выражает свои демократические взгляды и, очевидно, не нуждается в смягчающем иносказании, а потому он не обособляет художественно частное и общее в басне, вымышленную рыбу тяжбу и действительную сатиру на крепостников.

Более того, автор „Повести о Ерше Ершовиче“ стремится усилить сатирическую злободневность, придав своей басне почти документальный характер; именно поэтому автор „Ерша Ершовича“ облек свою басню в форму „судного списка“, то есть судебного отчета. Автор повести словно пересказывает „слово в слово“ „записку“ „истцовых и ответчиковых речей“, которую записал во время суда приказный подьячий. Язык действующих лиц пестрит привычными речениями и оборотами деловой приказной речи XVII века, герои действительно „уличают“ друг друга „всею правдою“ и „шлются из виноватых на свидетелей“. Косвенная речь самого автора, предельно скупая и сжатая, представляет собою опять-таки формулы судейского приказного языка, которые связывают „речи“ истцов, ответчиков и свидетелей, вроде, например: „били челом на него Ерша, в котором челобитье написано“, или: „и судьи исцом стали говорить“, или: „и Ерш в ответе сказал“.

В стилистическом использовании всех этих фразеологических единств приказного языка в повести, вопреки распространенному мнению, нет и тени литературной пародии по той простой причине, что сатира „Ерша Ершовича“ совершенно не касается приказно-воеводского суда XVII века.

Такое использование привычной формы деловой письменности для построения художественного произведения нередко встречается в демократической литературе XVII века. И в „Повести о Ерше Ершовиче“ очень удачно, с большим художественным вкусом использована форма „судного списка“. Разные „правые грамоты“ и „судные списки“ были слишком хорошо знакомы современникам, русским людям XVII века,

и потому такая же форма демократической повести, в которой речь идет о тяжбе, была особенно доходчива и понятна.

Подчеркнутость канцелярской приказной речи и своеобразная „документальность“ сатиры „Ерша Ершовича“ в целом неопровержимо свидетельствуют о реалистической устремленности автора повести.

Но в басне о Ерше Ершовиче ведут тяжбу все-таки не люди, а промысловые рыбы бассейна верхней Волги, хорошо знакомые русскому человеку XVII века. Художественная привлекательность басни о Ерше Ершовиче кроется опять-таки в том, что здесь действуют не надуманные аллегорические олицетворения, а живые существа рыбьего царства, хотя и слишком похожие на людей. Эти герои басни не придуманы произвольно, и художественный вымысел здесь не противоречит природе.

Автор „Ерша Ершовича“ подметил в повадках, быть может даже в инстинктах русских рыб нечто такое, что навело на мысль о соответствии между слабыми и сильными в рыбьей басне и в действительной жизни.

Ерш и налим, лещ и голавль „Повести о Ерше Ершовиче“ в такой мере наделены своими естественными повадками, что они кажутся нам живыми. „Леща да головля“ Ерш „щетином своим вострым изувечил“, у налима „губы толсты“ и т. п.

Автор „Повести о Ерше Ершовиче“ вообще склонен оценивать рыбу с точки зрения ее промыслового значения и даже ее „гастрономической“ ценности. „Ерш бы в ухе, да лещ в пироге“ — говорит пословица. Ерш повести кичится тем, что его „знают большие князи, бояре, дьяки и гостинные сотни во многих городех, и кушают. . . чесно, с похмелья животоу оправливают“. Но в народе говорят: „ерши неспорое кушанье: на грош съешь, а на гривну хлеба расплюешь“, и потому-то истцы-крестьяне так потешаются над заносчивым ершом: „знают ерша бражники и кобачкие голыши и всякие нужные людии, которым не на что добрые рыбы купить. И купят ершей на пол деньги, половину их розмечут, а другую расплюют, а достол выльют под ноги и даест сабаком“.

Но автор „Ерша Ершовича“ говорит не только о русской природе, он изображает в своей сатире прежде всего русских людей, и рыбы у него похожи больше на людей, чем на рыб. В басне о Ерше Ершовиче слышен отголосок живого русского ума, проникательного и сметливого, сродного народной мудрости русских пословиц.

Меткие характеристики и лукавый юмор басни о Ерше Ершовиче буквально выросли из народных пословиц, опираются на пословицы и зависят от них. Народная пословица

вообще близка басне; образность и краткость, выразительность и обобщенность роднят поговорку с басней; в народных поговорках автор „Ерша Ершовича“ почерпнул трезвое понимание жизни, нравственное чувство и обличительный смех.

„Русский народ любит Ерша, — говорит С. Т. Аксаков, — его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится“. Именно таким знают ерша и русские народные поговорки: „Щука ерша не берет с хвоста“; „Все ерши, а плотицы нет“, то есть все злые люди; „На Руси не все караси, есть и ерши“; „Тягался, как лещ сершом“, или, наконец, „Выжил, как ерш леща“.

С народным творчеством роднит „Повесть о Ерше Ершовиче“ своеобразный реализм стиля. Черты этого реализма в предметной точности кратких описаний, в поразительной наглядности характерных деталей. Как живого видим мы малоподвижного, ленивого налима, который заявляет судьям, что у него „брюхо велико, глаза малы, губы толсты“, — здесь все конкретно и нет ничего условного.

Реалистичен в своей основе и тот „живописный способ выражаться“, который, по словам Пушкина, составляет „отличительную черту в наших нравах“. Крестьяне жалуются на Ерша, „на щетину ябедника, на лихую образину, на раковые глаза, на вострые щетины, на безделника, ненадобного человека“, который „приволокься зимнею, не в погожею пору, захурился и заморозился, аки рак, и нозри заморался“. Это уже „живописность“ устно-поэтической речи, с ее живостью, красочностью и неповторимой меткостью.

Во всем этом отражается самобытный русский ум „...с его сметливостью, остротою и добродушно-саркастическою насмешливостью; с его природной верною взгляда на предметы и способною коротко, ясно и вместе кудряво выражаться“, как сказал Белинский.

„Повесть о Ерше Ершовиче“ — ценный памятник русского языка XVII века; здесь свободно проявляется „живая общенародная речь с чертами „оканья“, богатая ласкательными и уменьшительными словами, с разговорными формами склонения, свободная от книжных аористов и имперфектов; это разговорно-деловая русская речь, выразительная и образная, сжатая и по-народному меткая.

Народная антикрепостническая сатира „Ерш Ершович“ скоро получила признание народа, повесть стала достоянием народного творчества, и „гистория о ерше и протчих рыбах“ превратилась в любимую народную сказку о Ерше с веселыми прибаутками.

Текст „Повести о Ерше Ершовиче“ печатается по списку Государственного Исторического музея, собр. Уварова, № 1926 (135), начала XVIII в., с исправлениями по списку Института русской литературы АН СССР, собр. В. Н. Перетца, 0,98, конца XVIII в. Оба эти списка дефектны: список Уварова не имеет конца, а список Перетца без начала и конца, с оборванными листами; другие же исправные списки так называемой „второй редакции“ до сих пор не найдены.

По необходимости мы вынуждены были восполнить отсутствующую в списках Уварова и Перетца концовку повести заключительными абзацами текста „Ерша Ершовича“ по списку Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Буслаева, 0.XVII, 57, начала XVIII в., который относится уже к так называемой „первой редакции“; текст по списку Буслаева дается в квадратных скобках.

Сопоставление текстов обеих редакций заставляет усомниться в старшинстве так называемой „первой редакции“. Так, например, судопроизводство в изображении „первой редакции“ явно не соответствует процессуальным нормам XVII в.: „сельдь переславская“ названа в „первой редакции“ „общей правдой“, то есть свидетелем обеих сторон; на самом же деле Ерш отводит сельдь как свидетеля, но, вопреки всем правилам, пристав окунь „поставил перед судиями опчью правду сельдь переславскую“. Осетр в „первой редакции“ назван воеводой, но почему-то этот воевода-осетр выступает в роли обиженного свидетеля и рассказывает на суде „правду божию, а свою беду“. Совершенно непонятно, почему судьи в „первой редакции“ дважды выносят обвинительный приговор Ершу: в первый раз — заслушав „ссылки“ истца и ответчика, и вторично — после показания свидетеля-сельди и жалобы судьи-осетра.

В первой редакции непонятно, почему ответчик Ерш называет истца леща „крестьянином“, хотя последний сам себя величает „сынишкой боярским“; здесь легко уловить намек на первоначальный состав тяжущихся, известный нам из „второй редакции“, когда истцами действительно были крестьяне. При сопоставлении со второй редакцией проясняется и социальное происхождение Ерша, столь неясное в „первой редакции“; здесь Ерш сам ставит себя выше „сынчишки боярского“ леща, а свидетели с пренебрежением говорят о московских знакомствах Ерша, между тем ясно, что самозванный Ерш ложно местничает в „первой редакции“, точно так же, как это было и во „второй редакции“.

1. *Хвалынское море* — распространенное на Руси в XVII в. название Каспийского моря; это русское название происходит от арабизированной формы „Хваризм“ названия страны „Хваразм“ или „Хорезм“.

2. *Судные мужики* — судебные заседатели XVII в., известные под именем „судных мужей“ еще из уставных грамот и судебников XV и XVI вв. Позднее эти „судные мужи“ или „добрые люди“ превратились в „целовальников“, присутствие которых на суде стало обязательным по судебнику 1550 г. Значение „целовальников“, как судебных заседателей, заметно падает в XVII в. После 1612 г. „целовальники“ редко присутствуют на воеводском суде, но остаются почти исключительно на крестьянском суде.

Присутствие „судных мужиков“ на воеводском суде следует рассматривать как остаток древнего участия целой общины в отправлении суда. В „судные мужи“ или в „целовальники“ община избирала „добрых, разумных и правдивых“ крестьян. Эти назначенные или выборные „судные мужи“ нередко были знатоками неписаного обычного права и присутствовали на суде ради „стереженья правды“ и „береженья дела без хитрости“. „Судные мужи“ обязаны были удостоверить, что суд был именно такой, как записано в судном списке, они должны были бороться против взяточничества и лицепрятия на суде; иногда „судные мужи“ отдавали на поруки обвиняемого.

Сам факт присутствия на воеводском суде „судных мужиков“ в „Повести о Ерше Ершовиче“ дает возможность с уверенностью заключить, что крестьяне „лещ да головль“ сидят на „черной“ или „дворцовой“ земле.

3. *Вотчина* — старинный термин для обозначения наследственной земельной собственности. Вотчинное землевладение, известное на Руси очень давно, получило особенное распространение в XVII в. Помещики стремились превратить поместье, которое было у них на правах условного владения, в вотчину, как свою собственность. Под натиском „служилых помещиков“ вотчина к концу XVII в. почти полностью вытеснила поместье.

Уложение 1649 г. и указы XVII в. называют „вотчинниками“ между прочим и крестьян. Так, например, 45 статья XVII главы Уложения говорит о „порозжих“ землях, которые были „продаваны бояром, и окольниковым, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном, и детем боярским, и гостем, и всяким служилым и неслужилым людем, в вотчины“. „Валовый наказ со 130 года“ (ст. 43) прямо указывает на вотчины, которые были „даваны из государевых дворцовых сел и из черных волостей“ крестьянам „за... Московское осадное сиденье, как сидели против королевича“. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что лещ и головль действительно крестьяне „дворцовых сел“ или „черных волостей“, законно владеющие своей вотчиной на основании, например, „сотной грамоты“.

4. *...из Ветлуска поместья...* — „А ниже Василя города 30 верст с луговой стороны пала в Волгу река Ветлуга, протоку Ветлуги 180 верст, течет от Маломы реки“. „...против устья реки Ветлуги на правом берегу Волги реки село Юнга нижегородских владык“ — сказано в знаменитой „Книге Большому Чертежу“ XVII в.; точнее определить, где находилось это „Ветлуско поместье“, затруднительно.

5. *Вырская река.* — Надо полагать, что это один из рукавов реки Которосли, которая вытекает из Ростовского озера и впадает в Волгу близ Ярославля. „Книга Большому Чертежу“ знает реки „Выру“ и „Вырку“, которые впадают в Оку у города Белева близ Тулы.

6. *Кудма река.* — Такое имя носят несколько рек европейской части СССР. В „Книге Большому Чертежу“ помянуты „речка Кутма“, которая „пала в реку в Нугрь, выше Болхова“, близ города Орла, и „речка Кудма“ в „20 верстах“ от „усть реки Двины“, на севере. Автор „Повести

о Ерше Ершовиче“ имеет в виду, видимо, ту „Кудьму реку“, что впадает в Волгу недалеко от города Горького, несудоходный, богатый рыбою, правый приток реки Волги.

7. *Вандыш* — по словам В. И. Даля, это корюшка или ее мелкая разновидность — снеток. Л. С. Берг указывает, что „вандышем“ на Каме и по Уралу называют рыбку из семейства карповых, род плотвы-гольяна, местное название „маявка“.

8. *Холоп* — старинный термин, обозначавший разных несвободных лично, зависимых людей в древней Руси. К началу XVII в. полное „старинное“ холопство постепенно вытесняется „кабальным“ холопством. До указа 1597 г. „кабальными“ людьми назывались свободные должники, которые служили на дворе „господина“ взамен уплаты процентов. „Кабальный“ холоп и после указа 1597 г. не был рабом в собственном смысле слова, это был скорее всего крепостной слуга. Но тем не менее холопладельцы беспощадно секли своих кабальных холопов, забивали в колодки и ковали в цепи, держали взаперти и морили голодом, принудительно женили и выдавали замуж; наконец, хозяева стремились похолопить и детей кабальных холопов до достижения ими 15-летнего возраста. Законодательство XVI—XVII вв. просто обходит молчанием многие правовые вопросы, связанные с взаимными обязанностями холопа и его владельца. Холопы упорно боролись за свою свободу: тягались со своими закабалителями на суде, бежали на вольный Дон или воевали в отрядах Болотникова.

9. *Селява* — маленькая рыбка из семейства карповых, местное название „верховодка“.

10. *Сельть залеская* из „Переславского озера“ — знаменитая промысловая рыба из семейства лососевых, переяславская селедка.

11. *Понятые* — судебные свидетели, которые присутствовали по приглашению судебных властей при следствии с целью удостоверить законность всех следственных действий.

Статьи 142 и 143 главы X Уложения 1649 г. угрожают строгими наказаниями тем, кто „понятых побьет до смерти“ или „учинит“ понятым „какое безчестие“. Понятно, что „скользкий“ налим уклонился в повести от тягостной обязанности быть понятым.

12. *Мень рыба* — налим.

13. *Сыск* — юридический термин XVII в., означавший в своем узком смысле особый способ дознания или удостоверения в действительности какого-нибудь факта, применявшийся в следственном процессе. Сыск всегда противопоставлялся в XVII в. суду, как разновидность следственного, а не обвинительного процесса: о суде всегда говорилось — „до чего доведется“, а о сыске — „сыщется до пряма“.

Применение сыска в „крепостных“ делах, какими были иски о вотчинах и холопах, в „Повести о Ерше Ершовиче“ является важным свидетельством для датировки этой повести; тяжба Ерша с лещом и голавлем разбирается и судом и сыском, то есть смешанной формой обвинительно-следственного процесса, что было характерной особенностью судопроизводства второй половины XVII в.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

„Повесть о Шемякином суде“ — едкая сатира на воеводский суд XVII века. Этот выдающийся образец народной сатиры отличается социальной значимостью и политической остротой своей темы, которая была подсказана автору повести „многой непрестанной в народех молвой“, передававшейся из уст в уста всякими „черными и земскими людьми“ во время городских восстаний середины века.

Гнет и произвол крепостнического государства сделали ненавистными для народа многих представителей царской власти, но среди всех „начальных людей“ особенную ненависть посадского населения снискали себе „государевы воеводы“, от взяточничества и самоуправства которых, по словам челобитчиков, „людишки“ „разорены пуще турских и крымских басурманов“. Даже дворяне и „дети боярские“ на соборе 1642 года „вопили“ „на свое разорение от московской волокиты и от неправедных судов“, требуя, „чтобы посадские люди судились сами промеж себя“.

„Мирская шатость“ всяких „маломочных“ людей в XVII веке много раз начиналась по вине воевод, которые своим взяточничеством и вымогательством вызывали „мятежное нестроение“ посада.

Фактов из истории борьбы посадских людей с воеводами в XVII веке достаточно для того, чтобы заключить о политической заостренности сатиры повести „Шемякин суд“: угроза героя повести убить судью Шемяку, этого воеводу или воеводского подьячего, который судил „за посулом“, созвучна бунтарским настроениям того „бунташного времени“.

Сатира „Повести о Шемякином суде“ на приказно-воеводский суд имела острую злободневность именно в 60—80-х

годах XVII века, когда московское правительство, уничтожив бывшее земское самоуправление, предоставило воеводам и воеводским приказным измам почти неограниченные полномочия во всех гражданских делах. Автор повести был современником городских восстаний 60-х годов, и ему удалось, обогатив бытовую русскую сказку новым социальным содержанием, создать произведение, которое приобрело характер классовой сатиры.

Юридическая терминология повести о суде Шемяки указывает, что автор имеет в виду приказно-воеводский суд, ибо „судья“ Шемяка „судит“ в „приказе“ и в „городе“, а не в Москве. Отсюда представляется возможным датировать „Шемякин суд“ как повесть, которая могла быть написана не ранее 60-х годов XVII века, так как воеводский суд в „приказных избах“ известен только во второй половине XVII века. Если Шемяка в повести — воевода или дьяк „приказной избы“, то отсюда становится ясным и адресат сатиры „Шемякина суда“: повесть обличает продажность и корыстное крючкотворство приказно-воеводского суда в России XVII века. Пародийно-сатирическое изображение воеводского „правосудия“ составляет наиболее характерную особенность „Шемякина суда“, как самобытного произведения русской литературы XVII века.

Многочисленные документы свидетельствуют, что каждая справка, подпись, „помета“, „печать“, едва ли не каждый шаг тяжущихся на суде — все требовало „посула“ и „подарка“. До какой степени взятки в XVII веке были обычным явлением, показывает заслуживающий полного доверия рассказ Татищева об одном „честном“ воеводе: царь Алексей Михайлович в награду „за службу“ послал одного „служилого дворянина“ воеводой в маленький город для того, чтобы тот „нажил“ 500—600 рублей и купил себе деревню. Когда окончился срок воеводства, „дворянин“ „бил челом“ царю, что он „нажил“ всего только 400 рублей. Царь даже послал дьяков проверить на месте, и оказалось, что „честный“ воевода „нажил“ действительно всего только 400 рублей. Этот „дворянин“ ни у кого не вымогал насильно „подарков“ и „посулов“, а довольствовался только тем, что ему добровольно приносили сами „челобитчики“ „в почесть“. Узнав об этом, удивленный Алексей Михайлович дал „доброму человеку“ другой „прожиточный“ город. Но как ни привыкли „приказные люди“ брать „посулы“, однако боязнь наказания „кнутом“ все же заставляла их прибегать к разным уловкам, которые спасли бы их от „огласки“. Иногда изощренные „челобитчики“, входя к судье, привешивали „подарки“ к „образам“ „будто бы на свечи“.

Необычайные приговоры судьи Шемяки всегда привлекали внимание своей затейливостью и анекдотичностью. Наказание в повести действительно является пародией на буквальное понимание возмездия в смысле „око за око, зуб за зуб“. Однако приговоры Шемяки, при всей их сказочности и пародийности, для XVII века не были только забавной выдумкой, они в то же время явственно намекали читателю той поры на реальную судебную практику. Современник „Шемякина суда“, наверное, легко догадался бы, что речь идет о возмездных наказаниях, которые, судя по Уложению 1649 года, для остратки изредка применяло уголовное право XVII века. Законодательство XVII века иногда применяло возмездные наказания как специфическую форму наказания за увечье и членовредительство: „А будет кто не бояся бога, и не опасаяся государские опалы и казни, учинит над кем-нибудь мучительское наругательство, отсечет руку, или ногу, или нос, или губы обрежет, или глаз выколет, и сыщется про то допряма: и за такое его наругательство самому ему то же учинити“ (Уложение, гл. XXII, ст. 10). Русское право XVII века часто предусматривает возмездные наказания в обширной области преступлений, связанных с „ябедничеством“ и „ложными доносами“. Многочисленные юридические документы указывают, что обвиненные в „ложных доносах“ должны подвергаться именно тем же самым наказаниям, которым могли бы подвергнуться жертвы их клеветы: „и тому изветчику то же учинити, чего бы довелся тот, на кого он доводил“ (Уложение, гл. II, ст. 17).

Автор повести „Шемякин суд“ с благородным негодованием обличает изуверскую казуистику неправого суда крепостников, запугивавших народ свирепым возмездием. Впрочем, к чести средневекового русского права жестокие членовредительные наказания и изуверские способы казни мало применялись на практике; законодательство часто предписывало суровые кары больше для устрашения, нежели для кровавого их исполнения. В этом смысле русское уголовное право XVI—XVII веков выгодно отличалось от современного ему средневекового права на Западе, где с жуткой пунктуальностью приводили в исполнение кошмарные экзекуции над тысячами жертв.

Казуистические приговоры Шемяки во многом могут быть объяснены множеством неопределенных санкций, которые предусматривало законодательство XVII века за различные преступления. Закон очень часто указывает только один род наказания, но совершенно не предусматривает размеров последнего. Так, во многих статьях Уложения 1649 года имеется только неопределенная санкция: „наказание,

смотря по вине“, „быть в опале и в казни“. Неопределенность санкций в законодательстве на практике приводила к неизбежному произволу и казуистическому формализму в приказном судопроизводстве. Насколько велика была здесь изобретательность „приказных людей“ в сочинении казуистических решений, показывают „пометы“ (то есть резолюции) на челобитных, которые делались в Челобитном приказе: „будет так, как бьет челом — ученить указ по государеву указу“, „будет иным таким давано, ино и ему дать“.

По Уложению и указам XVII века судья Шемяка на законных основаниях должен был оправдать „убогого“, то есть отказать всем трем истцам в исках, и он в повести так и поступил, хотя приговор свой облек в казуистическую форму: формально он обвинил „убогого“, но возмездная форма наказания заставила истцов немедленно мириться с ответчиком. С формальной точки зрения Шемяка не сделал каких-либо нарушений процессуальных норм XVII века: ответчик в повести во всех трех случаях отвечал молчанием на вопросы судьи, и он тем самым уже проигрывал дело (см. Уложение, гл. X, ст. 101). По указанной статье Уложения Шемяка мог бы признать „убогого“ виновным, что он и сделал, и затем „удовлетворил“ иски истцам, хотя и в самой странной форме.

Необычайные, анекдотические по форме, неисполнимые по существу своему возмездные приговоры в повести „Шемякин суд“ для современного читателя кажутся только досужим вымыслом, но в действительности это не вымышленные юридические курьезы, а верное отражение в народном творчестве исторически достоверной юридической практики прошлого. Очевидное историческое соответствие между приговорами судьи Шемяки в повести и судебной практикой Русского государства XVII века исключает сомнения в том, что под комической оболочкой сатирической повести явственно ощутимы пережитки таких взглядов на возмездные наказания, которые приводили в негодование автора „Шемякина суда“. Таким образом, даже анекдотические приговоры Шемяки в повести, богатой фактами юридического быта, оказываются соизмеримыми с реальной действительностью, могут быть соотнесены с русской жизнью XVII века; идея возмездного наказания, сама по себе заурядная для права XVII века, становится в повести еще более обыденной и художественно правдоподобной в своей недопустимой жестокости, потому что автор „Шемякина суда“ пародирует в приговорах Шемяки не только возмездие, но и все изощренное крючкотворство приказно-воеводских судов.

Повесть „Шемякин суд“ справедливо может быть названа народной сатирой, потому что оценка воеводского кри-

восуда в повести как нельзя более соответствует тем народным воззрениям на приказно-воеводский суд, которые известны из русского народного творчества XVII века. Среди пословиц, записанных в XVII веке, существует немало „мирских притч“, в которых говорится о взяточничестве, самоуправстве и жестокости судей, память о воеводских судах сохранили даже пословицы в записях XVIII—XIX веков. Такие пословицы, как „брюхо — что неправедный судья, и молча просит“ и „помути бог народ, да накорми воевод“, раскрывают в народном понимании „судебной волокиты“ ту же протестующую насмешку над ненавистными воеводами, которая отличает и авторский замысел повести „Шемякин суд“.

Сродство идейного замысла сатирической повести „Шемякин суд“ и современной ей бытовой сатирической сказки XVII века привело к тому, что автор этой повести, отвечая на художественные запросы своих демократических читателей, создал литературную сказку. Рассказывая о судьбе убогого брата, автор повести „Шемякин суд“ в своем повествовании о житье-бытье рядового русского человека верен заветам народного творчества, и его способ изображения житейских отношений в сущности тот же, что и в русской бытовой сказке.

Едва ли не все герои повести „Шемякин суд“ знакомы русской сказке, и их появление в сатирической повести свидетельствует о родственных связях между „Шемякиным судом“ и русской сказкой. Герои повести — два брата земледельцы, „един богат, а други убог“ — сталкиваются друг с другом как заимодавец и должник. Бедный попадает в безвыходное положение, но не покоряется своей обездоленности и благодаря сметливости, находчивости и изворотливости торжествует над своим братом-богачом, над властью трусливого воеводы Шемяки и даже над житейскими случайностями. Убогий вышел победителем из трудного испытания, потому что он перехитрил своих опасных врагов, которые оказались в действительности не только слабыми, но и ничтожными. Бедному брату противостоит незадачливый богатый брат, который заслуженно поплатился за свою жадность и скупость. Такая контрастность в изображении двух братьев, связанная с противопоставлением бедности богатству, является характерной чертой русских антикулацких сказок, в которых нашел свое отражение классовый антагонизм беднейшего крестьянства и кулачества.

„Неверность“ попадьи и посрамление попа, предусмотренные для них приговором Шемяки, также нельзя не сравнить со сходными положениями русских сатирических сказок, в которых, как известно, поп, попадья или попова

дочка издавна были излюбленными персонажами. Образ попа, очутившегося в положении оскорбленного мужа, также принадлежит сказочной традиции, а именно антипоповской сказке, в которой нескромная шутка подчинена целям сатирического изображения „недостойных иереев“.

Изучая построение повести „Шемякин суд“, приходим к выводу о художественном родстве ее с волшебными сказками „о мудрых отгадчиках“. Трудные задачи, которые в волшебных сказках составляют условие женитьбы героя, в построении бытовых сказок разнообразятся множеством приключений, сплошь да рядом не имеющих ничего общего с женитьбой. Разрешение трудных задач становится излюбленным художественным средством бытовой сказки, так как сказочники могут свободно развивать свое повествование, рассказывая о новых, подчас очень затейливых, происшествиях. Среди трудных задач едва ли не самыми распространенными в бытовых сказках являются загадки, которые приходится отгадывать герою. Сказочники пользуются загадкой для того, чтобы выразительнее охарактеризовать своего сказочного героя, и загадка становится совершенно необходимой там, где рассказывается об испытании догадливости, сообразительности или проницательности такого героя, которого можно характеризовать словом „мудрый“.

В повести „Шемякин суд“ речь идет об испытании мудрости судьи, и именно поэтому мудрый судья прежде всего есть искусный отгадчик самых замысловатых загадок. Форма загадок очень разнообразна, и потому нет причин сомневаться в том, что жалобы истцов в повести „Шемякин суд“ — это те же загадки, которые предлагают мудрым отгадчикам.

Судья в повести „Шемякин суд“ уже не эпический мудрец, однако этот судья умен, хитер и даже плутоват. Создание такого образа средствами сказочной поэтики едва ли было бы осуществимо, если бы русский автор XVII века не воспользовался знакомыми образами русских же сказок о мудрых отгадчиках. Истцы на суде бьют челом в таких запутанных делах, что решение подобных юридических казусов действительно представляет для судьи „трудную задачу“; но находчивый судья на каждое неразрешимое „челобитие“ придумывает неисполнимое судебское „вершенье“, то есть на загадку отвечает загадкой.

Загадка в „Шемякином суде“ организует сказочное построение, являясь стержнем быстро развивающегося, увлекательного действия. С отгадыванием загадок наступает перелом в развитии действия: герой переживает самые отчаянные минуты в своей жизни, он величайший неудачник, которому не удалось даже самоубийство; не ожидая ничего

хорошего от суда, он приготовился к казни; но вот одни загадки разгаданы, запутанное дело получило справедливое разрешение, потому что судья своими приговорами в свою очередь предложил истцам неисполнимые задачи; истцы не смогли разгадать эти загадки, и герой торжествует над своими былыми противниками и взяточником-судьей. Загадка отличается удивительной гибкостью своей словесной формы, и в сказке она возникает подчас неожиданно для слушателя из сплетения обстоятельств в развитии самого сказочного действия; загадка вносит в сказку ощущение острой занимательности, так как она требует немедленного разрешения, а запоминающаяся образность загадки еще более оттеняет художественные достоинства „Шемякина суда“.

Для стиля автора повести „Шемякин суд“ характерен притворный тон, за которым скрывается подлинное дискредитирующее отношение сатирика к изображаемым явлениям действительности. С едкой насмешкой под личиной лукавого сочувствия или притворного равнодушия автор „Шемякина суда“ изображает данное в качестве должного, корыстный кривосуд как справедливый суд. Судья Шемяка судит своекорыстно и оправдывает убогого, надеясь на его посул; но, как бы там ни было, этот судья-взяточник по народным воззрениям поступил справедливо, ибо он спас невинно гонимого бедняка, и суд неправедного судьи, вопреки его собственным побуждениям, был праведен. С горькой усмешкой автор повествует о том, как единственный раз на суде правда восторжествовала над кривдой, да и то по ошибке лихоимного судьи. Видимая серьезность и холодность, с которыми автор „Шемякина суда“, подражая бесстрастному тону „судного списка“, повествует о приключениях убогого, придают еще больше горечи этому веселому рассказу.

Итак, повесть „Шемякин суд“ как литературное произведение выразила свой сатирический замысел в формах русской бытовой сказки о неправедном судье. Она представляет собою весьма характерный для второй половины XVII века пример книжной повести, весь художественный строй которой определен русской сказкой. Неудивительно, что „Повесть о Шемякином суде“ перешла из рукописных сборников в устное народное творчество: среди русских сказок о неправедном судье существует несколько сказок, которые представляют собою изустное переложение лубочной повести „Шемякин суд“.

Независимо от повести XVII века в русском, украинском и белорусском сказочном репертуаре существует много родственных, хотя и не сходных между собою, сказок о неправедном судье, в которых рассказано с некоторыми отли-

чиями о тех же преступлениях и приговорах, что и в повести „Шемякин суд“. Сатирическая трактовка образа судьи, вопреки мнению прежних исследователей, типична для восточнославянских сказок, и пресловутый камень за пазухой подсудимого, который ввел в заблуждение алчного судью-взяточника, в повествовании современных сказочников входит как традиционный образ в тот же сказочный канон и в тот же художественный строй, что и в повести „Шемякин суд“. Очевидно, что повесть „Шемякин суд“ как литературное произведение возникла на основе русской бытовой сказки о неправедном судье XVII века.

Язык повести „Шемякин суд“ — это „простые словеса“, написанные писателем не „духовного чина“, который вышел из простого народа и повествует „мирской“ книжной речью XVII века. Отличительной приметой этой книжности являются формы простого прошедшего времени глагола очень часто со смешением лиц. Автору „Шемякина суда“ чужды и „высокая славянщина“ и утонченное „плетение словес“.

В языке повести „Шемякин суд“ нет и не могло быть каких-либо полонизмов, так как по целому ряду соображений невозможно предположить, что полонизмы будто бы были в авторском тексте, а потом были устранены позднейшими писателями. Приписки о „польских книгах“ и „польских жартах“ в двух списках повести XVIII века принадлежат позднейшим писателям XVIII века, и смысл их состоит в том, что русская повесть „Шемякин суд“ была действительно „выписана“ этими писателями XVIII века из русского юмористического сборника той поры, в котором, быть может, были и русские переводы польских жартов.

Текст повести „Шемякин суд“ печатается по списку Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ркп. собр. ОЛДП № 372 QXVIII № 962, в 4^о, с учетом разночтений по списку этой же библиотеки, собр. Титова, № 3761, в 4^о к. XVII в. Оба указанные списка содержат текст наиболее близкий к авторскому тексту сравнительно с другими известными списками повести. К сожалению, списки ОЛДП и Титова не имеют конца, и оторванный последний абзац текста повести восстановлен по спискам другой группы: Уварова № 1926 (135), Толстова № QXVII, № 41, Забелина № 71 Буслаева QXVII, № 57. Все эти списки близки друг другу, и их тождественность нарушается только разночтениями стилистического и морфологического характера.

1. *Земледелец* — слово книжное, как термин в XVII в. обозначало крестьянское состояние. Крестьянство в XVII в. было подсудно местным

земским судьям и воеводам. Участие крестьян в судном деле показывает, что суд Шемяки в повести был местным областным судом.

2. *...пойде на него бить челом во град к Шемяке судии.* — Термин *судия* в XVI и XVII вв. имел разнообразные значения в зависимости от положения лица, имевшего право суда. Уложение 1649 г. называет судьями всех должностных лиц, которые вообще „судили суд“, то есть имели право суда как в Москве, так и в „городах“ и „волостях“.

Шемяка — в XVI—XVII вв. было распространенным русским „мирским“ именем, и уже поэтому всякие сближения имени героя повести „Шемякин суд“ с историческими Шемяками, основанные на одном только внешнем совпадении имен, теряют всякий смысл. Вопреки мнению прежних исследователей о восточном происхождении имени судьи повести, следует признать, что имя „Шемяка“ не имеет родственных параллелей в словаре тюркских, монгольских и финских языков, и поэтому будет правомерным предположение, объясняющее этимологию имени Шемяка из лексики диалектов русского языка.

Свидетельство загадочного „старого хронографа“ о Шемякином суде, на которое ссылался Карамзин, в действительности оказывается позднейшей вставкой, сделанной не ранее конца XVII в. в неизвестном историческом сборнике, отличном по своему тексту от хронографов редакции 1512, 1617 и 1620—1646 гг. Упоминание о Шемякином суде в „Историческую сказанию...“ Каменевича-Рвовского, написанном им в 1699 г., убеждает нас в том, что писатели конца XVII в., подобные Рвовскому, основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда „перенесли“ „кривосуд“ с имени героя популярной в то время повести на знаменитого галицкого князя XV в. Из всего этого следует, что общепризнанное мнение исследователей „Шемякина суда“, которые усматривали в имени судьи отголосок предания о Д. Ю. Шемяке, должно быть отвергнуто как необоснованное, ибо такое отождествление имен возникло в научной литературе только благодаря доверчивому и некритическому отношению со стороны Карамзина к историческому баснословию XVII в.

3. *Езд* — особая пошлина, которая взималась с истцов и ответчиков в пользу приставов.

4. *Пристав* — должностное лицо, которое в XV—XVII вв. вызывало тяжущихся на суд. Замечание автора „Шемякина суда“, что „убогий“ предпочел из страха перед приставами идти на суд вместе с истцом, не дожидаясь „посылки“, вполне соответствует действительному состоянию судопроизводства XVII в. Несмотря на то, что вызов в суд был тщательно разработан Судебниками и Уложением 1649 г., на практике именно в этой области судопроизводства было более всего злоупотреблений. Если верить Флетчеру, то приставы, желая „вынудить взятку“, заковывали своих подсудимых в кандалы, хотя бы иск и не превышал 6 копеек. Неудивительно поэтому, что истцы, опасаясь вымогательства приставов, иногда собственноручно „приволакивали“ ответчиков к суду.

5. *Принес же брат его челобитную на него исковую...* — Исковую челобитную, то есть письменное заявление или жалобу, находим не ранее конца XVI в. Только к началу XVII в. челобитные постепенно приобрели свою традиционную форму: в них стали указывать имена и звания истца, ответчика и поверенных, обозначать цену иска, существо дела и самой просьбы. Уложение 1649 г. рассматривает обозначение цены иска как необходимую принадлежность „исковой челобитной“: ответчик мог даже не отвечать на челобитную, в которой не была указана цена иска (Уложение, гл. X, ст. 102).

6. *Отвещай!* — Традиционное обращение судьи к ответчику. Судебное разбирательство в XVII в. начиналось с чтения челобитной, которая „вычитывалась“ ответчику по приказанию судьи. Выслушав истца, судья в присутствии тяжущихся обращался к ответчику словом „отвещай!“ Это была в XVI—XVII вв. обязательная словесная формула, которая означала, что судья разрешает говорить и ответчику. Ответчик, в свою очередь, возражал на челобитную истца и так же устно приводил свои доказательства. Таким образом, судоговорение представляло словесный спор истца и ответчика, который иногда подкреплялся доказательствами. Приведение доказательств на суде в XVII в. называлось ссылкой. Все доказательства и возражения истцов и ответчиков как устные, так и письменные, а также и речи судьи записывались приказными подьячими. На основании такой „записки“ „истцовых и ответчиковых речей“ подьячий составлял краткую выписку, которая называлась „судным списком“. На основании „судного списка“ судьи делали „вершенья“, то есть выносили приговор по спорному делу. Приговор затем устно объявлялся тяжущимся — „сказывали приговор“ (Уложение, гл. X, ст. 113). Гражданское судопроизводство в XVII в. отличалось крайним формализмом. Так, например, истца обвиняли „роспискою“ без суда в том случае, если иск, написанный им в „исковой челобитной“, был больше или меньше того же иска, указанного в „приставной памяти“ (Уложение, гл. X, ст. 104).

7. *Суд.* — В XVII в. это слово имело значение специального термина, означавшего гражданское обвинительное судопроизводство. Суд в XVII в. был одной из форм судопроизводства, которая представляла собой юридический спор истца и ответчика в присутствии судьи. Роль судьи на суде сводилась только к тому, что он разрешал или прекращал спор тяжущихся, не прибегая сам к специальному исследованию обстоятельств дела.

8. *Приказ.* — В смысле учреждения это слово встречается в первый раз в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Ивановича Владимирскому Успенскому монастырю. В XVII в. приказы были не только органами центральной власти в Москве, но и учреждениями местного воеводского управления в городах. В конце XVI в. наряду с существовавшими ранее „полковыми воеводами“ появляются „городовые воеводы“. Место, где воевода „с товарищи“ „давал суд“, называлось „городским приказом“ или „приказной избой“. „Приказные избы“ получают широкое распро-

странение только с развитием системы воеводского управления в середине XVII в.

9. *Судия ж высла человека...* — Приказный обычай брать „посулы“ не собственноручно, а через подставных людей был широко распространен в XVII в. Человек, который принимал „посулы“ для судьи именно так, как это происходит в повести, упоминается даже в законодательстве XVII в.: „А будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинял его не делом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек...“ (Уложение, гл. X, ст. 7).

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

„Калязинская челобитная“ — острая народная сатира на „бесчинные“ нравы черного, монастырского духовенства, особенно его верхушки, игуменов и „старцев“. Неизвестный русский писатель XVII века повествует о пьяном разгуле бесшабашных монастырских певчих, „крилошан“, и, потешаясь над остроумной жалобой этих буйных „крилошан“, он хлестко изобличает алчное стяжательство архимандрита и его приближенных, главных виновников „монастырского нестроения“.

Для русского человека монах никогда не был „светом миру“; еще в „Молении Даниила Заточника“, этой сатире XIII века, про „чернецов“ и „черниц“ говорится, что они „ангелский имея на себе образ, а блудной нрав, святителский имея на себе сан, а обычаем похабен“. Страстный спор о монастырском землевладении разделил всю русскую публицистику XV и XVI веков на два враждебных лагеря, и отголоски этого ожесточенного спора слышны и в XVII веке, по крайней мере в передовой демократической литературе того времени. В век ожесточенной классовой борьбы, крестьянских войн и городских восстаний старая тема приобрела новый смысл, и негодующая насмешка „Калязинской челобитной“, обличающей стяжательство монастырей и разгул монахов, имеет глубокий социальный смысл.

Монастырь был ненавистен простому народу как крупнейший землевладелец и сильнейший крепостник. В руках монастырей к XVII веку сосредоточились огромные недвижимые имущества: один только Троице-Сергиев монастырь владел 214 000 десятин земли, в 13 уездах были расположены земли Кириллова Белозерского монастыря, в белозерских вотчинах этого монастыря насчитывалось 399 поселений. От „пожалований“, „вкладов“ и ростовщичества владения

„святых обителей“ и „смиранных богомольцев“ стремительно росли год от года в XVI и первой половине XVII века, а монастырские „села и пожни изнурялись в пустошьях“, и даже „воинственному чину (то есть дворянству. — И. Л.) оскудение приходило велие“.

По настоянию дворянства Соборным Уложением 1649 года запрещено было монастырям покупать и брать в заклад вотчины, даже „по душам в вечный поминок“, то есть по духовным завещаниям (гл. XVII, стр. 42). Эта решительная правительственная мера только замедлила непрерывный рост недвижимых имуществ монастырей, но несколько не поколебала экономического могущества „святых обителей“. Монастыри довольно легко обходили запрет „проклятой уложенной книги“, как называл патриарх Никон Уложение 1649 года, и приобретали вотчины путем „мены“ земли между „служилыми людьми“ и „обителями“; „благочестивые старцы“ цепко держались за те земли, которые хоть раз попали к ним в руки, и в борьбе за землю не гнушались даже подлогом и „вымучиванием“ нужных документов.

От монастырского стяжательства более других страдали крестьяне: ведь монастыри захватывали их земли и угодья, а самих крестьян обременяли тяжкими крепостническими поборами и повинностями. И крестьяне по своему горькому опыту рано научились ненавидеть „великих старцев“, основателей северно-русских монастырей: когда „преподобный старец“ Даниил Переяславский, рассказывает „Степенная книга“, задумал основать новый монастырь, „также и владущий в селех близь монастыря того, со оружием и дреколием приходяще и во ограде у монастыря не дадущи иноком земли копати и с прещением, яко неволею пророчествоваху святому, глаголюще: „Почьто на нашей земле поставил еси монастырь? Или хочещи землями и селы нашими обладати“, „еже и збытсья последи“. Иногда крестьяне от угрозы переходили к делу и расправлялись с захватчиками: так, крестьяне утопили на мельнице „преподобного“ Агапита, крестьяне же убили Арсения Комельского и Симона Воломского.

Побеги крестьян зачастую были одним из способов борьбы „беглых“ против крепостного гнета. Не выдержав жестокой крепостнической эксплуатации, 140 человек, то есть более четверти всех крестьян, проживавших в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в одном только Владимирском уезде, бежали из монастыря в 1605—1614 годах. Примечательно, что около половины этих „беглых“ ушло, как видно из „свонных книг“ вотчин Троице-Сергиева монастыря, за

„детей боярских“, предпочитая, видимо, горькую долю за дворянином нестерпимой жизни под монастырской братией.

Порою крестьяне открыто выступали против гнета и грабежа монастырей-крепостников. „Крестьяне монастырские“ богатейшего Иосифо-Волоколамского монастыря в 1593—1594 годах „приказщиков и ключников учили бити и дел монастырских не почели делати, и леса монастырские запovedные почели сечи“.

Но и среди самих „непогребенных мертвецов“ монахов не было равенства и единодушия: рядовые „старцы“ и монастырские слуги, бесправные и отягощенные монастырской службой, нередко роптали на притеснения игумена, келаря и казначея, у которых были власть и доходы. Богатые и знатные монахи, приближенные к монастырскому совету, вовсе не изнуряли себя „постническими подвигами“, а жили припеваючи, не стесняя себя монастырским уставом: „Теперь у вас Шереметев сидит в келье что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют что в миру, а Шереметев невесть со свадьбы невесть с родин, рассылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие... но Шереметеву как назвать монахов братиею: у него и десятый холоп, что в келье живет, ест лучше братий, которые в трапезе едят“, — язвительно писал в своем послании 1573 года царь Иван Васильевич про „любострастные уставы“, которые завели в Кирилловом Белозерском монастыре постригшиеся там опальные бояре Шереметев, Хабаров и Собакин.

Что же удивительного, если в 1667 году противники никоновских церковных новшеств „черные старцы“ Соловецкого монастыря, всё „крестьянские и посадские дети“, „человек с 300“, примкнули к „пущим мятежникам“ — повстанцам, беглым стрельцам и донским казакам, беглым боярским людям, холопам и крестьянам. И целых семь лет, с 1669 по 1676 год, мятежный раскольниковый монастырь выдерживал тяжелую осаду царских войск с воеводой И. А. Мещериновым во главе.

От „безделия“, за которое укоряет монахов царская грамота в Соловецкий монастырь 1584 года, от праздности и ничегонеделания „заходило“ в монастырях „пьянственное питие“. „А мы, богомольцы твои, — читаем в „Калязинской челобитной“, — вкруг ведра без порток в одних свитках в кельях сидим. Не поспеть нам ночью в девять часов келейнова правила исправить, вплозвары с пивом ведра испоржнить, чтоб сверху до дна допить... А когда мы, богомольцы твои, у правила в вечеру утрудимся до полуночи,

у пивнова ведра засидимся, и тогда утре рано вскоре стать не сможем, и клубук с мантиею где лежит не спомним, да и тогда немного замедлим, и к десятой песни поспеем, а инные к началу расходному“. Эта выразительная картина „безмерного упивания“ „богомольцев“, созданная русским сатириком XVII века, глубоко жизненна и свободна от каких-либо преувеличений.

В XVI и XVII веках духовные и светские власти непрерывно обличают „запойственное житие“ духовных особ: Стоглав и дополнения к Судебникам, Иван Грозный и Алексей Михайлович, все Соборы и многие отдельные грамоты — все безуспешно увещевают „бражников“, попов и монахов. Сами „отцы“ Стоглавого собора вынуждены были разрешить монахам „егда подобает“ умеренно выпивать „по чаше, по две или по три“ некрепкого „фряжского вина“. И одна только Сергиевская лавра имела право беспошлинно ввозить до 3000 ведер вина в год.

Распространение винокурения в монастырях грозило сокращением доходов от „царевых кабаков“, и „чтоб казне порухи не чинилось“, правительство готово было прибегнуть в 1682 году к крутой мере: „а буде вперед сыщется в которых монастырях вотчинах учнут вино сидеть, и те монастырские вотчины будут взяты на государя безповоротно, а властем быти в великом запрещении и смирении“. Но и эта угроза не смутила „упивающихся“ старцев: теперь они „упивались“ и в „царевом кабаке“, и в монастыре, а правительство безуспешно пыталось запретить монастырское винокурение и в 1694 году и позднее — в 1740-м.

Но в „Калязинской челобитной“, кроме пьяных монахов, беспутных „крилошан“, есть и главный сатирический герой, которого почему-то не замечали прежние исследователи. Это сам архимандрит Гавриил, „родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, а на хлеб — на соль каргополец“; он „проторно живет“, ведь в „Калязине обитель немалая, казна великая“, в монастыре даже „мыши з хлеба опухли“. Архимандрит Гавриил, видно, погряз в „мирском сребролюбии“, и со временем страсть к стяжательству сделала из него черствого скрягу: „братии“ в богатом монастыре „поставляют“ на стол „репу пареную да ретку вялую“, „щи мартовские“ и „посконную кашу“, „а у нево, архимандрита, на то и разуму не стало, один живет да хлеб сухой жует, мет перекус, а он воду пьет“. Гавриил жесток и пьяную „меншую братию“ „наставляет“ совсем не „по-отечески“: он „мало пьет, да больно бьет“, „оправливает“ „с похмелья“ „метельными комлями, ременьными плетями, честь нам у нево добра во всю спину равна, и кожа с плеч вся сползла“;

„в праздники и в будни на нашу братью накладывает на шею большие цепи, да об нас многия батоги изломал, шелепы прирвал“, — жалуются „крилошане“ на Гавриила. Этот архимандрит и „благочестию“ „поучает“ с издевкой и надругательством: Гавриил велит провинившимся монахам „пропевать“ „каноны“ „лежа“, когда их секут пеньковыми „шелепами“, „а слугам приказал высоко подымать, а на нас... на спину тяжело опущать“, „а нам, богомольцам, лежа пропевать не поспеть, почему что за плечми тела нужно, а под шелепами лежать душно“, — сетуют калязинские „крилошане“. Стараниями свирепого архимандрита Гавриила в „смиренной“ Калязинской „обители“ в изобилии припасены для „богомольцев“ „чепи“, „шелепы да плети“, „а в караулные снопы бадогов, в кузницах по грядкам кандалы да замки, а у нас, богомольцов твоих, — признаются буйные „крилошане“, — смотря на то, от згляду очи мутятца, а у малодушных за плечми кожа вертитца и ночью не спитца“.

Автор „Калязинской челобитной“ не умолчал о том внутреннем „нестроении“ монастырской жизни, которое приводило иногда иноков к открытому возмущению, как это было в Соловецком монастыре в 1667 году: он обнажил „разделение“ в монастыре между богатой верхушкой и бесправными „черными старцами“, он высказал обиду забытых „крилошан“ на самодурство и своекорыстие монастырских властей. Искалеченные праздностью, спившиеся в монастыре калязинские „крилошане“ вспоминают порою о прошлой трудовой жизни, и этим выходцам из простого народа хочется тогда „за ворота в слободу сходить, чтоб скотья двора присмотреть, телят бы в стадо застать, курят бы в подполья покласть“; еще важнее, что „крилошане“ мечтают, как они монастырских крестьян „вышлют“ „в слободы“ и велят „им ходить з году на год на велик день“, то есть намерены сократить крепостные повинности. Потому-то бесправные и забытые черные „крилошане“ из простых людей озлоблены на своего архимандрита, стяжателя и крепостника Гавриила; с усмешкой предлагают „крилошане“ своему ненавистному архимандриту „ис Калязина, вон по Волге плыть, а буде ему лень из манастыря до берегу дотти, то бы мы ево под руки довели или на носилках снесли“. „А есть ли ему, архимандриту, перемены не будет, и мы, богомольцы твои, ударим ево архимандрита обухами“, — уже без шуток угрожают непокорные „крилошане“.

Но сатира „Калязинской челобитной“ не ограничена одной монастырской оградой. Автор „Калязинской челобитной“ идет дальше и смело обличает другие неприглядные стороны русской действительности XVII века. С едкой насмеш-

кой говорит он о „кабацком разореньи“, в котором повинна „государева казна“: по царской воле „по всем монастырям и по кружалам осмотр учинили, и после смотру остатку лутших хороших бражников сыскали... для обрасца в Калязин прислали... и за едино бы учинить смышляли, как бы в государевой казне прибыль учинить, а себе в мошни денег не копить“.

С редким в XVII веке бесстрашием нападает русский сатирик на обветшалое благочестие; не скрывая своего вольномыслия, он зло и остро осмеивает церковную обрядность. Ему решительно противен церковный благовест, и калязинские богомольцы жалуются, что колокола „много зла учинили и у всех у нас уши оглушили и нищими нас всех во веки снаредили“. Сатирик потешается над „каждением“ в церкви, и его богомольцы обвиняют своего архимандрита в том, что он „и по церкви ходит да святые иконы кадит, и тем иконы запылит, кадилком закоптит, а церковь задымил; а нам, богомольцам твоим, очи выело, горло завалило“.

Так проясняется идейный замысел „Калязинской челобитной“: в этой глумливой сатире отразилось стихийное возмущение народных масс, задавленных духовными и светскими крепостниками в эпоху ожесточенной классовой борьбы. Народность демократической сатиры „Калязинской челобитной“ теперь очевидна: эта повесть по духу и складу своему сродни русскому народному творчеству и прежде всего русской сказке, которая высмеивает пьяных попов.

Свою язвительную демократическую сатиру русский писатель облек в доходчивую форму настоящей жалобы — челобитной, свободной от всяких литературных ухищрений; здесь нет и следа намеренного пародирования деловых документов. Ведь запоротые „крилошане“ имеют право жаловаться, и их желание иметь архимандрита пьяницу и „потаковщика“ хоть и противно монастырскому уставу, но жизненно; так было в действительности на монастырских соборах XVII века, где выбирали архимандритов, угодных „упивающейся“ верхушке монастыря; за пьяным балагурством разгульных монахов скрывается горькая усмешка и смелый протест самого писателя.

Реалистическая устремленность роднит „Калязинскую челобитную“ с русским народным творчеством; русский сатирик XVII века владел искусством особенного бытописания и умел двумя-тремя меткими словами выразительно охарактеризовать житейские явления.

Будь то „в воротах шшелепом старец кривой Фалалей“, или „богомольцы“ „вкруг ведра без порток“, или даже

„вязига да икра“, „трои пироги, двои бы блины пшеничные, молосная каша, а кисель бы с патокою“, о которых мечтают „крилошане“ после „пареной репы“, — все в „Калязинской челобитной“ наглядно, точно и вместе с тем смешно, ибо остроумно подмечены здесь порой не обобщенные, но всегда верные черты уродливого монастырского быта. Это было „умение“ „чисто по-русски смотреть на вещи и схватывать их смешную сторону в меткой иронии“, как сказал Белинский.

Реалистичен в своей основе и тот разговорный „сказ“, пересыпанный рифмованными прибаутками, которыми искусно владеет автор „Калязинской челобитной“. Подобно „веселым скоморошинам“, русский сатирик XVII века любит говорить „складно“: „ретка, да хрен, да чашник Ефрем“; „весна была красна, пенка росла толста“; „только живот у нас — лошка да плошка“. Эти „прозаические“ рифмы „Калязинской челобитной“, идущие от народных пословиц и поговорок, очень своеобразны; Белинский верно указывал, что „в русской народной поэзии большую роль играет рифма не слов, а смысла: русский человек не гоняется за рифмой — он полагает ее не в созвучии, а в кадансе, и полубогатые рифмы как бы предпочитает богатым; но настоящая его рифма есть рифма смысла“.

В „Калязинской челобитной“ свободно звучит живая народная речь с богатым бытовым словарем, образная и красочная, сжатая и меткая.

Текст „Калязинской челобитной“ печатается по исправному списку XVIII в. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 8°, шифр О. XVII. 17., л. 85 об. — л. 97 об., публикуемому впервые.

1. *...преосвященнейшему архиепископу Симону Тверьскому и Кашенскому.* * Симон, архиепископ Тверской и Кашинский, историческое лицо, был архиепископом с 16 апреля 1676 до июля 1681 г.

2. *Троицкий Колязин монастырь*, описанный в „Калязинской челобитной“, находится на левом берегу Волги, против города Калязина, „в посаде“. Монастырь этот был основан в 1444 г. Макарием Калязинским. С XVI в. Калязинский монастырь пользовался дурной славой; около 1725 г. иеромонах Калязина монастыря Маркел Поморцев доносил угличскому воеводе, что в этом монастыре найдены глиняные формы для делания фальшивых бумаг.

3. *Жалоба государь нам того ж Колязина манастыря на архимандрита Гаврила.* — Гавриил, архимандрит Троицкого Калязина монастыря — тоже историческое лицо, был архимандритом до 1681 г.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

„Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?“ — с негодованием писал Белинский в своем знаменитом письме к Гоголю.

И „Повесть о Карпе Сутулове“ — язвительная и насмешливая народная сатира на распутные нравы высшего белого и черного духовенства и богатого купечества XVII века. Автор повести так смело издевается и так весело глумится над незадачливыми любовниками — сановитым архиепископом, степенным духовным отцом и именитым „гостем“, что насмешливое сказочное повествование о постыдных и „бесчинных“ любовных похождениях их приобретает черты тонкой политической сатиры: ведь в „Повести о Карпе Сутулове“ посрамлены и осмеяны не „простые смертные“, а высокопоставленные особы, „лучшие люди“ какого-то безыменного русского города XVII века. И именно тогда, во второй половине XVII века, в эпоху ожесточенной классовой борьбы, для современников городских восстаний и крестьянской войны глубокий смысл сатиры „Повести о Карпе Сутулове“ был понятен и злободневен.

Среди посадских людей классовая рознь, „разделение и обида“, к половине XVII века достигла своего предела. Небольшой кучке богатых „лучших людей“, „мироедам“, „богатством кипящим“, в русских городах XVII века противостояла масса „средних“, „молодших“ и „посадских

людишек работных“, „чающих истины и от всех злых избавления, и от властительских всяких насильств“.

Богатеи — „мироеды“, ростовщики и откупщики — закабали „средних“ и „молодых“ людей, захватывали лавки, промысловые угодья и землю посада.

Так разбогател крупнейший псковский ростовщик, „посацкий торговый человек“ Сергей Поганкин. Этот „огородник“, владелец знаменитых Поганкиных палат, с 1644 по 1676 год „оттягал“ за „кабальные долги“ у разных псковских посадских людей свыше сорока лавочных мест, клетей, чуланов, „нивок“ и огородов.

Закабаление посадских людей приняло угрожающие размеры, когда богатые купцы-откупщики стали распорядиться в земских избах взысканием разных податей и пошлин.

„Лучшие люди“ захватили в свои руки междугородный и внешний торг: богатейшие новгородские „гости“ Стояновы вывозили за границу сало и мясо, продавали в Любеке соболиные меха. Иноземный торг таких „гостей“ часто грозил голодом посадскому населению; недаром новгородский посад в своей челобитной 1650 года настойчиво обвинял „гостя“ Стоянова в том, что он скупал хлеб, мясо, „свинные полти“ и продавал все это за границу в ущерб новгородской торговле.

Неудивительно, что антикрепостнические по своему характеру городские восстания середины XVII века были направлены не только против самодержавия и крепостников, но и против ненавистных народу „гостей“ и крупных „торговых людей“. Восставшие московские люди „тяглые“ громили в 1648 году дворы „гостей“ Василия Шорина и Василия Гусельникова с такой же ненавистью, как и дворы родственника царя и фактического руководителя правительства боярина Б. И. Морозова и его шурина, окольного Петра Траханиотова: последние были особенно ненавистны трудящемуся населению города Москвы. Так было и в Новгороде и в Пскове, где восставшие „молодые“ посадские люди в 1650 году разграбили дворы своих заклятых врагов, „гостей“-ростовщиков, Федора Емельянова, Василия и Семена Стояновых.

В ту „мятежную“ пору верным союзником напуганных „гостей“ и прямым пособником царских воевод в подавлении народных восстаний было высшее черное духовенство. Это Никон, будущий патриарх, тогда еще новгородский митрополит, во время обедни в день царских именин 17 марта 1650 года предал проклятию восставших новгородцев; он же открыто поддерживал ненавистного народу воеводу Хилкова,

сообщника Стоянова, и тайно от восставших сносился с Москвою. Тогда же архиепископ Макарий призывал восставших псковичей смириться и писать царю „повинную челобитную“; по решению мирского схода архиепископа Макария „всем народом“ проводили 1 августа 1650 года „до богодельни“ и посадили там на цепь. И позднее, в годы крестьянской войны под предводительством Степана Разина, высшее духовенство также стремилось задушить народное восстание: разинцы казнили в 1671 году астраханского митрополита Иосифа за то, что он пытался посеять вражду среди осажденных царскими войсками повстанцев.

Но не следует забывать о глубоких противоречиях в самой церковной среде: захудалые сельские и городские священники, в отличие от „князей церкви“, по своему незавидному положению мало чем отличались от массы крестьянского и посадского населения XVII века: эти многочисленные приходские попы сами страдали от притеснений церковного начальства и, естественно, враждебно относились к богатой верхушке православного духовенства; некоторые сельские попы даже принимали участие в народных восстаниях.

Угнетенный простой народ видел в иерархах церкви своих древних врагов, безжалостных закабалителей и алчных стяжателей. Из новгородских кабальных книг известно, что в жестокий голод 1601—1603 годов тридцать семь новгородских духовных лиц закабалили пятьдесят двух холопов.

До чего доходило иной раз самоуправство и бесчинство иерархов русской церкви, склонных к вымогательству и наживе, рассказывают сами устюжские „земские люди“ в своей челобитной 1696 года патриарху Адриану на архиепископа Велико-Устюжского Александра. Архиепископ Александр „переписал“ и „побрал“ „к себе безденежно“ „у церквей“ „казенные деньги и хлебы“, „в монастырех хлеб“, „а у соборных священников искони вечные, старинные, предков государьских жалованные, и у иных многих церквей, и у монастырей казенные, и у нищих стариц, и у вдов, деревни и полянки и пожни“; и, что самое главное, „никому от церквей и скудным бедным государьским крестьянишкам на прокормление и на семена продавать и займы давать не велел“. „А у нас, государь, во всем Устюжском уезде, — продолжают челобитчики, — грех ради наших, в прошлом году были великие летом морозы, и всякой хлеб вызябл без остатку, и крестьянам кормиться нечем и купить не у кого, и от таких многих нужд и от его (Александра. — *И. Л.*) к миру немилосердия многие бедные крестьянишка

помирают голодную смертью, а иные, покидая свои последние деревнишки, бредут врознь“.

Даже воеводы вынуждены были порой писать самому царю об „обидах“, которые „попы чинят посадским людям“: „В нынешнем, государь, во 145 году, декабря в 8 день, с Углича, с посаду Алексеевской поп Логин бил угличанина, посацкого человека Лукашка Буторина... Тот Лукашка бит гораздо, а пробита де у него Лукашка голова до мозга. А прежь, государь, того тот же Алексеевской поп Логин бил угличанина, тож посацкого человека Миколку Коптева, и иные, государь, углицкие градцкие попы угличан посацких и всяких жилецких людей бьют и насильства им и налоги чинят...“ — так жаловался в своей „отписке“ угличский воевода Федор Ловчиков царю Михаилу Федоровичу в 1636 году.

Нравственность духовенства в XVII веке была отнюдь не безупречна. Архиепископ Суздальский Иосиф, например, был отправлен на жительство в Сийский монастырь, как видно из грамоты 1634 года, за многие „непристойные дела“.

„Огнепальный“ протопоп Аввакум часто называет своих противников-никониан „сластолюбцами“ и „блудодеями“; он откровенно повествует о распутстве самого патриарха Никона, этого „носатого и брюхатого борзого кобеля“, а архиепископу Рязанскому Илариону Аввакум язвительно замечает: „А ты кто? Вспомни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площади, чтобы черницы-ворухи-униянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать“.

„Плотское похотение“ наряду с „безмерным упиванием“ были самыми распространенными пороками среди русского духовенства XVII века. Недаром же многим священникам, вдовым или не пришедшим в „целомудренную старость“, „соборно“ было запрещено принимать на исповедь женщин, „да не помышлением соблажняется, ибо дьявол со женами творит брань людям“.

Только теперь проясняется идейный замысел сатирической „Повести о Карпе Сутулове“. Буржуазные исследователи склонны были рассматривать эту повесть как „фривольную“ „любовно-анекдотическую новеллу“. На самом же деле ловкая проделка хитрой жены, разбогатевшей за счет обманутых ею незадачливых любовников, привлекает внимание русского писателя XVII века только отчасти и лишь в той мере, в какой ему удастся через этот любовный анекдот разоблачить и осмеять распутство, прикрытое хан-

жеством и лицемерием, высокопоставленных „сластолюбцев“, которые „во единых срачицах“ очутились в сундуках на воеводском дворе. И сам автор не думает скрывать своей радости и законного удовлетворения по поводу того, что „гость“, поп и архиепископ „быша от срамоты яко мертвы, посрамлени от мудры жены“.

В „Повести о Карпе Сутулове“ отразилось умственное брожение и стихийное возмущение народных масс, задавленных крепостническим строем. Только в эпоху ожесточенной классовой борьбы, какой была вторая половина XVII века, и могла возникнуть эта правдивая в своей житейской обыденности сатира, смело изобличающая „бесчинные“ нравы тогдашних „столпов общества“, богатейших купцов и влиятельнейших церковников.

Народность „Повести о Карпе Сутулове“ очевидна. Повесть по духу и складу своему сродни русскому народному творчеству; весь ее художественный строй определен русской антипоповской сказкой.

Хотя народ и называет свою сказку „складкой“, а не „былью“, тем не менее бытовая русская сказка правдиво рассказывает о житье-бытье русских людей. И сказочной „Повести о Карпе Сутулове“ свойственно стремление к правдоподобию, доподлинному в отдельных подробностях изображению русской действительности.

Автор повести немногими словами выразительно обрисовал домостроевский уклад купеческой жизни: дом за крепкими воротами, где „добрые жены“ на своей половине, вдали от мужчин, устраивают „частые пиры“; в услужении у богатой купеческой жены „рабыня“, человек холопского звания; единственным советчиком „доброй жены“ в отсутствие мужа мог быть только духовник или даже сам архиепископ; а над всеми в городе начальствует царский воевода. Так и было в действительности в русской жизни XVII века; даже фамилии героев — Сутулов и Бердов — не вымышлены автором, они известны по писцовым книгам и другим документам того времени.

Все герои повести жизненны и хорошо знакомы русской бытовой сказке, высмеивающей попов и купцов. Вот „гость велми богат и славен зело“ Карп Сутулов, о котором повесть многозначительно говорит, что он „ездит на куплю“ „в Литовскую землю“; видно, это крупный делец, ведущий большой иноземный торг в Речи Посполитой. Для оптовых закупок Сутулов расходует все свои наличные деньги, спокойно предоставляя „снабдевать“ во всем „жену свою едину“ „другу“ Бердову. Хоть и живет Карп Сутулов со своей женой „с великою любовью“, но барыши ему дороже всего

на свете. Потому-то Сутулов и не подумал обижаться на тех, кто пытался посягнуть на целомудрие его любимой супруги. Карп Сутулов только „велми возрадовался“, когда узнал, что жена „такую премудрость сотворила“.

„И в том же граде“ жил „друг“ Карпа Сутулова, Афанасий Бердов, тоже „гость“ „велми богат и славен“. Этот „любезнейший“ и „любимый“ „друг“ хоть и был, по словам повести, „верен зело во всем“, но „зря“ „велми прилежно“ „на красоту лица“ жены Карпа Сутулова, готов был без малейших угрызений совести обесчестить своего друга. Афанасий Бердов, богатый „гость“, который в страхе „скоро кинулся в сундук“, тоже бесчестен и распутен.

Но „гостей“ превзошли в „безчинии“ духовные особы: поп и архиепископ „согрешили“ по женолюбию своему более, чем даже „друг“ Афанасий Бердов, потому что разврат, прикрытый лицемерием и ханжеством, по мысли автора повести, особенно отвратителен. В XVII веке далеко не всякий священник мог принимать на исповедь и, следовательно, быть „духовным отцом“; тогда только немногие из попов „нарочито поставлялись“ епископами в „духовники“, и „отцом духовным“ богатой купеческой жены не мог быть какой-нибудь захудалый неприходский священник. Духовник Татьяны Сутуловой „нача с нею глаголати о прелюбезных словесах“, не оставляет своих „душеспасительных“ поучений и, желая подпугнуть свое непокорное „чадо духовное“, с редким бесстыдством спрашивает: „аще ли в коем греси Бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чем хочещи Бога умолити и милостива сотворити?“ Архиепископ, „велики святы“, ведет себя более непринужденно и сообразно со своим высоким саном заранее „разрешает“ красивую купеческую жену от всех грехов, потом по ее же совету „с радостию“ „возде на себя збором женскую рубаху“. Но в минуту опасности и степенный духовник и сановитый архиепископ, не ведая, „где... деватися срама ради и безчестия“, покорно лезут в сундуки, а потом униженно валяются в ногах у воеводы.

Хорош и воевода в „некоем граде“: этот блюститель благочиния, надзирающий даже за нравами „духовных пастырей“, шутя простил „неразумие“ „славных“ людей своего города, но не упустил случая взыскать с „посрамленных“ 3000 рублей, „а деньги с тою женою и разделиша пополам“.

А вот и „премудрая“ „града сего гостиная жена“, сам воевода „похвали ее целомудренны разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковые любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла, и ложа своего не осквернила“

Правда, „целомудренны разум“ бойкой купчихи очень мало похож на „смиренномудрие“ „добрых жен“ из церковных „учительных“ „слов“: у Татьяны Сутуловой, говоря словами пушкинской сказки, ум „догадлив, на всякие хитрости повадлив“; своим здравым и лукавым умом расторопная „гостиная жена“ без помощи мужа, самостоятельно управилась со своими незадачливыми поклонниками. Купеческая жена только немного „изумилася“ да „сумневашася“, когда услышала непристойные предложения своих именитых любовников; впрочем, она и не подумала оскорбиться, а сразу же постаралась извлечь выгоду даже из такого весьма сомнительного дела; видно, что Татьяна Сутулова любила „прибыток“ не меньше своего супруга, „славного гостя“.

Но в повести о Карпе Сутулове „нет и тени того „болезненно-изуверского“ „религиозного“ „женофобства“ „церковников“, о котором с негодованием писал М. Горький; и прежние исследователи, бесспорно, ошибались, когда без всяких оснований пытались сблизить эту народную сатиру с пресловутыми „словами“ о „злых женах“ церковно-учительной книжности. Автор повести в своем умном и здоровом взгляде на русскую женщину был верен благородным заветам народного творчества, и образ ловкой купеческой жены сродни русской народной сказке, осмеивающей плутни купцов.

Татьяна Сутулова, строго говоря, вовсе не праведница, и добродетель ее сомнительна; однако она не коварная „львица“ и не „повапленный аспид“ или „мост сатанин“ повестей о женской злобе. Недаром же в повести сказано, что Татьяна „прекрасна зело“; автор наделил ее красотой; приятностью в обхождении, остроумием и даже начитанностью: ведь Татьяна ради потехи умело поучает тех, кто с таким высокомерным презрением относился к „женской мудрости“, и благочестивые изречения в устах насмешливой купеческой жены звучат как издевка над духовными проповедниками. Это „веселое лукавство ума“, которое Пушкин называл „отличительной чертой в наших нравах“, этот жизнерадостный смех в „Повести о Карпе Сутулове“ рождается от забавного намеренного несоответствия между правдивым описанием русского быта XVII века и необычайными сказочными происшествиями, которые происходят в этом быту по воле автора повести. Как во всякой сказке, в „Повести о Карпе Сутулове“ необычайное, редкое в будничной жизни, почти несбыточное остается неизменным признаком сказочности всего содержания. Действительно трудно представить себе в жизни достопочтенного архиепи-

скопа в сундуке, да еще в „женской срачице“; сомнительно, чтобы и „гость“, и поп, и архиепископ могли покорно сидеть в сундуке под замком до тех пор, покуда их не освободили на воеводском дворе. Но автор повести стремится изобразить малоправдоподобное как возможное и даже существовавшее в действительности, он намекает на те жизненные условия, которые породили развращенность „лучших людей“, насыщает свой рассказ такими выразительными бытовыми подробностями, что читатель не сомневается в жизненности этой забавной народной сатиры.

Примечателен и язык сказочной „Повести о Карпе Сутулове“. Здесь доступная книжная речь с простыми прошедшими временами и звательным падежом чередуется с выразительным просторечием, вроде „ажно ко вратом гость“ и „ляг со мною на ночь“, особенно частым в прямой речи.

Текст „Повести о Карпе Сутулове“ перепечатывается с издания Ю. М. Соколова, Повесть о Карпе Сутулове, М., 1914, стр. 3—8.

1. *Гость* — старинный термин, обозначавший первоначально купца, торгующего за рубежом. В конце XVI в. „гостями“ стали называть немногочисленных богатейших купцов-откупщиков, которые занимали привилегированное положение в „купеческом чине“. Почетное звание „гостя“ жаловали таким богатейшим купцам за успешную службу по казенному поручению. „Гости“ имели исключительное право владеть вотчинами, „держати питье, и варити, и курити“. „Гостей“ никоим образом не следует смешивать с богатыми купцами, входившими в состав „гостиной и суконной сотен“. Число гостей было очень невелико: в 1649 г. их было всего 13.

2. *Воевода* — старинное слово, обозначавшее первоначально военного предводителя. В XVI в. правительство различает воевод „полковых“ и воевод „городовых“. В начале XVII в. наместники в городах повсеместно были заменены воеводами. Власть городских воевод определялась иногда величиной города. По свидетельству современника, города разделялись на большие, средние и меньшие. В больших городах воеводами были бояре и окольничие, которые посылались на воеводство из московского „Розряда“. Воеводами в средних городах были стольники, дворяне и дьяки. Наконец, в малых городах были дворяне и „дети боярские“. В последней четверти XVII в. в целях подавления народных волнений воеводы были облечены почти неограниченной гражданской властью на местах; воеводы наблюдали даже за поведением высшего духовенства. Появление воеводы в „Повести о Карпе Сутулове“ является важным свидетельством для датировки этой повести.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

„Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна“. Так оценил „Повесть о Фроле Скобееве“ И. С. Тургенев.

„Повесть о Фроле Скобееве“ — это умная, „лукавая“ сатира на нравы крепостников-землевладельцев, дворян и бояр конца XVII века. Живо и непринужденно, с непередаваемым веселым лукавством рассказывал неизвестный русский писатель XVII века о постыдных похождениях „дворянина небогатого“, изворотливого „ябедника“ и „ловкого плута“ Фрола Скобеева, который одурачил спесивого старого боярина Нардин-Нашокина. В этом простодушно-веселом повествовании о необыкновенной женитьбе Фрола Скобеева много горечи; в повести о бесстыдном лицемерии и наглом мошенничестве, бессовестном обмане и рабской хитрости больших и малых дельцов из дворянско-боярской среды за притворным равнодушием рассказчика скрывается подлинное отношение автора.

Однако „Повесть о Фроле Скобееве“ еще ждет своего исследователя. Ее идейный смысл и по сей день иногда кажется неясным. Изучая повесть в отрыве от живой русской действительности XVII века, некоторые исследователи некритически воспринимают высказывания буржуазных литературоведов прошлого, замалчивавших факты идейной борьбы в древнерусской литературе.

В „Повести о Фроле Скобееве“ живо и верно обрисовано начало слияния двух прослоек класса землевладельцев — дворян-помещиков и бояр-вотчинников — в единое в будущем дворянское сословие.

Если в XVI веке поместное землевладение вытесняло вотчинное и на вотчину распространялись повинности, лежав-

шие прежде только на поместье, то в XVII веке, наоборот, вотчина растет за счет поместья, и последнее приобретает черты вотчины.

После крестьянской войны и польско-шведской интервенции в начале века правительство всячески стремилось восстановить пострадавшее „служилое“ дворянское землевладение. Ради укрепления армии раздаются „служилым“ дворянам в вотчины „черные“ и дворцовые земли. Кроме обычного пожалования всего поместья или его части в вотчину служилому человеку, что было наградой за его службу, производятся крупные единовременные раздачи земель в вотчину всем тем, кто участвовал в освобождении русской земли от интервентов. За „Московское осадное сидение“ только в 1612—1613 годах было пожаловано в вотчины около 90 000 га дворцовой земли.

Позднее, в 1684 году, разрешено было поместья умершего дворянина, независимо от их величины, „справлять“ по наследству за сыновьями покойного. Так самое государство к концу XVII века перестало рассматривать поместье как условное земельное владение, которое обеспечивало некогда безотказное несение военной службы дворянином-помещиком.

Но дворянину кроме собственной земли нужны были еще и рабочие руки, потому-то так настойчиво в дворянских челобитных первой половины XVII века повторяется требование отменить „урочные лета“. Здесь опять сталкивались притязания дворянства и боярства, ибо сохранение „урочных лет“ было выгодно только боярству, которое переманивало крестьян с дворянских земель. Правительство выполнило и это требование дворянства: глава XI Уложения 1649 года повелевала „отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем, без урочных лет“. Теперь уже крупные вотчинники не могли более безнаказанно укрывать у себя беглых крестьян, и это была несомненная победа служилого дворянства.

К концу XVII века исчезла сколько-нибудь существенная разница между боярином-вотчинником и дворянином-помещиком; по крайней мере обе эти прослойки класса землевладельцев были уравнены в своих правах. Более того, старое родовитое боярство, поредевшее и захудавшее в XVII веке, вынуждено было потесниться перед новым дворянством.

Уже к началу XVII века многие „стародавние“ княжеские и боярские роды „без остатку миновались“. Из оставшихся в живых старых боярских родов многие так захудали, что уступили свое место в боярской думе или новому неро-

довитому боярству из числа царских приближенных, или думным дьякам.

На смену жалким остаткам „стародавних честных родов“ пришли разные „худородные“ дельцы из „самых худых людей, торговых мужиков и молодых детишек боярских“. В боярскую думу во второй половине XVII века пришло немало ловких дельцов — „промышленников“, как их называл А. Л. Ордин-Нащокин, вроде, например, сына дьяка, ставшего известным боярином, Артамона Матвеева, или Ф. Лихачова и Л. Лопухина из московских дворян, или Л. Голосова из угличских дворян.

Старое боярство тщетно пыталось спасти свое пошатнувшееся политическое положение и упорно цеплялось за старинное местничество. Местнические счеты сказывались еще в условном распределении служб — чаще всего в полках между боярами, как родственниками, так и „чужеродцами“, в зависимости от их родовитости. Но правительство постепенно отучало воевод от местничества, объявляя почти все походы „без мест“ в XVII веке и отстраняя споры местников „невместными грамотами“.

Наконец в 1682 году царь Федор Алексеевич по просьбе „выборных людей“ из дворян „соборным деянием“ окончательно отменил местничество, это „правду и мир терзающее неустроение“, от которого „в ратных и посольских и во всяких делах чинилась великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление“.

Чтобы „лучше и прочнее установить ратное управление и устроение в иных государственных делах“, велено было „отныне всем быть без мест“ „навечно“. Ради искоренения „местнических случаев“, от которых „бывали“ „многие несогласия и теснота“ и „многий упадок“ „ратным людям“, а в „государственных ратных и во всяких посольских делах чинились... великие пакости, нестроение и разрушение, на радость неприятелю“, местнические книги сожгли в печке в сенях государевой передней палаты.

С падением местничества боярство утратило свое последнее преимущество, и новое дворянство было окончательно уравнено в правах со старым, родовитым боярством.

Только теперь проясняется идейный замысел „Повести о Фроле Скобееве“: веселый рассказ о том, как породнился „худородный“ „дворянин небогатый“ из провинциальных дворян Новгородского уезда с богатым и знатным стольником, оказывается имеет и политический смысл, понятный современникам, русским людям XVII века.

Преуспеяние „небогатого“ дворянина, „ябедника“ и „плута“, который в Москве „ходатайствует за приказными

делами“, современникам казалось чем-то вполне естественным и даже заурядным: все знали, что именно из дьяков и подьячих по большей части выходила в люди новая знать. И если Фролу Скобееву так безнаказанно сошло с рук „бесчестье“ знатного боярина, то современники понимали, что удача „небогатого дворянина“ зависела не столько от его ловкости, сколько от благоприятных для него условий русской жизни, уравнившей в правах дворянство и боярство. И вынужденная уступчивость спесивого боярина Нардин-Нащокина в свою очередь была объяснена не только его родительским „соболезнованием“ о „зablудшей“ дочери, но и политическим бессилием одряхлевшего боярства. Старый Нардин-Нащокин внял миролюбивому совету Ловчикова и отказался от своего намерения жаловаться на Фрола Скобеева государю потому, что он уже мало верил в государственную защиту от „бесчестья“, хоть он и не забыл еще местные счеты. Знаменательнее всего конец повести: надменный боярин не только простил „вора“ и „плута“ дворянина, втершегося в зятя, но „справил“ за ним свою „синбирскую“ вотчину в триста дворов и даже „учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имении“.

Как видим, приказный делец из новгородских дворян, породнившись со стольником, сам стал крупным вотчинником и сравнивался со старым родовитым боярством. Новоявленного вотчинника-дворянина принимает как своего боярская среда; по крайней мере Фрол Скобеев „сестру свою родную отдал за некоторого стольничьева сына“. Так было и в жизни, в русской действительности XVII века, и русский писатель правдиво запечатлел бытовые черты нарождавшегося тогда дворянского сословия, крепостников-землевладельцев.

Он стремился убедить читателя, что все описанное в повести — „быль“, действительное происшествие, случившееся некогда на памяти писателя. Недаром автор намеренно избегает вымышленных имен: все без исключения герои повести носят фамилии исторических лиц, известных по документам XVII века. Фамилия Скобеева известна, например, из Бежецких актов, где помянуто семейство дворян Скобеевых в Бежецком уезде около 1614—1633 годов. В боярских книгах с 1677 года упоминается и фамилия благодетеля Фрола Скобеева, стольника Ловчикова, — это стольники Иван Богданов и Степан Богданов Ловчиковы. Примечательно, что и фамилия стольника Нардин-Нащокина в повести созвучна с распространенной в то время фамилией Ордин-Нащокиных: в 1676 году известны были три стольника из рода Ордин-Нащокиных.

Слова повести „тот столник Нардин-Нащокин весьма великой милости при царе находится“ звучат как явный намек на самого знаменитого представителя рода Ордин-Нащокиных — ближнего боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина, „царственные, большия печати и государственных великих и посольских дел обероветеля“, „государственного канцлера“, как его величали иностранцы; так думали по крайней мере некоторые исследователи. Но дряхлый и расслабленный стольник, доверчивый и покорный своей судьбе Нардин-Нащокин в повести уж очень мало похож на вдумчивого и находчивого „московского государственного человека“ XVII века А. Л. Ордин-Нащокина, передового политического деятеля своего времени. А. Л. Ордин-Нащокин был едва ли не первым „городовым“ дворянином, пробившимся в ряды спесивой боярской знати. В отличие от незадачливого старого стольника повести, которому дороже всего его родовитость, А. Л. Ордин-Нащокин был сыном скромного псковского помещика и принужден был искать у царя защиты своей „худородной“ особы от высокомерия „великородной“ боярской знати.

И все события, которые происходят в повести с этими „знакомыми“ героями, носящими исторические фамилии, тоже правдоподобны в своей житейской обыденности. Автор повести о Фроле Скобееве просто и непринужденно вводит читателя в домашний быт бояр и дворян XVII века, раскрывает их помыслы и переживания, передает их взгляд на вещи — и плутовской замысел Фрола Скобеева и его соучастников вырастает на глазах у читателя. Все „лица“ в повести жизненны, и потому все они, говоря словами И. С. Тургенева, действительно „превосходны“.

Вот „дворянин небогатый“ Фрол Скобеев, которого неизвестно почему некоторые исследователи представили „носителем нового мирозерцания“ и чуть ли не „человеком из народа“. Фрол Скобеев — завсегдатай Ивановской площади, где он ходит „поверенным“ за „приказными делами“, и его знают здесь „все стольники“. Последние с презрением отзываются о занятиях „плута“ и „ябедника“ Фрола Скобеева, хотя считают его, видимо, незаменимым „ходатаем“ по всяким „кляузным“ делам. Стольник Ловчиков, который был „весьма добр“ к Фролу Скобееву, даже побаивается своего поверенного в делах, зная его способности по части „ябеды“ и „кляуз“. Надо полагать, что „городовой“ дворянин Фрол Скобеев — или частный „стряпчий“, или „площадной подьячий“, который кормится случайными заработками и живет оттого „непостоянно“. Это мошенник по призванию и плут по убеждению. Он задумал разбогатеть во что бы то

ни стало и ради этого знакомится с приказчиком, подкупает мамку, соблазняет Аннушку, угрожает разоблачением Ловчикову и, наконец, вынуждает Нардин-Нащокина признать его зятем и наследником. У Фрола Скобеева есть здравый смысл и трезвый расчет, он обдумывает свои плутни наперед и умело пользуется слабыми сторонами своих противников.

Но тем не менее Фрол Скобеев мелкий, доморощенный плут: он более хитер, чем умен, и более нагл, чем отважен. Фрол Скобеев не нашелся, когда нужно было придумать, как похитить Аннушку, и наверно он долго оставался бы „в великом сумнении“, если бы сама Аннушка не предложила способ увезти ее в карете будто бы к тетке. Фрол Скобеев растерялся, когда услышал от Нардин-Нащокина, что ему „нет отпущения вины“; тогда, перепуганный, он „пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: „Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю!“ Своей удачей Фрол Скобеев во многом обязан добровольным и вынужденным пособникам: не будь продажной сводницы мамки, и Фрол Скобеев не смог бы овладеть Аннушкой, не будь замешанного в мошенничестве стольника Ловчикова, и Фрол Скобеев не смог бы так безнаказанно уладить дело с Нардин-Нащокиным.

Фролу Скобееву чужды та удаль и та истинно русская размашистость, которыми наделяют „разбойничков“ русские народные песни. У него все мелко, все его поведение лишь незамысловатая смесь наглости с раболепством, вся его „притчина“ — в удачливом соединении притворной холопской покорности, рабской хитрости и мошеннического обмана. Фролу Скобееву по плечу только самый простой вид житейских ухищрений: раболепной угодливостью он старается обмануть и обезоружить своих противников. И Фрол Скобеев, городской дворянин, валяется в ногах не только у родовитого боярина, но и у боярской „рабы“, у подкупленной им же самим сводницы мамки. Уже став зятем знатного боярина, Фрол Скобеев так же безропотно принимает все оскорбительные замечания, на которые не скупится его уязвленный тесть.

Сам Фрол Скобеев не верит „ни в сон, ни в чох“, что, разумеется, не мешает ему быть при случае ханжой и лицемером: завидев боярского слугу с образом, „которой обложен был золотом и драгим камением“, Фрол Скобеев благоговейно говорит „тому человеку“: „Таково то родительское благословение! И заочно намерены благословить, и Бог дал Аннушке лехче. Слава Богу, здрава“. И в этом елейном замечании уже слышится издевательская насмешка над до-

верчивым и простодушным старым боярином Нардин-Нащокиным. Когда же Фрол Скобеев был зван к столу своего знатного тестя, этот торжествующий плут уже не стесняется, хотя и здесь он, словно оправдываясь, еще соблюдает показное благочестие. В ответ на знакомый упрек спесивого боярина: „Тебе ли, плуту, владеть моей дочерью“, — Фрол Скобеев, прикрывая ханжеством самодовольство, нагло говорит: „Ну, государь батюшка, уже тому так Бог судил!“ Таков „российский дворянин“ конца XVII века, „низкопоклонник и делец“ Фрол Скобеев.

Не лучше Фролки и его молодая жена Аннушка, разве только характер у нее сильнее, чем у супруга. Она стремится создать свою семью с такою настойчивостью и смелостью, какие были редкостью среди русских женщин XVII века. Аннушка быстро привязалась к „мужественному человеку“ Фролу Скобееву, который сделал ей „пакость“, сама устроила собственный побег из родительского дома и добровольно стала соучастницей постыдного обмана своих родителей.

А вот и жертва обмана — дряхлый стольник Нардин-Нащокин. Он „летами древен“ и живет уже прошлым, только посрамленная боярская спесь и слезливое отчаяние наполняют все существо его. Легковерный и даже недалекий Нардин-Нащокин горько оплакивает свою „заблудшую“ дочь, и родительское чувство в конце концов берет у него верх над уязвленную гордостью надменного боярина, хотя к плутузятю старый стольник не может питать другого чувства, кроме снисходительного пренебрежения. Однако и в этом образе оскорбленного отца нет ничего трагического: отживший свой век Нардин-Нащокин только жалок и смешон, а его обветшавшая боярская спесь заслужила справедливую насмешку.

Как видим, в „Повести о Фроле Скобееве“ нет ни одного положительного героя, кроме самого автора. Неизвестный русский писатель XVII века не потакает и не потворствует своим сомнительным героям боярского и дворянского звания; на первый взгляд кажется, что автор только простодушно повествует, как они обманывают, унижают и посрамляют друг друга. Он редко высказывается сам, зато заставляет беззастенчиво действовать и откровенно говорить самих героев, обнажая их нравственное уродство. И здесь умный и насмешливый писатель обнаружил столько наблюдательности и проницательности, такое тонкое проникновение в затаенные человеческие помыслы и такое умение метко характеризовать двумя словами поступки своих героев, что созданная им „Повесть о Фроле Скобееве“ по праву должна

быть отмечена как выдающееся художественное произведение XVII века. Демократический характер сатиры „Повести о Фроле Скобееве“ не вызывает теперь никаких сомнений: эту насмешливую сатиру воодушевляет народная ненависть к крепостникам, ее художественное мастерство отличает реалистическая устремленность в описании быта и нравов XVII века.

Постыдные поступки мелкого плута Фрола Скобеева раскрывают сатирический замысел писателя. Не автор любит Фролом Скобеевым, а его друзья, которые „весьма Скобееву удивлялись, что он сделал такую притчину так смело“. Сам же автор повести прямо и недвусмысленно говорит о своем герое, что Скобеев „только великий ябиди“ „и не знает, как кого обмануть“. В „Повести о Фроле Скобееве“ порок не наказан и добродетель не восторжествовала. Автор, оставив Фролку благоденствовать, был только правдив и верен действительности. Он был живым свидетелем того, как в русской жизни конца XVII века дворянские дельцы, подобные Фролу Скобееву, совершали преступления, пробились в знать и оставались безнаказанными.

„История о Фроле Скобееве“, названная так в списках XVIII века, по своему художественному складу есть старорусская „повесть“ со всеми предметами „сказа“, который только зародился в конце XVII века. Автор „Повести о Фроле Скобееве“ умеет рассказывать так живо и непосредственно, с такой неподдельной веселостью, что кажется, будто перед нами запись изустного рассказа. В этой кажущейся безыскусственности простодушного изложения в манере „сказа“ и заключена та „трогательная наивность слога“ Фрола Скобеева, которой восторгался И. С. Тургенев.

Эта „сказовая“ манера проявилась больше всего в языке повести: здесь звучит непринужденное, несколько грубоватое, но красочное и выразительное разговорное „просторечие“, чаще всего в прямой речи, вроде: „Конечно, плут заморит Аннушку: чем ее кормить, и сам, как собака, голоден“. Иногда проскальзывают даже „модные словечки“ жаргона дворян и бояр XVII века вроде „персона“ или „банкет“. Нередко виден и бойкий слог приказного подьячего, привыкшего к деловому письму и чуждого „витийства“ книжной речи, особенно в обилии однообразных растянутых сложно-сочиненных предложений с соединительным союзом „и“.

Сатирическая „Повесть о Фроле Скобееве“ пережила свой XVII век, и в 1785—1786 годах под пером Ив. Новикова она превратилась в „Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным“, а в 1869 году

Дм. Аверкиев написал „Комедию о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей Нардын-Нащокина дочери Аннушке“.

Наконец известный советский композитор Т. Хренников написал оперу — „Фрол Скобеев“, которая была поставлена в 1950 году в московском Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Текст „Повести о Фроле Скобееве“ печатается по списку XVIII в., Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина, № 1617, 4°, лл. 62—74.

Погодинский список содержит старший, сравнительно с другими известными списками, текст повести, наиболее близкий к авторскому подлиннику. В нем, например, отсутствуют позднейшие вставки, имеющиеся в списках Титова, Тихонравова и Ундольского. Характерный словарь, беспредложное управление и некоторые другие языковые явления Погодинского списка решительно ведут исследователя в XVII в. См. М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. Научный бюллетень Ленинградского гос. университета, № 3, Л., 1945, стр. 33—34.

1. *Стольник* — стольник, старинный придворный чин, которым жаловали в XVII в. лиц родовитых боярских фамилий. Звание стольника по службе было выше стряпчего, но ниже думного дьяка. Стольники, или, как их прежде называли, чашники, прислуживали у царского стола во время торжественных приемов: они должны были „стола сказывать“, то есть приглашать гостей к столу, и „отпускать есть и пить“. Кроме почетной службы при дворе, стольники выполняли разнообразные поручения: воеводствовали в городах, командовали полками в звании полковника или сотенного головы, исполняли обязанности послов в иноземных государствах, производили следствие в важных „сыскных“ делах. Число стольников в царствование Алексея Михайловича доходило до 500.

2. *Для почиву* — для отдыха.

3. *Будет причина* — беда.

4. *...и стала ей говорить искусно...* — *Искусно* — испытующе.†

5. *...пришлю... корету и возникнов...* — *Возникнов* — упряжных лошадей.

6. *...знатно, что ты мне не изволишь верить.* — *Знатно* — очевидно.

7. *...живи уже постоянно...* — *Постоянно* — порядочно.

8. *...чтоб он был представелем ево беде.* — *Представелем* — заступником.

9. *...на Ивановской площади, против Ивана Великого.* — В Московском Кремле во второй половине XVII в. находились правительственные учреждения — московские приказы, и здесь сосредоточивалась судейская, дьяческая и подьяческая приказная служба. От зданий приказов на Ива-

новскую площадь спускались семь высоких каменных лестниц, возле которых и толпились многочисленные посетители московских приказов. Здесь же, „на площади, против Ивана Великого“ была Ивановская палатка, где сидели площадные подьячие. Ивановская площадь была главной нотариальной организацией в Московской Руси. Площадные подьячие, известные еще с середины XVI в., имели право по Уложению 1649 г. писать всякие крепости: „данные“, „закладные“, „заемные кабалы“, „служилые кабалы“, „отписи в возврате беглых крестьян“, „вотчинные“ и „дворовые“ „купчие“ и иные всякие крепости в больших делах, то есть на сумму свыше 10 рублей. Кроме того, площадные подьячие „довершали“ неоконченные акты, производили экспертизу документов и вели дела своих челобитчиков. Иногда площадные подьячие выполняли и другие поручения: работали писцами в приказах, брали на поруки, вели допросы и даже ловили разбойников. Ивановские площадные подьячие, число которых в конце XVII в. достигало 40, имели свою организацию наподобие артели с одним или двумя старостами во главе. Староста подчинялся приказу Казенного двора и обязан был „чинить во всем по указу ж великих государей и по памятям“ и „смотреть над площадными подьячими, чтоб кто воровски не учинил каких подставных заочных крепостей“. Площадные подьячие никакого определенного „государева жалования“ не получали и довольствовались тем, что брали „писчее“ или „могарыч“ со своих клиентов. И тем не менее „площадное письмо“ в те времена было выгодным занятием, недаром разные „оскудалые“ „тяглые“ и „служилые“ люди в своих „челобитных“ просят на „площадь“, чтобы „кормиться пером“. Несмотря на то, что в площадные подьячие имели право поступать только дети подьячих, среди этих площадных писчиков и „писчих подьячишек“ находим пушкарей, стрельцов и даже крестьян, которые „кормились перишком“. Не брезговали „площадным письмом“ и бедные дворяне, хотя звание площадного подьячего было ниже, чем чин приказного подьячего. В Холопьем приказе, например, в 1695 г. сидел окольный Федор Зыков, который некогда „сидел в разрядных сенях“ и выбился в окольные из площадных подьячих. И дворянин Фрол Скобеев повести тоже, видимо, не гнушался „площадным письмом“, хоть и не был членом артели Ивановских площадных подьячих.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
--------------------------	---

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

Тексты

Новая повесть о преславном Российском царстве	9
Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского	29
Повесть об Улиании Осорьинной	39
Повесть о Марфе и Марии	48
Повесть об Азовском осадном сидении	54
Повесть о начале царствующего града Москвы	74
Повесть о Савве Грудцыне	82
Повесть о Горе-Злочастии	103
Повесть о Тверском Отроче монастыре	116
Повесть о купце	126
Повесть о Ерше Ершовиче	136
Повесть о Шемякином суде	140
Калязинская челобитная	143
Повесть о Карпе Сутулове	148
Повесть о Фроле Скобееве	155

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

Переводы

Новая повесть о преславном Российском царстве	169
Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского	190
Повесть об Улиании Осорьинной	200
Повесть о Марфе и Марии	209

Повесть об Азовском осадном сидении	215
Повесть о начале царствующего града Москвы	235
Повесть о Савве Грудцыне	243
Повесть о Тверском Отроче монастыре	264
Повесть о купце	274
Повесть о Ерше Ершовиче	285
Повесть о Шемякином суде	289
Калязинская челобитная	292
Повесть о Карпе Сутулове	297
Послесловие	307
Статьи и примечания	329

*Переплет, титульные листы,
заставки и инициалы
Н. В. Ильина*

*Редактор Р. С. Софронова
Художественный редактор*

А. М. Гайденов

Технический редактор

Л. А. Чалова

Корректор Э. С. Урицкая

Подписано к печ. 25.XI.1953 г.
М-53009. Тираж 30000 экз. Бум.
60×94^{1/16}=15 бум. л.—30 печ. л.
Учетно-изд. л. 26,18. Зак. № 428.
Цена 8 р. 55 к.

21-я типография имени Ивана
Федорова Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культу-
туры СССР, Ленинград, Зве-
нигородская, 11

